

ЗИНОВИЙ САГАЛОВ

Театр Икс

ДРАМЫ. КОМЕДИИ.

ТРАГИФАРСЫ

ЗИНОВИЙ САГАЛОВ

**ТЕАТР
ИКС**

**Драмы.
Комедии.
Трагифарсы**

**ImWerdenVerlag
Мюнхен
2015**

УДК 821.161.2 + 821.161.1
ББК 84 (4ГЕР=РУС)
С 12

Сагалов З. В.

Театр Икс: Драмы. Комедии. Трагифарсы. –
München. ImWerdenVerlag, 2015. – 400 с.

«ТЕАТР ИКС» – так назвал автор сборник избранных драматических произведений, созданных в течение полувека литературной деятельности.

Почему «ИКС»? По мнению автора, драматургия – особый род литературы, который обретает полнокровную выразительность лишь при реализации ее в сценических условиях.

В сборнике представлены как пьесы биографического характера – о Марке Шагале, Петре Чайковском, Соломоне Михоэлсе, Айседоре Дункан, Саре Бернар и других выдающихся личностях, – так и произведения, откликающиеся на актуальные события современности.

Большинство предлагаемых читателю пьес поставлено театрами России, Украины, Белоруссии, Германии и Израиля.

ББК 84 (4ГЕР=РУС)

© Сагалов З. В. (текст), 2014

© Тафель З. М. (дизайн обложки), 2014

ТАМ, В АУГСБУРГЕ...
(О драматургии Зиновия Сагалова)

ОСТАЛИСЬ ЛИ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЛЮБЯТ ЧИТАТЬ
ПЬЕСЫ?

Ну, просто быть не может, чтоб таких совсем не осталось! Я, например – я остался. Драматургия для меня один из самых увлекательных жанров. Слева написано имя (кто говорит), правее – что говорит. Потом с новой строки другое имя, и – что он (она) отвечает. Всё! Человеческий разговор. Диалог. Потом вступают другие имена, слова, а за ними, за словами, – чувства, мысли, проколы подсознания, страсти..., судьбы.... У читателя начинает работать воображение, возникают лица, жесты персонажей, их манера говорить. Короче, я с детства любил читать пьесы. Позже, когда я стал профессионалом театра, вставали вопросы – хотел бы я поставить эту пьесу, сыграть эту роль? Но постепенно я объелся чтением пьес.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, СКОЛЬКО ПЬЕС НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПИШЕТСЯ В ГОД?

Примерно 500! Трижды я участвовал в жюри по драматургии, и каждый раз на нас сваливалась эта невероятная цифра – около пятисот. Что это было? На 95 % – шлак, пустая порода. Были имена, слова, но за ними не было ничего – ни драмы, ни комедии, ни слезы, ни ужаса. Драматургия жанр особой сложности. Прямо со страницы текста должна возникать живая картинка, кинолента, или, как говорит Михаил Булгаков, «волшебная коробочка» сцены, где сталкиваются люди по воле судьбы, или по своей воле. Люди! Герои пьесы! Но никак не куклы, которым автор впихивает в рот собственные недодуманные мысли и не пережитые чувства. Драматургом надо родиться. Надо любить театр, надо жить театром. Надо внутри себя, явно, или тайно, самому быть артистом и режиссёром. И ещё – надо быть талантливым литератором. Вот так-то!

ЗИНОВИЙ САГАЛОВ РОДИЛСЯ ДРАМАТУРГОМ!

Когда в руках у меня впервые оказалась пьеса незнакомого тогда автора, после прочтения десятка страниц, я сразу набрал номер телефона, обозначенный на последнем листе рукописи, и сказал: – Да! Нравится! Это надо ставить! Такого со мной не случилось никогда. Это была пьеса «Полёты с ангелом, или Седьмая свеча» – ШАГАЛ. Нет, не громкое имя героя меня завлекло (мало ли пишут пьес о великих людях!), и даже не смелость автора, пишущего свободным стихом, шекспировского размера (хотя стихи мне понравились), я доверился течению действительно СОБСТВЕННЫХ мыслей персонажей, поверил, что они действительно ЖИВУТ в «волшебной коробочке» театра. Уже живу! Независимо от того поставлю я этот спектакль, или не поставлю, даст мне Судьба сыграть Шагала и его прозрение в последнюю минуту жизни, или звёзды не сойдутся. Событие случилось – я узнал Драматурга!

Я РАНЬШЕ НЕ ЗНАЛ ЭТОГО ИМЕНИ?

Может быть, автор новичок в профессии? Или совсем молодой? Интернет подсказал неожиданное (сам я Интернетом не пользуюсь, но коллеги нашли): Сагалов – бывший харьковчанин, человек почтенного возраста, весьма известный в Украине, пьесы его многократно ставились в разных городах страны и издавались. Почему же имя не на слуху? Да знаете, на Руси (в широком смысле слова, и в царской Империи, и в Советском Союзе) нередко так бывает. Человек может успешно трудиться и достигать определённых вершин, но если не вписался в жёсткую иерархию, если указательный палец Власти не ткнул в его грудь, то он как бы есть, а как бы его вовсе и нет. Вспомните рассказ А. П. Чехова «Пассажир первого класса». Там выдающийся инженер, строитель мостов, и его попутчик, почтенный университетский профессор, вдруг обнаруживают, что они не только толпе неизвестны, но и друг о друге понятия не имеют. А Зиновий Сагалов, пишущий в Украине по-русски, вдобавок ещё имеет несомненное тяготение к еврейской теме и к еврейским судьбам. Надо ли что-нибудь добавлять к сказанному? Не то чтобы добавлять, а развить тему, пожалуй, следует.

В полюбившейся мне пьесе о Шагале, «мастер из Витебска», как по началу его называли, всю свою долгую и плодотворную жизнь чувствует себя пронизанным своими местечковыми иудейскими корнями, он растёт из них. Он не может и не хочет от них оторваться. Но он РАСТЁТ! Его творчество и его личность вырастают во всемирное явление. Он часть России своими мощны-

ми иллюстрациями к «Мёртвым душам» Гоголя, часть Европы росписями самых выдающихся зданий и христианских храмов, и прежде всего, конечно, часть Франции, признавшей его своим, – Франции, где он жил, творил и где он похоронен.

В пьесе Зиновия Сагалова я увидел этот взлёт личности, вырастающей во всемирность.

Мне захотелось увидеть автора, поговорить с ним, послушать его.

А АВТОР-ТО ОКАЗАЛСЯ ЭМИГРАНТОМ!

Что ж, теперь границы преодолимы. И я отправился в Германию, в Баварию, в сильно древний город Аугсбург. Мы познакомились с Зиновием Владимировичем и его женой Фрау Ритой (так она просила себя называть) в их квартире на тихой улице в той части города, где многие новые граждане Германии, общаются на русском языке. Фрау Рита была по-русски гостеприимна и кулинаркой оказалась превосходной. Напиток нашего общения тоже был по большей части родной – водка. Говорилось с Зиновием Владимировичем легко. Он маленько старше меня, но, в общем-то, мы люди одного поколения, и многое способны понимать с полуслова.

ТАМ, В АУГСБУРГЕ, А ПОТОМ В МОСКВЕ Я ПРОЧЁЛ ПОДРЯД НЕСКОЛЬКО КНИГ ЗИНОВИЯ САГАЛОВА.

Большей частью это были пьесы. Моё первое впечатление о мастерстве этого драматурга подтвердилось. Чтение было увлекательным. Многое из того, что я прочёл тогда, вошло в этот том избранного, который Вы, уважаемый читатель, держите в руках.

Самой яркой фигурой из тех, что вывел Сагалов в своих драмах, стал для меня Соломон Михоэлс. Говорю не только о пьесе, но и о захватывающей прозе «Дело ДЖОЙНТ». Сочетание страшных документов и захватывающе убедительных реконструкций событий. Это тоже театр – трагический, ужасный и абсолютно реальный. Не пересказ разговоров, а сами разговоры, как будто автор был их свидетелем. Перед нами встают во плоти Михоэлс в своём последнем прощании с любимой Графиней, Лесь Курбас накануне ухода во тьму небытия, Лозовский и Щербаков – участники и жертвы трагедии. Берия и Сталин – инициаторы и дирижёры одной из грандиозных провокаций, приведших к множеству убийств. Выпукло мелькнули в воспоминаниях Перец Маркиш и Марк Шагал. Нарисовалась жуткая и достоверная картина начала государственного антисемитизма в Советском Союзе.

Не биографии выдающихся людей, а моменты переломов в их жизни, или их отражения, тени в других персонажах – П. И. Чай-

ковский, упомянутый уже Курбас, Сара Бернар, Элеонора Дузе, И. Е. Репин, Франц Кафка... Разумеется, есть и пьесы, где отражена современность и где действуют сочинённые автором фигуры.

ТАМ, В АУГСБУРГЕ в скромной квартире приличного «социального жилья», вдали от Родины, продолжает трудиться и творить замечательный русский драматург Зиновий Сагалов. В эмиграции он совсем не похож на «чужого среди чужих». Ему повезло – он всё захватил с собой. А это «ВСЁ» – любовь к театру, талант театрального автора, ну ещё, добавим, – перо, бумагу и даже компьютер. Чего ещё желать!?

Я благодарен ему за наше радостное для меня знакомство. Я с удовольствием представляю Вам, уважаемый читатель, его труды. Они собраны автором в трех книгах, из которых первая называется «ТЕАТР ИКС». И это понятно. Написанная драматургом пьеса – «вещь в себе». Она становится явлением, когда театр воссоздает во плоти то, что придумал автор.

Зиновию Сагалову не хватает русской сцены. Хочу пожелать ему, чтобы «Театр X» стал для его драматических сочинений просто ТЕАТРОМ.

РАШЕН РАНЧО «НИАГАРА»

Фантасмагория в 2-х действиях

«Уходя из театра, человек должен ощущать,
что он проснулся после какого-то странного сна».

Ст. Виткевич

Действующие лица

ВИЛАНА

КОТ

ВОВЧИК

ТЯТЯ

ДЖЕННИФЕР

ТОМ

ДЖЕРРИ

РЭМБО

БАБА ФЕНЯ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Деревенский двор. Справа – деревянный дом с крыльцом и небольшой застекленной верандой. Слева – флигель. Центральную часть сцены занимает навес, под ним – небольшой самодельный стол из струганых досок, лавка, старое продавленное кресло, гамак. Повсюду разбросаны пустые ящики, ржавый железный хлам, покрышки. Вроде бы самое заурядное подворье. Но какое-то ощущение необычности, даже нереальности, некоторой «сдвинутости» должно возникнуть у зрителя. Может быть, тому причиной зловещее чернолесье, обступившее двор, или неясные звуки – не то вскрики, не то всхлипы, время от времени врывающиеся в тишину. Непокойно, тревожно...

Картина первая

Под навесом, за столом, сидит мужчина лет тридцати в поношенной камуфляжной форме – В о в ч и к . Чистит шомполом охотничью двустволку, что-то мурлычет себе под нос. На столе перед ним початая поллитровка, несколько стаканов, банка консервов. В кресле, накинув на плечи телогрейку, с книгой в руках, сидит В и л а н а .
Время от времени В о в ч и к поглядывает на нее.

В О В Ч И К. Сегодня восемь трупов сделал. *(Вскидывает на миз ружье, прицеливается и снова продолжает с ним возиться).*

В И Л А Н А *(опускает книгу на колени)*. Еще неделя от сентября осталась, а холодрыга какая, бр-р-р! *(Зябко кутается в телогрейку)*. Особенно ночью.

В О В Ч И К. Не запирайся на крючок, киска. Согреем. *(Смеется)*. Восемь трупов, восемь трупов...

В И Л А Н А. По утрам у земли щеки седые. Из-мо-розь! Противнучее слово, колючее. Измороженное... Там сентябрь и здесь, Вовчик. Ну ничего похожего. Персики горы, виноград, инжир...

В О В Ч И К. Восемь трупов, восемь трупов... А девятого смазал. Ушел девятый. С пулей в жопе, падло, но ушел.

В И Л А Н А. Янус! То Янус был!

В О В Ч И К. Тю-тю-тю!.. Януса б я не узнал, с двумя-то рожамми! Скажешь такое!

В И Л А Н А. В октябре пароход последний придет, «Иртыш».

В О В Ч И К. И что?

В И Л А Н А. Сделаю вам платочком.

В О В Ч И К. Не жаль?

В И Л А Н А. Уеду, Вовчик. Со слезой, но уеду.

В О В Ч И К. Я этих тварей всех изведу, только б пороху хватило. За Гошку.

В И Л А Н А. За Гошеньку... Только ни к чему теперь все это. Опять, Вовчик, сон был, будто домой вернулась.

В О В Ч И К. Видишь? Лимонку на Януса заготовил. Рраз – и в ключья. Не уезжай, Виланка. Слышишь?

В И Л А Н А. Будто еду с вокзала по улицам знакомым – школа, больница мамина. Сон светлый такой. Глаза от солнца слепые. А я радуюсь дико – соскучилась. Разве здесь солнце, Вовчик? Как через пленку, тусклятина... А там! Еду и плачу от радости. По нашей улице арык бежит. Фонтан на площади, музыка. Звоню – глазок в дверях засветился. И мама, мамулька двери открывает.

В О В Ч И К. Покойники к дождю.

В И Л А Н А. Бросаюсь к ней: «Мамочка!» – «Вилана, детка! Вернулась, наконец!» Вхожу... А в комнате пусто, стены голые. Ни стола, ни стула. «Мама, где все делось? Где?» А я, говорит, все на дыни поменяла. На дыни? Ага – и мебель, и ковры. Ты ведь любишь дыньки-арбакешки? Гляди, сколько их – все тебе. И заводит меня в спальню. А там, под самый потолок, гора оранжевая. «Ешь, ешь!» Беру, значит, я одну арбакешку – снизу, конечно. И тут вся гора вдруг – бабах! – и на меня! Мама, кричу, мамочка! А ее нет. Прибегает соседка наша, Зульфия. А я уже по горло в этих дынях. И они все падают, падают, раскалываются на половинки, на кусочки... Зульфия мне руки протягивает – хохочет, смешно ей. А я выбраться не могу. И тут, гляжу, не дыни это вовсе, не арбакешки...

В О В Ч И К. А что?

В И Л А Н А. Головы человеческие.

В О В Ч И К. Ну ты гонишь!

В И Л А Н А. На куски расколотые. Где глаз на них, где рот, где ухо. Как тогда, Вовчик, понимаешь? Когда щеки на асфальте лежали. Как тогда...

В и л а н у душат рыдания, она убегает в дом.

В о в ч и к провожает ее настороженно долгим взглядом.

Потом обтирает руки концами, наливает полстакана водки, выпивает.

Сидит в задумчивости.

Во дворе появляется Т я т я . Сбросил с плеч тяжелый мешок, с трудом переводит дыхание – запыхался. На вид ему лет сорок – слабогрудый, бледный, худой. Снял берет, вытер платком лысину. Подошел к столу, ткнул пальцем в ружье.

Т Я Т Я. Заряжено?

В О В Ч И К. А что?

Т Я Т Я. Типчик там какой-то.

В О В Ч И К. Ты что, Тятя? Какой типчик? Здесь?

Т Я Т Я. В Черной балке. Костерок палит.

В О В Ч И К. Бомжик. Или чокнутый. Нормальному-то что здесь делать?

Т Я Т Я. Меня как увидел, руками стал махать.

В О В Ч И К. Подошел бы, потолковал. Я, мол, бывший Та-тищев Тимофей Ильич, живописных дел профессор. Нынче на длительном отдыхе. Собиратель ягод и короед. (*Хохочет*). За один кусочек мяса расскажу вам про Пикассо.

Т Я Т Я. Дайте досказать, Вовчик.

В О В Ч И К. А за водочку и сало про Гогена и Шагала.

Т Я Т Я. Ну вас к черту! (*Поворачивается, хочет уйти*).

В О В Ч И К. Кайф, когда ты материсься, Тятя... Ну, ну, слушаю. Чеши, давай.

Т Я Т Я. Так вот... За мной он пошел.

В О В Ч И К. Сюда, что ли?

Т я т я кивает.

(*Заряжает ружье*). Ладно, свободен. Дальше мои проблемы.

Т Я Т Я. Только помягче, Вовчик. Главное, Вилану не напугайте. Как она сегодня?

В О В Ч И К. Нормально. С книжечкой сидела тут сестричка твоя. Гошку вспоминала, маму. Весной, говорит, уеду. И Тятю здесь брошу. На фиг он мне нужен? Найду, говорит, себе на Большой земле другого братушку. Оденет меня как царицу Савскую. А что Тятя? От него толку, как от козла песен.

Т Я Т Я. Какая вы удивительная сволочь, Вовчик!

В О В Ч И К. Круто материсься, Тятя. А ты ей брат? Чего молчишь?

Т Я Т Я. В душу не лезьте.

В О В Ч И К. В натуре – брат? Или так – на понтах? Хухры-мухры?

Т Я Т Я. Вы же знаете. Мы с ней брат и сестра. Двоюродные.

В О В Ч И К. Так вдолби ей в голову, брат двоюродный, куда ехать ей. Где ее дом, Тятя? Нет крыши кроме этой. Мы-то с тобой знаем. Оформлю дом в сельсовете – живите, кто против.

Т я т я снимает сапоги и в носках входит в избу. В о в ч и к плеснул в стакан водки – приготовился выпить. Внезапно остановился – видимо,

что-то услышал. Отступил в сторону, держит ружье наготове.
Появляется К о т . Красив, длинноволос, лицо обрамлено каштановой
бородкой. Одет небрежно, но в этом есть своя эlegantность.
«Фирмовая», какого-то особого покроя курточка, высоко зашнурованные
ботинки, черная шляпа с широкими полями.
Через плечо переброшен ремень дорожной сумки.
К о т делает несколько шагов, осматривается. Взял в руки стакан с водкой,
понюхал. Поглядел вокруг, как бы ища того, кто налил.
В о в ч и к неотступно следит из своего укрытия за каждым его движением.

К О Т. Ау, люди! Хэллоу! Бонжур! Ку-мачар-рапурра! Леди и
джентельмены! Бабы и мужички! Да где же вы? Эй! Аборигены и
аборигеночки! Кто не допил, кто не закусил? Эй!

Молчание.

*(Еще раз понюхал водку, скривился, поставил стакан на место.
Подшел к дому, провел ладонью по бревнам).* А теремок – сказка.
(Стучит в двери). Ау! Где мышка-норушка? Где лягушка-квакуш-
ка?

Пробует открыть дверь, но кто-то держит ее изнутри. Рванул
на себя – раз, другой, пока, держась за ручку, на крыльцо не вылетел
перепуганный Т я т я .
Некоторое время оба внимательно смотрят друг на друга. В о в ч и к , все
еще оставаясь невидимым, берет незнакомца на мушку.
К о т приветливо улыбается.

Вот вы, значит, какой...
Т Я Т Я *(настороженно)*. Какой – такой? Что вы хотите этим
сказать?
К О Т *(любуясь им)*. Лицо одухотворенное, интеллигент с са-
мой большой буквы.
Т Я Т Я. Я?
К О Т. Вы, вы, Тимофей Ильич. Таким я вас и представлял.

Т я т я и В о в ч и к переглядываются.

Т Я Т Я. Погодите... Откуда вы меня знаете?
К О Т. Да кто же вас не знает? Доктор искусствоведения, миро-
вая величина – без дураков. Рад с вами познакомиться, Тимофей
Ильич. *(Протягивает руку)*. Константин. Для друзей просто Кот.
Т Я Т Я. Татищев.

Рукопожатие.

К О Т. Славно у вас тут. А где же народ? Колонисты где?

Или артельщики, как вас называют? Где Владимир? Ну, Вовчик? Где он?

В о в ч и к крикает, делает Т я т е знак отойти в сторону, прицеливается.
Но К о т снова приближается к Т я т е .
В о в ч и к опускает ружье.

А Няля с Игорем где? Гоша? Вилана?
Т Я Т Я. Удивительная осведомленность! (*Визгливо*). Откуда вам про все известно? Кто вы?

К о т смеется. В этот момент с диким спецназовским криком
выскакивает В о в ч и к .

В О В Ч И К. К стенке! Руки за голову!

К о т оторопел. Поднял руки.

К О Т. Мужики! Вы что, охренели?
В О В Ч И К. Заткнись! (*Тяте*). Шмонай его, живо!

Т я т я ощупывает карманы К о т а .

К О Т. Вот тебе интеллигент, ай-яй-яй.
Т Я Т Я. Извините за беспокойство.
К О Т. А еще придуривался искусствоведом! Ай, щекотно!
В О В Ч И К. Стоять! (*Тяте*). Сумку!

Т я т я роется в вещах.

К О Т. Там, в шмутках, бомбочка завалялась. Извините, если что.

Т я т я инстинктивно отдергивает руки. К о т смеется.

В О В Ч И К. Ну?

Т Я Т Я. Футболка, сигареты, атлас мира, трубка телефонная... (*Расстегивает молнию на боковом кармане, вынимает книгу. Внезапно лицо его озаряется радостью*). Вовчик! Смотрите! Боже мой, это... это же моя книга! «Сальвадор Дали. Творчество и судьба.» Это же я написал, смотрите: Татищев Т. И. А вы мне не верили! Эх! Белые-красные, фашисты-коммунисты... А это нетленка! Рукописи не горят! Книжечка моя родненькая!

К О Т. Знал бы ваш Сальвадор, что вы в свободное от работы время карманы выворачиваете. (*Вовчику*). Слушай, шеф, руки сомлели. Может хватит, поимей совесть.

В О В Ч И К. Опустит, ладно.

К о т опускает руки.

Т Я Т Я (*увлеченно листает книгу*). Я из дома в исподнем выскочил. Кругом горело, танки все дворы заперли... Всю библиотеку джигитам оставил, три тысячи томов. И эту... Подарите мне ее, Кот, прошу вас. Зачем вам она? А мне... для меня... Осколочек той жизни. Больше ведь ничего не осталось.

К О Т. Я и вез ее вам.

В О В Ч И К. Для этого сюда приперся?

К О Т. Затылком отвечать?

В О В Ч И К. Повернись.

К о т поворачивается лицом к В о в ч и к у .

Откуда про нас знаешь?

К О Т. ЦРУ наболтало.

В О В Ч И К (*вскидывает ружье*). Это, сука, твоя последняя хохма!

Т Я Т Я (*бросается к нему*). Вовчик, Вовчик! (*Коту*). А вы тоже! У всех нервы, не надо!

В О В Ч И К. Кто стукнул про нас?

К О Т. Хозяюшка сей симпатичной избушки.

Т Я Т Я. Бабушка Феня?

К О Т. Состоял в переписке с нею.

Т Я Т Я. Правда? Редкостная женщина, царствие ей небесное. Пропали бы мы все, если б не она. Направила свой адресок в Комитет по беженцам. Так, мол, и так, присылайте на поселение ко мне. Райских кущей не обещаю, но крышу людям дам. Вот и собрались мы тут – кто откуда. Мы с Виланкой из Средней Азии. Вовчик... Он тоже беженец... Откуда вы, Вовчик? Я даже толком не знаю...

В О В Ч И К (*нехотя, после паузы*). Ну с Кавказа, а что?

Т Я Т Я. Неля и Игорь тут жили. Из Прибалтики. Ну, тем все не так. Уехали сразу, не понравилось. После Таллинна, конечно, что здесь хорошего? Могила... А мы вот привыкли, живем...

В О В Ч И К. Орешки кедровые жуем.

К О Т. Зверья тут навалом. С голоду не помрешь. Кто-то кабанов настрелял в лесу да так и бросил – воронам.

В О В Ч И К. Моя работа.

Т Я Т Я. То не кабаны – зайцы такие.

К О Т. С клыками? (*Смеется*). Вы что, ребята?

Т Я Т Я. Перерожденцы они, мутанты. Там, за рекой, зона. Ну, могильник ядерный. Немцы отходы везут, япошки, австрий-

цы. «Страна Плутония» мы ее зовем. Зверье это там плодится и – сюда. Война у нас не на жизнь, а на смерть. Кто кого. Месяц назад Гошу нашего в лесу задрали. Да, да...

К О Т. Зайцы?

В О В Ч И К. Кабаны! Какие они зайцы! Только длинноухие, паскуды. Шорох каждый чувствуют.

Т Я Т Я. Янус их сюда водит. Две морды у него, лютый зверюга.

На крыльцо выходит В и л а н а . К о т и она долго смотрят друг на друга.
Тихо вступила музыка.

(Вилане). Новенький вот.

В И Л А Н А. Тоже – беженец?

К О Т. В некотором роде.

Т Я Т Я. С бабой Феней переписку имел, как мы.

В И Л А Н А. Жить будете?

К О Т. Поживу, погляжу, если не против.

Т Я Т Я. А чего же? Мы «за». Правда, Вовчик?

В О В Ч И К. Определимся. (*Кладет ружье, подходит к столу*).
Сперва знакомство отметить. Прошу.

Мужчины садятся за стол. В и л а н а выносит из избы пару блюд со
снедью. В о в ч и к разливает водку.

Т Я Т Я. За вновь прибывшего. За встречу.

Пьют, закусывают.

К О Т. Пирожки клевые. С мутантами, небось?

Т Я Т Я (*поперхнулся*). Фу-фу! Скажете, ей-богу! Нам продукты теплоходом возят. Два раза в год. Тут в лесу десяток дворов осталось от прежней жизни.

В О В Ч И К (*поглядев в стакан Кота*). Кому оставил? Пей. Житуха такая, что ниже сорока градусов опускаться нельзя. (*Хохочет*).

К о т допивает.

К О Т. Пахать-сеять не пробовали?

Т Я Т Я. В первый год как приехали, посадили. И картошку, и огурчики. Все извели, твари. Пожрали, потоптали...

В о в ч и к разливает по второй.

Бабушке нашей поставь, Аграфене. И пирожок положи.

В И Л А Н А (*отрешенно*). На нашем краешке земли, на том ку-

сочке, величиной с бутылочный осколок, так скользко, так легко упасть, так хочется подняться...

К о т удивленно смотрит на В о в ч и к а и Т я т ю .

Т Я Т Я (*наклонившись к Коту, шепотом*). Стихами, вот, иногда, видите... (*Поднимает стакан*). За благодетельницу нашу, за бабушку Феню. Ей благодаря живы мы сегодня. Святая душа, земля ей пухом.

В О В Ч И К. Не цокаемся. Царство небесное.

Пьют, закусывают.

Т Я Т Я. Тут раньше жизнь колесом ходила. Она нам рассказывала, бабушка Феня. Поселок большущий стоял.

В О В Ч И К. Старатели жили. Золотишко в реке намывали. Два кабака было, на тысячи гуляли!

Т Я Т Я. Ну и вообще... Электричество. Телек. А как на Большой земле? Работают еще телеки? Точно? И поезда ходят? И самолеты в небе? А у нас тут даже провода срезали – на цветной металл, говорят.

В и л а н а отходит в глубину сцены.
Молча стоит там спиной к столу.

В О В Ч И К (*Коту*). Пойдем – комнату покажу. Гошка там жил. Теперь твоя будет. Теплая.

Заходит в избу. К о т за ним. Т я т я подходит к В и л а н е .

Т Я Т Я. Простудишься, гляди...

В и л а н а молчит.

Славный паренек. Тебе он нравится, да? Книжечку, видишь, мою привез. Последнюю, про Сальвадора. (*Тихо*). Вилана, я тебя не отпускаю. Не думай даже. Ехать – так вместе... Я смалодушничал тогда, понимаешь. Бежал от пушек, от танков, лишь бы спасти жизнь. Тогда казалось – мир погибает, последние конвульсии. Но жизнь идет. Другая, дурная, может быть. Но где-то далеко танцуют люди, пьют шампанское, смотрят телек. У меня много друзей, Вилана. Мне дадут кафедру, увидишь. Доктора наук на дороге не валяются. Ты веришь в меня, веришь?

В и л а н а отходит от него.

Помнишь, что Ира сказала. Моя жenuленька, твоя сестричка, перед смертью. «Вилана, не оставляй Тиму – он пропадет, он большой ребенок». Пусть мы не муж и жена, ладно. Пусть брат, сват, как угодно называй. На все согласен, только не гони... (*Падает на колени, обнимает ее ноги*). Только вместе, вместе...

В И Л А Н А. Встань, Тятя... Боже мой, ну встань же...

Т Я Т Я. Удавлюсь! Назло всем!

В И Л А Н А. Встань! (*Гладит его по голове*). Мой большой ребеночек Тима...

Постепенно темнеет.

Картина вторая

Из темноты в слабом свете утра возникают очертания двора.

У стола, собирая посуду, стоит странного вида С т а р у х а .

Она в овчинной безрукавке, надетой на длинное бордовое платье.

На голове кокетливая шляпка с пером, из-под полей которой выпростались на плечи нечесанные седые пучки волос.

Дремавший в кресле К о т открыл глаза, увидел старуху, дернулся от удивления. Прижмурил, потер глаза – нет, вроде бы не сон.

С т а р у х а , заметив поставленную усопшей чарку, поднимает ее.

К О Т. Эй? Не трогайте. Это бабушке Фене, за упокой ее души.

С т а р у х а одним махом опрокидывает чарку.

Кряхтит от удовольствия.

С Т А Р У Х А. Сладенькая... (*Заедает пирожком*).

К О Т. Не годится так.

С Т А Р У Х А. Годится, милок, годится.

К О Т. Ей поставили, не вам.

С Т А Р У Х А. А я и есть она.

К О Т. Как?

С Т А Р У Х А. А вот так, внучек родименький.

К О Т. Бабушка Феня?

С Т А Р У Х А. А то кто же? Она самая! (*Хохочет*).

К О Т. Чертовщина какая-то. Чушь собачья.

Б А Б А Ф Е Н Я. Язычок попридержи – ишь, какой пряткий.

К О Т. Постой... Мы тебя поминали?

Б А Б А Ф Е Н Я. Поминали.

К О Т. Значит, схоронили тебя?

Б А Б А Ф Е Н Я. Схоронили. С попом и дяконом. Со свечами

и с ладаном. Да только в колоде дубовой не я лежала. Ты вот тело мое пощупай. Ить живая я, теплая, как все человеки. Как ты. *(Подходит к Коту, протягивает ему руку)*. Не бойсь, поздоровкаемся, что ли... Ну!

К о т нерешительно пожимает ей руку.
Б а б а Ф е н я смеется.

К О Т. А завещание как же?

Б А Б А Ф Е Н Я. По документам все чин по чину. Могилку выкопали, крест поставили. Только тот, кто на меня руку поднял, знать не знал, что избу я тебе отписала. Думал, разбойник, все себе прибрать.

К О Т. Кто же он?

Б А Б А Ф Е Н Я. С кочки в болото пихнул меня да убежал, ирод проклятый. Насилу я выбралась, в старом амбаре запряталась. А они другую в мою могилку опустили, утопленницу прошлогоднюю... Вот так и живу, Котик. Днем хоронюсь, а ночью как ведьма летучая на промысел хожу. *(Выскребаёт ложкой остатки из консервной банки)*.

К О Т. Кто он, убийца твой?

Б А Б А Ф Е Н Я. Зачем тебе? Зла за зло не воздавай. И сам посуды: какой же он убийца, ежели я живая. А только образок мой серебряный, коли увидишь, забери. Матери Божьей скорбящей... Ею от зверей лютых спасалась, ею беду великую отгоняла.

К О Т. Какую беду? О чем ты?

Б А Б А Ф Е Н Я. Какую, какую... Нашу беду, общую. Не то не знаешь? Все, милоч, здесь началось. В пуще нашей, в чернолесье непроходимом. Прилетели в одночасье невесть откуда три ворона залетные – черные, огромные, как крокодилы. Только крылья у тех крокодилов – во! Кружили, кружили они над лесом, потом на иудино дерево сели, на осину, значит. И трижды прокаркал каждый ворон проклятье свое. И ударил тогда гром адский, дрогнула от боли земля наша матушка. И раскололась на великие и малые обломки, на землицы и земельки междуусобные. И отпали люди друг от друга, и кровь пролилась, а из крови той и пожарищ чудища невиданные полезли. Твари мерзкие, не Господом нашим сотворенные, а не иначе как антихристом сатанюю – о двух головах, о семи копытах, кривобокие, одинокие – и ну плодиться, и ну множиться, и не было им числа. Молилась я тогда денно и ночью, чтобы остыла земля израненная, чтобы те вороны-крокодилы подале улетели. И услышала меня Божья мать скорбящая, прогнала

тех воронов и звездочки кое-какие засветила над чернолесьем нашим.

Дернулась дверь, послышались голоса. Б а б а Ф е н я встрепенулась, сотворила церемонный поклон.

Б А Б А Ф Е Н Я. Адью!

К О Т. Постой! Ты – кто? Сон мой? Скажи!

Б А Б А Ф Е Н Я. Коли сон – проснись. Коли чудится – перекрестись. *(С хохотом исчезает)*.

К о т, откинувшись на спинку кресла, закрывает глаза.
Из избы выходит В о в ч и к. У него в руках сумка К о т а.
Подошел к креслу, резко толкнул К о т а.

К О Т. Ты чего?

В О В Ч И К. Узнаешь. *(Громовым голосом)*. Вилана! Тятя! Сюда.

К О Т. Отдай сумку. Слышишь?

Из флигеля выходит Т я т я, на крыльце появляется В и л а н а.

В О В Ч И К. Все сюда. Он, знаете, кто?

К о т хмыкнул, поднялся.

Лыбится еще, сука! Лучше б я в тебя сразу заряд пустил.

Т Я Т Я. Что случилось? Что?

В О В Ч И К. А то, что хмырь этот завещание привез на дом. *(Извлекает из сумки несколько листов)*. Вот что. И дом ему отходит.

К О Т. Увы, ребята. Это правда. Безжалостная, жестокая... Неумолимая. Только вот рыться в чужих шмотках как-то неприлично.

Т Я Т Я. И что вы хотите дальше делать?

В О В Ч И К. Загнать.

В И Л А Н А. Наш дом?

В О В Ч И К. Был наш.

Т Я Т Я. Постойте, постойте... А нам куда же? Нам куда? Вы подумали об этом, Константин?

В О В Ч И К. Пусть поткнется еще продать. Кому?

К О Т. Желающие есть. *(Берет у Вовчика сумку, вынимает оттуда телефонную трубку, набирает номер)*. Женька? Хай! Привет, говорю. Ага, добрался. Изба – сказка. Бревенчатый сруб, пятистенка. Крыша тесовая, скатная. Конек? Есть конек. И петушки есть. Теремок, в общем. Все как на фото. Буду оформлять.

Нет, Женька, продать тут некому. Ага... Место гиблое... Только вывезти. Свяжись с Норбертом. Он ведь предлагал, помнишь? Ну да! Всю как есть, целиком! В Голливуде ее оторвут, увидишь. Звони ему. Ты сейчас на Ниагаре? Экскурсия у тебя? Понял. О'кей, перезвоню.

Во время телефонного разговора все удивленно, чуть ли не с молитвенным восхищением, наблюдали за К о т о м .

Т Я Т Я. Эта штучка... Я таких не видел. Без проводов?

К О Т. Зачем провода? Через спутник.

Т Я Т Я. Через... (*Смотрит в небо*). И – куда хочешь?

К О Т. Ну да. Я в Штаты звонил.

Т Я Т Я. В Соединенные Штаты? Америки?

К О Т. Чумные вы тут? В каком веке живете?

Т Я Т Я. А мне можно? Виланка, я вот сейчас Садовскому позвоню, в Ленинград. Академик он. Вместе защищались.

К О Т. Нет Ленинграда.

Т Я Т Я. Как – нет? Вы что, за идиота меня держите?

К О Т. В Петербург могу позвонить. Так, набираю код. (*Нажимает несколько кнопок*). Номер вашего друга. Ну!

Т Я Т Я. Четыреста четырнадцать... Нет, нет. Кажется, сто четырнадцать... Или так: четыреста четыре шестнадцать...

К О Т. А дальше?

Т Я Т Я. Сейчас, сейчас... (*Напряженно думает*). Извините, выскочило напрочь. Виланка, я вспомню, вспомню... (*Коту*). Давайте сперва Москву наберем. Можно? Академию художеств. Юлиану Станиславовну попросите.

В О В Ч И К. Ты номер назови, совсем замудел тут.

Т Я Т Я. Номер, номер... Записная книжка тоже там осталась, дома... Послушайте, а если домой? 69-45-80. Уж этот номер здесь (*стукнул себя по голове*) до самой могилы.

К о т нажимает кнопки.

К О Т (*по телефону*). Алло! Тимофея Ильича можно? Нет его? А где он? Не знаете?

Т я т я вырывает трубку.

Т Я Т Я (*задыхаясь от волнения*). Алло, кто это? Мурад Абдурахманович? Это я, Тимофей Ильич. Как вы там? Устроились? А свою квартиру дочке оставили? Понял, понял... У меня все в

порядке. Живем в лесу. Что? Да, воздух чистый, птички чирикают по утрам, зайчики бегают туда-сюда... Что вы говорите? Да, да, как в раю... *(С трудом подавляя рыдания)*. Мурад Абдурахманович, вам моя записная книжечка не попадалась? Синенькая, с золотым тиснением. Нет? Может, на книжных полках? Что? Как – нет полок? А книги? В подвал? Господи, там же страшная сырость. пропадут... Нет, нет, спасибо, что не выбросили... Ну, до свидания. Кланяйтесь вашей супруге Розе Батыровне... Да, вот что еще. Там, в ванной, кран горячей воды течет. Я слесаря не успел вызвать, извините. Сальник поменять нужно. А, уже поменяли? Вы хозяин, не чета мне... Мурад Абдурахманович, может книги клеенкой накрыть. Или целлофаном? А? *(Коту)*. Гудки... *(Отдает трубку, отходит в сторону, плачет)*.

К о т подходит к нему, кладет руку на плечо.

К О Т. Ребята, есть идея. Ведь не последний подлец... Дело вот в чем. У Женьки, у невесты моей, акров двадцать пять земли. Место сказочное, у самой Ниагары. Так вот... Русское ранчо устроим, ребята. А? Блеск! С охотой, с рыбалкой, с банькой по-черному! Американцы валом повалят. Им главное, что изба подлинная, вывезенная из России. Не фуфло из полимерных бревен, а все честь по чести – иконки, лампадки и все прочее. Да, к слову... Она писала мне, бабушка Феня, о серебряной иконке. Что-то не нашел я ее. Скорбящей Божьей Матери... Может, видал кто?

В и л а н а , Т я т я и В о в ч и к пожимают плечами.

Ладно, не беда. Найдем, ну вот, а идея у меня такая. Изба избой, а обслуга тоже нужна. Так почему бы и вас не прихватить? А?

В О В Ч И К. В Штаты?

К О Т. Ну да!

Т Я Т Я. Нас?

К О Т. Вас, вас! Здорово? Наливай, Вовчик.

Немая сцена – полное недоумение.

В о в ч и к подходит к К о т у , долго смотрит ему в глаза.

В О В Ч И К *(хрипло)*. Изгаляешься, кореш? *(Замахивается кулаком)*.

К О Т. Вы что, ребята? Не верите? *(Нажимает кнопки на трубке)*. Хэллоу! Гив ми мисс Дженнифер, плиз... Женька? Это я, хай!

А, ты уже с группой? На водопаде? Ладно, подожду. (*Прикрывает трубку рукой*). Рев адский. Высота сто метров. А шум воды слышен за двадцать миль.

Т Я Т Я. Во стихия!

К О Т. Ирокезы ее так назвали. «Ниа-кара» – по-ихнему, большой шум.

Т Я Т Я. Мы увидим ее. Веришь, Виланка? (*Сжимает ей руку*). Веришь?

К О Т. Спускаются по лестнице в Грот ветров. Вот где красотища! Увидите. У самой подошвы водопада... (*В трубку*). Что? Ничего не слышу... О'кей, понял. Слушай, я вот что хотел. На фига нам продавать избушку? Русское ранчо устроим. Точно? Бросай к черту свои экскурсии – такой бизнес закрутим, держись! Теперь вот что. Тут ребята живут, славные. Да, да, в избе.

Т Я Т Я. Куда нам деваться, скажите.

К О Т. Им деваться некуда, Женька. Беженцы они, из республик. Ага... Не подлецы же мы с тобой. Трое... Хочу их взять по контракту. Что значит – как? У тебя же есть выход на Чесмера? Есть? Он сделает грин-карты, всем троим. Ну, это моя просьба. Рассчитаемся. Добро? Проси на год, а там поглядим. Все! Понял!

В о в ч и к разливает водку, рука его заметно дрожит. Раздает стаканы.

Женька! Мы пьем за тебя! За нашу скорую встречу!

Все дружно выпивают.

Ребята! Послушайте, как ревет Ниагара!

Трубка переходит от одного к другому.
Гул водопада все яростнее и мощнее.

Картина третья

Тот же двор, та же изба. Но кое-что все же изменилось.

Бросается в глаза затейливая вывеска на двух языках:
«РУССКОЕ РАНЧО НИАГАРА». Исчезли ящики, железный хлам.

В фирменном контейнере стоят бутылки и консервные банки с красочными этикетками.

На столбе под навесом появился телефонный аппарат.
На скамейке с гармошкой в руках сидит В о в ч и к . Тихонько наигрывает что-то до ужаса знакомое. Звонит телефон.

В о в ч и к снимает трубку.

В О В Ч И К. Хэллэ, хэллэ! Иэс.. иэс! (Вынимает из кармана листок бумаги, разворачивает. Читает, старательно выговаривая слова, как механический робот). Ит-из-рашен-ранчо-Ниагара... Ит-из-рашен-ранчо-Ниагара... Ноу, ноу, ай эм нот э босс... Ноу, ноу! (Прикрывает ладонью трубку). Вот мудила, чистый инглиш не сечет... (В трубку). Ит-из-рашен-ранчо-Ниагара... (Снова заглядывает в шпаргалку). Джаст – э-минит... Минуту погоди, блин! Нетерпячий какой!.. Май-босс-из-мисс-Дженнифер-Золотушко... Иэс! Джаст э минит! (Кладет трубку, подходит к дверям избы, открывает их). Женька! (Спохватился). Мисс Дженнифер! К телефону!

Быстрым шагом из дверей выходит Ж е н ь к а - Д ж е н н и ф е р .
Одега вызывающе экстравагантно – белые лосины, черные ботфорты, грудь предельно обнажена, в губах сигарета. Говорит по телефону отрывисто, резко.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р (в трубку). Иэс, итс рашен ранчо... Сэнк ю. Кредит – Интернэшнл бэнк оф Америка... Уэлл, файф карс. «Форд-Супер», зе ласт модл, иэс... Джип «Тойота», «Плимут», «Олдсмобил», «Кадилак»...

В О В Ч И К. «Мерс» берите, шестисотый.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Плиз, «Мерседес»... Ноу, ноу... Онли сикс хандредс модл. Сэнк ю вери мач. (Кладет трубку). Заказ принят. Завтра в шестнадцать ноль-ноль доставят.

В О В Ч И К (восхищен). Иэс! (Хватает гармошку). «Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним и нечаянно ворвемся...»

Снова телефонный звонок. Д ж е н н и ф е р берет трубку.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Гуд дэй... Иэс, иэс, ван гарадж, иэс. Уот из зе прайс? Иэс, ноу проблемс. Кредит – Интернэшнл бэнк оф Америка. Гуд бай. (Кладет трубку). Строительная фирма. Вы, говорят, заказали шесть машин, а про гараж забыли. Мы к вашим услугам.

В О В Ч И К. Прикол! Во агентура! Все знают!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. К пятнадцати ноль-ноль поставят гараж.

В О В Ч И К. С ямой?

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Ты что, к папуасам приехал? С ямой, кондиционером и компьютером.

В О В Ч И К. Фантастика! А компьютер – зачем?

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Все запрограммировано: расход бензина, масел, сроки техосмотра.

В О В Ч И К. Ой, ой! А то мы сами дебилы – без компьютера посчитать не сможем! Ладно, пусть везут – загоним. А на бабки пивка лучше купим. Точно?

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р (*показывая на контейнер*). Тебе мало? Пей.

В о в ч и к достает из ящика две банки, одну отдает Д ж е н н и ф е р ,
вторую открывает сам. Отпивает несколько глотков.

Готовь место для гаража.

В О В Ч И К. Вот прикидываю. Может, за избой, на полянке?

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Сдурел? Там телочки в газовых сарафанах
будут с гостями хороводы водить.

В О В Ч И К. Тогда вот что... Как с дороги сворачиваешь, при
въезде.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Уже забито. Бассейн будем строить, с мор-
жами и белыми медведями.

В О В Ч И К. Круто!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Гараж – не пейзаж. Все под землю.

В О В Ч И К. С подземным возни ого-го!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Их проблемы. До пятнадцать ноль-ноль
время есть. Послушай, а где Кот?

В О В Ч И К. С утра газанул.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. На Ниагару, что ли?

В О В Ч И К. А то куда же?

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. И телку свою прихватил? Да? Ну и хер с ним.
Тебя менеджером поставлю. На своей земле я хозяйка. Хочешь?

В О В Ч И К. Та я... Та что вы... До кровавых соплей пахать буду.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. А ну сбацай, ностальгическое что-нибудь.

В О В Ч И К. Это мы пожалуйста. (*Хватает гармошку, с озор-
ством, крикливо поет*).

Хорошо тому живется,
Кто с молочницей... гы-гы!
Будет утром, дайте срок,
И сметана, и творог!

Д ж е н н и ф е р отбивает чечетку.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р (*входит в раж*). Круче, Вовчик! Что, слабо?
Слабо?

В О В Ч И К.

Фу-ты, ну-ты, у Марфуты
Чулки новые обуты.
Чулки новы, голы пятки –
Босиком идет на блядки!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Блеск! Бьютифул! Америкашки балдеют от русского мата. (*Извивается вокруг Вовчика в экстатическом танце*). Поматерись, милый! Отскреби душу русскую! Я ведь, считай, пять лет как из России. Изголодалась!

В о в ч и к наклоняется к ней, что-то шепчет.
На ее лице – блаженство.

Ой, загнул, гад! Трехэтажно! Ой, смак! Давай, жми! (*Трусит плечами, играет бедрами в полной экзальтации*).

В о в ч и к снова шепчет ей что-то на ухо.

Ну достал! До самого пейджера! У-у-у!

Дыхание ее становится прерывистым, глаза в упоении закрыты.
В о в ч и к хватает ее за руки, притягивает к себе.

В О В Ч И К. Женька! (*Пытается ее поцеловать*).

Внезапно, овладев собой,
Д ж е н н и ф е р лупит его по щекам – раз, другой, третий.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Вон, скотина!
В О В Ч И К (*жалобно*). Мисс Дженнифер!
Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Расслабуха была, не понял? Думал: сметана и творог? Да? Вот тебе! (*Хулиганский жест*). Пошел, говорю!

Втянув голову в плечи, В о в ч и к исчезает.
Тут же из избы выходит Т я т я . В руках у него несколько одинаковых голубеньких листков. Он заметно удручен.

Т Я Т Я. Беда, беда... (*Считает листки*). Одна, две, три беды... Четыре, пять, шесть, семь бед... Семь бед, один ответ: «Наша фирма веников не вяжет». Как стоворились.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Шутить изволите?

Т Я Т Я. Какие шутки, вот семь факсов, читайте.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Русское ранчо без банных веников? Нас не поймут, Тимофей Ильич.

Т Я Т Я. Позор Америке! Мощнейшая держава – компьютеры, небоскребы, искусственное оплодотворение, черт возьми! А два десятка березовых веников никто связать не может. Абсурд! Вот, смотрите, факс от «Юнайтед Оклахома Корпорейшн». Мочалки из капрона, нейлона, дедерона. Оптом и в розницу!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Пусть задницу себе скребут поролоном.

Т Я Т Я. И я, извините, так подумал. Только вслух не решился:

все же гости мы в этой стране. Еще один факс. «Кемикл Интернэшнл Компани». Могут сделать веники по спецзаказу.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. О'кей, в чем же дело?

Т Я Т Я. Погодите. Веник из монокристаллов – вас устроит? Или из стекловолокна? Из пластических масс?

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Кретины! Наждаком и то лучше!

Т Я Т Я. Я тоже об этом подумал, но вслух не решился сказать: вдруг ФБР услышит. Но, между нами... *(Понижает голос до шепота)*. Помните как нас учили? Страна социальных контрастов, город Желтого дьявола... А что, не так? Отвернулись от простого американского человека, от его запросов. А ему ведь хочется после работы в баньке попариться, похлестать себя от души сперва по пяточкам, потом по ребрышкам, по спинке... Чтоб листочки березовые к телу прилепились и отдали ему свои биотоки. А что ему, человеку, говорит империализм как высшая стадия капитализма? Бери пластмассовый веник и стегай себя до опупения.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Ваш империализм мне до феньки. Мне веники нужны. Завтра жду гостей. Очень крутых. Можно сказать, почти самых крутых в Соединенных Штатах. Чем вы будете их хлестать в баньке? Своими интеллигентными ладошками?

Т Я Т Я. Я? Я их должен... хлестать?

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Могу и я, господин Татищев. *(Подходит к телефону, набирает номер)*. Но тогда нам придется расстаться... *(В трубку)*. Хэллоу! Ван тикет ту Рашиа, плиз...

Т Я Т Я *(в испуге)*. О нет! Нет! *(Пытается вырвать трубку)*.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. К зайчикам-людоедам! Немедленно!

Т Я Т Я. Умоляю! Ради всего святого!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р *(нажимает на рычаг)*. Ступайте в лес, лезьте на березы, стригите их под нулевку, черт вас дери! Чтоб к вечеру у меня были веники!

Вешает трубку, быстрым шагом направляется к крыльцу, скрывается в избе.

Т Я Т Я *(с горечью, ей вслед)*. Читали бы вы мою книжку... Хотя бы только подержали ее в руках... Разве вы осмелились бы так говорить со мной? Боже!... *(Подходит к деревянному ящичку, вынимает большие садовые ножницы)*. Будем стричь, шеф. *(Кладет ножницами)*. «Парикмахер дядя Толик, подстриги меня под нолик...» *(Жалкий, сгорбившийся, тяжело волоча ноги, уходит)*.

Несколько мгновений на сцене темно. Вместе с музыкальным аккордом возник блик лунного света. Он падает на гамак, в котором

лежит В и л а н а . Из флигеля вышел К о т . Тихонько подошел к ней, наклонился. Она вздрогнула, приоткрыла глаза.

К О Т. Ну как ты?

В и л а н а молчит.

Обижайся, дело твое, больше тебя не возьму на Ниагару. Ты ж чуть сознание не потеряла.

В И Л А Н А. От высоты, от рева... Худо стало... Страшно.

К О Т. А у меня эйфория была, представляешь, когда первый раз увидел. Хаос! Сотворение мира! Вселенский сумбур! Так и хочется прыгнуть и... *(Распластал руки как крылья)*.

В И Л А Н А. А как ты сюда попал, в Штаты?

К О Т. Работал в Мурманске. Я ведь тебе говорил, помнишь? Режимный ящик, клепали субмарины и прочее. Вдруг все перевернулось: миру мир, бабок нет, конверсия и полный консенсус. Дали под задницу – для детских колясочек электронщики не нужны. Логично? Ну и на все четыре стороны. Подался на юг, в Турцию. Куртки, шоколад привез, барахлишко. Толкнул... Живу себе, на пиво «Ямбург», на сигареты хватает. Езжу туда-сюда. А в Стамбуле с мэном одним в баре познакомился. Крутой-раскрутой. «В Штаты смотреть хочешь?» – «А чего нет?» – «Посылочку, говорит, маленькую отвезешь – и всех делов. Только не задавай дурацких вопросов. Понял?» Ну вот, проскочил я все таможни, все о'кей. Пожил малехо: в Штатах, сюда как-то занесло, на Ниагару. А гидом Женька оказалась.

В И Л А Н А. Кто?

К О Т. Ну Женька, Дженнифер. Она же русская сама, из Новгорода. И повязала нас Ниагара. А зачем, для чего? Сам теперь не знаю.

В И Л А Н А. Что же изменилось?

К О Т. Не понимаешь, что ли? *(Берет ее руки в свои)*.

В И Л А Н А. Легко влюбляешься, легко и расстаешься.

К О Т. От Мурманска до Ниагары ты самая красивая.

В И Л А Н А *(вдруг изменившись в лице)*. Молчи! Зачем ты так сказал? *(Смеется)*. Дурак! Ведь ты меня приговорил. *(Вскакивает с гамака, ходит взад-вперед)*.

К о т удивленно следит за ней.

Ты лодку-душегубку оттолкнул от берега.

К О Т. Я что-то не врублюсь, Вилана. Что за лодка?

В И Л А Н А. Я в ней лежала, глядя в небо, я.

К О Т. А, стихи...

В И Л А Н А. Несется лодочка, обрыв все ближе. А там, в пещере, под самым водопадом, чудовище огромное ревет.

К О Т. А, понял! Сзади нас на смотровой площадке стоял старик и внучке плел чушь какую-то. Про то, что ирокезы каждый год отправляли невесту этому чудищу. (*Хохочет*). И ты поверила?

В И Л А Н А. Чтоб замолить грехи... Самую красивую из своего племени. Расписывали ей лицо охрой и суриком, украшали лентами и ожерельями. Укладывали на дно лодочки и...

К О Т. Пльви, милая, спасай нас, грешных...

В И Л А Н А. Сам вождь племени отталкивал лодочку от берега. Дудки трещат, барабаны! Все кругом орут! А лодочка плывет – сперва тихонько, покачиваясь потом все быстрее, быстрее... Из озера Эри, Кот, в озеро Онтарио надо прыгнуть с высоты сто метров. Сто!

К О Т. Замолчи! Хватит! Бред!

В И Л А Н А (*с улыбкой*). А девочка, стоявшая за нами, заревела: «Дедушка! Я не хочу быть красивой. Я боюсь!»

К О Т. Ах, вот что... (*С силой притягивает Вилану к себе, обнимает ее*). Поверила, что самая красивая? Да я тебе с понта! Уродина ты! Страшнюга! Тебе еще бояться? Ну скажешь! Пугало! Мордovorот!

В И Л А Н А (*отстраняясь*). И чем красивее была невеста, тем плодороднее становилась земля, шли обильные дожди, ирокезы собирали прекрасный урожай.

К О Т. Да чудовище взбесилось бы, подсунь мы ему такую невесту. Такое мурло, как ты! Это же ужас!

В И Л А Н А. Пусти! (*Отходит от него*).

К О Т. Никуда! Ни на шаг!

В И Л А Н А. А я не хочу быть мордovorотом, понял! Хочу быть красивой. Самой, самой красивой! (*Быстро уходит в глубину сцены*).

К о т идет вслед за ней.

Некоторое время сцена пуста. Возникает и быстро приближается к нам отдаленный шум двигателя. Это вертолет.

Над сценой появляется трап, по которому один за другим спускаются три вальяжных, самодовольных, улыбающихся джентльмена.

Они в бейсбольных шапочках, спортивных куртках, по-вороньи вертят головами.

Д Ж Е Н Т Л Ь М Е Н Ы (*с трапа*). Хэллоу! Хэллоу! Из ит рашен ранчо? Гуд дэй! Здрав-стлуй-те! Спа-си-бо! Гор-ба-чев! Гип-гип-хурэй!

Из-за избы показывается Б а б а Ф е н я .

Б А Б А Ф Е Н Я. Кыш, вороны! Кыш, кыш! (*Осняет себя крестным знаменем*).

Тяжелые аккорды. В наступившей темноте слышится отдаленный грохот водопада.

Картина четвертая

Яркое солнечное утро. Под навесом с приемничком в руках сидит К о т .
Слушает сводку новостей на английском языке. В о в ч и к выносит из флигеля огромный, сверкающий медью самовар. Разжигает его.
Прислушивается к голосу радиокomentатора.

В О В Ч И К. Москоу ньюс?

К о т кивает.

(*Махнув рукой*). Скаддят одно и то же, ну их в пень. Что вчера, что завтра – один хер: шахты бастуют, блин, заводы стоят, бабок нет, полный песок. Банкира убили, прокурора зарезали – строим себе правовое государство. Что, скажешь, не так? Ну про что он чешет, про что? (*Раздувает уголья*). Просрали матушку Расею, а теперь побираемся: подайте христа-ради. Я тут вчера с америкашками толковал, двое из них вообще мужики что надо. Я их Том и Джерри зову. Они смеются. А как по правде – молчок. Ну и хер с ними, мне без разницы. Так вот, говорят они мне, Том и Джерри эти: не дрейфь, мол, Вовчик. Америка Россию в беде не кинет. Жвачки вам пришлем, чтобы кариеса не было, бабам – тампоны с крылышками, все будет о'кей!

На крыльцо выходит один из гостей – Д ж е р р и . Он в спортивных трусиках, на ногах белые кроссовки. Улыбается, машет рукой.

Это Джерри... Гуд мониторинг, Джерри!

Д Ж Е Р Р И. Гуд мониторинг! (*Чешет в бок*).

К О Т. Гуд мониторинг. (*Выключает приемник*).

В О В Ч И К (*показывая на небо, с приветливой улыбкой*). Ит из файн тудей, иэс?

Д Ж Е Р Р И. Иэс, иэс... По кай-фу!

В О В Ч И К (*Коту*). Я их уже по-нашему чуток наблатыкал. За каждую лайку по десятке кидают. (*Джерри, щелкнув пальцем по щеке*). Хочешь? Дринк?

Д Ж Е Р Р И. Ноу, ноу... Ай эм трейнинг. (*Отходит в сторону и начинает делать зарядку. То и дело останавливается и, смущаясь, неловко чешет то спину, то живот*). Бед-багс... Мэни бед-багс.

К О Т. Клопы его заели.

В О В Ч И К (*Джерри*). Так бы и сказал: «кло-пы». А то чешется, как хряк.

Д Ж Е Р Р И. Клё-пи! Клё-пи!

В О В Ч И К. А ты что, без клопов хотел?

Д Ж Е Р Р И. Без клё-пов, без клё-пов. Иэс!

В О В Ч И К. Ты же на русское ранчо приехал. В этом же самый смак, в клопах... Всю жизнь помнить будешь...

Д ж е р р и с остервенением чешется.

Д Ж Е Р Р И. Будешь помнить, будешь помнить...

Выходит второй американец – Т о м . Он тоже в тренировочном костюме.

Т О М. Гуд монинг!

К О Т. Гуд монинг!

В О В Ч И К (*с улыбкой, показывая на небо*). Ит из файн тудей, иэс? (*Щелкает по щеке*). Примем?

Т О М. Ноу, ноу... Ай эм нот велл.

В О В Ч И К (*Коту*). Чего он мелет?

К О Т. Плохо чувствует себя.

Т О М. Май хэд эйкс.

К О Т (*Вовчику*). Башка у него трещит.

В О В Ч И К. Самогон не боржоми. Полбанки вчера выдул.

Т О М. Плиз, вэа из мисс Вилана?

В О В Ч И К (*Коту*). Понял? (*Громко*). Мисс Вилана! На выход! Клиент ожидает!

Из флигеля выходит В и л а н а в рабочем фартуке поверх платья.

В руках у нее половая щетка и ведро для мусора. Т о м , улыбаясь, подходит к ней. Они о чем-то говорят – слов не слышим.

Видал? Тащится за нашей киской. Вчера цепочку ей подарил. Золотую. Знает, что купить.

К О Т. И она взяла?

В О В Ч И К. А то нет? Дура она, что ли?

Кот подходит к Вилане и Тому. Они замолкают.

КОТ (Вилане). Там... вот что... Убрать надо.

ВИЛАНА. Иду, видишь.

КОТ. А то Женька приедет. Ты же ее знаешь – опять вопеж поднимет, что все бездельники.

ВИЛАНА. Иду. (Направляется к избе). А где она?

КОТ. Тятю твоего выручать поехала.

ВИЛАНА (остановилась). Тятю? А что с ним?

ВОВЧИК. Облом! На березке сидел твой братушка, веточки стриг. А тут полиция – хоп! (Хохочет). Экологическое преступление! Это, знаешь, у них почти как вооруженный грабеж. Упекут годика на три. Или штраф офигенный.

КОТ. Все будет нормально, Вилана. Женька все уладит.

ВИЛАНА. Ира была права: он большой ребенок... (Тому, с улыбкой). Икскьюз ми... (Заходит в избу).

Оба американца продолжают делать зарядку. Вовчик возится с самоваром, пытаюсь раздуть огонь, но у него что-то не получается. Идет во флигель, выносит оттуда старый сапог, надевает на самоварную трубу и начинает нагнетать воздух. Американцы, прекратив упражнения, с нескрываемым удивлением следят за манипуляциями Вовчика.

ВОВЧИК. Ребята они классные, американцы. И расслабиться могут, и вкальвают по-черному, когда нужно. Вчера насосались до чертиков, хоть выжимай... Мы когда трусцой бегаем, я канистру с собой прихватываю – освежиться на природе. Ну, вот... Вчера, понимаешь, так накидались, – насили их домой приволок. Лыка не вязали, честно. Так вот... Думаешь, по постелям рухнули, как мы, славяне? Хрена собачьего! Заперлись от всех, еще канистрочку у меня выдурили и пол-ночи что-то шкрябали. Кричали, ругались, за грудочки хватали друг дружку. Но дело, видать, сделали.

Том и Джерри подходят к Вовчику и, глядя на самовар, о чем-то оживленно говорят друг с другом.

ТОМ. Мистер Вовчик, гив ми, плиз.

КОТ. Покачать просит. Дай ему.

ВОВЧИК (делает строгое лицо). О, ноу, ноу...

КОТ. Не жлобись, слышишь!

ВОВЧИК (тихо, Коту). Не лезь в мою коммерцию, понял? (Тому). Тен долларс, гуд? (Показывает на пальцах). Иэс?

ТОМ. Иэс! Иэс! (Вынимает из потайного карманчика деньги, подает Вовчику и начинает поддувать воздух сапогом).

Д ж е р р и суетится возле него, что-то советует, пытается сам показать. Том, наконец, уступает ему сапог. Д ж е р р и с мальчишеским азартом качает. Угли разгораются. Американцы, перепачканные в саже, ликуют.

В О В Ч И К (*Джерри*). Тен долларс!
Д Ж Е Р Р И. Иэс! Иэс! (*Дает Вовчику деньги*).

Т о м и Д ж е р р и продолжают зарядку и убегают.
На крыльце показываются третий американец – Р э м б о .
Он в красивой спортивной куртке и синих шароварах.

В О В Ч И К (*Коту*). Самый главный у них. Гуд дэй, мистер Рэмбо! (*Коту*). Я ему такую кликуху придумал. Не обижается нормально... (*Рэмбо*). Хау ду ю ду!

Р Э М Б О. Гуд дэй!

В О В Ч И К (*заученная улыбка, взгляд в небо*). Ит из файн тудэй, иэс?

Р Э М Б О. Йэс, йэс... Уот эбаут... (*Щелкает себя по шее пальцем*).

В О В Ч И К (*Коту*). Видал? Алкаш чертов. (*Рэмбо*). Йэс!
(*Наливает себе и американцу*).

Р Э М Б О. Гуд лак!

В О В Ч И К. За тебя, Рэмбо!

Р Э М Б О. И за тебя, Вовчик.

Пьюг. К о т заходит в избу.

В О В Ч И К. Вижу я – ты крутой мэн. Все схвачено, бизнес крутишь, да?

Р Э М Б О. Бизнес? Иэс, иэс.

В О В Ч И К. Баксов навалом, яхта, вилла? Да?

Р Э М Б О. Иэс, вилла!

В О В Ч И К. Баб до фига, да? Весь Голливуд раком ставишь, да? (*Хохочет*). Иэс?

Р Э М Б О. Голливуд? Иэс! Синема!

В О В Ч И К. А я, Рэмбик, простой рашен бой, понял? Ни кола, ни двора – голяк! А завидки берут, честно. Таким навороченным хочу быть, как ты. На страну вашу смотрю, на богатство ваше – балдею. Чего же мы, думаю, как козлы вонючие живем? Ты меня понял?

Р Э М Б О. Иэс, иэс...

В О В Ч И К. Ни хрена ты не понял. Хочешь – киллером к тебе пойду. Бах-бах-бах! Хочешь? Ну помощником киллера... Гасить буду кого закажешь. А?

Р Э М Б О (*испуганно*). Ноу, ноу...

В О В Ч И К (*наливает по второй*). Ладно... Первая – колом, вторая – соколом. Ну, будем.

Р Э М Б О. Будем!

Пьют.

В О В Ч И К. Вот ты меня уважаешь? Скажи? Только честно.

Р Э М Б О. У-ва-жа-ешь.

В О В Ч И К. Курточка у тебя клевая. Где покупал? Класс...
А ну-ка дай, я прикину.

Р э м б о снимает куртку, отдает В о в ч и к у .
Тот надевает, прихорашивается, в восторге.

А карманов сколько! И цвет нехилый. Мне идет? А? Гуд?

Р Э М Б О. Гуд!

Тяжко вздыхая, В о в ч и к нехотя начинает снимать куртку.

Р э м б о показывает знаками, что он дарит ее В о в ч и к у .

В о в ч и к поначалу как бы отказывается, но потом обнимает Р э м б о
и трижды целует его.

В О В Ч И К. Сэнк ю, сэнк ю!

Р Э М Б О. Донт меншн ит.

В о в ч и к снимает куртку, относит ее во флигель. Выходит оттуда
с небольшой полиэтиленовой канистрой.

(*Восхищенно*). Йэс!

В о в ч и к передает ему канистру, смотрит на часы.

В О В Ч И К. Так, ребятки, мы уже не в графике. (*Взял гармошку, заиграл бодрый маршик*).

Прибегают Т о м и Д ж е р р и .

Раз! Два! Три! Четыре! Сели, встали! Сели, встали! Выше колени! Молодцы! Трусцой, мужики! До Ниагары и обратно! Марш!

В о в ч и к убегает. Американцы за ним. Музыка постепенно удаляется.

В и л а н а выносит из избы ведро, доверху наполненное мусором.

За ней тут же выходит К о т . Он явно не в себе.

К О Т. Я ему бока наломаю, твоему Тому.

В И Л А Н А. Ты заметил, Кот... Он когда улыбнется – будто звездочки в глазах.

К О Т. Ага... Пятьдесят штук – как на флаге.
В И Л А Н А (*Садится в кресло, смотрит вдаль*). И Гоша так смеялся – звездочками.

К о т присаживается рядом, закуривает.

К О Т. А я вот смеюсь фашистскими знаками, да? Он же завтра уедет – и с концами.

В И Л А Н А. Вспоминать буду.

К О Т. Сердечко у тебя большое.

В И Л А Н А. Мне его жалко.

К О Т. Жалеть богатого – только обижать.

В И Л А Н А. Дочки взрослые, одна уже замужем. Им он уже не нужен.

К О Т. А женка?

В И Л А Н А. Не знаю... По-моему, у них давно раскол.

К О Т (*притворно страдает*). Ах, ах, ах... Бедный, одинокий, несчастный миллионер! (*Гасит окурок, бросает его в мусорное ведро. Какой-то клочок бумаги, видимо, привлек его внимание. Вынул его из ведра, читает*). Так ты, значит, претендент на вакантное местечко, да? Сенаторша, губернаторша... (*Вынимает еще парочку обрывков бумаги. Ошарашен, онемел от прочитанного*). Слушай!.. Бесовщина какая-то! (*Торопливо, дрожащими от волнения пальцами выбирает из ведра помятые и порванные листы, раскладывает их на столе*). Сюда, слышишь! Да быстрее же, говорю тебе!

Хватает В и л а н у за руку, тянет ее к столу.

Вот! Почитай, что они понаписывали! Может, я что-то не усек. Гляди – меморандум, верно?

В И Л А Н А. Да.

К О Т. На имя Конгресса Соединенных Штатов Америки... Правильно?

В И Л А Н А. Да... «Мы, три губернатора, на основании 105 поправки к Конституции Соединенных Штатов, объявляем о сессии...» Что это – сессия?

К О Т (*пожимает плечами*). Сессия... сессия

В И Л А Н А. Вот примечание.

К О Т (*читает*). «Сессия – выход из Союза, из Федерации...»

В И Л А Н А. «... с образованием самостоятельных суверенных государств».

К О Т. Далее, вот тут, гляди... Причины, аргументы. Вот резю-

ме: «Независимость штатов, полная самостоятельность их политической, экономической и финансовой деятельности, приведет к процветанию этих трех новых суверенных государств, которые сейчас находятся в полной зависимости от федерального центра».

В и л а н а смеется.

Психи! Самые натуральные!

В И Л А Н А. Нет, Кот, Том не псих.

К О Т. Допустим... Тогда как ты объяснишь это? Меморандум, их подписи... Как?

В И Л А Н А. Розыгрыш. Вчера – сам видел – такие веселенькие пришли. Решили подучарчиться, только и всего.

К О Т. В такие игры, Виланка, нужно играть в дурдоме. А не на ранчо.

В И Л А Н А. Как знать... Может у нас тут воздух особый, шальной.

К О Т. Спичкой чиркни – и синим пламенем полыхнет. Да?

В И Л А Н А. А если представить...

К О Т. Что, по серьезу?

В И Л А Н А. Ну да... Пятьдесят независимых государств! Своя валюта, границы, таможни!

Оба смеются.

К О Т. Твой Том – президент, а ты – первая леди маленького, но независимого государства...

Смех.

Ниагарской республики.

Хохочут. И только чуть успокаиваются, как накатывает новая волна смеха.

Доносится грохот приближающегося мотоцикла.

Вбегает Д ж е н н и ф е р . Она в шлеме, удивленно смотрит на хохочущих

В и л а н у и К о т а . Увидев ее, те смолкают.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р (Коту). Твой обормот Тятя накрыл меня на полторы тысячи баксов. Это только адвокату. Плюс судебные издержки... Пень дурной, обстриг реликтовую рощу. И где – в заповеднике! Какого хрена ты его сюда притащил?

В И Л А Н А. Где он сейчас?

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. И стриг, придурок, не березы, а эвкалипты.

В И Л А Н А. Где Тимофей Ильич?

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Там, где положено быть Ильичу – в тюрьме штата.

В И Л А Н А. Бедный...

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Пять лет на полном пансионе. Экологический преступник. (*Хочет*).

В и л а н а уходит. К о т порывается пойти вслед за ней,
но Д ж е н н и ф е р преграждает ему путь.

Я что, совсем ничего не значу? Привез себе телочку и пасет ее, пасет... Все это долбаное ранчо я для тебя раскрутила, мне оно – по фигам. Меня в Голливуд звали, Оскар светился. А я, дура, клоповником этим заведовать стала.

К О Т. Дженнифер!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Утихни!

К О Т. Женька, пойми...

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Приезжаю, понимаешь, а они смехуечками занимаются. Где американцы?

К О Т. С Вовчиком. Трусцой бегают.

Д ж е н н и ф е р подходит к нему, нежно обнимает
и виснет на его шее.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Запомни, бой-френд... Ни блядь, ни принцесса тебя не достанут. Не отдам, понял? (*Крепко, взасос целует его*). Люблю тебя! Мой, только мой!... Честно, чего вы смеялись? С меня? С меня?

К О Т. Да нет, не над тобой... Тут, понимаешь... Вот иди сюда. (*Подводит Дженнифер к столу*). Читай.

Д ж е н н и ф е р быстро пробегает глазами текст,
составленный из обрывков бумаги.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Так, так... (*Задумалась*). Они что – чокнулись?

К О Т. Думаем – розыгрыш это.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Нет, Кот, тут дело серьезней... Американцы в бирюльки не играют. Но это же лоскутки, хер им цена. (*Комкает листки бумаги и бросает их в ведро*). Должен быть чистовичок. Пойдем.

Заходят в избу.

Доносятся приближающиеся звуки гармошки.

Появляются В о в ч и к и трое американцев.

Они еле держатся на ногах.

В О В Ч И К и А М Е Р И К А Н Ц Ы (*поют*).

Главное, ребята, сердцем не стареть,
Песню, что придумали, до конца пропеть...

Аккорды.

Комсомольцы-добровольцы,
Мы сильны нашей верною дружбой,
Сквозь огонь мы пройдем, если нужно
Открывать молодые пути.
Комсомольцы-добровольцы!..

В О В Ч И К. Отбой!

Р э м б о передает В о в ч и к у пустую канистру.

Рашен ранчо – гуд?

А М Е Р И К А Н Ц Ы. Г-гуд... Ра-шен ран-чо ка-ра-шо!

В О В Ч И К. Все, притомили меня. Идите вы все... в жопу!

Р Э М Б О. Идем, мистер Вовчик, идем! (*Скрываются в избе*).

Вовчик заходит во флигель. Из избы выходят Д ж е н н и ф е р и К о т .

В руках Д ж е н н и ф е р несколько исписанных листов бумаги.

Д ж е н н и ф е р крайне возбуждена.

К О Т. Сейчас кинутся, а меморандума нет.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Немедленно, в Вашингтон! В этих трех
листочках наша судьба. Прикинь, что сейчас начнется. Акции
летят, банки лопаются, миллиардеры выбрасываются из окон...
Жуть! Национальная катастрофа!

В дверях флигеля, не замеченный ими, показывается В о в ч и к .

Слушает и впитывает их разговор.

Мы стобой сможем наварить на этом деле миллиарды.
Купим всю страну за двадцать центов. А? Здорово? (*Засовывает
листки в карман куртки*). Едем!

К о т молчит.

А, понимаю – телочка... (*Сложив губки, передразнивает Вилану*).
Тю-тю-тю!... Выбирай, мальчик! Как сказал один писатель: или
ты принц, или ты нищий! Ну! (*Надевает шлем*). Мой «Харлей-Дэ-
видсон» может взять только одного пассажира. Ну! Любовь та-
кая глупость большая! (*Хохочет. Хватает Кота за руку и увлекает
его за собой*).

В о в ч и к выбегает из флигеля. Олеломлен услышанным.
Растерян, не знает, что делать. Звук мотоцикла замолкает вдали.
На крыльце появляется улыбающийся Д ж е р р и . Он в черном смокинге,
сияет улыбкой.

Д Ж Е Р Р И (*приветливо*). Ит из файн тудей, иэс?
В О В Ч И К. Файн, файн... (*Вдруг его осенило*). Слушай, Джерри,
ты меня уважаешь?

Д Ж Е Р Р И. Иэс... У-ва-жа-ешь.

В О В Ч И К. Будь другом, займи штуку.

Д Ж Е Р Р И. Шту-ку?

В О В Ч И К. Тысячу баксов. (*Вынимает из куртки завернутую
в тряпочку серебряную иконку*). Антик... Божьей матери скорбя-
щей. Гуд? Серебро...

Д Ж Е Р Р И. О'кей, Вовчик. Для тебя.

В О В Ч И К. Для меня, для меня, пень трухлявый... Не тяни,
быстрее!

Д ж е р р и вынимает из внутреннего кармана бумажник, отсчитывает
деньги и передает В о в ч и к у .

(*Прячет их*). Спасибо, кореш. Выручил. (*Крепко целует его*).
За мной не заржавеет. Учти!

Быстро убегает. Взревел мотор. Д ж е р р и прислушивается к быстро
удаляющемуся звуку. Пожимает плечами. Тихо, как видение, появляется
Б а б а Ф е н я . Д ж е р р и испуганно отступает.

Д Ж Е Р Р И. Уот из зис? Кто ви есть? Кто?

Б А Б А Ф Е Н Я. Кто-кто... А ты кто? Ворон-крокодил...
Родину-то свою прокаркал... Эх!..

Д Ж Е Р Р И. Кто ви есть?

Б А Б А Ф Е Н Я. Фирса, старика, помнишь? Нет? Сад вишне-
вый, говорит, бросили. И про меня забыли... Ничего. Я, говорит,
тут полежу. (*Ложится на лавку*). Силушки-то нету, ничего не оста-
лось, ничего. Вот и я, как Фирсушка, полежу. То ли мертвая, то
ли живая – сама не ведаю... Дали бы занавес на словах моих... Как
в театре... (*Замирает*).

Тихая музыка.

Д Ж Е Р Р И (*неожиданно для самого себя*). Карр! Карр! Карр!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина пятая

Прошло пять лет. Та же декорация. В кресле сидит Д ж е р р и .
На нем красная атласная косоворотка, хромовые сапоги.
Радиоприемник передает сводку новостей на английском.
Судя по лицу Д ж е р р и , сообщения не из приятных.
Д ж е р р и наливает себе полстакана водки, лихо опрокидывает и,
крякнув, занюхивает рукавом. Услышав чьи-то шаги, поспешно выключает
приемник. С сумкой на колесиках появляется В и л а н а .

Д Ж Е Р Р И (с облегчением). Ты?.. А я думал – Рэмбо...
(Снова включает приемник).

В и л а н а выгружает из сумки какие-то кулечки, коробки.

Рэмбо, когда инглиш услышит, прямо из себя выходит.
Вы, кричит, на русском ранчо служите, вот и пропитывайтесь
русским духом... до самых этих... (Показывает на живот). Как это
у вас... у нас говорят? До самых...

В И Л А Н А. До самых кишок, что ли? (Садится за стол, берет
в руки маленькие счеты).

Д Ж Е Р Р И. Ноу, ноу... Это, как его... что у курицы.

В И Л А Н А. Яиц? Фи, Джерри, это неприлично.

Д Ж Е Р Р И. Ноу... Не яиц. Что продают. Печеночка, пупочек...
Как это? До самых...

В И Л А Н А. Потрохов?

Д Ж Е Р Р И. Точно! Вы должны быть, говорит, русские люди
до самых по-тро-хов!

В И Л А Н А (бросая костяшки на счетах). Так... Двадцать девять
тысяч пятьсот шестнадцать долларов. А что купила? Да по сути
ничего: соль, кило вермишели, пряники – импортные, между
прочим, тульские, – спички... Стояла за минтаем мороженым –
не хватило. Да и денег уже не осталось. Шутка ли – тридцать ты-
сяч! Когда-то приличный домик можно было купить...

Д Ж Е Р Р И (прислушиваясь к приемнику). Тихо... Доллар опять
покатился.

В И Л А Н А. Сколько?

Д Ж Е Р Р И. Семнадцать копеек. А вчера продавали за двад-
цать. На три пункта.

В И Л А Н А. В Буффало наш ниагарский доллар уже по пят-
надцать.

Д Ж Е Р Р И. Ужас! *(Выключает приемник)*. А ты что, в Буффало ездила?

В И Л А Н А. Пришлось. В нашем супермаркете хоть шаром покати.

Д Ж Е Р Р И. Зачем шары катать, если пусто? Нонсенс! Странные вы люди!

Звонит телефон.

(Сняв трубку). Русское ранчо «Ниагара»... Спасибо, березовые веники нам не нужны. Мужчина, вы понимаете русский язык? Ни в кредит, ни со скидкой, у нас их на двадцать лет будущего времени. *(Бросает трубку)*. Как с ума посходили. Металла нет, пластмасс нет, все фирмы кинулись вязать веники.

В И Л А Н А. Автобуса долго не было, еле втиснулась. Сумки, рюкзаки, толкотня. Поддороги как цапля – на одной ноге.

Д Ж Е Р Р И. Мог бы поехать с тобой. Помог бы. Чего же ты?

В И Л А Н А. Как будто не знаешь.

Д Ж Е Р Р И. А где Том?

В И Л А Н А. Свадьба у дочки. Помчался как безумный. Обещал вчера вернуться. До сих пор нет. Отсюда вам никуда нельзя. Ты ведь знаешь.

Д Ж Е Р Р И. Да знаю, знаю.

В И Л А Н А. Одно дело газеты, Джерри. Или радио. А ты бы на лица посмотрел. Кричат, друг друга перебивают. Пять лет, мол, прошло, а полиция этих трех... извини... гадов поймать не может.

Д Ж Е Р Р И. Мы, что ли, гады?

В И Л А Н А. Старушка со мной в автобусе рядом стояла. Я бы, говорит, их перед Белым домом на одной виселице...

Д Ж Е Р Р И. Молчи! Ты-то ведь знаешь! Я, что ли, хотел развала? Или Том? Или Рэмбо? Если бы все шло так, как мы писали в меморандуме, ничего этого бы не случилось... Да, была единая страна. Да, жили вместе... Но ведь все, дорогая моя, имеет начало и конец. Государство Наполеона, Британская империя... Где они? На определенном этапе федерализм стал тормозом. Сорочка, сшитая в XIX веке, стала трещать по швам. Мы уткнулись в тупик, из которого был только один выход... Возьми мой штат. Самый бедный, самый отсталый, да? А в недрах у меня и золото, и нефть, и уран... Япошки предлагают: давайте сотрудничать. У косоглазых знаешь какое чутье. Будем вас инвестировать, говорят. Приезжайте, договоримся. А президент:

«Сейчас не время». И все. Он за меня решает. А я, видите ли, лишен права на внешнеполитическую деятельность. Тогда, говорю ему, гоните деньги из федерального бюджета. А он вместо этого, – бабах! – и пять миллиардов в космос! Ради чего? Престиж Америки? Ноу, ноу! У вас хорошее слово есть. Как это?.. Что-то с ухом... Постой...

В И Л А Н А. С ухом?

Д Ж Е Р Р И. Да, да.

Появляется Р э м б о с посылочным ящиком на плече.

Р Э М Б О. Есть такое слово. (*Ставит ящик на землю, снимает телогрейку и остается в цветастой суконной поддевке. Вынимает записную книжку, листает ее*). Вот. По-ка-зу-ха.

Д Ж Е Р Р И. Точно: показуха! Когда вместо дела показывают ухо другому человеку.

Р Э М Б О (*прячет записную книжку*). Служащему русской фирмы, Джерри, пора за пять лет изучить тонкости языка. (*Снимает с ящика опоясывающую его веревку*).

Д Ж Е Р Р И (*Вилане*). Пять миллиардов в космос, понимаешь! Вот он какое ухо показал мне, президент! А в моем штате сто тысяч безработных. И я, как губернатор, эти деньги пустил бы не в небо...

Р э м б о смеется.

Р Э М Б О. Губернатор! Он губернатор!

Д Ж Е Р Р И. Да, губернатор! Представь себе!

Р Э М Б О. Почему не Наполеон? Или адмирал Нельсон? (*Вилане*). Его, видите ли... Как это? (*Вынимает записную книжку, листает*). Есть такое русское слово... Ага, вот. «Прокосило». На этом губернаторе его про-ко-си-ло. Хватит косить, Джерри, надоело, Вилана, разъясните ему, прошу вас... А где наши клещи? (*Уходит во флигель*).

В и л а н а и Д ж е р р и провожают его долгим взглядом.
Некоторое время молчат.

В И Л А Н А. Бедняга, он начисто лишился памяти. Амнезия.

Д Ж Е Р Р И. Ему легче, чем мне и Тому.

В И Л А Н А (*встрепенулась*). Боже, где же Том? Уже половина пятого...

Из флигеля с клещами выходит Р э м б о .
Внимательно посмотрел на В и л а н у и на Д ж е р р и .

Р Э М Б О. Вы объяснили ему, Вилана? Нет? Ладно... Подойди-ка сюда, Джерри. (*Отводит его в сторонку*). Понимаешь, старик... Хочу сказать тебе по-дружески. Это уже переходит всякие границы. Кончай, Джерри. Завязывай со своим губернаторством, ты меня понял?

Д Ж Е Р Р И. Но я действительно губернатор. Пусть бывший, но губернатор. Как и ты, между прочим.

Р Э М Б О. Я, Джерри, не губернатор. Я шеф ранчо, русского ранчо.

Д Ж Е Р Р И. А до этого?

Р Э М Б О. Сколько себя помню, я работаю здесь.

Д Ж Е Р Р И. Нет, Рэмбо, нет! Постарайся вспомнить, кем ты был раньше.

Р Э М Б О. Ты опять за свое. Учти, старик, я не могу держать у себя человека с явными психическими отклонениями. Особенно в должности массовика-затейника. Надо мной тоже есть боссы, пойми. И если изо дня в день ты, как маньяк, будешь мне твердить: «Я губернатор! Я губернатор!»...

Д Ж Е Р Р И. Но я же губернатор!! (*Подбегает к столу и с остервенением бьется об него головой*). Губернатор! Губернатор! Губернатор!

Р Э М Б О (*как можно спокойнее*). Если ты и дальше будешь настаивать на этом, Джерри...

Д Ж Е Р Р И. Я не массовик-затейник! Я экс-губернатор штата!

Р Э М Б О. Если ты будешь продолжать в этом духе, Джерри, мне придется тебя пролечить в учреждении закрытого типа. Принудительно. Понял? Все. Я тебя предупредил. Больше на эту тему мы не говорим. Помоги мне открыть ящик.

Д ж е р р и смотрит на В и л а н у и беспомощно разводит руками.

Вместе с Р э м б о ставит ящик на стол. В и л а н а подходит к ним.

Д ж е р р и снимает крышку. В и л а н а читает надпись.

В И Л А Н А. «Гуманитарная помощь республике Ниагара».

Д Ж Е Р Р И. Не забывают нас. Молодцы.

Р Э М Б О. По списку раздавали. В Комитете спасения.

В И Л А Н А. Из Киргизии.

Д Ж Е Р Р И. О, богатая страна.

Р Э М Б О. А в прошлом году мы получали... Не помнишь, Вилана?

В И Л А Н А. С Чукотки, вы что? Воблу забыли?

Д Ж Е Р Р И. О, вобла, вобла! Ит воз бьютифул фиш!

Р Э М Б О. Отставить англиш!

Д Ж Е Р Р И. Виноват! (*Запускает руку в ящик*). Вдруг тоже вобла.

В И Л А Н А. В Киргизии воблы нет.

Р Э М Б О (*оттесняет Джерри*). Одну минуточку... Вот письмо. Давайте по порядку. (*Надевает очки, читает*). «Дорогие далекие друзья! Мы, киргизы, с восхищением следим за первыми шагами вашей молодой Ниагарской республики. Образованная на развалинах бывшей империи, освободившись от двухсотлетнего рабства, ваша держава уверенно строит свое будущее. Мы знаем – ниагарцам сейчас тяжело. Экономика ваша до сих пор не одолела жесточайший кризис: стоят заводы, бастуют медики и шахтеры, коррупция и инфляция хотят задушить ваше маленькое, но свободное государство.

Но мы, жители далекой Киргизии, не отгородились от тебя, Ниагара, высокими горами. Нет! Мы будем тебе оказывать сильную экономическую и гуманитарную помощь. С чего нужно начать, чтобы преодолеть неизбежные трудности переходного периода? Отвечаем на этот вопрос. Как наши предки – далекие первобытные люди, начните с овцеводства. Тогда у вас будут в изобилии и шерсть, и мясо, и молоко, и даже дубленки. Вот почему чабаны нашей страны посылают вам свои специальные головные уборы, надев которые они пасут овец. А палки или кнуты для стада, мы уверены, вы сможете сделать по прилагаемым чертежам. Посылаем вам также рецепты популярных блюд нашей национальной кухни из баранины: беш-бармак, котлеты «Суса-мыр», суп по-чабански и другие. Привет свободной и независимой Ниагаре от братского киргизского народа!»

Р э м б о вынимает из ящика войлочные шляпы.

Все трое молча надевают их, с недоумением смотрят друг на друга.

Д Ж Е Р Р И. Вобла лучше.

Р Э М Б О. Мисс Вилана, напишите, пожалуйста, письмо в Киргизию и поблагодарите наших далеких друзей за гуманитарную помощь.

Звонит телефон. Д ж е р р и снимает трубку.

Д Ж Е Р Р И. Русское ранчо «Ниагара». Нет, нет... Мы знаем вашу фирму, но веники нам не нужны. Да, когда-то пять лет назад, мы обращались, ваш компьютер не врет. Сейчас ситуация изменилась. Не берем веники, не берем. У нас воды нет, какая

банька? Что? (*Прикрыл трубку, Рэмбо*). Предлагают бартер. Они – венники, а мы?.. Ну, ну, быстро!

В И Л А Н А (*снимает шляпу и кладет на стол*). А мы все для производства дубленок. (*Улыбается*).

Д Ж Е Р Р И. Умница!

Он и Р э м б о кладут на стол свои шляпы.

(*В трубку*). Вы слышите? У нас есть комплект оборудования для изготовления высококачественных дубленок... Нет, одних венников мало. Вы что? Импортная линия, почти автоматическая... Да, да, мэйд ин Киргизия. (*Закрывает трубку ладонью*). Ключули! (*Снова по телефону*). Отличный дизайн, простота эксплуатации. Обслуживают всего три человека. Расходы? Окупятся за год. (*Закрывает трубку ладонью*). Дают к венникам консервы.

Р э м б о и В и л а н а кивают. Появляется Б а б а Ф е н я с вязанкой хвороста на плечах. Присаживается, переводит дыхание.

(*В трубку*). Возьмем. А какие? Рагу «Солнечная долина»? Договорились. В качестве ноу-хау получите рецепты блюд из баранины. Еду! О'кей! (*Кладет трубку, собирает шляпы*). Рагу из войлочных шляп! Фантастика! (*Убегает*).

Р э м б о уходит вслед за ним.

Б А Б А Ф Е Н Я. Гости будут – сорока насорочила.

В И Л А Н А. Какие гости! Уж год никто к нам не заглядывал.

Б А Б А Ф Е Н Я. Сон еще видела – тарелки летали. К ночи жди непрошенных.

В И Л А Н А. Дороги перекрыты, танки, кровь... Война ведь рядом, в Мичигане. А если б и приехал кто – чем кормить?

Б А Б А Ф Е Н Я. И то правда – сами с хлеба на воду перебиваемся. Ох, ох, грехи наши тяжкие.

В И Л А Н А. Том еще вчера должен был вернуться. Извелась я. Всякое в голову лезет. Что с ним, бабушка Феня? У сердца твоего и уши и глаза есть. Жив он? Жив?

Б А Б А Ф Е Н Я (*закрывает глаза веками*). Мертвый к дому не гребет.

В И Л А Н А. Правда? Ты его видишь, баба Феня?

Б А Б А Ф Е Н Я. Как тебя, милая...

Вилана обнимает ее, в глазах – слезы радости.

Не трясина меня, девка. Рассыплюсь – не соберешь. Гляди: чужого мужа полюбишь – себя погубишь. А котика моего забыть

забыла? Сучке этой, фырке-мырке, подарила. (*Вынимает из вязанки веточку*). Отстегать бы ее по попке, да некому... А он тоже хорош, внучек – на денежки кинулся, все на свете позабыл... Ишь веточка какая, раскрасавица... Рубит народ, почему зря рубит – к зиме готовится. С ближней рощицей пошабашили, теперь вот за оврагом разбойничают. Красное дерево, вишь, завалили. А я хожу, веточки подбираю. Сек.. сек... Или сик...

В И Л А Н А. Господи, да это же точно – секвойя!

Б А Б А Ф Е Н Я. Высоко стояла красавица. Почитай, с башню Эйфелеву.

В И Л А Н А. Секвойи рубить! Это же безумие! Погоди... Ты откуда про башню про Эйфелеву знаешь?

Б А Б А Ф Е Н Я (*спохватившись*). Да я так... Ничего не знаю, не ведаю. Дремучая я. Где башня, а где я жила? Соображаешь?

В И Л А Н А. Ой, бабушка Феня! За нос водишь, хитришь. То схоронили тебя, то ожила. То вроде темная, а то... Читала ты про башню или картинки где видала? Ну скажи, не отстану. Только мне.

Б А Б А Ф Е Н Я. Только тебе? Экс-клю-зив-но? Эх, милка... Да я на этой башне, на самой, почитай, верхотуре стояла.

В И Л А Н А. Ты?

Б А Б А Ф Е Н Я. Внизу, значит, город Париж, миллионы огней. А рядышком муж мой. За локоток меня придерживает. Лейб-гвардии капитан князь Ольховский-Дебрие. Царствие ему небесное. Адью! Же сюи три прэсэ!

В и л а н а ошеломлена. Б а б а Ф е н я смеется. Подхватывает вязанку хвороста и, напевая французскую шансоньетку, убегает, оставляя В и л а н у в полном недоумении. Свет медленно уходит. Слабый огонек светится в окошке избы.

Картина шестая

Тихо, темно. Из мрака появляется мужчина, в котором с трудом можно узнать Т О М А . На нем китель и милицейская фуражка советского образца, в руках кейс. Подходит к светящемуся окошку, легонько стучит. В наспех наброшенном халатике на крыльце показывается В и л а н а .

В руках у нее керосиновый фонарь.

Увидела Т о м а , кинулась к нему, припала к груди.

В И Л А Н А. Том!

Т О М. Вилана! Май дарлинг!

Нежные объятия, поцелуи. В и л а н а освещает лицо Т о м а фонарем.
Т о м подносит руку к козырьку.

В И Л А Н А. Лицо чужое и довольно противное.
Т О М. Мерзкое.

Снова целуются.

В И Л А Н А. Типичный советский мент.
Т О М. Пройдемте в участок, гражданочка.

Смех, поцелуи.

Твоя придумка спасла мне жизнь. Русский милиционер – это, я тебе скажу, почетнее, чем губернатор. Билет на автобус – без очереди. Рашен? Рашен, рашен. Все тебе улыбаются, пропускают, никаких проблем. А на таможне? Я ведь три штата... бывших штата проезжал. Везде досмотр: что везешь, куда везешь. А мне честь отдают, кто посмеет мой кейс открыть? Рашен? Йэс, рашен, рашен.

В и л а н а отклеивает его усы, снимает фуражку. Они садятся за стол.
Долгое молчанье. Т о м подкручивает фитиль, добавляет свет.

Приехал в Цинциннати поздно вечером. Темно, улицы пустые, мертвый город. Кучи мусора – до вторых этажей, крысы шныряют, вонь. А ведь столица государства, между прочим. Ну вот, звоню домой. Жена снимает трубку. «Это я, Бетси. Хочу видеть Клэр. Благословить ее как отец. Нам троим нужно встретиться. Где и когда?» Молчит. «Ты меня слышишь, Бетси?» Короткие гудки. Звоню снова. Опять молчит. Потом тихо: «Дома я не могу тебя принять, Том. Я замужем. Через час мы с Клэр подведем туда-то и туда-то.» Пришел. Дождик моросит. Стою под балконом, жду. А на стене плакатик, ветром оборванный. И лицо мое. Прежнее, улыбка до ушей. И подпись, Виланка: «Разыскивается государственный преступник... Полмиллиона долларов тому, кто поможет его задержать.» И все. И понял сразу, кто я такой. Тут, гляжу, белый кадиллак паркуется – мой, между прочим. За рулем Бетси. Подъезжает одна полицейская машина, другая. Бетси выходит, они о чем-то говорят. Тут меня увидели. Подходят, честь отдают. Рашен? Рашен. А мы, говорят, здесь одного клиента поджидаем. Государственный преступник, враг народа. В случае чего будем открывать огонь на поражение. Вам лучше пройти... И побрел я назад, на автобус. Подлючка! Это она копов привела. Чтоб вра-

га народа поймали. (*Криво усмехнулся*). Враг, конечно, враг. А кто же я? И Джерри, и Рэмбо... Что с нами было в ту ночь, пять лет назад? Что мы со страной сделали? Мы! Мы! Умалишенные! Нам прощения нет и не будет! (*Падает перед ней на колени, обнимает ее ноги, плачет*). Я не хочу жить, не хочу! Не хочу!

В И Л А Н А. Том! Замолчи! (*Поднимает его с колен*). Мы что-то придумаем.

Т О М. Я приехал проститься с тобой, Вилана.

Из избы выходит Р э м б о .

Р Э М Б О. О, Том! Ну как, повидал семью?

Т О М. Задержался немного – не хотели отпускать.

Р Э М Б О. Где свадьба была?

Т О М. В «Мэдисон-центр».

Р Э М Б О. О, престижно. Я рад за тебя. Поздравляю. Как супруга? Э... э... прости...

Т О М. Бетси.

Р Э М Б О. Ах да, Бетси.

Т О М. Все нормально. Платье купила от Кардена. Манто...

Р Э М Б О. Из соболей, небось?

Т О М. Кажется.

Р Э М Б О. Она что, не демонстрировала тебе? Соболь на голом теле? А? (*Подмигивает*). Они ведь любят, чертовки, с нашим братом чуть-чуть пошалить. Распахнется – спрячется... Да?

Т О М. Ты как-будто рядом стоял, Рэмбо.

Р Э М Б О. Уж кто-кто, а я женщин знаю, будь уверен. (*Хохочет*). Откроет – закроет. Как мультик. (*Хохочет*). Ты, конечно, не растерялся, старик? (*Хлопает его по плечу*). Рад за тебя, Том, рад.

Слышится отдаленный гул мотора. Недоумение. Звук становится сильнее.

Бегающие лучи прожекторов освещают сверху избу и двор.

Р э м б о хватает ружье, прицеливается. Сверху спускается трап.

Р э м б о стреляет. Чей-то крик.

На трапе появляется В о в ч и к , грозит кулаком.

В О В Ч И К. Кретин, мать вашу! По своим?!

Р Э М Б О. Это же мистер Вовчик!

В О В Ч И К. Так высокого гостя встречаете? Обормоты!

Р Э М Б О. Том, Вилана! Это мистер Вовчик! (*Машет шляпой*). Мистер Вовчик! Мистер Вовчик! Урра! К нам приехал, к нам приехал мистер Вовчик дорогой!..

Картина седьмая

Солнечный день, много света. Сидя за столом, Рэмбо считает на счетах. Появляется Вилана – несет на подносе батарею красивых бутылок с напитками, блюда.

РЭМБО (*увидев ее*). Ты что? (*Вскочил, рассматривает бутылки*). Приказано: никаких коньяков, никаких стерлядей. По-спартаковски.

ВИЛАНА (*улыбнувшись*). По-спартански.

РЭМБО. Да, да... (*Вынимает свою записную книжку и что-то отмечает в ней*). Чтобы все, как тогда, пять лет тому назад. (*Громко*). Джерри!

ВИЛАНА уносит поднос. Из флигеля выходит Джерри, в руках у него стеклянная банка без крышки.

ДЖЕРРИ. Попробуй. Вот суки. (*Зачерпывает ложкой и дает Рэмбо*).

РЭМБО (*попробовал, скривился*). О, физис!

ДЖЕРРИ. По-русски: дерьмо!

РЭМБО. Собачье! Тьфу!

ДЖЕРРИ. Кинули нас с этим бартером.

РЭМБО (*рассматривая банку*). Рагу?

ДЖЕРРИ. Рагу. Только, едрена мазер, из одуванчиков. Сво-лочи! Три шляпы отдал.

РЭМБО. Четыре. Сам ты шляпа. Ставь на стол. (*Щелкает себя пальцем по щеке*).

ДЖЕРРИ. Нашу?

РЭМБО. Босса ностальгия заела.

Джерри выносит из флигеля канистру и ставит ее на стол.

Скажу тебе, Джерри: наш Вовчик финансовый гений мирового масштаба. Рокфеллер... Ну мне просто смешно поставить их рядом. Тот десятки лет сколачивал свой капитал. А Вовчик наш за одну неделю наварил несколько миллиардов. Компьютерный мозг, миллион операций в секунду, зверская интуиция.

ДЖЕРРИ. Мы, болваны, помогли ему.

РЭМБО. Кто это – мы? Служащие ранчо? Мы развалили Штаты? (*Смеется*).

ДЖЕРРИ. Здесь, пять лет тому назад, ты же сам убеждал нас, что это исторически неизбежно. Меня и Тома... Нострадаму-

са читал, где про гибель Штатов написано... Забыл? Или прикидываешься? А?

Р Э М Б О. У мистера Вовчика есть еще то, что русские называют... *(Вынимает записную книжку, листает)*. Ага, вот... «Ве-зу-ха». Сам посудит – заводы Форда – его, корпорация «Дюпон», а это вся химия – тоже его. А нефть Техаса? А Питтсбург с металлургическими заводами? Не надо завидовать чужому богатству, Джерри.

Появляются В о в ч и к и Д ж е н н и ф е р .
Оба с теннисными ракетками.

Д Ж Е Р Р И. Босяк стал миллиардером.

Р Э М Б О. Провокатор! *(Умильно улыбаясь)*. А мы вас ждем, мистер Вовчик!

В О В Ч И К *(продолжая разговор с Дженнифер)*. Нет!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Да!

В О В Ч И К. Я сказал: нет!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. А я сказала: да!

Д ж е р р и ставит на стол тарелки, банки с едой.
В и л а н а выносит на подносе стаканы.

В О В Ч И К. А вот и киска наша. Дай лапку поцелую. Я на этих презентациях и коктейлях знаешь как надрачился! *(Целует ручку, хищно и дерзко смотрит Вилане в глаза. Занел)*. «Сердцу хочется ласковой песни и хорошей, большой любви... « Три года тебя не видел... Где наш массовик-затейник? Сбацал бы что-нибудь. Для души.

Р Э М Б О. Джерри!

Д ж е р р и берет гармошку, что-то неумело наигрывает.

В О В Ч И К. Развалили ранчо, козлы. Не американцы вы, а настоящие заср... Не хочу при дамах. Гараж красавец стоял... Крыша завалилась, ни машин, ни компьютеров.

Д Ж Е Р Р И. Страна развалилась, а вы – гараж.

В О В Ч И К. А кто валил ее? Я? Нет, ты скажи, блин!

Р Э М Б О. Молчи, Джерри. Виноваты, шеф.

В О В Ч И К. Дорожки были, фонарики светились, бассейны с моржами. Где все это?

Д Ж Е Р Р И. Моржи, например, уплыли.

В О В Ч И К. Что он мелет?

Р Э М Б О. Чека вышла... То есть чепе. Нам же воду только ночью подают.

В О В Ч И К. В чем проблема?
Р Э М Б О. Проспал дежурный.
Д Ж Е Р Р И. И вода перелилась, понимаете... Через край.
В О В Ч И К. А моржи?
Д Ж Е Р Р И. И моржи с водой... Уплыли...

В о в ч и к хохочет. Вдруг веселье слетает с него.

В О В Ч И К. Я ж им золотые клыки велел вставить.
Р Э М Б О. С клыками, мистер Вовчик.
В О В Ч И К (*громовым голосом*). Кто дежурил, мать вашу!
Д Ж Е Р Р И. Я.
В О В Ч И К. Рожу нажрал, охламон. Берия бы в расход тебя
пустил как врага народа.
Д Ж Е Р Р И. А я и есть враг.
В О В Ч И К (*Рэмбо*). Высчитать стоимость моржей и золота.
Р Э М Б О. Слушаю, шеф. (*Записывает*).
В О В Ч И К. И приплод посчитай.
Р Э М Б О. Будет сделано.
В О В Ч И К. На десять лет вперед. Настроение клевое.
Руки марать об него не хочется. Что ты там брынькаешь, блин!
Дай сюда!

Д ж е р р и отдаёт ему гармошку. В о в ч и к любовно растягивает меха.
Играет и поет с прежним задором.

Не кочегары мы, не плотники,
И сожалений горьких нет
как нет!
А мы монтажники-высотники
И с высоты вам шлем привет!

(*Джерри*). Понял, массовик-затейник? Глиста навозная! (*Играет и поет теперь уже только для Виланы*).

Ты прекрати мои страдания,
Минуты жизни в пустоте
не те,
И наше первое свидание
Пускай пройдет на высоте!

За мной, девочки и мальчики! (*Пританцовывая, идет по кругу, остальные – за ним*). Делаем поезд! Друг за другом! Поезд идет на Восток! Ту-ту!

Едем мы, друзья,
В дальние края,
Станем новоселами
И ты, и я!

(Кладет гармошку, садится за стол). Прощу! Все, все! И господа, и слуги. (Наполняет стаканы). Мы демократы, мы девок рады... (Хочет). Чем не Пушкин Александр Сергеевич? И еще могу. Поднимем чару за Ниагару! ..Ладно, сурьезно... Пять лет ровно, день в день. Здесь все начиналось. Отсюда мы вышли, как ребеночек из материнского пузика. И побежали по золотой дорожке. Кем тут был Вовчик? Каждый знает, чего темнить? Старший подметайло. Массовик-затейник, как этот... (Кивает на Джерри).

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Хоть помнишь, кому обязан?

В О В Ч И К. Эх, сивуха моя горемычная! Огонь да вода, клин в голову, миру мир! (Выпивает). Донышко остается, эй! Не заглатывать!

Пьют, закусывают.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Если бы не я, сгнил бы ты в могильнике своем.

В О В Ч И К (угрожающе). Она меня притомила.

Появляется К о т . Он в дорожном плаще, в руках кейс.

Направился было к столу, но увидел В и л а н у .

Остановился, хотел было подойти к ней, но В и л а н а вошла во флигель.

Почувствовав на себе тяжелый взгляд Д ж е н н и ф е р ,

К о т проходит мимо флигеля, приближается к столу и становится за спиной В о в ч и к а .

К О Т. Шеф, срочные новости.

В О В Ч И К. В гробу я их видел. Гуляю, понял? Расслабуха у меня. Пошел чертик по бочкам! (Наливает). Ты женке язык укорооти, слышишь? Достала!..

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р (с вызовом). Он забыл, Кот, что мы для него сделали.

В О В Ч И К. А я для вас? Могу вспомнить. Мелочи жизни. Маленькие сувенирчики – на Рождество, в день ангела... Три супер-лайнера, отель «Хилтон» в Атланте, игровой бизнес... Что еще? Вся Калифорния, блин, под вашим колпаком. Мало?

Появляется В и л а н а .

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Калифорния без Голливуда? Спасибо тебе в шапочку.

В О В Ч И К (*Коту*). Бахнутая она, в натуре.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Я актриса. Ты же обещал мне. Там, помнишь?..

В О В Ч И К. В Сингапуре? Было, было... За ночь любви чего только не наобещаешь. Правда, Котик? Шучу... Обещал да раздумал. Вот киску увидел и очумел. (*Пристально смотрит на Вилану*). Я вот киске Голливуд подарю. (*Вилане*). Хочешь? Без дураков. Хоть завтра. Ну!

В И Л А Н А. Гнусные черные вороны. Слетелись и клюете. Она ведь еще живая, страна. Еще не труп. Ненавижу вас!

В о в ч и к пытается его удержать, но она вырывается и исчезает в избе.

К о т, пользуясь случаем, что-то шепчет на ухо В о в ч и к у.

Вынимает из кейса документы, показывает их. Видимо, новость радостная и приятная: глаза В о в ч и к а загорелись алчным огнем.

В О В Ч И К (*Коту*). Так, так... Я рад, о'кей... Надо отметить... (*Громко и торжественно*). Господа! Леди и джентельмены! Братцы! Слушайте меня. Важное сообщение. Строго секретно.

Р Э М Б О. Может, нам уйти?

В О В Ч И К. Вы свои кореша... Так вот. Будем кончать с анархией и хаосом. Первую пятилетку протопали, дров нарубали – хватит, под завязку. Поигрались – и будя! Экономика задыхается, заводы стоят, я каждый день теряю миллионы долларов. Везде границы, блин, президентики липовые – пятьдесят штук. Хрен знает что, беспредел! Можно серьезно заниматься бизнесом?

Р Э М Б О. Надо объединяться, шеф.

В О В Ч И К. Ну вот, простой американец, хозяин ранчо, за объединение.

Д Ж Е Р Р И. Идея у нас была правильная. Но все пошло вкривь и вкось.

В О В Ч И К. И массовик-затейник тоже за. Не Голливуды надо покупать, а танки, ракеты «земля-воздух», тяжелые бомбардировщики.

Д Ж Е Р Р И. Зачем?

В О В Ч И К. Ребенок, что ли? Кто-то «за», кто-то «против». Кровавое дело может быть. «Уходили комсомольцы на гражданскую войну...» Зато страна игрушка будет – лет через пятьдесят или сто. Вот как она будет называться, мы еще не решили.

Д Ж Е Р Р И. Простите, шеф. Кто это – мы?

В О В Ч И К. Сеня Блинкин, Шурик Бацилла и я. Члены-учредители, так сказать. Практически мы сегодня контролируем процентов семьдесят этой несчастной страны. Только что мой

секретарь, вы видели, привез на хвосте их согласие. И Сенька, и Шурик – за объединение. Как будет называться, мы пока не решили. Может быть империя. Или Союз, или республика. Это без разницы. И Сенька, и Шурик на меня стрелки перевели. Чтобы я, блин, стал во главе. Честно, еще не знаю... Император Вовчик, а? Звучит? (*Хохочет*). Главное – вырвать страну из хаоса. Сердце ж болит за нашу Америку, ой, как болит! ..За нее, страдалицу.

Все, кроме Д ж е р р и , выпивают.

А ты чо притих?

Д ж е р р и что-то шепчет на ухо Р э м б о .

Р Э М Б О. Он крови боится.

В О В Ч И К. Хлюпик. Поздно сопли размазывать, когда мозги вытекли. Раньше тумкать надо было... «Кровь!» Дите и то без крови не выползет на свет. А мы страну рожать должны – Сенька Блинкин, Шурик Бацилла и я. Пей, говорю!

Д ж е р р и через силу пьет.

Д ж е н н и ф е р неожиданно выходит на середину сцены.

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р (*поет*).

Скатерть белая залита вином,
Все гусары спят непробудным сном...

В О В Ч И К (*поет*).

Только я один пью шампанское
За любовь твою, за цыганскую...

В о в ч и к наливает себе стакан, залпом опрокидывает.

Д ж е н н и ф е р , играя плечами и бедрами, приглашает его в танец.

Остальные образуют полукруг вокруг танцующей пары.

Никто не замечает, как к столу подходит какой-то
опустившийся бродяга с котомкой за плечами.

Присаживается, наливает себе полстакана, выпивает.

С жадностью ест.

В С Е.

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные.
Как люблю я вас, как боюсь я вас,
Знать увидел вас я в недобрый час!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р (в танце). Клевый ты мужик Вовчик.
Но большая сука!

В О В Ч И К (хохочет). Чего же ты стелешься? Императрицей
стать хочешь?

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. Тебя хочу. Просто тебя.

В О В Ч И К. Вон Котик твой. Брысь!

Д Ж Е Н Н И Ф Е Р. А мне Волчик нужен. Иди сюда, Волчинь-
ка, иди...

В О В Ч И К. Вон пошла!

Остановился. Песня резко оборвалась.

Надоела! Во где сидишь! Гнида! К другой киске пойду.
Кот, держи ее. (Пошатываясь, входит в избу).

К о т уводит упирающуюся Д ж е н н и ф е р .

Р э м б о и Д ж е р р и с удивлением замечают сидящего за столом
незнакомое человека. Першептываются.

Р Э М Б О (подходя к столу). О! Кто вы такой?

Т Я Т Я. Экологический преступник Татищев Тимофей Ильич.
(Кланяется. Шарит вилкой по тарелкам). Дайте мне кусочек мяса –
расскажу вам про Пикассо.

Д ж е р р и выносит из флигеля тарелку с едой, ставит на стол.

Пять лет за веники отсидел, ребята. От звонка до звонка.

Р э м б о и Д ж е р р и недоуменно переглядываются.

Р Э М Б О (достаёт записную книжку, листает ее). «Звонок»...
«Звон»... «Слышал звон, да не знаю, откуда он.» Да? Нет?

Т Я Т Я. Вы что, ребята, не наши? Американцы, что ли?

Р э м б о и Д ж е р р и кивают.

(С жадностью ест). На ранчо работаете? Я понял, понял. Вкусно,
еще бы перчику немножко – и самый смак... А как с вениками?
Есть?

Д Ж Е Р Р И. Навалом.

Т Я Т Я. Это о'кей. Когда меня замели, с этими вениками пес-
ня была. Ни одна фирма не могла их освоить.

Р Э М Б О. Научились. Теперь отбоя нет.

Т Я Т Я. Эта американская перестройка вся через меня про-
шла. Сперва телек в камере стоял, семьдесят шесть каналов, а в

конце так даже радиоточку сняли. Ну с этим еще ладно... А со жратвой вообще разбой полный. Вначале шницеля и антрекоты приносили, индеечку на день благодарения. Салаты, кетчупы, белый соус, красный – из кожи вон лезли, чтобы вкусно накормить. А чуть пережарят либо там пересолят – как двинешь по тарелке да еще маточком пошлешь на дистанцию – чепе у них, аврал! Метушатся, бедолаги, шеф-повара волокут. «Айм сорри, айм сорри». Джина с тоником поставят втихомолку – только б начальству не наступал. Что вам сказать, братцы: кремлевский санаторий, ей-богу! А потом как началось... Подсыпь-ка еще парень, не жлобись...

Р Э М Б О. Не жлобись, не жлобись... *(Добавляет ему в тарелку).*

Т Я Т Я. А потом урезать начали. Чувствую – развал идет в стране. Каждый тянет, что тянется. Сперва мясо пропало, потом рыба, даже грейпфруты исчезли. Последний месяц – баланда-затируха из запасов Гулага и компот из сухофруктов. Отощал я, рези в животе, жратва по ночам снится. Насилу звонка дождался. Вышел, а на воле вообще жуть. Сел я, ребята, в Штатах, а вышел в Верхней Вольте. Полный песец... Ну что делать: стал назад проситься, в тюрьгу. Нет, говорят, вы свободный гражданин. Залез тогда снова на березы. Сейчас, думаю, влепят срок и порядок. Жратву дадут хоть какую-никакую, крышу над головой... Стригу березы, песенку пою. «Парикмахер дядя Толик, подстриги меня под нолик...» Вдруг полицай выходит. Глядит, улыбается, гад, – и ничего. Я ему ветки прямо к ногам бросаю – ноль внимания. Кричу ему даже: «Можно?» А он головой мне кивает: давай, мол, валяй. Может, говорит, помощник тебе нужен? А то нам полгода зарплату не выдают... Вот тогда и понял, братцы, что все, кончилась Америка. Слез с березки и сюда пришлепал... Дайте водочку и сало, расскажу вам про Шагала. Наливайте, что ли.

Чокаются, пьют.

Хорошо здесь. Будто на родной земле. А вы... Вроде где-то я вас видел. И тебя, и тебя... Еще, сдается, третий был с вами.

Появляется Т о м . На нем рубашка с вышитым воротником,
на голове картуз.

А вот, кажется, и он. А ля мужик ряженный... Точно, дурья башка! На плакатике вас видел. В метро, на столбах, везде. Губернаторы вы или сенаторы – не помню. Вы, значит, страну развалили. Полмиллиончика за каждого дают. *(По очереди осматривает*

каждого). И за тебя, и за тебя, и за тебя. А всего выходит полтора лимона. Недурственно. Бензоколонку купить можно, домик во Флориде. Сдать вас, что ли?

Р э м б о ударом кулака сбивает его с ног.

Р Э М Б О. Вяжите его! Веревку! Быстрее! (Вместе с Томом связывают Тятю).

Д ж е р р и заклеивает рот Т я т е скотчем.
Р э м б о и Т о м переносят его во флигель.

Д Ж Е Р Р И. Испугался, Рэмбо? Мы все на одном плакатике, понял?

Р Э М Б О. Чушь! Я служащий на русском ранчо.

Д Ж Е Р Р И. Хватит дурить!

Т О М. Мы должны покаяться, все трое.

Р Э М Б О. Ни за что!

Из избы раздается пронзительный крик В и л а н ы : «Помогите! Том!

Том!» Грохот падающих предметов, громкий голос В о в ч и к а .

И снова кричит В и л а н а : «Подонок! Уйди!»

Услышав крик В и л а н ы , Т о м бросается к крыльцу.

Но Р э м б о ставит ему подножку. Т о м падает.

Р э м б о становится в дверях. Снова слышится крик.

Т о м поднимается.

Т О М. Пусти, слышишь.

Р Э М Б О. Не велено.

Т о м пытается оттолкнуть его, но Р э м б о сильным ударом сбивает

Т о м а с ног. Дверь открывается, Р э м б о отходит в сторону.

Возникла тихая, щемящая душу музыка.

На крыльце появляется В и л а н а – разорванная блузка, волосы
всклочены, глаза устремлены куда-то вдаль.

Т о м поднимается. Сделал шаг по направлению к ней. Остановился.

Т О М. Вилана...

В И Л А Н А. Охру и сурик... Неужели нельзя достать?..
А, Том, это ты? Поздравь меня, поздравь...

Т О М. С чем, девочка моя?

В И Л А Н А. Интересно, как это с чем? Я вышла замуж...

Т О М. Замолчи!

В И Л А Н А. Я Вовчика жена. (Смеется). Миссис Вовчик.

Т О М. Опомнись! Я люблю тебя, Вилана!

В И Л А Н А. А я другому отдана и буда век ему верна...

Т О М. Убью его! Подлец!

Рэмбо и Джерри хватают его за руки.

ВИЛАНА. Поздно, Томик... Ты сам знаешь. Меня оденут в белые одежды. А лицо я нарисую себе сама. Суриком и охрой. И лоб покрашу, и щеки. И здесь, и здесь... Самой красивой буду. Правда, Том? Не подходи ко мне, не смей! Где лодочка-плоскодонка, моя скорлупка свадебная? Лягу на дно, небо наклонится надо мной...

ТОМ. Вилана, что с тобой?

ДЖЕРРИ. Мисс Вилана!

ВИЛАНА. Я ему понравлюсь, да, да. И дождь польется. И поля будут плодоносить. И солнышко обдаст вас потоком любви и света. *(Медленно идет в глубину сцены и исчезает в ее темноте).*

ТОМ порывается броситься за ней.

Рэмбо делает Джерри знак увести его.

ДЖЕРРИ. Ей лучше побыть одной. Не трогай ее сейчас. *(Подхватывает Тома под руку, уводит его).*

Рэмбо остается на крыльце. От удара ногой дверь распаивается.

Появляется Вовчик. Ослабил, увидел Рэмбо.

ВОВЧИК. Хороша киска, только дерется. Гляди. *(Раскрывает ворот).* И тут, и тут... *(Оголяет живот).* И сюда добралась. Ничего, обрежем коготки. Да, Рэмбо? Чик-чик.

РЭМБО. Да, шеф. Чик-чик.

ВОВЧИК. Еще там, в России, помирал за ней. И так, и эдак, а ей все по фигам. А тут, в Америке, поняла, кто есть Вовчик. Ху из ху, как говорится. Что она вякала тут?

РЭМБО. Я, говорит, за Вовчика замуж вышла. Поздравьте меня. Я, говорит, теперь миссис Вовчик.

ВОВЧИК. Так и сказала? Киска! Люблю ее! Все к ее ногам кину. *(Подходит к столу, наливает из канистры себе и Рэмбо).*

В глубине сцены, наблюдая за ними появляется Баба Феня.

За миссис Вовчик!

Чокаются, пьют.

Полюбит? Как ты думаешь?

РЭМБО. Все вас любят, мистер Вовчик. И Том, и Джерри, и я. Дали нам здесь работу, можно сказать, спасли... Мы вас очень

любим, мистер Вовчик.

В О В Ч И К. Любим, любим... Так я тебе и поверил, как же. Лизун вонючий.

Р Э М Б О. Ли-зун? *(Вынимает записную книжку, листает ее)*. «Лизун» нет.

В О В Ч И К. Отгребись, слышишь!

Р э м б о стоит, не понимая.

Вон пошел, любитель русской словесности! Гоу!

Р Э М Б О. Слушаюсь. *(Уходит)*.

В О В Ч И К *(заметив Бабу Феню)*. Эй!

Б А Б А Ф Е Н Я *(наподобие эха)*. Эй! *(Перемещается на другое место)*. Эй! Эй!

В О В Ч И К. Кто ты? *(Идет к ней)*.

Б А Б А Ф Е Н Я *(та же игра)*. О-ты! О-ты!

В О В Ч И К. Стой, чучело!

Б А Б А Ф Е Н Я. У-че-ло! У-че-ло!

В О В Ч И К. Или у меня натуральная белочка. Или здравствуйте, баба Феня.

Б А Б А Ф Е Н Я. Здравствуй, убивец.

В О В Ч И К. Убивец? Это простите-извините. Вы, бабушка Феня, живее всех живых. Скачете, как козочка на лужайке.

Б А Б А Ф Е Н Я. Убивец, убивец... Подушкой душил меня да не придушил. Грибами погаными травил да недотравил. С кочки в болото спихнул да убежал, ирод проклятый!

В О В Ч И К. Ой, баба Феня... Что было, то было. Изба ваша эта мне приглянулась, вот и надумал вас чуток укоротить... Думал: заживем с Виланкой. Я ведь зэк бывший, баба Феня. А у воров не бывает домов. Ради нее, ради киски, любого замочить бы мог, не то что вас, извините.

Б А Б А Ф Е Н Я. Иконку верни мне. Скорбящей божьей матери образок.

В О В Ч И К. Ой, бабушка Феня!.. Да я тебе храм на горе выстрою. А за что, знаешь? За то, что жива осталась, умница. С души грех сняла. А в храме том повенчают Вовчика и миссис Вовчик. *(Хочет)*. Сейчас киске расскажу, пусть порадуется. *(Громко)*. Виланка! Киска! Ты где? *(Уходит)*.

Из флигеля выходит Т я т я . Пытается снять ленту, которой заклеен рот. Знаками просит Б а б у Ф е н ю помочь ему. Она распутывает веревки, которыми обвязан Т я т я , отклеивает скотч.

Т Я Т Я. Спасибо, мадам. (*Кланяется*). Жертва международно-го терроризма Татищев, доктор искусствоведения.

Б А Б А Ф Е Н Я. Здорово, Тятя.

Т Я Т Я (*присматривается*). Боже, да ведь это... Бабушка Феня, дорогая, это вы?

Б а б а Ф е н я смеется.

Мистика какая-то. Как у Сальвадора Дали... Но если вы подлинно бабушка Феня...

Б А Б А Ф Е Н Я. Нет! Вернулась, Ильич, на круги своя. (*Протягивает руку для поцелуя*). Княгиня Ольховская-Дебрие.

Т Я Т Я. Боже! Немею от восторга! (*Целует ручку*). Всегда чувствовал, что вы голубых кровей. Не чета нам.

Б а б а Ф е н я достает золотой портсгар, вынимает оттуда длинную тонкую папироску, затягивается.

(*Закашлялся от дыма*). Как же вы, ваше сиятельство, столько лет прожили бабой Феней?

Б А Б А Ф Е Н Я. Как помер в Париже супруг мой князь Ольховский-Дебрие, решила я на Родину возвратиться. А меня прямо в Питере, в порту, хап – и в Сибирушку. Как вражескую шпиенку. Десять лет отдубасила, вот так...

Т Я Т Я. А я пять. У америкашек.

Б А Б А Ф Е Н Я (*говорит по-французски*).

Т Я Т Я. Извините, не усек.

Б А Б А Ф Е Н Я. Говорю: сравнил хрен с ананасом! У америкашек – курорт.

Т Я Т Я. Не скажите, бабушка... ваше сиятельство. Садисты они. Вертолетом меня в пустыню возили, в штат Невада. Чтoб я там березки сажал, в песок, при ста двадцати градусах в тени.

Б А Б А Ф Е Н Я. Ста двадцати? Ври да знай меру.

Т Я Т Я. По Фаренгейту, ваше сиятельство. По Фаренгейту. Это они так с моей дикарской психикой боролись, психоаналитики. Поняли? А каждое воскресенье перед обедом я им должен был читать стишки про природу. «Так и хочется к телу прижать обнаженные груди берез!...»

Б А Б А Ф Е Н Я. Шарман!

Т Я Т Я. «Я навек за туманы и росы полюбил у березки стан, и ее золотистые косы, и холщевый ее сарафан.»

Б А Б А Ф Е Н Я. А у нас, Ильич, никаких садистов и этих... психо...

Т Я Т Я. ...аналитиков.

Б А Б А Ф Е Н Я. Ага... Не было их. Вечное поселение на природе и сплошной лесоповал.

Т Я Т Я. Сейчас, читал я, князя да графья в большущем почете в России. Как раньше, помните, старые большевики. Того и гляди царя-батюшку в Кремль привезут. Вам тогда совсем лафа будет. И пенсию выпишут дворянскую, и проезд бесплатный аж до самого крематория.

Б А Б А Ф Е Н Я. Сказал тоже – пенсия! Покойница ведь я! По всем документам на том свете пребываю.

Т Я Т Я. Это точно. Слово прощальное лично пришлось над могилкой вашей. Извините, Христа-ради. *(Наливает себе и Бабе Фене)*. За упокой души вашей столько раз пили. Как же за здоровье-то не чокнуться?

Звон стаканов. Пьют.
Появляются трое американцев.

Р Э М Б О *(Тяте)*. Извините нас за некоторое невежливое рукоприкладство.

Д Ж Е Р Р И. И за то, что губки заклеили вам. Искренне сожалеем.

Т Я Т Я. Вот кто меня связал, ваше сиятельство. Разбойнички эти.

Р Э М Б О. Мы не разбойнички.

Т О М *(с горечью)*. Преступники мы.

Д Ж Е Р Р И. Враги народа.

Т Я Т Я. Это точно. Нососались русской сивухи и Америку закрыть порешили. Колумбы наоборот, ети ващу мать!

Д Ж Е Р Р И. Отвезите нас в полицию, мистер Тятя.

Т О М. Полтора миллиона не валяются. Зачем деньгам пропадать?

Т Я Т Я *(Бабе Фене)*. Сами просятя. Чокнутые.

Б А Б А Ф Е Н Я. Видать, подушка под головой вертится, спать не могут.

Т Я Т Я. Что делать? Везти, что ли?

Б А Б А Ф Е Н Я. Уважь, коли просят.

Д Ж Е Р Р И. В грузовичке четверть бака осталось. До Буффало хватит.

Т Я Т Я. Сейчас, ребята, в тюрьмах хреново. Предупреждаю.

Т О М. Нам недолго. Стул дадут.

Т Я Т Я. Стул? А, стул... Не! Не могу! Своими руками? Не!..

Д Ж Е Р Р И. Русская Достоевская душа. Полтора миллиона, а он еще колебается.

Б А Б А Ф Е Н Я. Бери, Ильич. За полтора миллиона избу назад перевезем, и дело с концом.

Т Я Т Я. А у меня на уме бензоколоночка была.

Б А Б А Ф Е Н Я. Очумел? Овес закупать надо. Того и гляди на конную тягу перейдут.

Т Я Т Я *(в раздумье)*. И то верно.

Р Э М Б О. У нас просьба есть. У всех троих. Последняя. Если в Россию вернетесь, не забывайте про Америку.

Д Ж Е Р Р И. Погибнет страна, сами видите. Помочь ей надо.

Т О М. На кого еще надеяться? В Германии кризис. Швейцарцы – жмоты. Франция сама еле сводит концы с концами.

Д Ж Е Р Р И. Только Россия.

Б А Б А Ф Е Н Я. Дело говорят ироды.

Т Я Т Я. Россия, точно, круто сейчас живет. За пять лет вашей перестройки рванула по всем направлениям. Поможем, братцы. Все расскажем, как живые очевидцы. И про голодуху, и про войну, про все ваши мучения.

Б А Б А Ф Е Н Я. Наши люди сердобольные. Отзовутся, откликнутся.

Т Я Т Я. Вещи будем собирать «секонд хэнд», медикаменты пришлем. Спонсоров поднимем, банки тряхнем! Да мы!..

Р Э М Б О. Спасибо, спасибо. Мы знали – русские от себя оторвут.

Т Я Т Я. Оторвем – мы такие...

Т О М. Спасибо, друзья, мы будем умирать с надеждой.

Д Ж Е Р Р И *(роется в карманах)*. Я тут... забыл. *(Вынимает серебрянную иконку)*. Антик, возьмите... Мистер Вовчик подарил.

Б А Б А Ф Е Н Я *(всплеснув руками)*. Господи! Чудотворная моя!

Д ж е р р и отдает ей иконку.

Скорбящей Божьей матери образочек святой... *(Истово целует иконку и плачет)*. Нашлася, вернулася... *(Отходит в сторону)*.

Т Я Т Я *(американцам)*. Ну что, бандиты, едем?

Д Ж Е Р Р И. Едем.

Р Э М Б О. Надо ехать, шеф.

Т Я Т Я. Фейсы хоть закройте. Узнают по дороге – не довезу. Так... На первый-второй рассчитайсь!

А М Е Р И К А Н Ц Ы. Первый! Второй! Первый!

Т Я Т Я. Нале-во! Шагом марш!

Б А Б А Ф Е Н Я. Пойдите!
Т Я Т Я. Отставить!

Американцы останавливаются.
Б а б а Ф е н я подходит к ним, осеняет каждого крестным знаменем.
Отдает иконку Д ж е р р и .

Б А Б А Ф Е Н Я. Что бы не пришло, молись. Денно и ночью повторяй: пресвятая Богородица, спаси нас и помилуй... Спаси и помилуй нас грешных. Понял?

Д ж е р р и кивает.

Т О М (*Бабе Фене*). Я мисс Вилану не увижу. Наверное, не увижу. Скажите, что любил и люблю ее. Не забудьте. Очень крепко люблю.

Б а б а Ф е н я наклоняет голову.

Д Ж Е Р Р И. Пресвятая Богородица, спаси нас и помилуй...
Т О М и Р Э М Б О. Спаси и помилуй нас, грешных.
Т Я Т Я. Смир-на! Шагом марш!
А М Е Р И К А Н Ц Ы и Т Я Т Я.

Едем мы, друзья,
В дальние края.
Станем новоселами
И ты, и я!

Б а б а Ф е н я , шепча молитву, машет им рукой.
Песня затихает вдали. Становится темно и тихо.

Картина восьмая

Стальными канатами, как посылочные ящики, обвязаны изба и флигель: подготовлены к полету. Б а б а Ф е н я укладывает посуду в картонную коробку. Посередине двора несколько чемоданов, баулы, сундук.
Появляется Т я т я .

Т Я Т Я. Звонили?

Б А Б А Ф Е Н Я. Нет.

Т Я Т Я. Странно. (*Смотрит на часы*). Сказано было: за пятнадцать минут до вылета. (*Заносит один из чемоданов в избу, снова выходит*).

Б А Б А Ф Е Н Я. А мы как же?

Т Я Т Я. «Аэрофлотом». Тут вертолеты подхватят до Буффало.

А там в брюхе «Антея» на Родину.

Б А Б А Ф Е Н Я. Скорее бы.

Т Я Т Я. В Буффало возьмем на борт беженцев. наших, русских. *(Вынимает из кармана помятый листок бумаги)*. Застрали, понимаете... Евтушенко с семейством... Валерий Леонтьев, Варум Анжелика... Два ученых-атомщика, медики... Человек двадцать. Вклады у них накрылись, коттеджи сгорели... Не бросать же бедага, помочь надо.

Б А Б А Ф Е Н Я. Пушай летать. Нам не жалко. И конь на свою сторону рвется, чего там.

Т Я Т Я. Они только до Франции с нами, ваше сиятельство. Дальше, говорят, не будем вас обременять. В Париже сбросите, и на том спасибо, а сами дальше себе летите.

Б А Б А Ф Е Н Я. Ясненько...

Звонит телефон.

Т я т я поспешно снимает трубку.

Т Я Т Я. Алло! Это «Аэрофлот»? Да, да, это русское ранчо «Ниагара». Что? *(Меняет тон, резко)*. Послушайте! Отстаньте от нас с этими венниками! Мы самоликвидируемся! Нас уже нет! Никакого бартера! К черту! *(Хотел было положить трубку, но передумал)*. Погодите. Что вы производили раньше, до венников? *(Записывает)*. Так... Квантовые генераторы... Диэлектрические кристаллы... Не спешите... Лазерные спектроскопы, монокристаллы... О'кей! Ничего не обещаю, но попробую заинтересовать наших потребителей. Начните пока с малого. Освойте вентили на дюйм и три четверти. Да, да, сантехника, вечный наш дефицит. Краны, муфты, сальники. Поняли? Дерзайте! Не надо, не надо меня благодарить. Все! Желаю успеха! *(Кладет трубку)*. Выручим их. И нам польза, и им спасение.

Появляется К о т – понурый, мрачный, погруженный в себя.
Плюхнулся в кресло.

К О Т. Сами летим, а она здесь останется, да? В Ниагаре? Навечно?

Т я т я подходит к нему, кладет руку на плечо.

Т Я Т Я. Не надо, не мучь себя.

К О Т. Когда краску спрашивала... сурик и охра, меня не было. Я-то ведь знал для чего...

Т Я Т Я. Поверь, Кот. Мне не менее тяжело. Не сестра она мне. Вся жизнь в ней была.

К О Т. Бредни, чушь... Почему самая красивая должна мир спасти? Ирокезы, ирокезы! Почему я их должен слушать? Дикари без штанов, недочеловеки! Стубить лучшее создание природы! Мне за бабочку больно, когда ее сачком прихлопнут.

Звонит телефон.

Т Я Т Я (*снимает трубку*). Алло! Мисс Дженнифер? (*Вопросительно смотрит на Кота*).

К о т жестом показывает, что его нет.

Нет, не приходил. Где, не знаю... Должен прийти, но когда...

К о т вырывает трубку.

К О Т (*по телефону*). Он не придет! Никогда! Вы слышите? Никогда! (*Бросает трубку*).

Тут же снова раздаются звонки.

Не бери. Это снова она.

Т Я Т Я. А если «Аэрофлот»? (*Осторожно снимает трубку, слушает*). Алло... (*Лицо его проясняется. Коту*). Матерятся. Наши! (*В трубку*). Да, да, ребята. Мы ждем вас. Уже вылетели? Понял, пока! (*Кладет трубку*). Быстрее! Чемоданы, вещи! Где моя книжечка? Ага, вот она, дорогуша! Все, ребята, на посадку.

Б а б а Ф е н я сящиком, К о т с чемоданом и Т я т я с баулом и книгой размещаются на крыльце. Смотрят в небо. Возникает еле слышный гул мотора. Ликование.

Б А Б А Ф Е Н Я. Летят летуны наши!

Т Я Т Я. Летят!

Вбегает В о в ч и к .

Оборванный, жалкий, в надвинутой на глаза шляпе.

Пугливо озирается, будто за ним гонятся.

В О В Ч И К. Эй! А меня?

Т Я Т Я. Кто это?

Б А Б А Ф Е Н Я. Император Вовчик!

В О В Ч И К. Бывший, бабушка Феня. А теперь полнейший

банкрот. Сенька Блинкин уже труп на помойке, тыквой вниз. Я на очереди, слышите? За три лимона заказали. Кот! Тятя! Бабушка Феня! Завалят меня! Ну что вы молчите, ребята?

Гул вертолетов приближается.

Ну грех на мне, знаю. Виноват! (*Рухнул на колени*). Бес путал, сивухи насосался... Я ведь любил ее. Как ты, Тятя. Или ты, Кот. А она другая была – высокая. И свет от нее шел, как от дампады. Я – к ней, а она: нет и все. Ну и заело... Плюньте в меня, прокляните. Мне легче станет... Она ведь жива еще была, когда я туда примчался. Баграми ее вытащили. Миллионы давал, всех на уши поставил... А она глаза открыла, улыбнулась... киска моя... и сказала почему-то: «Боже, спаси Америку». Тихо-тихо сказала, а на всю страну стало слышно...

Грохот мотора становится громче.

Дрожащие лучи прожекторов шарят по темному двору, освещают сверху каким-то причудливым светом стоящих на крыльце людей. Они смотрят в небо, приветственно машут руками. В о в ч и к «под шумок» пристраивается на нижней ступеньке крыльца, просто вползает туда.

К О Т. Боже, спаси Америку.

В О В Ч И К. Так и сказала... Ей-то какое дело до Америки? Наш грех, а она... Погубила себя, киска...

Т Я Т Я. Боже, спаси Америку.

Б А Б А Ф Е Н Я. Спаси и помилуй.

Блики света.

Грохот двигателя.

К О Т. Все! Мы летим!

Т Я Т Я. Пристегните ремни!

Б А Б А Ф Е Н Я. Но смокинг!

К О Т. Прощай, Ниагара...

В руках В о в ч и к а невесть откуда взявшаяся гармошка.

В О В Ч И К (*играет и поет*).

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой.
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.

А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна,
Не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна...

ЗАГОВОР МЕРТВЕЦОВ (МАНЯША И МАНЬЯК)

Трагикомедия в 2 действиях

Прошлое никуда не уходит.
Оно даже иногда превращается в будущее.

Айрис Мердок. Слуги и снег.

Действующие лица

МАРИЯ, 28 лет

МАЙ, за сорок

Город Искра, наши дни

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Стандартная двухкомнатная малометражка. Слева передняя и кухня, справа – дверь во вторую комнату. Обстановка гостиной, где происходит действие, тоже обычная – как у людей, не особенно заботящихся о внешних аксессуарах своего бытия. Диван с подушечками, пара кресел, журнальный столик под бра, несколько полок с книгами, телевизор. Разве только старинное шредеровское пианино с бронзовыми подсвечниками да массивные напольные часы выделяются из этого привычного мира вещей. И однако же нельзя забывать, что обычная эта квартира на шестом этаже панельной девятиэтажки находится в странном городе, называемом «Искра-19».

По причине сугубой секретности он не значится ни на одной географической карте, хотя и насчитывает не менее полумиллиона жителей, большая часть которых до самого последнего времени ковала ракетно-ядерный щит державы. И хотя времена теперь совсем иные, можно предположить, что до сих пор стены многих зданий в этом городе украшают пламенные призывы крепить оборону Родины, бороться за мир во всем мире, а на главной площади, рядом с неизменным Ильичом, стоит гигантская, в натуральную величину, машина со смертельной ракетой, нацеленной на Запад, – туда, куда указывает бронзовый палец вождя. Но все это – вокруг той квартиры на шестом этаже. А ей, вроде бы, никакого дела до окружающего мира – она поглощена своими пустячными проблемами.

1

Звонит телефон. Появляется М а н я , она еще в халате и тапках.
Снимает трубку.

М А Н Я (*по телефону*). Привет!.. Ну проспала, Томчик, уж прости. Будильника нет, а куранты мои, как знаешь, только для музея... Да ты не ругайся, Томка, я все купила. Ага, как договорились. «Лещ в томате» – семь банок, печенье... Нет, крекеров не достала. Только «Юбилейное», пачек десять, по-моему... Нет, девять, одну сама сгрызла. Потом этих... батонов пять штук, «фанта», сервелата две палки... Короче, целый гастроном, донести бы... Нет, беленькой не купила. Ты ведь в прошлую пятницу смылась, дорогуша, а меня в дорожной милиции лейтенант Сорока до девяти вечера мытарил. Ладно, до встречи. К симферопольскому? Конечно, успею. Пока! (*Кладет трубку*).

Во время телефонного разговора и после укладывает продукты в клетчатую сумку, с которой обычно ездят «челноки».

(Громко, как обычно кричат базарные зазывалы). Кто забыл мыло в дорогу? Батоны, свежие батоны! А вот «фанга»! Купите «Лещ в томате»! Кому лещика? Я вам дешево отдам, женщина, возьмите, не пожалеете!

Она еще продолжает смеяться, но это уже, пожалуй, не смех, а какой-то натужный хохот, надрывный, истеричный, который сменяется горькими, со всхлипами, слезами. Подошла к дивану, рухнула ничком и тихо стонет.

Откуда-то возникли чистые, прозрачные голоса детей – запел хор.

Звонок в дверь. М а н я насторожилась, прислушалась.

Звонок повторяется. М а н я идет к входной двери, открывает ее.

В передней, а затем в гостиной появляется М а й . Он в синем плаще, на голове форменная милицейская фуражка.

М А Н Я *(испуганно, стараясь преградить ему дорогу).* Погодите!.. В чем дело?

М А Й *(весело).* Дело в шляпе! *(Поправляет фуражку).* Милиция! В стороночку, гражданка. Слышите? Отойдите в сторонку.

М А Н Я. Но я... Ей-богу, вы, наверное, ошиблись.

М А Й. Побеседуем, Мария... Как вас по батюшке?

М А Н Я. Львовна.

М А Й. Вот-вот, так я и думал. Не Ивановна, черт побери! Не какая-нибудь посконная Трофимовна или, на худой конец, Афанасьевна! А именно Львовна!.. Только не подумайте то, что подумали. *(Грозит пальцем).* Интернационалист до мозга костей. А вот классовое чутье не подводит. Интеллигенцию за версту чую, особенно гнилую. Только не обижайтесь: человек я прямой, без затей. Прост, как сама правда.

С любопытством осматривает комнату. Подходит к напольным часам, присел перед ними на корточках, тронул стрелки.

Швейцарская работа, Мозер. У нашей квартирной хозяйюшки точно такие же стояли. В Женеве. Редкостная штуковина.

М А Н Я. В Же... в Женеве?

М А Й. Ага, в Женевочке. Ешки зеленые... А не в Парижике?.. Ну в общем где-то там. Каждый час, помню, наяривали: «О майн либер Августин, Августин, Августин...». Говорил, бывало: «Уже три августинчика пробило, фрау Роза, пора бы и за скатерку». *(Засмеялся, потом вдруг хлопнул себя по лбу).* Балда! Какой Париж, какая Женева! В Цюрихе это было! Голова садовая, шишка еловая! Конечно, в Цюрихе! *(Вынимает карманные часы).* Часики мои

и по сей день по цюрихскому времени живут.

М А Н Я. А зачем?

М А Й. Чтоб интересней было... Ладно, голубушка, давайте к делу. (*Заглядывает в сумку*). Улики налицо. (*Читает этикетки на продуктах*).

Садится за стол, вынимает лист бумаги, копирку, роется в сумке.

Где же она подевалась, bestia?

М А Н Я. Что вы ищете?

М А Й. Ручку.

М А Н Я. Вы еще и писать будете? А что?

М А Й. Милиция поэм не пишет.

М А Н Я. Ну вот что!.. По какому это праву... вы... вы...

М А Й. По праву правоохранительных органов. Простите, уважаемая, за невольный каламбур. Ручка найдется? Слышите, Мария Львовна? Ручку дайте, ручку! (*Вдруг расхохотался*). Опять забавно вышло. Ой, не могу! Некий мужик, то бишь я, приходит к незнакомой женщине, то бишь к вам, и просит у нее... ручку! Пока еще не сердечко, а всего лишь ручечку!

М а н я , вымученно улыбаясь, протягивает ему авторучку.

И очаровательная Мария Львовна вручает неизвестному мужчине свою прелестную белую ручку. Ха-ха-ха! Вручила ручку – выходит, они уже обручены! Страсть как люблю словечками жонглировать! Об-ру-че-ны! А если одну буквочку тронуть? Что будет? Об-ре-че-ны! А? Блеск!

Заразительно, до слез, хохочет. Глядя на него, начинает подхихикивать и М а н я . На самой высокой ноте М а й неожиданно обрывает хохот.

(*Резко и официально*). Фамилия!

М А Н Я. Волчанецкая. Зачем это вам?

М А Й (*записывая*). Год рождения? Лет сколько?

М А Н Я. Двадцать восемь.

М А Й. Образование?

М А Н Я. Высшее. Окончила консерваторию. Ленинградскую.

М А Й. Место работы?

М А Н Я. ДК «Атоммаш».

М А Й (*пишет*). Дворец культуры Завода атомного машиностроения. Кем?

М А Н Я. Руководила детским хором, «Искорка» назывался.

М А Й. А сейчас?

М А Н Я (с замиранием сердца). Что – сейчас?

М А Й. Сейчас вы самая натуральная спекулянтка. Да, да, гражданка Волчанецкая. Торгуете недоброкачественными продуктами .

М А Н Я. Поклеп! Все свежее, из холодильника!

М А Й. И в неподобающем месте. На городском, понимаешь, вокзале.

М А Н Я. А пассажирам так удобно.

М А Й. Махровая торговка и перекупщица! Вот кто вы!

М А Н Я. А я поняла, кто вы.

М А Й. Ну-ну, интересно.

М А Н Я. Из дорожной милиции.

М а й еле сдержал себя, чтобы не расхохотаться.

М А Й. Точно! В десятку! Мария Львовна Шерлок-Холмская! (Хочет).

М А Н Я. Так вы меня – что?.. Арестуете?

М А Й. Все возможно.

М А Н Я. Нет, не трогайте меня, умоляю. Вы же человек с сердцем. И недавно в милиции, я ведь вижу. Сметесь вот и странный какой-то – там таких не держат. А я... Не всегда же я по вокзалу с батонами ходила. Вот, глядите... (Достает с книжной полки красивый фотоальбом). Смотрите... Это наш хор в Хабаровске... На Киевском фестивале первый приз получили. Это Юрмала, а вот «Артек»... Я с хором всю страну объездила, поверьте. А теперь – обвал, катастрофа. «Атоммаш» стоит, денег нет, хор мой распался, нет «Искорки» моей, нет... Коля Мухин, такой мальчишечка был перспективный, я за него Богу молилась, правда. Через год-два он бы Робертино заткнул. Стоит теперь Николенька мой в подземном переходе, газетами торгует... А Юрка Родионов! Вы бы его когда-нибудь послушали, товарищ милиционер! Как он «Узника» пел! «Клюет и бросает, и смотрит в окно...» Триоли там такие сложные, не каждый вокалист их возьмет. Встретила его на днях с ведром и тряпкой, на площади Ленина. «Мерседесы» и «опели» драит... А я сама? Чем лучше их? Правильно вы сказали: торговка, спекулянтка. Когда в облаву попала, в прошлую пятницу, мне даже объяснительную пришлось писать в участке. Лейтенант Сорока приказал. А что делать, скажите? Хора нет, комнату мою в ДК сдали в аренду какой-то фирме. Вызвал меня директор: «Немедленно освободите помещение. Все ноты и цапки свои заберите». «Куда, Виктор Трофимович?» – «А куда хоти-

те, хоть себе на голову». А ведь за каждый призыв мне ручку когда-то целовал. Сгрэбла я все это и домой приволокла. Цацки... Практически – уволил... С мая без зарплаты сижу.

М А Й. С мая?

М А Н Я. Да.

М А Й. Смешно. А меня как раз Маем зовут.

М А Н Я. Да ну? Май? Что за имя диковинное? Первый раз слышу.

М А Й. Не нравится?

М А Н Я. Нет, почему же. Очень даже оригинально. Ваши родители природу любили, цветы?

М А Й. Вовсе нет. Сызмальства крутого я нрава был. Шебуршной такой, горластый, знаете, до ужаса. Ночи не сплю – бодаюсь, брыкаюсь, ору как скаженный. Извел, короче, своих стариков. Батя и говорит матушке: «Во, какого фулигана на свет народила, век с ним маяться будем ». И велел меня наречь Маем.

М А Н Я. Ваш папа тоже каламбурчики любил.

М А Й. Ага, родовое это у нас. Как загнет, бывало, про Матрену и вошь ядрену... У девок штаны падают от хохота – лежат, ногами дрыгают, доходят... (Смеется). Там суть... ну, в общем... (Пытается что-то показать жестами).

Оба смеются.

А хорошо как у вас. Уютно, светло.

М А Н Я. Может, чаю попьем?

М А Й. Не откажусь.

М а н я приносит из кухни две чашки с чаем.
Достает из сумки колбасу, нарезает батон.

А как же пассажиры? С голодухи помрут?

М А Н Я. Пусть их дорожная милиция кормит.

Смеются.

Ешьте, ешьте. Вы же на дежурстве, проголодались, небось.

М а й снимает милицейскую фуражку, приглаживает черные густые кудри. Отхлебнул несколько глотков.

Вы сначала маслом смажьте, а потом колбаску положите. Так вкуснее, вот попробуйте.

М А Й. А ведь я обманул вас, Маняша.. Можно мне так вас называть?

М А Н Я. Можно... Вы сказали – обманул? Как... обманул?

М А Й. Очень просто. *(Рвет написанный им акт)*. К ментам не принадлежу.

М А Н Я. А эта... фуражка?

М А Й. Брательника моего, Саньки. Он-то в органах служил... да буйну голову сложил. Посмертно награжден как борец с мафией почетной грамотой.

М А Н Я. А вы?

М А Й. Просто попугать хотел. Извините, если что...

М а н я , схватив со стола нож, вскакивает на стул.

М А Н Я. Я вам попугаю! Не подходите!

М А Й *(любуясь ею)*. А что – и пырнуть можете?

М А Н Я. И глазом не моргну!

М А Й. Хормейстер, называется! Да вы просто убийца. А прикидывалась такой интеллигентной, несчастной. Ох, ох – ах, ах! Куда там! А сама... Да не смотрите на меня так! *(Отступает на шаг)*. У вас глаза страшные! *(Заслоняется ладонью)*. Я не шучу, Маня. Мне больно от них. *(Медленно оседает на пол. Обхватил себя руками, будто пытается сдержать судороги)*.

М А Н Я *(испуганно)*. Товарищ милиционер! *(Соскакивает со стула, бросает в сторону нож, подбегает к Маю)*. Что с вами, Май?.. *(Помогает ему подняться)*. Может, вам валерьянки накапать?

М а й мотает головой.

Или скорую вызвать?

М а й поспешно хватает ее за руку. Держит в своей.

М А Й. Не надо, пройдет. От глаз ваших все пошло.

М А Н Я. От глаз? Моих?

М А Й. Будто раньше их видел. Близко, а где – не помню. Наваждение. И в них, в самих зрачках – смерть.

М А Н Я. Чуть, чуть! И слушать не желаю!

М А Й. Не вообще, не чья-то смерть, а лично моя, собственная. Будто вы меня убить хотите.

М А Н Я. Мистика какая-то... *(Надевает черные очки)*. А так – лучше?

М А Й. Лучше, Маняша. *(Пытается улыбнуться)*. Совсем уже хорошо.

Громко и торжественно бьют напольные часы.

М А Н Я. Ой! Куранты пошли! (*Ликует*). Вы слышите? Куранты бьют! Куранты! Вы что-то там сделали? Да?

М А Й. Стрелки переставил. По своим, по цюрихскому времени.

М а н я хохочет.

М А Н Я. А вы шутник! Мне с вами, знаете, очень, очень весело!

Переливчатые колокольцы вызывают нежную старинную мелодию.

М а н я кружится по комнате.

Куранты пошли! Куранты! Куранты!

Медленно гаснет свет. В колокольный звон вплетается негромкое пение. Как всегда в радости и горе, она слышит их – своих детей, свою «Искорку». Звучит, тает в крошечной тьме высокий небесно-чистый голос хора.

2

Прошла неделя. Вечер, сумерки. Хлопнула входная дверь, зажегся свет в передней – это пришла М а н я . Сняла плащ, поставила в угол тяжелую сумку, поправила перед зеркалом прическу. Из ванной доносится Г о л о с М а я : «Тореадор, смелее в бой! Тореадор, тореадор!»

М А Н Я. Май, солнышко, это я.

Г О Л О С М А Я. Скоро выйду! (*Продолжает петь*).

М А Н Я. Не торопись, купайся. Ты ел? Нет? Сейчас пельменишки отварю, еще что-нибудь вкусенькое придумаю... Пива тебе принесла. Небось, голодный? (*Выгружает сумку и продолжает говорить – громко, чтобы было слышно в ванной.*) Была у Рудика... Слышишь, Май? Встретил меня как родную. Где пропала, говорит, чего не заходишь, то да се... Он сейчас исполнительный продюсер по рекламе. Кабинет себе отгрохал – все в коже. Плафончики, телефончики – самая крутая крутизна! Он мне и говорит: «Ты ведь когда-то, Маня, сценарики пописывала для музредации, все довольны были. Возьмись за рекламу. И с хода дает заказ – для банка «Аврора», рекламный клип. Ну и взяла я... А чего теряться? Правда, Май?

Звонит телефон..

(В трубку). Нет, Томчик... Сейчас никак, Май голодный, а я только заявила. Кстати, Томка, мы у тебя когда-то, по-моему, на восьмое марта салатик болгарский лопали, помнишь? Дай рецептик, роднудя. Май страшный травоядник, а я – ты ведь знаешь... Сейчас, записываю... (Берет ручку, листок бумаги). Так, так... Мелко порезать. Четыре яйца, свеколка. Это есть. А вот зеленого горошка, кажись, нет. Что? Можно и без? Чудненько, лишь бы Маю по вкусу пришлось. Он ведь, считай, всю Европу исколесил – уж как-никак в салатах толк знает... Что? Да не все ли равно, кто он? Скажет когда-нибудь – хорошо, нет – ну и не надо. Что мне – с анкетой жить или с человеком? (Прикрывает трубку ладонью, тихо). Я за него Богу молюсь, Томка. Будто в форточку ко мне чудо-юдо влетело, инопланетянин какой-то... Познакомлю, Томчик, дай только срок...

Бьют напольные часы. М а н я сияет.

Слышишь, куранты мои. А ведь сколько лет стояли. Он чуть дотронулся до них – и все! Вот тебе и мистика, Томчик. Удивительный человек, ну не такой, как все мы. Я перед ним как оловянный солдатик перед Наполеоном. Что ты смеешься, вредина? Прекрати! Поссориться хочешь? Иди в задницу! (Бросает трубку на рычаг).

Тут же раздается новый звонок.

(Сняв трубку). Слушаю... Май? Да, он дома. Перезвоните ему минут через десять, он купается. Срочно? Хорошо, записываю... Что? Ладья? А, поняла – шахматная... Пишу. Ладья «дэ» четыре на «дэ» семь. Записала. И все? Кто звонил? Яков Михайлович? Хорошо... Да, да... Отнесу ему прямо в ванную. (Кладет трубку). Что за срочность, вот фанатики-лунатики... (Подходит к двери, ванной). Май! Слышишь? Звонил Яков Михайлович.

ГОЛОС МАЯ. Что он сказал?

М А Н Я (читает записку). «Ладья «дэ» четыре–«дэ» семь».

ГОЛОС МАЯ. Что, что? Повтори!

М А Н Я (просовывает записку в щель). На тумбочку положила.

И вдруг отпрянула. Лицо ее искажено ужасом. взволнована, не знает, что делать. Схватила за телефонную трубку – бросила. Надела плащ – хотела уйти, но раздумала. Подходит к телефону, набирает номер.

Говорит глухо, не спуская глаз с ванной и прикрыв ладонью микрофон.

Томчик, послушай... Да ладно тебе, не сержусь. Тут у меня ЧП, страшное дело... Только что заглянула в ванную. Там совсем

другой человек. Не Май, понимаешь? Лысый, без усов. А вся шевелюра на полочке лежит – там, где шампунь... Что? Маньяк? О Господи! Он сейчас выйдет, Томка, что же делать, у меня все трусится... Ножи и вилки – все спрятать? Поняла. Ни черта не сообщаю, столбняк какой-то... Топора нет, молоток где-то валяется, спрячу... Его вещи? Да, в чемодане. Легко сказать – посмотри. А если выйдет?.. Не клади трубку!

М а н я на цыпочках выносит из второй комнаты старый чемодан и открывает его. Снова берет телефонную трубку.

Ничего маньячного нет. Слышишь? Белье, носки, куртка. Книг несколько. Атлас мира, «Капитал» Карла Маркса. И все, Томчик, все. Ни пистолетов, ни кинжалов... Что? Руками задушит? А я ножницы в карман – они маленькие, их не видно. И чуть что – смерть маньякам! Позвони через полчаса. Если не сниму трубку, вызывай милицию, немедленно. Пока, Томчик... Прощай, если что... Не могу больше.

Поспешно заносит чемодан во вторую комнату.
Вынимает из шкафа ножницы. Замахивается на воображаемого противника и прячет в карман.
Появился М а й . Он в махровом халате, голова обмотана полотенцем.
Не глядя на М а н ю , подходит к телефону, крутит диск.

М А Й (*в трубку*). Яков Михайлович? Это я. Записывайте. Да, да, быстренько, без канители. Ферзь «же» два на «е» четыре. Егор четыре. Все, жду сообщений. Ставьте меня немедленно в известность. Конец связи. Пока. (*Кладет трубку. Мане, ласково*). Как там наши пельмешечки?

М а н я молча смотрит на него, держа правую руку в кармане.

Ежели закипели – главное не упустить момент. В кулинарном деле, как в политике: чуть зазевался, все – пиши пропало... Поэтому каждая кухарка способна управлять государством. Хорошая кухарка, как ты, родненькая... (*Пытается обнять Маню*). Что с тобой? Почему у нас такие сердитые губки?

М А Н Я. Не подходи!

М А Й. Вот новость! А в чем дело?

М А Н Я (*после паузы*). Грипп у меня. Отойди.

М А Й. А градусник ставила?

М А Н Я. Тридцать восемь.

М А Й. Ух ты!

М А Н Я. И девять десятых.

М А Й. В постель, детка. Пельмешки я доварю. Иди, иди.

Пауза.

М А Н Я. Май..

М А Й. Да, милая.

М А Н Я. Ты... это... голову мыл?

М А Й (*показывая на полотенце*). Как видишь. А что?

М А Н Я. Там на полочке...

М А Й. Что – на полочке?

Пауза. Оба смотрят друг на друга.

М А Н Я. Там шампунь... абрикосовый. Нашел?

М А Й. Не пользуюсь шампунем.

М А Н Я. А как же голову вымыл?

М А Й. Тебе интересно? (*Берется за полотенце, внимательно смотрит на Маню*). Скажи – интересно?

М А Н Я. Да, представь себе. Очень.

М А Й. Изволь.

Медленно разматывает полотенце. Снял его, обнажив голову с начинающейся лысиной.

Ты же в щелку глядела. И видела, что я снял парик. Чего же прямо не спросила? А то «шампунь», «полочка»... Не надо хитрить со мной, Мария Львовна. Не надо играть в кошки-мышки. Кошкой всегда буду я, только я! Поняла? Мяу! (*Хочет*). Небось, обалдела, когда в ванну заглянула?пустила на квартиру незнакомого мужика, а у него голова отдельно, а волосы отдельно. (*Хочет*). На полочке, рядом с абрикосовым шампунем. (*Снова хочет*). А вдруг этот так называемый Май мафиозный бандит? Или сексуальный маньяк с удавкой? (*Шутливо-угрожающе надвигается на нее*). Замочу-у-у!

М а н я стоит на месте.

Смелая девочка. И сердечко не техкает, и коленки не дрожат. А зря. Вдруг я кровь пью? Или трупы расчлению? Тебе ведь подружка сказала, что ты маньяка пустила. Сказала? А ну-ка вынь, что в кармане. Слышишь? На стол ножницы, живо!

Подчиняясь силе его взгляда, М а н я, словно в сомнамбулическом состоянии, медленно вынимает из кармана ножницы и кладет их на стол.

Два покушения за одну неделю – не многовато ли? Тогда с ножом, сегодня – ножницы. Что будет завтра? Пиф-паф?

Неожиданно хватает ее за руки.

М а н я изо всех сил отбивается, пытаюсь вырваться.

М А Н Я. Пусти!

М А Й. Грипп у тебя? Да?

М А Н Я. Пусти! Да, грипп ! Грипп!

М А Й. Плевал я на твой грипп. Я целовал сыпнотифозных. Спал рядом с оспой и чумой. Пил из одной кружки с сифилитиком. Меня ни одна холера не берет. Хана твоему гриппу!

Сильно, страстно целует ее. Она еще сопротивляется, но уже заметно слабее, пока в конце концов не затихает у него на груди.

Звонит телефон. Они стоят не шелохнувшись.

Звонки не прекращаются. М а й снимает трубку и тут же бросает ее на рычаг. Снова звонят. М а н я высвобождается из его объятий, дотягивается до трубки.

М А Н Я. Ты, Томчик... Нет, Томчик... Никуда не звони, миленькая. Какая милиция, ты с ума сошла! Не смей! Жива, жива! Да, да! И не только жива, но и счастлива! Представь себе, Томчик! Очень счастлива! Да, да, да! Тысячу раз «да»!

Положила трубку, улыбнулась самой себе, взмахнула рукой.

И хор мальчиков, словно он только и ждал этого сигнала, нежно и величаво взмыл в поднебесье.

3

Суббота. М а н я лежит на диване, в руке книжка. Из телевизора несется неиссякаемый поток рекламы. Фальшиво-веселые мужские и женские голоса на все лады расхваливают «сникерсы» и «марсы», лосьоны и гигиенические пакеты, автомобили и кофемолки, акции и дивиденды.

Книга, видимо, мало занимает М а н ю – ее внимание поглощено телерекламой. Из второй комнаты выходит М а й . Он в свитере, в руке пачка исписанных листов.

М А Й (снимает очки). Как ты можешь слушать эту... эту... (Расхохотался). Хотел сказать «галиматью» и вспомнил... (Снова смеется). В Бутырках, слышишь, мне довелось сидеть в одной камере с прелестным типчиком до имени Вася Быдло. Высочайшего класса медвежатник. Бывало, рассказываешь ему о политике, разъясняешь, как говорится, текущий момент, а у Васи на

все один ответ: «Галиматня это, профессор». Вот и выключи ты эту га-ли-мат-ню! (*Хохочет*). Каков каламбурчик, а? Блеск! И при том из уст самого народа.

М а н я выключает телевизор.

М А Н Я. Учусь, как рекламу делать. Ничего что-то не соображу.

М А Й. А у меня листовка застряла. Вот дьявол!

М А Н Я. Что-что?

М А Й. Листовка. Начало готово, а дальше ни тыр, ни мыр. (*Надел очки, читает*). «Жители города Искра, искровцы! Власть в стране захвачена мафией. Не демократы правят нами, а матерые преступники – бандиты и хапуги, лавочники и банкиры. В нашем великом городе должна вспыхнуть революционная искра, которая превратится в пламя...» (*Снимает очки*). Вот тут закавыка. Может, так: «в очистительное пламя народного гнева»... Нет, тоже хреново...

М А Н Я (*с улыбкой*). Ты это – серьезно?

М А Й. Что?

М А Н Я. Насчет листовки.

М А Й. Нет, шучу. Ситуацию отслеживаешь? Тебя с работы поперли, жрать нечего. Хороши шуточки!

М А Н Я. Успокойся, Май.

М А Й. Полгорода нищих. Без работы, без надежды на будущее. Это что, тоже шутка? Мэр, подлюка, катал свою шлюху на Бермуды, а банкир Харитоненко держит в Швейцарии сто миллионов «зеленых». Тоже, по-твоему, шуточки? (*Впадает в транс, громко*). Жирные коты пляшут на наших костях!

М А Н Я. Май, миленький, перестань!.. Прошу тебя, слышишь?.. Успокойся!

М А Й. Спокойным сейчас может быть только баран, которому поют сладкую песенку по дороге на бойню. Мы возьмем власть в свои руки, увидишь! (*Потряс кипой листов*). Здесь все про это написано. И кто виноват, и что нам делать. Все!

М А Н Я. Прочитай.

М А Й. Нет.

М А Н Я. Ну мне интересно, Май.

М А Й. Ты смеялась.

М А Н Я. Извини, солнышко... Просто, когда ты сказал «листовка»... Вроде бы снова девятнадцатый век вернулся. Народовольцы, Ниловна с прокламациями... (*Смеется*).

М А Й. Ах, так! (*Рвет написанное в клочья*). Вот тебе Ниловна!

Вот тебе народовольцы!

М А Н Я. Ну зачем ты? Май, чудо мое...

М А Й. Смеешься ты – посмеются другие. Спасибо тебе, Мария Львовна, великое спасибо. (*Низко, в пояс кланяется*). Не шпаргалки эти писагь надо, а за горло схватить мерзавцев. (*Стремительно подходит к телефону, набирает номер*). Яков Михайлович? Это я. Пишите... Слон «эф» три, Федор три. На «бэ» восемь, Борис восемь. Или лучше – восемь с половиной. Шах! Зафиксировали? Да, да, я все обдумал. Ждать больше нельзя, погубим дело. Только шах! Все, конец связи. Пока! (*Кладет трубку*).

М А Н Я. Что за игра такая? Без фигур, без доски?

М А Й. Поле битвы – вот тебе доска. Страна, город. Смотря где идет сражение. А фигуры – это мы и они.

М А Н Я. Знаешь, Май, я, наверное, тупица. Кто это «мы»? Кто «они»?

М А Й. Мы – это романтики революции. А они – циники и торговцы. Мразь, пена. Революция сметет их на свалку истории.

М А Н Я. Май...

М А Й. Да, детка.

М А Н Я. Я давно хочу тебя спросить...

М А Й. Ну, ну...

М А Н Я. Кто ты такой?

М А Й. Я? Май! (*Смеется*).

М А Н Я. Я серьезно. Нет, если не хочешь, не надо.

М А Й. Спрашивай, я отвечу.

М А Н Я. Вот ты бывал за границей. В Цюрихе, в Париже. Ты кто, дипломат?

М А Й. Нет.

М А Н Я. Журналист?

М А Й. Увы.

М А Н Я. Ученый? Разведчик?

М а й отрицательно машет головой.

Кто же ты? Простые люди туда не попадают.

М А Й. Ошибаешься, миленькая. Одна моя землячка, имя ее тебе ни к чему, объездила весь мир. А ведь не дипломат, не журналист. Дремучая баба, четыре класса убогой сельской школы.

М А Н Я. Как же это?

М А Й. А вот так. Ты про Медвежий цирк братьев Островских слыхала? Вот она у них и работала. Дерьмо за ними выносила. Не за братьями, естественно, а за косолапыми. А они все двенад-

цать месяцев в году – за рубежом. Рвут этих мишек на части – и французы, и испанцы, и прочие японцы. Вот она мне и говорит, Землячка: «Бери, Май, совок и ведро, и прокатимся по глобусу».

М А Н Я. Так ты в Медвежьем цирке работал? Да, Май?

М А Й. Сперва учился. В Архитектурном. Мечтал, понимаешь, все разрушить и на обломках новую планету выстроить. Свою! Как я ее вижу – с дворцами стеклянными, с апельсиновыми рощами на летающих сферах. И чтоб гирлянды искусственных звезд давали людям тепло и свет. Эх, Манюшка, чего я только не придумывал! Тысячи проектов! Надо мной потешались в открытую, чокнутым называли! А я и был чокнутый, не скрою. Снимал комнатенку в сыром полуподвале, оконце вровень с землей. Хлеб, бывало, солью посыплешь, кипятком запьешь – и весь день на сплошном энтузиазме. А вся стипендия на краски шла, на карандаши. Сколько, деточка, я ватмана извел – ужас! Как новый город во сне увижу, так все старые листы в клочья, и вперед, за новый проект. И был счастлив, Маняша, ведь свою планету строил! А на третьем курсе они расквитались со мной. Выставил курсовой проект – уборную. Но не отхожее место, а мечту Ильича – из чистого золота. С орнаментом из драгоценных камней. Для нужд свободного человечества. И что же? Думаешь, оценили? Поняли? Они, гады, кишки порвали себе перед моими листами – ректор, декан и прочие наши суки. Я им объяснить хочу, что не для них туалет этот, а для людей будущего. А они кулаками трясут, слюной брызгают, сорвать хотят ватманы мои. Эх, как хватанул я стул, как начал их колошматить! Налево-направо, налево-направо!

М А Н Я. Своих учителей?!

М А Й. По мозгам, по мозгам! Пока стул не сломался!

М А Н Я. Боже мой... Не думала, что ты такой...

М А Й. Какой? Говори.

М А Н Я. Страшный.

М А Й. А кто начал? Они. Я только оборонялся.

М А Н Я. Стулом?

М А Й. Гранаты в руках не было.

М А Н Я. Ну, ну... Рассказывай дальше.

М А Й. А дальше все по обычной схеме. Из института вышибли, засадили в каталажку. В Бутырки. Там я и понял, Маняша: без борьбы мне свою планету не построить. Тут амнистия, вышел. Туда-сюда, черноробом и то не берут. Встречаю Землячку. Айда к нам, говорит. С медведями легче, чем с людьми. Так я ведь зэк, говорю, кто меня возьмет? А она, Земляч-

ка, смеется: для братьев Островских, говорит, нет слова «нет». Они тебе такие документы выправят, что хоть в Политбюро, хоть в космос – куда угодно иди. И поехал я, Маня, с совком и ведерком по всему белому свету. Ну вот... А в Берлине прокол получился. Был у нас камчатский медведь Макс, мы его в шутку Марксом звали – ничего, не обижался. Однажды свалился он с трапеции, лапу сломал. Что делать? Лечить? За границей дорого. Пристрелить? Жалко. Среди всех мишек он самым умным был. Тут вызывают меня братья Островские: вези Маркса в Питер, на операцию, срочно. И в тот же день в запломбированном вагоне отправили нас в Россию. Он, естественно, в железяках – зверь как-никак. А я при нем. Едем, едем... И чем, понимаешь, ближе к родимой земле, тем беспокойнее он себя ведет. Сначала урчал: у-у-у! Потом выть начал. А под конец и вовсе криком кричит. Накапал я ему снотворного, с медом перемешал – воротит морду, ничего не хочет. Решил силой ему впихнуть. А он хват меня за голову, лапами сдавил и как крутанет! На все сто восемьдесят! Чуть беньки не повыскакивали! И все как-то разом... понимаешь... не сдвинулось, а наоборот, будто бы на место стало. Вот прибыли мы в Питер, на Финляндский вокзал. Пломбы сняли, двери открыли, встречают нас с Марксом как родных. Растрогался я, речь сказать хочу – о себе, о нем. Ищу глазами – где бы стать повыше, чтобы не затеряться в толпе. Как назло – ни броневика, ни грузовичка, ни даже самоходки какой-нибудь заваливающей поблизости нет. Ладно, я человек не гордый, залез на пивной ларек. А меня оттуда за шиворот и на носилки. С такой, говорят, головой, задом наперед, нельзя с народом говорить, не положено. И в больницу. В задницу колют, а говорят, что бошку лечат. Скоты! Объясняю им, болванам, что не свихнулся я. Что так головешку мою медведь развернул, что весь шлак из нее просыпался в брюхо и оттуда своим ходом вышел. Голова светлая стала, ничего лишнего. И понял я тогда, и кто виноват, и что делать, и отчего Маркс кричал, когда к России приближались.

М А Н Я. Отчего же, интересно.

М А Й. Мы тогда через Белоруссию ехали. Поняла?

М А Н Я. Нет.

М А Й. Через Беловежскую пуцу.

М А Н Я. Ну и что?

М А Й. А там три охотничка в ту ночь коньячок попивали, веселились.

М А Н Я. Опять ты загадками.

М А Й. А утром по радио объявили, что нет Союза, похерили они его. Вот почему зверь ревел как безумный: они еще подписи свои не поставили, а он уже беду чуял. Я как из больницы вышел, первым делом его разыскал. Цирковая жизнь для него кончилась – в зоопарк определили. Он теперь рядышком с Энгельсом, в городе Саратове. Узнал меня Маркс, запрыгал, глаза красные от слез... И поклялся я ему...

М А Н Я. Ты – медведю?

М А Й. Марксу.

М А Н Я. Ты понимаешь, о чем говоришь?

М А Й. Тому, кто голову мою просветил. Марксу.

М А Н Я. Ладно, Май, помолчи. Я от твоих историй скоро в психушку попаду.

М А Й. Сама просила. Ты приляг, а я выйду, пройдусь малехо.

Поддерживая М а н ю , М а й бережно укладывает ее на диван.
Присел в ногах, взял ее руку в свои.

Знаю, детка, о чем ты думаешь. Что чокнутый, что крыша поехала. Да? Все так говорят. А мне плевать на них. А вот ты ... Пусть весь мир против, ты единственная – за. И тогда ничего не страшно. Тогда даже в носу щекочет и дух захватывает – так жить безумно хочется. Я не псих, Маня. Я погибну, если ты меня предашь. Я люблю тебя, Маняшечка, люблю! *(Ласкает и целует ее).*

Бьют напольные часы.

Все. В Цюрихе полночь. Извини, я ненадолго. *(Идет в свою комнату).*

М а н я молча наблюдает за ним. М а й выходит с чемоданом. На голове парик. Вынимает из чемодана кожаную куртку, надевает ее.

М А Н Я *(с тревогой)*. Куда ты?

М А Й. Скоро приду.

М А Н Я. Я с тобой. *(Порывается встать).*

М А Й. Не надо.

М А Н Я. Боюсь за тебя.

М А Й. А я с помощником. *(Вынимает из чемодана пистолет, перезаряжает его, прячет во внутренний карман куртки).*

М А Н Я. Пистолет?

М А Й *(смеется)*. А ты шмонала и ничего не нашла. Да? У про-

фессиональных революционеров чемодан, дорогуша, всегда с двойным дном.

М А Н Я. Оставь пистолет, Май! Я боюсь за тебя, слышишь?

М а й резко отталкивает ее и выходит. Свет медленно гаснет.

4

Прошло несколько дней. Вечер. Свет бра падает на журнальный столик. М а й , сидя в кресле, что-то пишет. М а н я с подносом входит в комнату.

Отодвинула в сторону газеты и бумаги, поставила две чашки с кофе.

М А Н Я. Послушай, Май, а если так... *(Отхлебнула глоток из своей чашки).*

В банке «Аврора» открою я счет...

М А Й *(нараспев)*. Жаль твоих денежек – все пропадет!

М А Н Я. Май, противный, прекрати! Сбил меня. Проклятый клип, ничего не клеится.

М А Й. Возьми крейсер.

М А Н Я. Какой крейсер?

М А Й. «Аврору».

М А Н Я. И что?

М А Й. Пусть плывет себе, плывет...

М А Н Я. А дальше?

М А Й. Что, историю забыла? Останавливается, наводит бортовые орудия...

М А Н Я. Ну, ну...

М А Й. Командир – крупным планом: «Огонь по дворцу!» Бах! Бах!

М А Н Я. Снова дурачишься? При чем здесь банк?.. А впрочем, постой... Кажется, ты дал мне идею. Залп «Авроры» – летят пробки шампанского. Бах! Бах! Бах! Пенится вино, радостные лица, звон хрусталя. И титр: «Кто с нами, тот пьет шампанское! 120 процентов годовых. Банк «Аврора».

В банке «Аврора» открою я счет,
Знаю, что скоро и мне повезет,
Денежки здесь получу я с лихвой –
Крутится, вертится шар голубой!

А что? Вроде бы ничего! Соберу своих мальчишек – они споют, будет шикарно, а? Тридцать процентов гонорара – твои.

М А Й. Не надо. Зарабатывай свою копеечку сама.

М А Н Я. За идею, миленький. *(Целует его).*

М А Й. Их бы всех к стенке, буржуйчиков этих. А ты им оды поешь. Саньку моего кто сгубил? Они, гаденыши...

М А Н Я. Какого Саньку?

М А Й. Говорил же тебе. Брательник мой. Александр Уланов, младший лейтенант милиции города Искра. Погиб при исполнении. Вечная память. Идеальный пацан был. «Я эту мафию из-под земли достану, в рог бараний ее скручу», – так он мне говорил, бывало, Санька. Как срежемся с ним, глотки дерем, чуть ли не до драки – в политике мы с ним чужаки были. Надо, говорю ему, народ на штурм поднимать, Ильича время вспомнить – одним пистолетиком милицейским мафию не одолеть. А он мне: снова, мол, переворота захотелось, по большой крови соскучился? А как же, Санька, нечисть эту выскоблить, как? А он мне свое долдонит: все по закону должно быть, как во всех цивилизованных странах. Юстиция, презумпция, римское право!.. Словечками красивыми бросается, а сам уразуметь не хочет, что все средства хороши, лишь бы карася зажарить. Учил я его, учил. Да не послушал меня братец мой младший. Вот и сложил свою головушку – по закону. Мэр с дружками большой бизнес крутил, цветные металлы гнал в Швецию тайным образом – на миллионы долларов дело было. А Санька на след напал, копать начал. Как до мэра доковырялся – тут же его хлоп и баста! В засаду заманили, а у них, у ребят санькиных, не то что бронжилетов – патронов и то в достатке не было. Вмиг хлопцев перекокошили. Только фуражка осталась да пистолетик табельный – спасибо ребятам, схимичили как-то и мне на память оставили... Грамотой Саньку наградили посмертно как отличника службы, а больше ничего он у державы не заслужил. Койку его в общежитии тут же новому пареньку отдали – теперь ты, дурачок, с мафией борись, но только по закону...

М А Н Я. Жаль брата твоего.

М А Й. Ага... Двадцать четыре года пацану было.

М А Н Я. Похоронил ты его и решил здесь остаться, у нас?

М А Й. Больно город мне ваш прикинулся. Оборонщики, физики, работяги высококлассные. Не торгаши вонючие! Да и название по душе. Звонкое-то какое: Искра! Родное слово, зажигабельное! Вот, думаю, отсюда и начать все надо, по новой спирали. С мэром за Саньку рассчитаться, людей на великое дело двинуть. Только идти надо другим путем.

М А Н Я. Что ты задумал?

М А Й. Придет время – узнаешь... Короче – остался я после похорон здесь. А бабок нет – все, что было, Саньке на памятник

отдал. Живу на вокзале – сутки проходят, двое, неделя. Ботинки за шмат сала отдал, еще кое-что из барахла толкнул – жить-то надо как-то. Ну вот... Выхожу как-то раз на платформу, гляжу – девушка славненькая такая, с батонами стоит. Все возле вагонов бегают, торговки эти, кричат, в морды товары свои тычут. А она как воробышек под дождем – нахохлилась, бедненькая, только головкой вертит.

М А Н Я. Это я, я!

М А Й. Купил у нее батон. А на следующий день с мороженым она заявилась.

М А Н Я. Точно. Было такое.

М А Й. Стояла, стояла, а потом начала свое эскимо даром раздавать. Во дела, думаю. В наше-то время!

М А Н Я. Оно таять начало, а ленинградский опаздывал, на три часа.

М А Й. А тут менты наскочили. Шмон!

М А Н Я. Точно! Я как бросилась бежать! Я их как волков боюсь.

М А Й. А я за ней. Она в автобус – и я в автобус. Она в трамвай – и я туда же. К самому дому подошел, к подъезду. И – стоп! Дальше не решился. Всю ночь не спал. А назавтра фуражку санькину надел и сюда. Поднялся на шестой этаж, дзынь... «Кто там?» (Изменив голос). «Откройте, милиция!»

М А Н Я. Вот так я тебе понравилась?

М А Й. Мороженое вкусное было.

М А Н Я. Ты мне на вопрос не ответил.

М А Й. Сказать честно сейчас не могу. А трепаться не хочется.

М А Н Я. Май, месяц ясный... Ты что, скрываешь что-то? От меня? Май!

М А Й. Не поймешь.

М А Н Я. Это почему же?

М А Й. Тебе смешно будет.

М А Н Я. Клянусь – нет.

М А Й (тихо). Тогда скажи... Можно разве любить женщину и бояться ее?

М А Н Я. Ты... боишься? Меня? (Смеется).

М А Й. Я же сказал – смеяться будешь.

М А Н Я. Извини. Май, солнце, говори дальше, не молчи...

М А Й. Там, на вокзале, я увидел вдруг...

М А Н Я. Кого? Ну не молчи же!

М А Й. Ее глаза...

М А Н Я. Чьи?

М А Й. Вы были похожи, как сестры. Она тоже стояла тогда в толпе. Неприметная, пугливая. И головкой вертела. Фанни!

М А Н Я. Как ты сказал?

М А Й. Ее звали Фанни. Ту женщину, которая... стреляла... в него.

М А Н Я. Фанни Каплан? Откуда тебе известно, какая она была?

М А Й. Читал. А может, и сам видел.

М А Н Я. Ты? *(Засмеялась, но тут же прикрыла рот ладошкой)*. Прости...

М А Й. У нее в руках сумочка была и зонтик.

М А Н Я. А зонтик для чего?

М А Й. Не знаю.

М А Н Я. Вот у меня зонтика не было.

М А Й. Глаза, как ты, шурила.

М А Н Я. Близорукая, значит.

М А Й. Раскрыла сумочку, а в ней пистолет. Браунинг шести-зарядный, бельгийской работы. Прищурилась, нажала на курок. Раз, другой, третий... До сих пор глаза ее помню...

М А Н Я. Ты? Ее глаза?

М А Й. Она смотрела на меня с восхищением и ненавистью. Как ты, когда с ножом на меня кинулась.

М А Н Я. погоди... Ты хочешь сказать, что там был не он, а ты?

М А Й. Это безумие. Катя, согласен. Но иногда – пойми, это святая правда – вдруг... я падаю, как в пропасть, в чужую жизнь. Будто я был этим человеком, жил его жизнью, умер его смертью.

М А Н Я. Значит, это в тебя стреляла Фанни?

М А Й. Скажи мне, Маняша, милая моя девочка, любимая моя... Мне это важно. Ты бы могла выстрелить? В него?

М А Н Я. Наверное, нет.

М а й целует ей руки.

Но, если честно. Май... Я бы... я бы ее оправдала.

М а й вскочил, отбежал в сторону.

Она в диктатора стреляла, в тирана.

МАЙ. Вот как ... Могла бы? Значит, я не ошибся. Ни единой секунды я здесь не останусь! *(Начинает метаться по комнате, собирая свои вещи. Выносит чемодан)*.

М А Н Я. Майчик, милый, опомнись! Глупенький, стой, из-за чего мы ссоримся? Это же бред! *(Пытается вырвать у него че-*

модан). Не уйдешь! Нет! Ты не бросишь меня! Слышишь, Май!
М А Й. Пусти! *(Резко рванул чемодан).*

Чемодан раскрылся. Из него высыпались на пол обандероленные пачки денег. М а н я ошеломлена. Смотрит то на деньги, то на М а я .
Длительное молчание.

МАНЯ. Деньги? Откуда они у тебя? Май! Откуда?

М а й молчит.

Здесь же миллионы...

М а й молчит.

Ты ограбил кого-то? Убил?

М а й молчит.

Чьи это деньги? Чьи?

М А Й. Это не деньги. Это патроны и динамит. Красные флаги и гвоздики.

М А Н Я. Вчера передавали: ограблен концерт «Холидэй».

М А Й. А я тут при чем?

М А Н Я. Убит Соколовский, генеральный директор «Холидэя».

М А Й. Не моя проблема.

М А Н Я. Это было, постой... Ну да, в тот вечер, в субботу... Ты пошел прогуляться... с этим... с помощником! *(Поднимает пистолет, лежавший среди пачек с деньгами).*

М А Й. Соколовский, насколько мне известно, сам себя кокнул. В собственном кабинете. Дай пистолет, он заряжен.

М А Н Я. Ты убил его!

М А Й. Опустит руку, это не игрушка.

М А Н Я. Не подходи! Убийца! Буду стрелять! *(Наводит на него пистолет и зажмуривается).*

М А Й. Себя убьешь, дура! *(Бросается к ней, пытаясь вырвать оружие).*

Звучат один за другим несколько выстрелов.

М а й стоит, как ни в чем не бывало. Хохочет. М а н я ошарашена.

В сердцах бросает пистолет.

Ну и что, Фанечка? Убила Ленина, а? *(Показывает язык и смеется).*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

5

В темноте слышны густые, медленные удары: бьют часы. На диване, укрытый пледом, лежит М а й . Голова забинтована, правая рука на перевязи. Возле него, на стуле, М а н я . М а й стонет, глаза закрыты.

М А Н Я . Что, Майчик?

М А Й (*бормочет*). Яков... Где Яков? Звонил?

М А Н Я . Нет.

М А Й . Значит, Феликс не приехал.

М А Н Я . Какой Феликс?

М А Й . Железный, какой еще...

М а н я подходит к нему, присаживается на диван,
кладет ему на лоб ладонь.

М А Н Я . Снова горишь.

М А Й . Феликса нет, кто же будет расстреливать? Кто?

М А Н Я (*достает из тумбочки лекарства*). Выпей, тебе легче станет.

М а й швыряет таблетку в сторону.

М А Й . Легче станет, когда ярмо сбросим. (*Садится, осматривается*). Ты – кто?

М А Н Я . Май, чудо-юдо мое, неужели не узнал? Маня я, Маня! Жил ведь ты здесь, помнишь? А потом рассорились мы, и ты ушел. И долго не виделись с тобой. Скучала я, Майчик, не скрою. И, знаешь, куранты мои остановились, не шли. А вчера я телик включила... Там репортаж с площади показывали. И тебя я увидела, на грузовике ты стоял и кепка в руке. Боже, что там творилось, мама родная!

М А Й . Смотр сил Революции.

М А Н Я . Горели машины, в милицию бросали камни, бутылки.

М А Й . До чего же славно было!

М А Н Я . Страшно, Май. Троллейбус перевернут. Газетный киоск горит. Кинулась я на площадь, еле выволокла тебя оттуда. А то убили бы...

М А Й . Ошибаешься. Нет на меня погибели. Не придумали еще. (*Встает с дивана, делает несколько шагов по комнате*). Вот ты сама стреляла в меня, с двух шагов. Ну и что ? Вот он я! Живее

всех живых! (Смеется).

М А Н Я. (Припадает к его груди). Но все же, эти деньги...отуда они?

М А Й. Он сам отдал.

М А Н Я. Банкир? Сам?

М А Й. Эх, Маня, Маня... Или как там тебя в действительности зовут – Чека разберется... Так вот, есть оружие посильнее пистолета. Например, книжица под названием «Капитал». Мы с Яковом целую ночь читали олигарху избранные главы. К рассвету он понял, неглупый человек, что все награбленное у народа надо вернуть. Открыл сейф и сам отдал все, что там было. Попрощался с нами за ручку, все чин-чинарем, как водится среди благородных людей. Даже до дверей проводил...

М А Н Я. А как же он?..

М А Й. Потом, когда мы ушли. Хлопнул себя и точка.

М А Н Я. Вы его довели.

М А Й. Кто знает. Чужая душа потемки. Может, любовница бортанула. Или СПИД подцепил. Все может быть. Что теперь ковыряться – был человек, нет человека. А революция, она живет. Денежки уже в ход пустили. Час пробьет – и ударим. «Это есть наш последний и решительный бой!...».

М А Н Я. Сколько уже таких – решительных и последних? И снова кровь. А я жить хочу. Жить и любить. И больше ничего мне не надо. Не хочу крови, не хочу!

М А Й. Наше зрение, Маня, или как там тебя, субъективно. Вот ты кровь видишь – только кровь. А я глаза закрою – и красные гвоздики передо мной. Рядом совсем, в хороводе знамен, песен, портретов. А пахнут как!

М А Н Я. Гвоздики? Да у них вовсе запаха нет.

М А Й. Это для вас нет. У кого сердце деревянное. А у меня голова дуреет и кружится. Как шарик голубой.

М А Н Я. Шарик, Май, крутится только в первые дни. А потом... Он из голубого черным делается. И дым из него валит, и смрад.

М А Й. Не лезь в политику – потонешь.

М А Н Я. Возьми вот нашу Искру. Это город на костях. И магазины, и детские садики, и стадионы – все на черепках и на ребрах. Как на сваях... Здесь же когда-то лагерь стоял. Не пионерский, как ты понимаешь. Атомщикам этот город выстроили, Искру-19, и заводиче под землей отгрохали, для ракет. А все зэки строили. Миллион их тут полегло, наверное, – кто их считал? Вот наш дом, да? С виду обычная обшарпанная девятиэтажка. Только во всех

квартирах тут бывшие зэки живут.

М А Й. Гнездо осиное, вот попал.

М А Н Я. Те, кто в живых остался. Или их потомки.

М А Й. Вот ты каких кровей!

М А Н Я. Да, Май... Бабушка моя, Ольга, студенткой была, в Бауманском училась. Девчонки сессию сдали, зимнюю. Собрались у бабушки, крутили патефон, плясали, шампанское пили... А на календарь никто и не глянул. А было это, миленький, двадцать первого января...

М А Й. Психи! Это же ленинский день, траур.

М А Н Я. Вот-вот... А девчонки об этом и не вспомнили. Смелись, с ума сходили – первая сессия, радость-то какая, сам понимаешь. Ну вот... А сосед – тот, что за стеной жил, настучал. Так, мол, и так, устроили антисоветский шабаш в день траура. И пришли им дело о подпольной антисоветской организации, которая – слышишь, Май! – готовила теракт против товарища Сталина.

М а й хохочет.

М А Й. Ай, Коба! Ай, головорез! Очаровательный грузин, с большим чувством юмора. Но излишне строг. И что же стало с девчонками?

М А Н Я. Все здесь, под Искрой. Кто раньше, кто позже. Мученицы безвинные.

М А Й. Не согласен. Они город строили. А когда строишь, это счастье.

М А Н Я. Ты в своем уме, Май?

М А Й. Как архитектор я понимаю их. А что? Жрать, пить – и в этом счастье? Высокое счастье, «глюк», как говорят немцы, возможно только через страдание. Возьми, например, Жанку...

М А Н Я. Какую Жанку?

М А Й. Орлеанскую, вот какую. Славная была девчонка, и тоже молоденькая, как твоя бабушка Оля. И кровь, значит, в ней ходуном ходила – француженка как-никак, темперамент бешеный. Конюхи и солдаты табуном за ней бегали. И что же она, трахалась с этими жеребцами? Как бы не так. Это ведь для похабной телки потеха. А не для светлой феи. У нее, у Орлеанской Жанки, высший оргазм на костре наступил, когда пламя лизало ее лилейные груди. Счастье на костре – вот это по-нашенски!

Звонит телефон.

Яков! Наконец-то!

М а н я снимает трубку.

М А Н Я (*по телефону*). Рудик? Здравствуй, милый. Что с клипом? Заказчик принял? Чудно!.. А когда эфир? В эту пятницу? Хорошо, посмотрим по телеку. Спасибо, Рудик. Пока. (*Кладет трубку*). Слышал? Мой клип идет. Возьмем бутылочку, отметим. Ты не против?

М А Й. Залп «Авроры» и брызги шампанского?

М А Н Я (*берет в руки телепрограмму*). Так, пятница... Он ска- зал после девяти... Тут в программе «Лебединое озеро».

М а й что-то торопливо пишет левой рукой на листе бумаги.
Звонит телефон. М а н я снимает трубку.

(*По телефону*). Да, квартира Волчанецкой. (*Слушает, на лице ее тревога*). Май Уланов? (*Вопросительно смотрит на Мая*).

М а й отрицательно мотает головой.

Вы ошиблись. Никакого Мая Уланова здесь нет... Пожалуйста. (*Кладет трубку*).

М а й подходит к М а н е и молча целует ее.

Тебя разыскивают, Май.

М А Й. Я засветился. На площади.

Снова телефонный звонок.

Меня нет.

М А Н Я (*подняв трубку*). Кто это? Яков Михайлович? (*Смот- рит на Мая*). Он не может подойти. Еще слабый. Учится писать левой.

М а й дает М а н е листок бумаги.

Да, да, только что получила. О, сколько ходов сегодня!.. Пи- шите. Ферзь «же» один на «эф» четыре. Слон «бэ» шесть на «дэ» восемь... Да, Дмитрий восемь. Ладья «а» три на «а» семь. Успева- ете, Яков Михайлович? Конь «бэ» один на «це» три. И пешка «е» два на «е» четыре.

М А Й. Погоди. Когда клип идет?

М А Н Я. В пятницу вечером.

М А Й (*потирает руки*). Отлично! В четверг рано, в субботу поздно. Пятница, час ноль по Цюриху!

Берет у М а н и лист бумаги и что-то дописывает.

М А Н Я (*в трубку*). Яков Михайлович, еще один ходик. Пишите. Король «бэ» восемь на «бэ» семь. Борис семь.

М А Й. На штурм! (*С удовлетворением потирает руки*).

М А Н Я (*Маю*). Все?

М а й кивает.

(*По телефону*). Конец связи, все. (*Кладет трубку*).

М А Й. Дай записку.

М а н я отдает ему бумагу. М а й комкает ее, бросает в рот и тщательно пережевывает. М а н я смотрит на него.

Судьбу великих дел часто решают мелочи. (*Показывает на живот*). Сюда уже никто не доберется. Запломбировано, хранить вечно! (*Смеется*).

М а н я тоже смеется.

М А Н Я. Майчик, скажи, ты разыгрываешь меня? Нашел ду-
реку и накручиваешь лапшу?

М А Й. Тебе смешно?

М А Н Я. Ну сам посуди...

М А Й (*обрывая ее*). Ты в зеркало часто смотришься?

М А Н Я. Ну, утром... А что? Когда на работу иду... Вот сейчас, например. (*Подходит к зеркалу прихорашивается*).

М А Й. Нет, малышка. Я имею в виду другое зеркало. С боро-
дой до колен, в сорочке навыпуск. Зеркало русской революции –
вот о чем я говорю. Не мешало бы тебе хоть изредка заглядывать
туда... Так вот, идет однажды это Зеркало, то бишь Лев Николае-
вич граф Толстой, и видит: сидит человек вдалеке на корточках и
как-то странно руками машет. Зеркалу это показалось нелепым,
он давай смеяться. Хохочет, понимаешь ли, в свою патриаршую
бороду, заливается. А тем временем ближе подошел и видит: че-
ловек этот вовсе не сумасшедший, как он решил вначале, а про-
сто нож о тротуар точит. Вжик-вжик, вжик-вжик! И устыдилось
тогда Зеркало русской революции, что не поняло спервоначалу
действий другого человека... Вот так, Катя. Не безумец я, поняла?
Точу свой нож о тротуар, а ты так далеко от меня, что не можешь

понять, чем это я так занят.

М А Н Я. Ну вот, например, ты съел шахматные ходы. Зачем?

М А Й. Правила конспирации. Их надо выполнять. Обратила внимание – сколько ходов.

М А Н Я. Да.

М А Й. За поражение на площади возьмем реванш. Я начинаю широкомасштабное наступление, На всех досках.

М А Н Я. А сколько их?

М А Й. Сколько нужно для дела. Первая, например, центр города: мэрия, банки. Вторая – вокзал, третья доска – почтамт. Четвертая – телевидение и так далее. Архигениально, а? Был бы Стенька Разин шахматистом, у нас уже в семнадцатом веке была советская власть. После победы мы эти доски отдадим в музей революции.

М А Н Я. Постой, вы же в уме играете. Где доски? Их же нет.

М А Й. Ах, черт! Тут ты права. Что же делать? Я ведь задумал создать в музее Дощатый зал. Поклонение реликвиям, фильтрация молодежи. Кто свой в доску... Опять, видишь, каламбурчик, тот с нами. А кто против, того, извините, либо в шею, либо под зад. А насчет досок ты права, сделаем заметку. *(Вынимает из внутреннего кармана куртки несколько листков, что-то записывает)*. Тут, видишь, целый пакет декретов, я их уже подписал. Надо только власть захватить.

М А Н Я. А захватите?

М А Й. А что? Сомневаешься? Не видела, что творилось на площади? То-то... Народ до отчаяния дошел, дальше некуда. За вождем в любую сторону двинет. Хоть на Клайпеду, хоть на Калькутту. Лишь бы в родной стране не подохнуть. А мэр, подонок, слышала, заявляет по телеку: наша власть сильна, мы опираемся на народ. И нет, мол, сегодня такой шахматной партии, которую бы демократы проиграли. А я ему тут же телеграммку отбил.: «Есть такая партия, господин мэр, и вы ее проиграете. Есть!». Он у меня в списке самым первым номером значится. В расход гада. По декрету номер один.

М А Н Я. И меня уж заодно.

М А Й. Тебя?

М А Н Я. Ага. За спекуляцию хлебобулочными изделиями.

М А Й *(заглянув в бумаги)*. Точно. Есть такой параграф.

М А Н Я. За потерю бдительности – расстрел. А самых матерых – на виселицу.

М А Й. Ты что, в бумагах моих рылась? Да?

М А Н Я (*смеясь*). А что, верно? Да я таких декретов сколько угодно наклепать могу. За анекдоты – расстрел.

М А Й. И неправда! Похабные мы не контролируем!

М А Н Я. Можно и такой декретик сообразить. Кто ест ананасы и рябчиков – расстрел.

М А Й. Без тебя додумались. Только у меня тут еще масло добавлено. На весь переходной период. А что, простой народ меня поддержит. Те, что в помойках роются.

М А Н Я. Шаг влево – расстрел! Шаг вправо – расстрел!

М А Й. Расстрел – это не убийство. Это инструмент управления обществом. Как молоток у плотника!

М А Н Я. Заткнись!

М А Й. Молотком по головушкам! Без этого ничего не выйдет!

М А Н Я. Замолчи, гадина!

М А Й. Да ты пойми меня!..

М А Н Я. Все понимаю, Май, все. Только одного понять не могу. Зачем я, дура, полюбила тебя? Зачем я, дура, ношу от тебя ребенка? Зачем? Ненавижу тебя!. Мразь! Уходи! Вон отсюда! Вон! (*Рыдает*).

Гаснет свет. Поет хор.

6

Прошло несколько дней. Вечер. М а н я одна. Разговаривает по телефону.

М А Н Я. Нет, Томчик... Не угадала. Мы с Маем решили пожениться. Ага, напропалую! Все было, Томчик, как в романах: стоял на коленях, руки целовал... А слова какие при этом – с ума сойти! Нет, что ни говори, он человек редкостный. Не надо только, я поняла, всерьез принимать его трепотню. Ну, любит человек пошутить, розыгрыши всякие. А на самом деле добрый он и ласковый, и меня любит – не деревянная же, чувствую. Мужики, понимаешь, Томка, они ведь как дети: у каждого своя причуда. У одного рыбалка, у другого машина. А Май по уши в политике – и придумывает себе, и фантазирует, и наворачивает такое, что подчас страшно становится. А это игра, поняла? Как «морской бой», как в войну... Что? Ой, он так обрадовался, Томчик. До сих пор поверить не может, что станет папочкой... Нет, Томка, заскоки у него, конечно, есть, но я уже к ним как-то притерпелась. А теперь как пойдут пеленки, распашонки, горшочки, ползуночки... Как помотается за тем, за другим, да еще парочку

ночей не поспит – глядишь, и человеком станет. (*Смеется*). Тихо, кажется он... Пока! На свадьбу? Пригласим, пригласим, что за вопрос!

Входит М а й с большим букетом гвоздик. Широко улыбается, вручает цветы М а н е . Она восхищена, целует его.

О, Май! Прелесть какая! (*Ставит цветы в вазу*).

М А Й. Революция отменяется, гвоздики раздаются любимым женщинам.

М А Н Я. Правда? Я рада, что ты... Ну в общем рада и все!

М А Й. Надо только снять клип с эфира. Звони Рудикю.

М А Н Я. Снять? Зачем?

М А Й. Бабахнет «Аврора» – будет поздно. Это сигнал. Поняла? Доведено до всех групп и отрядов.

М А Н Я. Боже, да кто же придумал такое?

М А Й. Король «бэ» восемь на «бэ» семь. Сама передавала. Немедленно свяжись с Рудиком.

М а н я спешно снимает трубку, набирает номер, ждет.

М А Н Я. Офис не отвечает.

М А Й. Звони домой. Живее, живее.

М а н я снова крутит диск.

М А Н Я. Сегодня пятница. Мог уехать за город.

М А Й. Крейсер надо остановить. На студию звони, быстро. Ты понимаешь, чем это пахнет? Большой кровью, Маня. Звони.

М а н я , раскрыв записную книжку, набирает один за другим несколько номеров. Наконец, ей удается дозвониться.

М А Н Я. Алло, студия? С кем я говорю, простите? Дежурный выпускающий? О, как удачно, именно вы мне и нужны. Понимаете, в чем дело... Я не могу дозвониться до Рудольфа Михайловича, не знаю, где он. Мне нужно... мне нужно снять с эфира клип с рекламой банка «Аврора». Он сегодня идет в эфир. Да, я автор... Волчанецкая Мария... Как поздно? Вы же его еще не давали! Ну снимите, умоляю вас. Это очень важно, очень, очень! Я не могу вам сейчас объяснить. Могут быть жертвы, случится непоправимое. Миленький, дорогой, верьте мне! Все зависит сейчас от вашего решения... Что? Снимете? Только честно, да? Завтра я брошусь перед вами на колени, да, да! Спасибо, вы меня спасли.

Спасибо... *(Положила трубку, в полном изнеможении кладет голову на телефон)*.

М а й подходит к ней, нежно гладит ее волосы.

М А Й. Ты спасла город. И меня, чокнутого психа.

М А Н Я. Не болтай. Никакой ты не псих. Ты чудо-юдо мое, месяц ясный. Никому тебя не отдам. Странный ты, это правда. На других не похож. Ну и что? Я б и Дон-Кихота полюбить могла. А он таз медный на голове носил. Зато сердце какое! А все кругом смеялись над ним... Понимаешь, Май, люди ведь разные. Есть как стеклышко прозрачные – поглядишь, и все ясно. А если человек из разных осколочков сделан – и синие, и красные, и черные, как в калейдоскопе. Так и в тебе. И доброе, и злое. И мудрость, и, прости меня, такая мерзость и цинизм! Все перемешано.

М А Й *(смеясь)*. А чего больше?

М А Н Я. Не знаю. Честно, еще не знаю. Включи-ка лучше телек.

М а й включает телевизор. Засветился экран.
Звучит адажио из второго акта «Лебединого озера».

Слушай, а вдруг... А что, если он забудет, этот выпускающий?
А? Или решит, что его разыграли? И клип вдруг пойдет?

М А Й. Не паникуй. Видишь, все спокойно.

М А Н Я. Слава Богу, слава Богу!..

М а н я и М а й садятся рядом перед телевизором.
Голубой свет экрана освещает их лица.

Смотри, Плисецкая просто чудо!.. Совсем еще девочка... старая пленка. А руки, Май! Боже мой, словно крылья... Колдунья...

М А Й. А меня лебедята достали. Друг за дружку держатся, коллективные девчонки.

М А Н Я. Сидят люди, вот как мы... Смотрят, наслаждаются. А ведь могло быть... Страшно даже подумать...

М А Й. Установка была категорическая – разрушить все. До основания.

М А Н Я. Я счастлива, что все обошлось. Отлетело, как страшный сон. *(Кладет голову ему на плечо)*. И еще я рада, что ты переменился. Другим стал, правда? Папочка Май! *(Смеется)*. Ты будешь строгим отцом, да? Всю любовь внутри спрячешь, в сердце. Ты ведь такой – не любишь телячьих нежностей. Да, Май? Если девочка родится...

М А Й. Маняша...

М А Н Я. Нет, нет. Мы ее в честь бабушки Оленькой назовем. Я ее с пяти лет музыке буду учить. На скрипке... Нет, лучше виолончель. Ты не против? Представляешь? «Выступает Ольга Уланова!». И выходит наша крохотулька, а за ней вот такой амбал выносит виолончель. Ольга Уланова! Звучит? У-ла-но-ва! Стоп! Да что я, в самом деле! Это ведь балетная фамилия! Галина Уланова, а теперь Ольга Уланова – одна из маленьких лебедей! Нет, только балерина!

М А Й. А ежели пацан?

М А Н Я. У меня в хоре петь будет.

М А Й. Где твой хор? На улицах и в подъездах? Пусть по отцовской линии идет.

М А Н Я. С медвежьим цирком?

М А Й. Зачем? Архитектором станет. Мои проекты до ума доведет. В шахматилки научу, вечерами резаться будем! Эх!

М А Н Я (*поспешно*). Ой, нет, нет! Только не шахматы. И не думай!

М А Й. Чего ты ? Игра умственная, логику развивает.

М А Н Я. Не надо нам шахмат, Майчик. И логики не надо. Без них обойдемся.

Музыка прервалась. По телевизору передают рекламные ролики.

М А Й. Тихо! Реклама!

М А Н Я. Господи! Сильный, справедливый, добрый! Если ты есть, если слышишь меня, Господи, сделай так, чтобы не было этого проклятого клипа. Господи, останови «Аврору»! Умоляю тебя!

М А Й. Кликуша, замолчи!

Один за другим следуют обычные рекламные клипы. Дикторы слащаво и умильно расхваливают разнообразные товары – духи, шампуни, шоколад.

Обрывки музыки, слов, номера телефонов и факсов.

Молча, с напряжением вглядываются в экран М а н я и М а й .

Вдруг слышится фрагмент одной из революционных песен.

М А Н Я. О Господи!..

М А Й. Крейсер пошел.

М А Н Я. Все, конец. Ненавижу себя! (*Бессильно колотит кулачками по телевизору, который, зарычав, тут же выключается*). Зачем?! Что делать. Май?

М а й что-то торопливо пишет на клочке бумаги.

М А Й. Якову звони. Немедленно.

М а н я набирает номер.

М А Н Я *(по телефону)*. Здравствуйте... Будьте добры, Якова Михайловича. Нет его? А где он? Увезли? Куда? Что значит «туда же»? В шестнадцатую больницу? *(Вопросительно смотрит на Мая, кладет трубку)*. Слышал? Якова Михайловича увезли...

М а й съедает записку, ходит по комнате.

М А Й. Его бросили в психушку.

М А Н Я. Он что... уже был там?

М А Й. Я освобожу Якова. Чего бы это мне не стоило.

М А Н Я. Май, успокойся, ты же мне обещал.

М А Й. Я брошу на шестнадцатую отборные части.

М А Н Я. Май, солнце мое, не надо! Умоляю тебя!

М А Й. Не разводи соплей! Садись на связь, живо! Ты свидетель – я не хотел кровопролития. Они первыми начали, гады! Шестнадцатая – это Шлиссельбург. Застенок, каменный мешок. Гробница, где гибнут революционеры. *(Вынимает из кармана несколько листов бумаги)*.

М А Н Я. Май, успокойся, возьми себя в руки! Слышишь?

М А Й. Якова я им не отдам. И не проси. Это политическое убийство. Надо действовать. Вот диспозиционный план восстания. Коды, шифры, номера телефонов. *(Кладет бумаги на журнальный столик)*. Что ты стоишь? Миг промедленья смерти подобен! *(Берет Маню за руки, подводит к телефону и усаживает в кресло)*. Связывайся с отрядом Бурлакова, быстрее! Слышишь?

М а н я снимает трубку,
набирает несколько цифр и снова кладет ее на рычаг.

М А Н Я. Не могу.

М А Н Я. Ты кто? Барышня кисейная или моя жена?

М А Н Я. Хочу быть женой нормального человека.

М А Й. А я кто по-твоему? Псих? Да?

М А Н Я. Да, Май. Ты сумасшедший. Я сейчас поняла. Как и твой Яков.

М а й достает пистолет, не торопясь ставит его на взвод.

М а н я следит за ним.

М А Й. Тогда, Маня, жить мне дальше ни к чему... Прощай, и мозги на стенку! Все!

М А Н Я. Постой! Что я должна делать?

Длительная пауза.

М а й кладет пистолет на журнальный столик.

М А Й. Вот план. Найди, где там Бурлаков.

М А Н Я (*глядя в бумаги*). Вторая доска.

М А Й. Вызывай его. Быстро! (*Идет в другую комнату*).

Увидев, что М а й вышел, М а н я поспешно вынимает вилку телефона из розетки, набирает номер. М а й выносит из своей комнаты карту, вешает ее на стене. На карте невообразимое сочетание клеток, крестиков, указательных стрелок и шахматных фигур.

М А Н Я (*в трубку*). Отряд Бурлакова? (*Маю*). Он у аппарата.

М А Й. Пусть штурмуют Шлиссельбург.

М А Н Я (*по телефону*). Бурлаков, вы меня слышите? Наступайте на Шлиссельбург.

М А Й. Захватить административный корпус. Главного врача отконвоировать к Феликсу. Всех пламенных революционеров выпустить из камер на свободу. Передавай, не тяни. (*Убегает в свою комнату и вскоре возвращается с циркулем и линейкой*). Передала?

М А Н Я. Так точно!

М А Й. Умница! Связь работает идеально! (*Подходит к карте, что-то измеряет, делает какие-то надписи*). Что у нас дальше?

М А Н Я (*рассматривая бумаги*). Мэрия.

М А Й. Ищи Грум-Грумовича.

М А Н Я. Идешь на союз с фашистами?

М А Й. Временный. Они хорошо организованы и вооружены. Это сейчас архиважно. Вяжемся в драку, а там разберемся.

М а н я набирает несколько номеров.

М А Н Я. Грум-Грумович? Алло! Алло!

М А Й. Что с ним?

М А Н Я. Грохот, стрельба. Ничего не слышу.

М А Й. Эх, ты... «Грохот». Это бой, миленькая, музыка революции. «Апассионата»! Ба-бах! Ба-бах! Изумительная, нечеловеческая музыка!

М А Н Я. Грум-Грумович! Грум-Грумович! Вы меня слышите? Алло! Алло! (*Маю*). Он на проводе.

М А Й. Передавай.

М А Н Я. Вы меня слышите? (*Глядя в бумаги, кричит изо всех сил*). Окружить мэрию! Вам придаются две установки «Град».

М А Й. Четыре! Там засел главный бандит!

М А Н Я. Ставка выделяет вам четыре «Града». Да, да, четыре. После артподготовки начинайте штурм. С левого фланга. Да, с левого. Мэра заковать в железо и доставить к Феликсу. Что дальше? По декрету номер один!

М А Й (*хохочет*). Точно!

М а н я кладет трубку, устало откидывается на спинку кресла.

М А Н Я. Горло сорвала. Отдохнем, что ли? Я кофе сварю.

М А Й. Отхлебнем по глоточку, а революция захлебнется? Каков каламбурчик? Блеск! Разворачивай наступление. Кофе отменяется. Что там по плану?

М А Н Я. Телецентр. Атакуем?

М А Й. Не угадала. Автоматика. Набираешь номер – и все вдребезги.

М а н я крутит диск. Раздается взрыв.

М а н я в неподдельном ужасе. М а й хохочет.

Вот рвануло! Чудо техники!

М а н я украдкой ощупывает вилку, вынутую из розетки.

С недоумением смотрит на телефон, на М а я .

Динамит в машине, машина в гараже, гараж в телецентре. Ну как? Один пламенный революционер соорудил. За шестьсот баксов. Архигениально! Телек тю-тю! Клипы, хлипы, голые бабы! Зачем они нам? Отравя все это, дурман, забава толстосумов. Будем выпускать одну газету – «Искра». Передовица, хроника, трудовые рапорта.

Бьют часы.

Десять по Цюриху. Звони Груму. Что с мэрией?

М А Н Я (*набрав номер, по телефону*). Кто у аппарата? Мне Грум-Грумовича. Это вы? Докладывайте, что с мэрией. Так, так... (*Маю*). Взяли штурмом.

М А Й. Молодцы! Груму орден. Что с мэром?

М А Н Я. Награждаетесь орденом. За личное мужество. Где мэр? Что? (*Маю*). Мэр бежал, переодевшись в женское платье.

М А Й. Подлец! Чтоб у него бюстгальтер лопнул! Каждую женщину задерживать и осматривать.

М А Н Я. Осматривайте всех женщин подряд.

М А Й. При наличии мужских данных расстреливать как врагов народа.

М А Н Я. Алло! Вы меня слышите? С мужскими органами расстрел на месте. *(Маю)*. А орден?

М А Й *(сворачивает дулю)*. Вот ему орден, саботажник! Прозевал эту Мэри с мужскими органами! Как тебе каламбурчик? Ничего, а? *(Хохочет)*. Эх, девочка ты моя! Как славно, что в трудный час ты рядом со мной. Народ восстал, революция побеждает. К утру город будет наш. Красная машина повезет нас с тобой по улицам. Люди будут стоять вдоль тротуаров и бросать нам цветы. Миллионы красных гвоздик!.. Вот ты, Маняша, накануне восстания о детках наших говорила. Девчонка, пацанчик... И подумал я тогда: что их ждет, бедолаг?.. Оленька Уланова. Балериной, думаешь она станет? Проституткой – вот кем! Коммерсантов и банкиров ублажать будет тельцем своим, которое мы выкохаем. А сынок наш? Что его ждет? Либо к мафии подручным, либо всю жизнь с голым задом. Вот так. Только революция их спасет, детей наших. Увидишь, какой мир мы построим. Все одинаково равны, одинаково талантливы, одинаково счастливы! Никто не выпендривается – одна дружная семья. Высунулся – бац по башке! И снова – живи и радуйся!.. Ладно, сентименты потом. Мы совсем забыли о Главпочтамте. Кто там у нас?

М А Н Я *(смотрит в бумаги)*. Так... Главпочтамт... Жихарь, «Красная сотня».

М А Й. Вызывай!

М А Н Я *(набрав номер)*. Жихарь мне нужен, Жихарь! Вызывает ставка. Немедленно. *(Прислушивается. Маю)*. Жихарь на проводе.

М а й кивает.

Докладывайте. Так, так... *(Маю)*. Почту в основном взяли.

М А Й. Молодцы!

М А Н Я. Ожесточенный бой в отделе посылок.

М А Й. Овладеть любой ценой. Обнимаю героев.

М А Н Я. Он вас обнимает.

М А Й. Телеграф наш?

М А Н Я. Телеграф взяли? *(Маю)*. Наш.

М А Й. Отбей телеграмму.

М А Н Я. Кому?

М А Й. А то не понимаешь? Учителю, другу... Медведю моему.

М А Н Я. Марксу, что ли?

М А Й. Ага. Пусть порадуетя.

М А Н Я (*в трубку*). Примите телеграмму. «Саратов. Городской зоопарк. Медведю Марксу». Давай текст.

М А Й. Лучше ты. Чтобы до слез.

М А Н Я (*диктует*). «Искра вспыхнула тчк медведи всех стран соединяйтесь».

М А Й. Архивеликолепно. Дойдем до Саратова, освободим старика. Он мне как-то сказал: если мировая революция победит, я вновь человеком стану. А мы уже полдела сделали. Искру поддержат другие страны – Германия, Мексика, Индия... Вот увидишь! «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!»

В порыве воодушевления ударяет кулаком по телевизору.
Внезапно вспыхивает экран. М а й ошарашен.

Что?! Да я же взорвал этот вертеп!

Громко звучит музыка из третьего акта «Лебединого озера».

М А Н Я. Но взрыв был.

М А Й. Был, был! Ты ведь тоже слышала? Сильный, будто рядом, бухнуло.

М А Н Я. Ой! Я все поняла! (*Бросается в другую комнату выносит банку с огурцами*). Огурчики взорвались! (*Хохочет*).

М А Й. Саботажники! Всех к стенке! (*Ударяет кулаком по телевизору, тот выключается*). А ты, кажется, заодно с ними? Смешно, да?

М А Н Я. Смешно и грустно. Огурчиков жаль. На зиму готовила.

М А Й. В этом вся ты. «Рожденный ползать...». Ладно, разберемся. Вызывай Грума.

М а н я садится за журнальный столик, снимает телефонную трубку.

М а й внимательно следит за ней. Все еще продолжая смеяться,

М а н я крутит диск.

М А Н Я. Грум-Грумович у аппарата.

М а й вдруг замечает, что телефонный провод выключен из розетки.

Поднимает его, внимательно смотрит на М а н ю .

Она этого не видит.

Спецназ перешел в атаку. Двадцать восемь убитых.

М А Й. А раненых сколько?

М А Н Я (*в трубку*). Сколько раненых? (*Маю*). Шестьдесят три.

М А Й. Ай-яй-яй! (*Вдруг – криком*). Гадина! А это что? (*Машет перед ее лицом телефонным проводом*). С Грумом ты разговаривала, да? Тварь продажная, контра! За сколько тебя купили? Молчи! Дрянь! (*Привязывает ее проводом к спинке стула, берет пистолет*). Именем революции я должен приговорить тебя к смерти. Ты умрешь под своим действительным именем, которое так тщательно пыталась скрыть. Не удалось. Своими действиями ты полностью разоблачила себя как агент империализма. Ты Фанни Ефимовна Каплан, совершившая теракт на заводе Михельсона. Три твои пули впились в его сердце. Он еще немного пожил, но это уже был не вождь мирового пролетариата, а парализованный старик – немой, полубезумный, с рыжей кошечкой на коленях. Ты лишила революцию ее вождя. Но не думай, что навечно, что навсегда. Я, Май Уланов, ощутил его раны как свои и его дело как свое. Вот почему ты – змея! змея! – возникла на моем пути. Обворожила, обволокла – и погубила революцию. Снова... Фанни Каплан, ты имеешь право на последнее слово. Говори.

М А Н Я. Я Мария Львовна Волчанецкая, родилась в Одессе, в семье врача. Работала хормейстером в городе Искра. Замужем не была. После смерти мамы жила одна. В июле этого года познакомилась на вокзале с человеком, которого полюбила, и прожила с ним в одной квартире более трех месяцев... Когда-то, еще в студенческие годы, мне случайно попалось на глаза научное сочинение, автора не помню, под названием «Гениальность и помешательство», где эти два состояния человеческого духа рассматриваются как близкие, взаимосвязанные, перетекающие друг в друга. Май Уланов показался мне ярким и необычным человеком. Но временами я видела перед собой чудовище...

М А Й. Молчать!

М А Н Я. Маньяка, который способен на все ради своей идеи. Убить, взорвать, сжечь!..

М А Й. Фанни Каплан, военный трибунал лишает вас слова. Революция не прощает предателей. Я должен, я обязан привести приговор в исполнение. В той далекой, давно прошедшей нашей жизни тебя убил комендант Кремля, балтийский матрос Паша Мальков. В подвале, выстрелом в затылок. Так говорит история, и это, наверное, правда. Но решил твою судьбу не он, а я. Да, Фанни, я, я! Раненый, с кровью в плевре, с перебитым твоей пулей плечом, я лежал в своей кремлевской квартирке в окружении докторов и друзей. У моего изголовья, ближе всех, в наглухо застегнутой кожанке сидел Яков Михайлович Свердлов.

Выждав момент, когда врачи отвлеклись, он наклонился ко мне и прошептал: «Что будем делать с Каплан? В расход?». Я лежал и размышлял – мозг мой, к счастью, не был поврежден твоими пулями. Убить или помиловать? – думал я. Женщина. Молодая. Политкаторжанка. Вроде бы своя. Проявить великодушие, сохранить ей жизнь... Но тогда я предаю другую. Ту, которую любил и буду любить больше жизни, – Революцию... Яков снова наклонился надо мной: «Я жду вашего ответа» и дотронулся до моей руки. – «Вы согласны? Да?». Я молча закрыл глаза. И через два часа твоя душа, Фанечка, отлетела, как говорится, в мир иной. Чтобы потом, через много лет, воплотиться в скромную учительницу музыки Маняшу Волчанецкую. Но ты Фанни, Фанни Каплан! Увидев тебя, я сразу понял, что время и пространство вновь соединили нас. Что мне и моему святому делу снова грозит гибель. Я пришел к тебе, чтобы... Но не смог. Случилось самое страшное. Я полюбил тебя. *(Садится возле нее на пол)*. Человека губит то, что он больше всего любит. Губит – любит, банальная рифмочка, но ведь со смыслом. Пловец гибнет от морской пучины, развратника сжигают бабы, сладстена помирает от диабета. Любовь и смерть соединены незримо и вечно. «Комплекс князя Олега» – так я это называю. Помнишь? «Как ныне собирается вещей Олег...». Пуще славы, женщин, дворцов и кубков зазданных любил князь своего боевого коня. И что напрозорчил ему кудесник? «И примешь ты смерть от коня своего...» Как? От своего любимца? Нет, кудесник, ты ошибся. Но! «Из мертвой главы гробовая змея шипя между тем выползала». *(Осторожно берет Манину руку, подносит ее к губам)*. Попрощаемся, девочка моя. Не могу поступить иначе. Змейка ты моя... Каждый пальчик твой целую. Этими пальчиками ты пульки ядом смазывала. Кураре – смертельная отравка. С трудом, наверное, достала. И ты ваткой, каждую пульку, Фанни. Чтобы наверняка, чтобы паралич сковал сердце. Чтобы оно перестало дышать. Сердце Революции, как сказал Яков Михайлович. Но, понимаешь, в чем фокус? Я – жив. И ты, расстрелянная Пашей Мальковым, тоже жива. И, если поглядеть вокруг, многие наши живы. И Феликс, и Яков, и Коба, и Клима... Умерли, чтобы снова родиться! Мы, может, иначе одеваемся, и зовут нас, наверное, не так, как раньше. Но разве суть от этого изменилась? Это как в шахматах. Какая разница, из чего сделана фигура? Из дерева, из камня, из бумаги... Все равно пешка ходит, как пешка, а ферзь ходит, как ферзь.

В передней раздается звонок.
М а н я и М а й с удивлением смотрят друг на друга.

М А Н Я (*громко*). Кто там?

М А Й. Молчи! (*Поднимается и быстро подходит к двери. В руке у него пистолет*).

Настойчивые, резкие звонки.

М У Ж С К О Й Г О Л О С. Май Уланов, нам известно, что вы здесь. Откройте.

Пауза.

С вами говорит врач шестнадцатой больницы. Той, где вы находились на лечении. Откройте двери, мы хотим с вами поговорить.

М а й стреляет в потолок.

Выпустите Марию Волчанецкую и сдайте оружие

М а й снова стреляет.

Может быть, вас интересует, где Яков Михайлович, который убежал вместе с вами?

М А Й. Да. Интересует.

М У Ж С К О Й Г О Л О С. Он возвратился и ждет вас.

М А Й. Не верю.

М У Ж С К О Й Г О Л О С. Он просил передать вам свой ход.

М А Й. Он сделал ход? Какой?

М У Ж С К О Й Г О Л О С. Ладья «а» четыре на «а» пять.

М А Й. Идиот! (*Мане*). Он выжил из ума, это ведь сдать партию! (*Опускается на колени перед Маней*). Но я не хочу в Шлиссельбург! Не хочу! Я партию не сдам, нет! (*Развязывает провод, освобождает Маню*). Лучше убей меня. Ты убей. Слышишь? (*Дает ей пистолет*). Я не вернусь туда, ни за что. Стреляй. Это мое последнее желание. Скажешь, что я сам себя кокнул...

В дверь снова звонят.

Там два патрона. Стреляй. Видишь, бронежилета нет, как в тот раз. Нажмешь пальчиком – и все. Я же маньяк, чудовище, ты же сама сказала.

М а н я медленно поднимает руку, наводит пистолет.

Стреляй, тебе говорят! Ну что же ты, трусишка? Сюда целься, сюда! Стреляй в Ленина, он не нужен людям, я понял. Он пришел к ним или поздно... или слишком рано.

М А Н Я. Не могу! (*Опускает руку*).

М А Й. Можешь! Ты Фанни! Фанни! Стреляй!

М А Н Я. Нет! Я Маня! Маня! (*Швыряет пистолет пол*). И я тебя люблю, Май, люблю! Люб-лю-ю-ю-ю!

М а н я бросается к нему и покрывает его лицо быстрыми страстными поцелуями. Они обнимают друг друга и плачут.

Не переставая бьют часы-куранты.

И хор мальчиков, словно звонкая стайка птиц,
плывет в небесную голубизну.

ЛЮБОВНЫЕ ИГРЫ САРЫ И ЭЛЕОНОРЫ

Лирическая комедия в 2-х действиях

Действующие лица

САРА

ЭЛЕОНОРА

ЖОЗЕФ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Слева небольшой изящный столик в стиле ампир. На нем бронзовый чернильный прибор, папки с бумагами, старинный телефон.
В правом углу, перед софой, мольберт с начатым холстом.
На стенах легкие драпри, афиши, фото.

1

Свет падает на старика, сидящего за столом. Седой, красивый, в мягкой, домашней вязки кофте. Голубой шелковый платок небрежно повязан вокруг шеи. Это Ж о з е ф Ш ю р м а н . Склонившись над столом, он что-то пишет. Остановился. Прочитал. Потом сморщился, криво усмехнулся и со злостью разорвал бумагу на мелкие клочки.

Взял со стола чашечку кофе, отхлебнул несколько глотков и снова стал писать. Вновь задумался, положил перо.
Закрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

Легко, как видение, возникла С а р а . Стала за его спиной и тихонько потянула со стола листок бумаги.

С А Р А (*читает нараспев, с пафосом*). «Жозеф Шюрман. Записки импресарио». Ого! (*Смеется*). Умора! Жозинька стал писателем! Подумать только! И запретную трубочку курит, правда, без огонька и без дыма...

Ж О З Е Ф (*открыв глаза, тихо – самому себе*). Каждое утро, запершись в кабинете, я слышу их голоса, моих дорогих девочек, Сары и Элеоноры. Смеюсь, когда они смеются...

С А Р А (*с тем же пародийным пафосом*). И глотаю слезы, лишь вспомню, что их, бедных, уже нет на белом свете. (*Меняя тон, резко*). Похоронил одну и другую, а теперь мемуарчики строгаешь? Решил их нижнее белье выставлять напоказ? Да?

Ж О З Е Ф. Мадам Сара! Мадам Сара!

С А Р А. Вот, дескать, их панталончики, вот их пеньюарчики! Гоните денежки, господа, я вам еще и не такое расскажу!

Ж О З Е Ф. Мадам Сара! Как... как вы могли подумать даже? Вы для меня... вы обе – святые. Богини!

С а р а берет со стола несколько страниц.

С А Р А. Поглядим, что ты там накалякал. Так... *(Читает)*. «Две звезды мировой сцены – божественная Сара Бернар и несравненная Элеонора Дузе долгие годы освещали мою жизнь лучами своей славы...» Первая фраза – и уже мерзость. Почему это она – несравненная? Возмутительно, подло! А меня, значит, можно с кем-то сравнивать? Да? С кем же, козел ты эдакий, с кем? *(Вкладывает перо в его руку и водит им по бумаге)*. Вот так, вот так... Вычеркнем «несравненная Элеонора», напишем только... *(Задумалась)*. Пусть будет: «известная в Италии».

Ж О З Е Ф. Но это же неправда. Ее, как и вас, знал весь мир. Она...

С А Р А. Помолчи! Напишем: «популярная».

Ж О З Е Ф. Это несправедливо, мадам Сара.

С А Р А. Как Сара сказала, так тому и быть. Что дальше? Где продолжение?

Ж О З Е Ф *(разводит руками)*. Его пока нет.

С А Р А. Это все, что ты успел выродить? Одну фразу?

Ж О З Е Ф. После нее, как вы видите, я поставил многоточие. Так делают даже большие писатели, когда не знают, что будет дальше.

С А Р А *(хохочет)*. Многоточие ставят, Жозинька, только импотенты.

Ж О З Е Ф. Я обижусь, мадам Сара.

С А Р А. А что, не имею права так сказать?

Садится в кресло, забрасывает ногу за ногу и берет со стола папироску.

Ж о з е ф услужливо чиркает спичкой.

Сколько шансов, милый, я давала тебе? И что? Доказал ли ты свою любовь к божественной Саре? Лондон, Вена, Ницца – вспомни, дружок. Особенно благосклонна я была к тебе в Москве. «Гранд-отель», пьянящий аромат тубероз, за окнами безумная толпа: «Браво, Сара! Браво, Сара!» И великая актриса поднимает бокал за успех гастролей и за своего милого импресарио. А что же он? Покрыв белоснежную грудь своей богини страстными поцелуями? О нет! Унес ее, хрупкую и нежную, на ложе любви? Нет, нет и нет! Он поставил... *(Хохочет)* Мно-го-то-чие!

Ж О З Е Ф. Но ложе любви, согласитесь, было не совсем обычным.

С А Р А *(пожав плечами)*. Как для кого. Твоя драгоценная женошка, мадам Шюрман, приучила тебя к перинам на гагачьем пуху, не так ли? Как осла к соломенной подстилке.

Ж О З Е Ф. Я жил и живу, мадам, как все нормальные люди.

С А Р А. А я, что же, ненормальная?

Ж О З Е Ф. Простите, но в гробах принято хоронить людей, а не заниматься там любовью.

С А Р А. Вот как! А я и не знала! Какие истины ты мне открываешь! Мерси! (С издевкой!) Убогий человечешко, козявка! Твой мозг, если он и существует, способен лишь подсчитывать выручку от кассовых сборов.

Ж О З Е Ф (пишет, посасывая трубочку). В минуты гнева это была подлинная фурия. Остановить ее было невозможно.

С А Р А. Да будь у тебя хоть капелюшечка фантазии, ну вот хоть на столько...ты бы понял: любить в гробу – это как побывать в объятиях вампира. Жуть и блаженство! Смерть – вот она, рядом, а ты... (Встает, кружится в экстатическом танце).

Ж О З Е Ф. Была ли это игра, рассчитанная на эффект, или...

С А Р А. Заскорузлый мещанин, плебей – муравей, не дано тебе, нет! А ведь всю жизнь прокрутился среди артистов и художников. Многоточие – вот ты кто! (Смеется). Не думай только, что я с каждым падала в гроб. О нет! Только самым изысканным своим партнерам я могла оказать такую честь. И они ценили, дуралей, эти мгновения. Знаешь, что сказал мне после всего этого великий Виктор Гюго? «Ваш гробик, мадам Сара, не давал мне возможности отклониться от моих приятнейших обязанностей». Вот так... Этот гигант разбирался не только в литературе... А король Швеции... этот, как его... Густав, кажется, или Карл... А черт его знает – не помню...

Ж О З Е Ф. Ходила молва, что почти все европейские монархи в ее амурном списке!

С А Р А. Так вот, этот Густав или Карл, облизывая на прощание мой мизинчик, прошептал: «Хоть тысячу раз готов умирать в ваших объятиях, божественная Сара!» А ты!.. (Скорчила гримасу). Много-го-то-чие!

Появляется Э л е о н о р а .

Э Л Е О Н О Р А. Не смей обижать папочку.

С А Р А. Хо-хо! Доченька самозванная явилась!

Э Л Е О Н О Р А (Жозефу). Она и меня хотела в свой гробик затянуть.

Ж О З Е Ф. Тебя?!

С А Р А. Врешь, несравненная! Врешь!

Э Л Е О Н О Р А. Моменто! Было это в Турине. Первые гастроли великой Сары в Италии.

Ж О З Е Ф (*вынул из кармана маленькую записную книжечку, листает*). Одна тысяча восемьсот восемьдесят первый год. Театр «Кариньяно». Сбор от семи спектаклей 78 тысяч 722 лиры.

Э Л Е О Н О Р А. Что творилось в городе! Шутка ли – лучшая актриса Франции...

С А Р А. Мира, глупенькая! Ми-ра!

Э Л Е О Н О Р А. Газеты кричали на все лады: едет в специальном поезде, один вагон занимают кошки, другой – собаки. третий – питоны...

С а р а хохочет.

Словом целый зверинец... Даже крокодил!

Ж О З Е Ф. Крокодила мы вставили для рекламы.

С А Р А. Чтобы ваше болото провинциальное разбаламутить!

Э Л Е О Н О Р А. Билеты распродали за пару часов. Дорогие, жутко...

Ж О З Е Ф. Ложи, помню, шли по сто лир.

Э Л Е О Н О Р А. Я с ума сходила – хоть краешком глаза поглядеть бы на великую Сару. Но как? Эх, думаю, была – не была! Иду в отель, где она остановилась, шмыг мимо портъе – и на второй этаж: в каком номере я знала раньше. Стучу тихонечко, сердце замирает... Тишина. Я громче. Никакого ответа. Берусь за золоченную ручку, нажимаю ее, вхожу – и... Посередине огромной залы стоит гроб из розового дерева на черных резных ножках, а в нем – она, сложив руки на груди, вся усыпана цветами. Боже! У меня подкосились ноги, хочу убежать – не могу. (*В ужасе кричит*). А-а-а-а-а!

С а р а затыкает уши ладонями.

С А Р А (*со смехом*). Да живая я! Не вопи, живая!

Э Л Е О Н О Р А. Она вышла из гроба, будто из лодки, легко и грациозно. Отряхнула лепестки роз с платья и подошла ко мне.

С а р а , улыбаясь, идет к Э л е о н о р е . Та робко отступает.

Ж о з е ф , взяв кофейник, выходит.

С А Р А. Чего дрожишь, трусишка? Я так расслабляюсь перед спектаклем. А голос у тебя! Чуть барабанные перепонки не треснули. И звучный. Ты случайно не артисточка

Э л е о н о р а кивает.

Я так и поняла. Ролей, конечно, не дают...

Э л е о н о р а кивает.

Миманс. Массовки, слезы в подушку и безумные мечты.

Э л е о н о р а кивает.

Да что же ты молчишь? Как хоть тебя зовут, детка?

Э Л Е О Н О Р А. Дузе моя фамилия. Элеонора Дузе.

С А Р А. Ду-зе? Дззз! Как оса прозудела. Ду-зе... (*Поморщилась*). Нет, девочка, с такой фамилией дорога не в театр, а на рынок. Бараньей требухой торговать.

Э Л Е О Н О Р А (*с достоинством*). Мой покойный отец, мадам Сара, был артистом. Алессандро Дузе.

С А Р А (*пожав плечами*). О таком и не слыхала.

Э Л Е О Н О Р А. Вот видите, значит, мне нужно прославить нашу фамилию.

С А Р А. А ты самонадеянная девчонка. Пстой, за каким лешим ты, собственно, явилась сюда?

Э л е о н о р а рухнула на колени.

Э Л Е О Н О Р А. Хочу видеть все спектакли великой Сары. Умоляю!

С А Р А. Встань сейчас же! Быстро! (*Тянет ее за руку*).

Э л е о н о р а поднимается.

Я прикажу своему импресарио. (*Кричит*). Жозеф!

Ж О З Е Ф (*входя*). Да, мадам.

С А Р А. Эта милая итальяночка... гм... как тебя, девочка?

Э Л Е О Н О Р А. Дузе, мадам, Элеонора Дузе.

С А Р А. Запиши. Элеонора Дузе.

Ж О З Е Ф (*не отрывая восторженных глаз от Элеоноры*). Я запомню, мадам, это имя.

С А Р А. Она должна быть на всех моих спектаклях. Понял?

Ж О З Е Ф. Слушаюсь, мадам. (*Уходит*).

С А Р А. Сегодня ты увидишь меня в «Даме с камелиями». Александр, я имею в виду Дюма-сына, написал ее специально для меня. Видела бы ты его на премьере. Рыдал, как младенец, увидевший новую погремушку. Такого фурора Париж не знал. Да, обрати внимание на мое платье. Оно расшито жемчугом. Я заплатила за него 135 тысяч франков! Могла бы купить себе виллу в Ницце, но искусство для меня превыше всего.

ЭЛЕОНОРА. Я буду смотреть не на платье, мадам. Только на вас!

САРА. О, спектакль тебя потрясет, я это знаю. Особенно финал. Газеты назвали его гениальным. Маргарита Готье умирает, она еле дышит, откинувшись на высоко взбитые подушки. Мое лицо, обрати внимание, бледная смертельная маска. Думаешь, пудра, крем? О нет! Я подкрашиваю свои ушки малиновой красочкой, еле-еле.

ЭЛЕОНОРА. Зачем?

САРА. А пальчики, кончики пальцев, подмазываю розовой краской.

ЭЛЕОНОРА. Зачем, мадам?

САРА. Тогда лицо и пальцы кажутся прозрачными. Моя придумка! А ресницы, чтобы они казались бархатистыми... Что такое? Тебе не интересно? Ты не слушаешь, что говорит тебе великая Сара? Дай мне на минутку твое милое личико... *(Подходит к Элеоноре вплотную, нежно проводит ладонью по ее щеке)*. У тебя восхитительные глазки. Глубокие, чуть печальные. Я вижу в них омут – темный, тайный, затягивающий...

ЭЛЕОНОРА. Глаза как глаза, мадам. Обыкновенные. Никакого омута. И вообще я дурнушка. Сама прекрасно знаю, что некрасива.

САРА *(пытается обнять ее)*. Твоя покорность влечет меня. Ты прелесть.

Элеонора отступает, отводит руки Сары.

ЭЛЕОНОРА. Ой! Мне же надо бежать! Я опаздываю, мадам! *(Делает книксен и убегает)*.

САРА. Постой! Куда же ты? *(Вслед ей)*. Дура деревенская! Требухой тебе торговать!

2

Жозеф сидит за столом, считает на счетах.

Сара, сидя перед зеркалом спиной к нему, делает макияж.

САРА *(не оборачиваясь)*. Сколько?

ЖОЗЕФ. Пока только предварительные итоги, мадам Сара. Нью-Йорк – 62 000, Чикаго – 29 000, Филадельфия – еще не все данные, Питтсбург и Вашингтон – приблизительно по сорок тысяч.

САРА. Выгнать тебя надо, дружок.

Ж О З Е Ф. Я делал все, что в моих силах. Вы же знаете, лето, все на взморье, в театрах духота, дышать нечем.

С А Р А (*вскочила*). Это ты мне рассказываешь про духоту? Мне? Может быть, не я выламывалась до обморока в этих смердячих залах? Не у меня уже к концу первого акта текли ресницы, а корсет прилипал к груди, как кора к дереву? Во имя чего, черт возьми, я гробила там себя? Вспомни, сколько мы привезли из России?

Ж О З Е Ф (*вынув записную книжку*). Почти полмиллиона франков.

С А Р А. Видишь. А богатящей Америке, которая рыгает своими долларами... да, да, этим толстосумам великое искусство Сары Бернар – звук пустой. А ты мне бубнил: поедем! Ты во всем виноват.

Ж О З Е Ф. Мадам Сара!

С А Р А. Молчи, не хочу даже слушать.

Ж О З Е Ф. Нас приглашают за рубеж. Очень выгодные условия.

С А Р А. Опять гастроли?

Ж О З Е Ф. Иначе не выкрутимся, мадам Сара.

С А Р А. По-твоему, я ломовая лошадь? Дай мне прийти в себя после Америки.

Ж О З Е Ф. На счету у нас ни сантима. Одни долги. Ювелирам, архитекторам, портным.

С А Р А. Где же деньги?

Ж О З Е Ф. Наивный вопрос, мадам Сара. Извините... Мы еще до сих пор не расплатились за ваш шикарный особняк на авеню де Вилье. Зимний сад, роспись стен и потолков – все это до сих пор не оплачено. Далее... Вы приобрели театр «Ренессанс»...

С А Р А. Всю жизнь я мечтала о собственном театре. Неужели не заслужила?

Ж О З Е Ф. По купчей мы выплатили едва сорок процентов. На нас грозятся подать в суд.

С А Р А. Браво! Великая Сара на скамье подсудимых! Весь мир будет потешаться над Францией. О, я им устрою такой бенефис, который они надолго запомнят.

Ж О З Е Ф. Ваша воля, мадам Сара. Но закон есть закон.

С А Р А. Плевать!

Ж О З Е Ф. Если мы будем плевать на закон и не будем считать деньги...

С А Р А. Не будем! Деньги, которые Сара выбрасывает в окно, возвращаются к ней через дверь. Затраты окупятся сторицей! Да, вот что. Есть гениальная мысль, послушай.

Ж О З Е Ф (*с тяжким вздохом*). Сколько она стоит, ваша гениальная мысль?

С А Р А. Какой ты вреднючий! Выгоню тебя. Подойди сюда, к карте. Что у тебя за карта? Здесь его нет.

Ж О З Е Ф. Это же карта ваших гастролой.

С А Р А. Неважно, вот тут, у побережья Нормандии, должен быть крохотный островочек. Называется Бель-Иль. Мне предложили его купить.

Ж О З Е Ф. Остров?

С А Р А. Отчего у тебя такие глупые глаза? Да, остров. На нем старая крепость, руины. Мы превратим их во дворец. Там будет моя летняя резиденция. Все росписи и фигуры на темы моря. Представляешь, рыбы, кораллы, морская трава, губки – все это станет частью интерьера. Ты понял?

Ж О З Е Ф. Вы шутите, мадам Сара.

С А Р А (*усмехнулась*). Я уже подписала контракт.

Ж О З Е Ф. Боже мой! (*Схватился за голову*).

С А Р А. Сущая дребедень – восемьсот тысяч франков, с хвостиком. Выплата в течение двенадцати лет. Двенадцати, понял! Льгота только для меня. Ну, как, здорово? Свой остров! Я ведь обожаю море – оно будет со всех сторон. Что ты такой кислый, Жозинька? Ты не рад, нет? Неужели тебе не хочется побаловать твою маленькую девочку? (*Ластится к нему*).

Ж О З Е Ф. Тогда маленькой девочке придется ехать на гастрологии..

С А Р А (*вздыхнув*). Едем.

Ж О З Е Ф (*находит на столе лист бумаги*). В октябре приглашают в Берлин и Мюнхен.

С А Р А. В Германию? Ни за что! Лучше в долговую яму, только не туда.

Ж О З Е Ф. Но почему?

С А Р А. Я хоть и еврейка, Жозик, но прежде всего патриотка Франции. Когда шла война с боссами – ты еще не работал у меня – я ворвалась в зал Оперы с трехцветным французским флагом. Меня подхватили на руки и несли по улицам Парижа. (*Напевает «Марсельезу»*). Глаза ее сияют). В Германию, Жозя, я никогда не поеду. Все.

Ж О З Е Ф. А как же остров?

С А Р А (*после паузы*). А что если в Италию? Помнишь наше победное турне? Когда это было?

Ж О З Е Ф. Лет восемь тому назад. (*Вынимает записную книжку, листает ее*). Да, точно, восемь лет.

С А Р А. Ну что же, я готова. Едем? Чего ты молчишь?

Пауза.

Ж О З Е Ф. Я бы не ехал в Италию, мадам.

Вынимает из портфеля газеты.

С А Р А. Любопытно, почему же?

Ж О З Е Ф. Помните юную итальяночку, которой я выписывал контрамарки на ваши спектакли? Элеонору Дузе?

С А Р А. Да, да... Простушечка такая, деревенская. А ты запомнил ее имя, даже в книжечку не заглянул. Ну и что же?

Ж О З Е Ф. Вы знаете, мадам, что я как ваш импресарио постоянно слежу за театральной жизнью в мире. Так вот... *(Достает газеты, разворачивает некоторые из них)*. Наша маленькая простушка стала за эти годы знаменитой актрисой.

С А Р А. Где знаменитой? В Италии? Да это ведь театральная провинция! Захолустье!

Ж О З Е Ф. Она гастролировала и в Мадриде, и в Лиссабоне. Вот послушайте... *(Читает)*. «После последнего акта «Дамы с камелиями» публика вызывала божественную Элеонору...»

С А Р А. Божественную? Там так и написано?

Ж О З Е Ф *(продолжает чтение)*. «...божественную Элеонору тридцать шесть раз. У выхода из театра многие женщины растлали на земле свои кружевные мантильи, чтобы она прошла по ним, как по ковру». А вот еще...

С А Р А. Она возит по всему свету мою «Даму»?

Ж О З Е Ф *(продолжает листать газеты)*. «В Вене после окончания спектакля ее осыпали белыми камелиями». Нам нельзя ехать в Италию. У нее весь ваш репертуар. И Нора, и Мирандолина Гольдони, и Клеопатра Шекспира.

С А Р А. Подлючка! С кем она вздумала тягаться? Похватала мои роли, воровка! Натянула перчатки на свои мужицкие лапы! Уверена, она все содрала у меня!

Ж О З Е Ф. Нет, мадам Сара. Послушайте... *(Читает)*. «Сеньора Дузе играет в полном смысле слова по-своему. Манера ее игры совершенно индивидуальна, оригинальна, кажется порой небрежной, а между тем она продуманна, органична, она очаровывает каким-то ароматом правды».

С А Р А. Кому в театре нужна эта правда? Театр – зрелище, он должен ошеломлять.

Ж О З Е Ф *(листает газеты)*. «В «Даме с камелиями» на ней

простенькое платьице и букетик фиалок, приколотый к корсажу. Но это делает ее страдание...»

С а р а бросает газету на пол.

С А Р А. Едем в Италию! Я покажу ей, кто такая Сара Бернар!
Ж О З Е Ф. Мадам! *(Встает и взволнованно ходит по комнате).*
Мадам!

С А Р А. В чем дело?

Ж О З Е Ф. Гениальная идея!

С А Р А. Ну что? Что?

Ж О З Е Ф. Давайте... давайте пригласим ее в Париж.

С А Р А. В Париж? Ты в своем уме? Зачем она мне здесь?

Ж О З Е Ф. Пусть гастролирует в «Ренессансе».

С А Р А. В моем театре? Да я ее в клочья порву, как только увижу.

Ж О З Е Ф. Это... простите меня, мадам Сара, чисто по-женски.

С А Р А. А я что, гермафродит? Я поступаю, как велит сердце.

Ж О З Е Ф *(вкрадчиво)*. А разум советует поступить иначе. *(Подходит к ней, шепотом)*. Ведь ее здесь ждет провал. Поняли? Париж не примет ее. Чтобы какая-то выскочка, никому не известная итальяночка, посягнула на славу великой Сары? Нет, ее ждет полное фиаско.

С а р а задумывается, замысел Ж о з е ф а начинает ей нравиться.

Еще миг – и она уже восхищена.

С А Р А. Представляю себе: выйдет в ситцевом платьичке с букетом фиалок и залопочет: «Аривидерчи, бамбино»!... *(Хохочет)*. Ну, Жозя, ты голова! *(Целует его в обе щеки)*. С завтрашнего дня повышаю тебе жалованье! *(Напевая, уходит)*.

3

В кресле, полузакрыв глаза, сидит Э л е о н о р а .

Кашляет, прикладывая платочек к губам. Входит Ж о з е ф .

Ж О З Е Ф *(в тревоге)*. Боже, боже! Вам снова плохо? *(Набрасывает ей на плечи плед)*. Сейчас пошлю за доктором Планшоном.

Э Л Е О Н О Р А. Ох, уж этот Планшон! До сих пор выворачивает от его микстуры, какая мерзость.

Ж О З Е Ф. Может, собрать консилиум? Вы ведь в Париже, моя дорогая, не где-нибудь в захолустье. Привезу лучших медиков... Не могу смотреть, как вы страдаете.

Э Л Е О Н О Р А (*махнув рукой*). А, до вечера пройдет. А впрочем... (*Улыбается*). Представляете, как натурально я буду умирать от чахотки – ведь сегодня «Дама с камелиями».

Ж О З Е Ф. Может, отменить спектакль?

Э Л Е О Н О Р А. Ни в коем случае. Конец гастролей, прощание с Парижем. Нет, нет! Я буду играть, должна! Не волнуйтесь, дорогой месье Шюрман. Вы милый, душевный человек. Так заботитесь обо мне. Как мой покойный папочка, царствие ему небесное, упокой, Господи, его душу. (*Крестится*). Мне даже иногда хочется вас назвать «папочка». Вы не обидитесь?

Ж О З Е Ф. Если вы мне дадите право любить вас ... как свою дочь.

Э Л Е О Н О Р А. Ну, разумеется. А кашель – это у меня еще с юности. Я его уже и не слышу. Привыкла. С четырех лет меня возили в дырявом фургоне. Бродячая труппа – сегодня здесь, завтра там. А спектакли давали в амбарах, сараях, где придется. Холодина собачья, вечные сквозняки. Оттуда и кашель.

Ж О З Е Ф. Я поразительно мало знаю о вашей театральной юности. И не только я. Парижская публика, которую вы покорили во время своих триумфальных гастролей, в полном недоумении: почему в газетах ничего не пишут о вашей личной жизни.

Э Л Е О Н О Р А. Я гоню репортеров, вы же знаете.

Ж О З Е Ф. Зря.

Э Л Е О Н О Р А. Лезут в душу, задают тысячи нескромных вопросов. Они, видимо, считают, что актриса принадлежит публике, а значит, и им.

Ж О З Е Ф. Людям всегда хочется узнать, из чего сделана игрушка, которая их забавляет.

Э Л Е О Н О Р А. Я разве игрушка? Мой папочка, настоящий, Алессандро Дуже, говорил: «Доченька, театр это не ярмарочный балаган с фокусниками и заклинателями змей. Это школа воспитания души».

Ж О З Е Ф. Каждый вечер, когда вы выходите на сцену, чтобы играть...

Э Л Е О Н О Р А. Играть? Какое противное слово. Я никогда играть не умела и не сумею. Эти бедные женщины из моих пьес, все они до такой степени вошли в мое сердце, что я живу их жизнью, а своей у меня нет. Ну, скажите, кому интересна жизнь сеньоры Дуже? Рано вышла замуж, забулдыга и пьяница муж,

развод, на руках малолетняя дочь. Работа, работа – и полное одиночество. (*Закашлялась*). И вдобавок этот проклятый кашель.

Ж О З Е Ф (*пристально глядя ей в глаза*). Послушайте, что я вам скажу. Вы, сеньора Дузе, феноменальное явление в театре. Вы первая актриса мира.

Э Л Е О Н О Р А. Ах, оставьте, папочка!

Ж О З Е Ф. И это вам говорит не «папочка», а человек, достаточно искушенный в делах театра.

Э Л Е О Н О Р А (*замахала руками*). Бросьте, прекратите! Попало бы вам, услышь эти слова божественная Сара!

Ж О З Е Ф. Знаете, что сказал мне Александр Дюма-сын после вашей «Дамы»? Жаль, сказал он, что эта выдающаяся актриса не родилась француженкой.

Э Л Е О Н О Р А. Это ему жаль, а я горжусь, что я итальянка. И никакая не выдающаяся. Просто маленькая итальянская актриса, которая хочет в меру своих слабых силенок служить святому искусству.

Ж О З Е Ф. Зря вы отказались встретиться с Дюма. А ведь он мог бы написать пьесу специально для вас. И еще один поэт добивался встречи с вами. Кстати, ваш соотечественник.

Э Л Е О Н О Р А. Кто такой?

Ж О З Е Ф. Розовые орхидеи, присланные вам после «Клеопатры»... Может быть, помните?

Э Л Е О Н О Р А. Да, в корзине с цветами была еще книга. «Триумф смерти». Автор...э..э ... Д'Аннунцио. Габриэле Д'Аннунцио... Вы о нем говорите?

Ж О З Е Ф. Да. Он горит желанием писать для вас.

Э Л Е О Н О Р А (*берет со стола книгу, листает*). Ой, нет, только не для меня. Прочитала его роман и, знаете, стало страшно. Все, что есть в жизни великого – смелость, чистота, верность – собрано в кучу, осмеяно и облито грязью. Есть сила, интересные образы... Но... ни одного слова, написанного им, я не произнесу со сцены. Никогда, никогда... Да, я мечтаю о своем театре, вижу его в своих бессонных ночах. Но где-то вдалеке, в каком-то сизом тумане... И каким он должен быть, я еще не знаю, папочка, не знаю...

Ж О З Е Ф. Вы мечтаете о своем театре. Для этого вам нужен толковый и опытный администратор. Который бы сделал хорошую рекламу, добился, чтобы публика платила за вход не гроши, а хорошие деньги. И чтобы вы не играли каждый день. А выступали только в особых случаях. И чтобы этого дня люди ждали как праздника.

Э Л Е О Н О Р А. И у вас есть на примете такой человек?

Ж о з е ф не отвечает, молчит.

Может быть, это Жозеф Шюрман?

Ж О З Е Ф *(после паузы)*. Может быть, и Жозеф Шюрман.

Э Л Е О Н О Р А. И вы способны уйти от вашей божественной Сары? Кстати, она исчезла из Парижа на второй день моих гастролей. Почему? Пришла после «Дамы» в гримерку, чмокнула в щечку и что? Исчезла? Вы знаете, у нее было такое кислое личико, будто она ожидала моего провала в Париже, а получилось наоборот. Или я не права?

Ж О З Е Ф. Мадам Бернар уехала в Марсель. Там у нее кое-какие дела.

Э Л Е О Н О Р А. Нет, папочка, нет! Ей хотелось насладиться моим позором. Не вышло!

Ж О З Е Ф. Вы покорили Париж!

Э Л Е О Н О Р А. А теперь еще возьму и отобью у нее импресарио. Вот будет сенсация!

4

На сцену стремительно врывается С а р а .

Подбегает к Ж о з е ф у и отплевывает ему две звонкие пощечины.

С А Р А. Негодяй! Предатель! Подлый двурушник!

Ж О З Е Ф. Мадам Сара! Мадам Сара!

С А Р А. О чем ты мне пел, соловушка, когда придумал пригласить эту итальяночку? А? «В Париже ее освистают», «ее ждет полный провал!» Я, дуручка, верю этому мерзавцу, приглашаю эту особу в Париж, отдаю ей на две недели свой театр! И что же? Что ты пялишь на меня свои лживые глаза?

Ж О З Е Ф. Неужели я виноват, что ее гастроли прошли с небывалым триумфом? Я что ли выходил на сцену?

С А Р А. О нет, старый интриган. Ты оставался в тени кулис. Но делал все, чтобы Париж признал ее как новую звезду. Ты набивал зал газетчиками!

Ж О З Е Ф. Они сами ломались в театр.

С А Р А. Нанимал клакеров, швырял тысячи на цветы!

Ж О З Е Ф. Неправда!

С А Р А. Привозил среди ночи врачей!

Ж О З Е Ф. Помилуйте, но у нее шла горлом кровь.

С А Р А. Заказывал немислимые парики!

Ж О З Е Ф. Элеонора не носит ни париков, ни корсетов.

С А Р А. Ты и о корсетах осведомлен, негодяй! Хорошо вы тут потрудились без меня. Старый извращенец, погляди на себя в зеркало. Ты же ей в отцы годишься, если не в дедушки! (*Хохочет, но потом резко обрывает смех*). Вот что. С завтрашнего дня...

Ж О З Е Ф (*поспешно*). Да, мадам, ищите себе нового импресарио. (*Собирает бумаги в портфель*). Я ухожу от вас, мадам.

С А Р А. Немедленно! Сию же минуту! Мерзавец! Никто еще так не предавал Сару, как ты.

Ж О З Е Ф (*поклонившись*). До свидания, мадам. Мне было приятно работать с вами почти восемь лет. В своем сердце я сохраню самые лучшие воспоминания о вас. Кроме этого последнего дня. (*Направляется к выходу*).

С А Р А. Погоди.

Ж о з е ф останавливается. С а р а подходит к нему.
Молча всматривается в его лицо.

К ней поедешь? К ней?

Ж О З Е Ф. Может быть.

С А Р А. Ты что, любишь ее? А?

Ж О З Е Ф (*тихо*). С того самого дня, как выписал ей первую контрамарку в Турине. (*Хочет уйти*).

С А Р А. Постой, голубчик. Сколько лет, ты сказал, мы с тобой работаем?

Ж О З Е Ф. Почти восемь.

С А Р А. Верно. А контракт мы подписали на сколько?

Ж О З Е Ф (*после паузы*). На десять лет.

С А Р А. Вот-вот, старый козлик. Ты еще попрыгаешь у меня на веревочке. А вздумаеться брыкаться, засужу! Еще два годика! М-е-е-е! (*Хохочет*).

5

Издалека доносится песенка гондольера.
Появилась Э л е о н о р а . Ее лицо озарено радостью.

Э Л Е О Н О Р А. Дорогой мой Жозеф! Вот я и вернулась наконец домой. Гастроли были долгими и мучительными. Все города и страны, в которых я побывала, слились в бесконечно длинную, нескончаемую страну, имя которой «Переезд». Как я устала! Так хочется теперь хорошенько отдохнуть! А что? На жизнь я себе заработала. Во всяком случае, мне и всей моей труппе хватит.

К тому же я обладаю самым большим в мире богатством – оно заключается в том, что я не хочу его иметь. Я устроилась в маленькой квартирке на последнем этаже старого дома в Венеции, под самой крышей. В комнате большое стрельчатое окно, из него как на ладони виден весь город. Осень тихая, воздух чистый и в душе у меня был бы полный покой, если бы не...

Вы помните, милый папочка, корзину с розовыми орхидеями в моей артистической уборной? Эта история получила совершенно неожиданное и фантастическое продолжение. Однажды после тяжелой бессонной ночи я вышла из дома подышать воздухом. Занимался рассвет, я шла вдоль Большого канала, люблюсь легонькой гондолой, скользившей по мутной зеленой глади.

Песенка гондольера становится громче.

К моему удивлению, гондола вдруг остановилась, из нее вышел ОН. В белом пиджаке, с розой в левой петлице и в мягкой черной шляпе. Подошел ко мне, поклонился и пригласил совершить прогулку по каналу. Думаете, папочка, что я отказалась от приглашения незнакомца? Ой, как вы плохо знаете свою беспутную доченьку. От его выпуклых горящих глаз и лихо закрученных усов исходила какая-то гипнотическая... я бы даже сказала дьявольская сила, которой мое робкое сердечко тут же покорилося.

Да, да, милый Жозеф, это был не кто иной, как тот, кто прислал мне те самые розовые орхидеи и роман «Триумф смерти», поэт и писатель Габриэле Д'Аннунцио. До сих пор я не знаю, была ли эта встреча случайной или он, зная меня в лицо и мое обыкновение прогуливаться на заре по набережной, просто подстроил нашу встречу. А, впрочем, какая разница! Самой судьбе, я это чувствую, было угодно, чтобы мы встретились.

Гондольер в красной, распахнутой на груди рубашке, стоял позади нас и неспеша, в такт песне, подгребал своим веслом. А мы... Захлебываясь, перебивая друг друга, ничего не замечая вокруг, мы говорили, говорили, говорили – и не могли остановиться. Он моложе меня на несколько лет. Женат на сицилийской княгине, от которой у него трое детей. Но по сути семьи нет, жене чужды его интересы, он одинок – как и я. Да, вот еще... какое интересное совпадение! Послушайте. Это было давным-давно. Наш фургон добрался до небольшого городишки Дзара. Вечером в помещении не то конюшни, не то заброшенного хлева мы давали спектакль «Отверженные» Виктора

Гюго. Я... мне было тогда пять лет... выступала в роли Козетты, это был мой дебют. Впервые мое имя было напечатано на афише. Мама поцеловала меня в кулисах и легонько вытолкнула на сцену. Я сделала несколько шагов, споткнулась и упала. Зал загоготал от радости. В густых клочьях табачного дыма, в полутьме, я видела перед собой хохочущие лица, слышала грубые выкрики, свист, и с трудом вымолвила свою фразу: «Я служанка на постоялом дворе, сударь. Я маленькая муха в услужении у пауков». И бросилась в спасительную темноту кулис. «Не плачь, доченька, – сказала мне мама. – Публика любит повеселиться. Слышишь, какие аплодисменты ты сорвала. С дебютом тебя, дорогая». К чему я это вспомнила, милый Жозеф? А вот к чему. В тот же день, 12 марта 1863 года, на борту маленькой бригантины, во время дичайшего шторма, появился на свет маленький Габриэле. Представляете: мой дебют и его рождение в один день! Не мистическое ли это совпадение? Не предначертано ли было на небесах соединить наши души?

Когда-то, помните, вы говорили мне о том, что я должна иметь свой репертуар и своего драматурга. Мне кажется, ваши пожелания дошли до Бога. Габриэле, как и я, мечтает о поэтическом, возвышенном театре. Он рассказал мне о замысле трагедии. «Мертвый город» – так она будет называться. Габриэле будет писать ее для меня. Мы заключили с ним великий договор: он садится за пьесу, а я еду в турне, чтобы заработать побольше денег на постановку. Она должна быть грандиозной, и я готова отдать все, вплоть до старого обручального кольца.

Итак, папочка, мой краткий отдых в Венеции скоро закончится. Впереди новое турне. Люблю т е б я... видишь, я случайно перешла на «ты». Не возражаешь? Целую тысячу раз и мечтаю о том дне, когда ты скажешь великой Саре «аривидерчи». Целую. Вечно твоя Элеонора.

6

С а р а у мольберта. Один мазок кистью, другой. Отошла на шаг, взглянула, прищурившись, на холст и снова продолжает работать.

Ж О З Е Ф (за кулисами). Мадам Сара !Где вы? В мастерской? (Входит).

С а р а не обращает на него никакого внимания.
Ж о з е ф кашляет, чтобы С а р а заметила его появление.

С А Р А (*не оборачиваясь*). Кто там кашляет? Не Дама ли с камелиями подышает от скоротечной чахотки? (*Резко обернулась, увидела Жозефа*). Я велела вас не пускать. Вам известно об этом?

Ж О З Е Ф. У меня срочное дело, мадам Сара.

С А Р А. Никаких срочных дел, когда Сара болеет. А при-вратника, который впустил вас, уволю.

Ж О З Е Ф. Помилуйте, мадам Сара, он-то при чем? Я вошел с черного хода.

С А Р А. Все равно выгоню, он мне не нравится.

Ж О З Е Ф. Выслушайте меня...

С А Р А. Нет, лучше уж вы меня. Вторглись в мою мастерскую, мешаете мне. Это во-первых. Во-вторых, я нездорова, и вы сами отменили ввиду моей болезни вчерашний спектакль. А в-третьих, вы просто мне ненавистны. Да, да! День, когда вы возникаете передо мной, я зачеркиваю в календаре жирным черным крестом.

Ж О З Е Ф. Благодарю вас, мадам. (*Кланяется*). Я как раз об отмене спектакля. Мы понесли убытки... (*Внимает записную книжечку*).

С А Р А. Провалитесь вы с вашими проклятыми цифрами. Я что, не имею права болеть?

Ж О З Е Ф. Вы ведь не болели, мадам Сара. Вы были – там... (*Указывает глазами наверх*).

С а р а смеется.

С А Р А (*лукаво*). Там?

Ж О З Е Ф. Там, именно там! Вчера на площади Этуаль я встречал своего старого друга. «Посмотрите на небо, – сказал он мне. – Вон ваше светило летит». Я поднял голову, увидел высоко в небе воздушный шар и, ничего не понимая, спросил: «Какое светило?»

С А Р А. Мог бы и догадаться, тупица.

Ж О З Е Ф (*еле сдерживая себя*). Как же так, мадам: публика приходит в театр, читает объявление, на котором черным по белому написано: «Из-за болезни г-жи Сары Бернар спектакль отменяется», а госпожа Бернар в это время порхает в облаках.

С А Р А. О, это было фантастическое зрелище! Мы парили как птицы над великим городом в золотистых лучах заходящего солнца!

Ж О З Е Ф. Позвольте полюбопытствовать, кто это «мы»?

С А Р А. Я и мой спутник. Тот, который пригласил меня на воздушную прогулку. Мы стояли рядом, уцепившись за поручни

корзины, и он читал мне свои стихи... «Ах, вся вы слишком светлая, вы всячески прекрасная, от темени до щиколок, от ногтя до волос...» Вижу, вы теряетесь в догадках: кто он? Да? У вас такие глупые глаза, а щеки просто дрожат от любопытства. Не знаю, знакомо ли вам его имя. Это гениальный итальянский поэт Габриэле ...

Ж О З Е Ф. Д' Аннунцио?...

С А Р А. Вы слышали о нем, да?

Ж О З Е Ф. Он был с вами – там?

С А Р А. Ну да. А после шара мы приехали сюда, на авеню де Вилье. Головы наши еще кружились от полета. Мы пили шампанское и валялись на медвежьих шкурах. «Царра, Царра», – называл он меня по-итальянски. А от его безумных поцелуев я чуть сама не сошла с ума. Затащила его сюда, в мастерскую, взяла кисти и стала писать... Вот, погляди.

Ж о з е ф подходит к мольберту.

Начала с глаз.

Ж О З Е Ф. Они сумасшедшие, прямо выпрыгивают из орбит. Как у маньяка или у дьявола.

С А Р А. Я так и хочу назвать картину: «Портрет дьявола в белых перчатках».

Звонит телефон.

(Радостно). Это он! Габриэле! *(Бросает кисть, берет трубку, лицо сияет)*. Жду тебя. Быстрее, считаю секунды. *(Кладет трубку, Жозефу)*. А ты ступай. Глаза тут мозолишь, надоел. *(Выходит на авансцену)*. Когда он говорит мне: «Царра», меня колотит дрожь. Будто слышу крик безумной ночной птицы: Цар-ра! Цар-ра! Цар-ра!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

7

Э л е о н о р а медленно прогуливается по авансцене. На ней легкая зимняя шубка. Возникает негромкая музыка. Появляется Ж о з е ф . На нем пальто, глаза закрыты солнцезащитными очками.

Э Л Е О Н О Р А (*увидев его*). Папочка, ты? (*Бросается к нему*). Как я рада! (*Кашляет*). Здесь, в горах Пьемонта, хоть чуточку раздышалась после гастрольной гонки. И потихонечку забываю и стук вагонных колес, и штормовую качку в океане, выворачивающую тебя наизнанку. Боже, где только меня не носило! Как я устала! (*Присаживается на скамейку*).

Ж О З Е Ф. А что я тебе говорил? Не растрачивай свои силенки, береги себя. А ты?

Э Л Е О Н О Р А. А, хочешь беречь себя – держись подальше от сцены. Театр – это монстр, который пожирает своих детей. В первую очередь самых любимых. Были дни, когда мне приходилось давать по два спектакля.

Ж О З Е Ф (*грозит кулаком*). Самоубийца!

Э Л Е О Н О Р А. Трижды проклятое амплуа примадонны. Что делать, друг мой? Селяви, как говорите вы, французы.

Ж О З Е Ф. Будь твоим импресарио Жозеф Шюрман, черта с два ты бы вышла на сцену дважды.

Э Л Е О Н О Р А (*хлопает в ладоши*). Как прекрасно, что я до сих пор свободна!

Ж О З Е Ф. А если я возьму и обижусь? Ведь я приехал не просто навестить больную, а...

Э Л Е О Н О Р А. А – что?

Ж О З Е Ф. Да вроде бы насовсем.

Э Л Е О Н О Р А. Что? (*Вскочила, бросилась на грудь Жозефу*). Ой, праздник какой! Отпустила Сара, да? Отпустила!

Убегает в комнату, поспешно сбрасывает шубку. Ж о з е ф следует за ней.

Ну садись же, садись. Столько дел у нас! (*Берет со стола папку, подает ее Жозефу*). Я заработала кучу денег, погляди, тут полный отчет.

Ж о з е ф бегло просматривает документы, порывается что-то сказать.

На постановку пьесы Габриэле я могу отдать столько, сколько понадобится. И еще в два раза больше. Молодчина я, да?

Ж О З Е Ф. Элеонора! Я еще не все сказал.

Э Л Е О Н О Р А. погоди! Это должно быть грандиозное зрелище. Я закажу музыку лучшим композиторам, может быть, самому Вагнеру. Костюмы – самым дорогим модельерам. Не только презренного золота, но и всей своей жизни я не пожалею, чтобы победил новый театр. Тот, который мы носим в своей душе. Я и Габриэле.

Ж о з е ф кладет папку на стол.

Ж О З Е Ф. Но пьесы, насколько мне известно, у тебя еще нет?

Э л е о н о р а села рядом с Ж о з е ф о м .

Э Л Е О Н О Р А. Это единственное, что меня огорчает. Написала ему несколько писем. В Неаполь, в Рим. Других адресов у меня нет. Молчит... (*Улыбнулась*). Значит, пишет... Весь ушел в работу. Поэты, папочка, когда творят, ты же знаешь, отрываются от нашей грешной земли и взлетают под самые небеса. А Габриэле... О, когда его посещает муза, он становится диким. Кричит, рыдает, бьется о стены...

Ж О З Е Ф. Лечиться надо. И серьезно.

Э Л Е О Н О Р А. Он мне рассказывал, что в детстве, мальчиком, он полез как-то на крышу своего дома – хотел снять ласточкино гнездо. Но бахнул с лестницы.

Ж О З Е Ф. И поделом, не надо разорять птичьи гнезда.

Э Л Е О Н О Р А. Перестань! Падая, он повредил руку. Хлынула кровь. И это вызвало в нем дикое возбуждение. Не страх, понимаешь, не ужас, а какой-то невероятный экстаз. Он заперся в своей комнате, схватил листок бумаги и стал лихорадочно писать. Стихи. «Сквозь эту рану мне в голову безумие вошло...».

Ж О З Е Ф. Все ясно, но давай вернемся к пьесе, которую ты ждешь. Он уже написал ее.

Э Л Е О Н О Р А. «Мертвый город»?

Ж О З Е Ф. «Мертвый город».

Э Л Е О Н О Р А. Урра! Чего же ты молчал?

Пауза.

Ж О З Е Ф. Я приехал, доченька, с дурной вестью. Он отдал пьесу мадам Саре.

Молчание. Э л е о н о р а пристально смотрит в глаза Ж о з е ф а .
Губы ее дрожат.

Э Л Е О Н О Р А. Ты лжешь. Тебе хочется поссорить меня с ним.

Ж О З Е Ф. Пьеса на столе у мадам Сары.

Э Л Е О Н О Р А (*пытается улыбнуться*). Ну и что? Просто дал почитать ей. Это еще ни о чем не говорит. (*Умоляюще*). Ведь правда, правда? Ну скажи. Ты пошутил? Да?

Ж О З Е Ф. Милая моя девочка, на титульном листе стоит раз-

решение автора на постановку «Мертвого города» в театре Сары Бернар.

Долгая пауза.

ЭЛЕОНОРА. Действительно, ты мне принес дурную весть. Дурную, дурную! О Клеопатра, как понимаю я теперь тебя...

Наброшенная шаль, гордый поворот головы –
и перед нами египетская царица.

ЖОЗЕФ (как бы вспоминая). «С Октавией Антоний крепко связан».

ЭЛЕОНОРА (продолжая игру). «С Октавией? Что общего у них?»

ЖОЗЕФ. «Как что? Постель.»

ЭЛЕОНОРА. «Чума тебя возьми!»

Колотит Жозефа кулачками.

«Дурную весть ты мне принес, гонец!»

ЖОЗЕФ. «Царица, смилуйся!»

ЭЛЕОНОРА.

«Нет, не царица, – женщина и только.

И чувства так же помыкают мной,

Как скотницей последней... О, швырнуть бы

Богам бездушным скипетр мой в лицо

И крикнуть, что и я была богиней,

Пока они алмаз мой не украли!»

Судорожно рыдает на груди Жозефа.

Украли алмаз! Алмаз украли! Папочка, за что? Ведь клялся в любви, стихи писал – и какие! Неужели можно вот так все забыть: и Венецию, и гондолу, и наш великий святой договор? Дура я, дура беспросветная! Словам его лживым верила, стихам... Измывала себя на гастролях. Зачем? Билась за каждую копеечку – на его пьесу, на наш театр. Ведь он стоял передо мной на коленях, он пил мои слезы, он... он... (Рыдания захлестывают ее).

ЖОЗЕФ. Успокойся, слышишь?

ЭЛЕОНОРА. Так верила ему, так мечтала сыграть в его пьесе...

ЖОЗЕФ. Сыграешь. Я разыщу его. Я...

ЭЛЕОНОРА (обрывает его). Нет, не смей! (Вытирает глаза, подавляет рыдания, постепенно приходит в себя).

Ж О З Е Ф. Я разыщу его, пристыжу этого негодяя...
Э Л Е О Н О Р А. Ни в коем случае.

Освобождается от рук Ж о з е ф а .
Тот неохотно выпускает ее из своих объятий.

Раз Габриэле считает, что Сара лучше... Ну и пусть будет Сара. Я желаю ему успеха, большого успеха... Потому что...потому что я его люблю.

8

Горят свечи. Бьют часы. С а р а раскладывает пасьянс.
Появляется Ж о з е ф .

Ж О З Е Ф. Я получил с курьером вашу записку, мадам Сара. Немного опоздал, прошу прощения. В Лондоне ужас какие пробки в часы пик. Мой кэб так затерли на Пикадилли, что пришлось выйти и добираться пешком.

С А Р А (*поглочена картами*). Так, так... Значит, ты пришел рассказать мне о лондонском транспорте? Тема жгуче интересная, но отложим ее на другой раз. Я пригласила тебя, чтобы услышать, каким образом совпали наши гастроли в Лондоне? Мои и твоей итальянской любовницы?

Ж О З Е Ф. Любовницы? Ну знаете, мадам...

С А Р А. Отвечай на мой вопрос. Какого дьявола вы сюда приперлись?

Ж О З Е Ф. Так получилось, рука судьбы.

С А Р А. А я думаю, ты специально привез ее в Лондон, чтобы сорвать мои гастроли. Да?

Ж О З Е Ф. Ни в коем случае. У вас свой театр, своя публика, у нас – своя. Лондон огромный город, зрителей хватит на всех. Если у вас упали сборы, не наша вина.

С А Р А. Раньше ты для меня был просто коварным двурушником и интриганом. Теперь я вижу, что Жозеф Шюрман жестокий и расчетливый убийца.

Ж О З Е Ф. Помилуйте, что за слова такие, мадам Сара?

С А Р А (*хватает со стола газету*). Вот твой выстрел из-за угла. Ты подослал ко мне этого мальчишку, который разбирается в театре, как верблюд в устрицах. Этого... как его... Шоу, Бернарда Шоу, чтобы он облил меня грязью, а твою бескрылую курочку поднял выше небес.

Ж О З Е Ф. Я никого к вам не подсылал. И не знаю я никакого Шоу.

С А Р А (*швыряет ему газету*). Читай!

Ж о з е ф разворачивает газету.

Что ты там мычишь? Вслух читай! Мне будет приятно услышать этот пасквиль из твоих подлых уст.

Ж О З Е Ф. Воля ваша. (*Читает*). «Туалеты и бриллианты Сары Бернар не всегда самого высокого вкуса...»

С А Р А. Сволочь!

Ж О З Е Ф. «... а цвет лица показывает, что она не напрасно изучала современную живопись... Ее губы словно свежевыкрашенный почтовый ящик...»

С А Р А. А он, а он... сундук дубовый! Читай!

Ж О З Е Ф. «...Щеки ее до самых томно опущенных ресниц цветом и бархатистостью напоминают персик...»

С А Р А. Румяна, краски... Разве этот болван в состоянии проанализировать спектакль?

Ж О З Е Ф. «Бернар не вживается в образ героини, а подменяет ее собой».

С А Р А. Ты, наверное, немало отвалил этому Шоу? Да? Зато какие слова он находит для твоей цыпочки? Там, на следующей странице, читай.

Ж О З Е Ф. «У Дузе каждая роль есть самостоятельное произведение искусства».

С А Р А. Ты нашептал ему, Жозя? Ты, ты, уж я тебя знаю.

Ж О З Е Ф. «Творческий диапазон Дузе...»

С А Р А (*вырывает газету*). Дузе! Дузе! Надоело! Вы оба порядочные мерзавцы – ты и твой подручный Бернард. Говорят еще, что он пописывает пьески. Черта с два они попадут на сцену! Он такой же драматург, как и этот лупоглазый итальяшка Дон Пердунцио. Я имела глупость взять его кошмарную пьесу «Мертвый город». Я ведь всегда дурею, когда влюбляюсь. А он одно время пользовался моим благорасположением. Своим фаворитам, ты ведь знаешь, я прощаю многое. Актеру – плохую игру, королю – то, что он набитый дурак, а писателю...Писателю, Жозя, многоточие. Короче, после провала «Мертвого города» этот гомик набросился на меня: мол, это я во всем виновата. А я ему в ответ: «Ваши пьесы, господин Пердунцио, предназначены не для сцены, а для чтения в сортире – и то, если у человека запор». Так я ему ска-

зала, а он бах об пол мою любимую вазу, персидскую, схватил осколок и бросился на меня – очень уж хотелось ему мою шейку лебединую чик-чик. (*Хохочет*). Ладно, ну его к черту, мы отклонились от темы. (*Подходит вплотную к Жозефу, хватая его за лацканы пиджака*). Я предлагаю тебе немедленно свернуть гастроли и обратиться из Лондона.

Ж О З Е Ф. Это исключено. Билеты почти полностью распроданы.

С А Р А. Пойми – нам с ней вдвоем на планете тесно, тем более в одном городе.

Ж О З Е Ф. Мадам, это свыше моих сил.

С А Р А. Тогда я сделаю так, что залы у меня будут ломиться от публики. Несмотря на эти подлые статейки, которые стряпают твои борзописцы. Вот так! Привет твоей ... доченьке! (*Хохочет*).

Ж о з е ф пожимает плечами и выходит.

Меня осенила шальная идея. (*Берет в руки газету*). Здесь в самом углу я заметила объявление: «Посетите зверинец Кросса! Разнообразный мир животных из всех стран мира». Назавтра, в сопровождении своего нового импресарио, я поехала по указанному адресу. Дверь нам открыл маленький невзрачный человек. – «Я желала бы купить львов». Он рассмеялся: «Вы шутите или говорите правду, мадам Сара?» – «О, вы меня знаете?» – «Да, я видел вас на сцене. Вы, правда, любите животных?». – Я расхохоталась: «Милый господин Кросс, в моем доме живут уже три собаки – Минуцио, Буль и Флай, мой любимчик попугай Базибазу, рыбы, питоны, змеи и очаровательная мартишка по имени Дарвин. Но хотелось бы чего-нибудь такого, Вы понимаете?» – «Да, да, – сказал хозяин зверинца. – Я вижу, вы серьезный покупатель. У меня есть для вас два роскошных африканских льва». Мы очутились во дворе, перед клеткой, где ходили из угла в угол, ударяя могучими хвостами по железным прутьям, два огромных царственных льва. О, как мне захотелось их купить! Но я вовремя одумалась и сказала: «Они очень большие, мистер Кросс. Вот если бы детенышей, я бы взяла». – «Детенышей у меня нет, – ответил он. – Давайте я покажу вам остальных зверей». Я увидела тигров, леопардов, шакалов, гепардов, пум, крокодилов. «Возьмите молодого гепарда, мадам. Смотрите, какой красавец». На меня смотрело восхитительное чудовище с горящими глазами. «Беру!» – воскликнула я к ужасу своего импресарио. «А этот волкодав? – продолжал дальше

Кросс. – Он так и просится к вам». «Беру и волкодава», – лихо заявила я. Кросс в качестве премиального подарка дал мне еще шесть мелких хамелеонов и одного крупного, необыкновенно красивого, как китайская безделушка. Я назвала его тут же Кросс-Кросс... Ну вот, мы возвратились в отель с гепардом в клетке, волкодавом на цепи и хамелеонами в коробке, а вот Кросс-Кросс сидел на моем плече. А назавтра весь Лондон говорил о моем зверинце. Газеты захлебывались от собственных выдумок, стараясь перещеголять друг друга. Чего только они не писали обо мне! Что я курю толстенные сигары, занимаюсь по утрам боксом и даже выбила два зуба своему импресарию и что вообще неизвестно кто я – мужчина или женщина! И пошло-поехало! Фирмы стали присылать мне ящички сигар, мешки с боксерскими перчатками, зубные врачи предлагали моему импресарию вставить все тридцать два зуба из чистого золота. Но самое главное было не в этом. Билеты до конца гастролей в тот же день были раскуплены до последнего яруса. Меня умоляли продлить гастроли, и после долгих уговоров я милостиво согласилась. Сми-зо-шла! (*Хохочет*).

9

Входит Э л е о н о р а .
В руках у нее портрет Д' Аннунцио.

Э Л Е О Н О Р А. Мой далекий Габриэле, мой любимый, мой единственный! Сегодня вечером нью-йоркская публика увидит твою «Франческу да Римини». Твою или мою? Ведь ты посвятил ее «божественной Элеоноре Дузе». Франческа – это я, и слезы ее – мои собственные. Я боюсь переплакать на сцене, поэтому должна хорошенько выплакаться перед спектаклем. Вот и сижу сейчас в своем отеле, реву над ее судьбой и роняю слезы в тарелку ... Как ты думаешь, с чем? С макаронами! Будто я в Италии! Переношу мыслью за океан и вижу тебя, Габриэле, ты в своем уютном домике поблизости от моей виллы в Сентиньяно. Белыми хлопьями цветет миндаль перед окном, а ты лихорадочно, лист за листом, пишешь новую пьесу, о которой рассказывал перед моим отъездом - «Дочь Йорио». Уверена, что она станет твоим шедевром – мы откроем ею наш новый театр на берегу озера Альбано. Театр твой и мой, Шекспира и Софокла. Театр, выстроенный из наших безумных ночных грез.

Ж О З Е Ф. Катастрофа! На сегодняшнюю «Франческу» продано всего 453 билета. Из 1100.

Э Л Е О Н О Р А. Что? Какие билеты?

Ж О З Е Ф. Недобор одна тысяча восемьсот десять долларов.

Э Л Е О Н О Р А. А мне сказали, что у касс длинные очереди.

Ж О З Е Ф. Билеты берут на «Нору», на «Клеопатру», на «Даму». На вашего Д'Аннунцио спроса нет.

Э Л Е О Н О Р А. Нувориши в этой стране еще не доросли до понимания настоящего искусства.

Ж О З Е Ф. Помните, как освистали спектакль «Джоконда», сколько зрителей ушло уже после первого акта. А те, кто остался, кричали в конце: «Да здравствует Шекспир! Долой Д'Аннунцио!».

Э Л Е О Н О Р А (*пожав плечами*). Дураки!

Ж О З Е Ф. Не будь я вашим импресарио, я кричал бы вместе с ними.

Э Л Е О Н О Р А. Спасибо за откровенность, господин Шюрман.

Ж О З Е Ф. Пьесы вашего друга, возможно, прекрасная поэзия, но не для театра.

Э Л Е О Н О Р А. С каким ядом ты произнес слова «вашего друга». Да, черт возьми, друга! И любовника! И гения! И обожаемого мной человека! А что касается сборов... (*Взяла в руки папку с бумагами*). Возможно, ты и прав, но я не хочу об этом слышать. (*В сердцах бросила ее на стол*). Я л ю б л ю, понимаешь? И когда мне надо сделать выбор между сердцем и разумом, я следую сердцу. Семь лет я бьюсь за признание Д'Аннунцио и буду биться еще семь лет или сколько будет нужно, чтобы он получил ту славу, которую заслужил. Его герои – сильные, одухотворенные личности, а не бездушные манекены и марионетки.

Ж О З Е Ф. Но именно эти манекены и марионетки дают нам аншлаги. Профессиональный театр не может игнорировать это обстоятельство... Правда, судя по нашим финансовым отчетам, спектакли Д'Аннунцио дают полные сборы.

Э Л Е О Н О Р А (*насторожилась*). Что ты этим хочешь сказать?

Ж О З Е Ф. Только то, что мы отчисляем автору, согласно вашему распоряжению, чудовищную сумму – двадцать пять процентов от полного сбора, в то время, когда в зале на спектаклях вашего друга половина пустых кресел.

Э Л Е О Н О Р А. «Моего друга»... Опять язвись. Роешь, роешь душу. Для чего?

Ж о з е ф молчит.

Не думаю, чтобы ты, человек театральный, не понимал красоту и возвышенность его пьес. Тут что-то другое. Да?

Ж О З Е Ф. Когда на спектаклях божественной Элеоноры Дузе улюлюкают и свистят, мне больно, очень больно. Потому что я ее люблю.

Э Л Е О Н О Р А. Спасибо, папочка!

Ж О З Е Ф. Люблю не как «папочка», а как Жозеф Шюрман.

Порывисто целует ее руки. Она вырывается и убегает.

10

Ж О З Е Ф на авансцене.
Погружен в свои размышления.

Ж О З Е Ф. Я стоял перед ней на коленях. Я целовал ее руки. Она вырвалась и убежала. Мы расстались. Я решил, что так будет лучше. Ежедневно изводить свое сердце, видя ее, я не мог. Вначале она уговаривала меня остаться, но потом, видимо, сама согласилась с тем, что это единственный выход.

Садится за стол, пишет, в руках трубочка.

Я ушел из театра, обе божественные звезды оставались в другой Галактике. Из газет я узнавал о премьерах у Сары, о гастролях Элеоноры. Бедняжку Дузе постиг жесточайший удар. Как я и предполагал, этот Д'Аннунцио снова предал ее и отдал обещанную пьесу в другой театр. Она очутилась одна, театр на озере Альбано остался сладкой несостоявшейся мечтой. Седая, сильно постаревшая, она продолжала свою скитальческую жизнь. Может, эта изнурительная гонка помогла ей забыть того, кто так жестоко, как старую театральную программу, выбросил ее из своей жизни.

Роемся в ворохе газет.

О Саре газеты писали часто и много. О ее премьерах, роскошных туалетах, о новых любовниках... Но однажды утром, открыв «Фигаро», я был ошеломлен.

С развернутой газетой выходит на авансцену.

Огромный черный заголовок через всю полосу: «Божественной Саре вчера ампутировали ногу. Светилам медицины с трудом удалось спасти великую актрису от начинавшейся гангрены». (*Губы его дрожат*). Бедная Сара! Потерять ногу – это ведь для актрисы, пожалуй, хуже, чем смерть.

11

На софе, откинувшись на высокие подушки, лежит С а р а . Она в богатом розовом пеньюаре, курит. В руках у нее рукопись в картонной обложке. Звонит телефон.

С А Р А (*снимает трубку*). А, это ты, Люка? ...Что? Лежу, читаю. Ростан пьесу новую прислал. Какой Ростан? Чучело! Тот, что «Сирано» написал. Ах, ты и этого не знаешь? Неандерталец! Твоя сила, я знаю, не в голове – в другом органе. (*Смеется*). За это великая Сара и допускает тебя к своей особе. Хочешь приехать? Что ж, я не против. Моя деревянная ножка тебя не шокирует? Другая в полном порядке. (*Поднимает ногу, полы пеньюара распадаются – мелькнули черный чулок и лиловая подвязка*). Придешь – покажу! (*Хохочет*). А если мальчик будет плохо себя вести, получит моей деревяшкой по башке. (*Новый взрыв хохота*). Вчера, слышишь, Люка, один репортерчик задает мне вполне идиотский вопрос: «Когда вы перестанете любить, мадам Сара?».

С букетом белых камелий появляется Ж о з е ф .
Стоит, не замечаемый С а р о й .

Я ему и говорю: «Когда перестану дышать». А он не унимается. «Сколько вам лет, извините, мадам Сара?» Мне? Я прожила, говорю, тридцать прекрасных лет между 25 и 26. Записал все в блокнотик, а сам на редкость плюгавенький, весь в прыщах. Что он понимает в нашей дамской арифметике? А тем более в любви? Ну, ладно. Жду в девять, сегодня. Люблю, люблю... Хоть ты и дурной, как пробка из-под шампанского. (*Увидела Жозефа*). Ладно, Люка, до встречи. Тут, вижу, давний враг мой явился. Хочет, наверное, свои слезки лживые пролить на мою деревяшку. (*Смеется*). Пока, жду. (*Кладет трубку*).

Некоторое время С а р а и Ж о з е ф смотрят друг на друга.
Ж о з е ф опускается на колени, кладет цветы к ногам С а р ы ,
целует ее руки. Он плачет – плечи его дрожат.

(Мягко). Будет тебе, перестань. (Гладит его по голове). Жизнь продолжается, солнце светит, птички чирикают. Отняли ногу, но ведь не сердце. Правда? Любить можно и с одной ногой, это я уже проверила. А кто сказал, что для театра нужны обязательно две? Чепуха, нонсенс! Вот захочу – и самого Гамлета сыграю. Не веришь? А зря. От безумной Сары чего угодно можно ожидать. Но только не сейчас, а позже... У самой последней черты. Будет тебе, Жозя, перестань. Сара тебя прощает, слышишь?

Ж о з е ф поднимается, садится в кресло.
Некоторое время оба молчат.

Ты, я слышала сейчас не у дел?

Ж О З Е Ф. Работаю в строительной фирме.

С А Р А. Боже, променял театр на гвозди и кирпичи! Что ж так? Синьора выгнала?

Ж О З Е Ф. Сам ушел.

С А Р А. Что же вы ее бросили, господа? И ты, и этот Дон Пердунцио. Нехорошо... То, что он ее кинет, я предполагала. А она в своих интервью выхвалялась: «О, мой автор! О, мой театр!» Сплошные восторги. А он – точно мой хамелеон Кросс-Кросс, я его в Лондоне купила. То он розовый, то зеленый, то вообще какой-то серо-буро-малиновый. Так и этот Дон. То одной в любви клянется, то другой голову крутит... И все ему, подлецу, верят. Вот и твоя Элеонора попалась. Всех, мерзавец, обводит вокруг пальца.

Ж О З Е Ф. В том числе, пардон, и вас?

С А Р А. О нет, это я ему дала отставку. Я! Еще когда мы над «Мертвым городом» работали. Общались, естественно, не только ведь в гробу лежали! (Хохочет). Так вот, заметила я, идейки у него какие-то странные, не по вкусу они мне пришлись. Начитался Ницше, возомнил себя сверхчеловеком, ему дескать все дозволено. Вокруг него молодчики в черных рубашках. Ходят по улицам с факелами, горланят песни. Все это, Жозя, дурно пахнет. А однажды он мне говорит: «Это ваш народ Христа распял». – Это какой народ, французский? – не поняла я сперва. «Нет, мадам Царра, еврейский. Хоть вы и обучались в католическом монастыре и, так сказать, являетесь национальной гордостью Франции, а все же кровь есть кровь». Я его – в шею! И приказала привратнику: «Этого шизофреника, коль подойдет к моим воротам, метлой гнать прочь». Сняла со стены его портрет – помнишь, я писала

его в пору нашей близости...

Ж О З Е Ф. «Портрет дьявола в белых перчатках»?

С А Р А. Ага... Хотела сжечь. Да пожалела, отдала на аукцион. Может быть, думаю, какая-нибудь дура найдется, схватит моего «Дьявола». И не ошиблась, нашлась такая. Как ты думаешь, кто? Твоя Элеонора Дузе. *(Смеется)*.

Ж О З Е Ф. Не может быть!

С А Р А. Она, Жозя, мне потом по секрету сказали.

Ж О З Е Ф. Значит, до сих пор...

С А Р А. Понимаешь, я любила многих, но по чуть-чуть. А она – одного, а это в тысячу раз страшнее. Ведь одному надо отдать всю себя. Что важнее для актрисы, Жозя: любовь или аплодисменты? Нет ответа. Это как два крыла, на которых поднимаешься ввысь. А я вот уже три недели не выхожу на сцену. Три недели, ужас какой! Ну ничего... *(Хлопает рукой по рукописи)*. Вот, репетирую. Ростан пьесу написал. Специально для меня. Знаешь, кого я играю? Мальчишку! Роль великолепная! Представляешь, сенсация! Сара на седьмом десятке будет играть юношу. Да еще на одной ножке! И кого? Орленка, сына Наполеона. Незаконно-рожденного, непризнанного! Весь Париж сбегится смотреть на такое чудо! *(Опирается на локоть, приподнимается)*. Помоги мне, Жозя. Подведи меня туда, к рампе...

Встает, прячет волосы под шляпу, вся преобразилась.

С помощью Ж о з е ф а делает шаг, другой.

Останавливается.

Люблю мужские роли. Я ведь начинала как травести. Пусть... пусть совпадут начало и конец... *(Громко)*. Монсиньор! Шпагу Орленку!

Ж о з е ф подает С а р е шпагу.

Не пленник я, но вечно окружен
Ненужными, несносными людьми...

Делает выпад, другой, разя незримых врагов.

Мне двадцать лет, и ждет меня корона.
О Боже мой, так это все не сон?
Мне двадцать лет, я сын Наполеона,
Отец мне завещал свой трон.
Неправда, я не болен... Смерти холод
Уж не коснется моего чела.

Я император, я здоров, я молод!
Как хорошо, как эта ночь светла!

Ж о з е ф , не скрывая своих слез, плачет.

12

Из темноты выплывают звуки органа. Далекое литургическое пение. Горят свечи. Медленно выходит Э л е о н о р а . В руках у нее молитвенник. Лицо просветленное, ясное. Губы шепчут молитву. Опускается на колени, крестится, глаза устремлены ввысь.

Э Л Е О Н О Р А . Ты все видишь, все знаешь, Господи. К Тебе взывает моя душа: помоги! Дай силы рабе Твоей заблудшей, укрепи волю, выведи на тропу верную. Одна я осталась – без денег, без театра, тяжело и безнадежно больна. Смерть пронеслась надо мной и кружит, и кружит – все ближе и ближе. Надоел мне этот пятый акт моей жизни, уж очень он затянулся. Мне кажется, Господи, не так я живу, как надо, как было бы угодно и любо Тебе. Хочу уйти от суеты людской – не знаю куда. В скит, в монастырь, в обитель, для людей недоступную – лишь бы подальше от того идола, которому отдала всю свою жизнь, – от Театра. Да, Отец небесный, я хочу оставить сцену. Мысль об этом рвет на куски мое сердце, не могу решиться. Ведь Театр – это опим, чем больше вдыхаешь его пары, тем сильнее он проникает в твою душу. Помоги, Господи, одолеть это чудовище, освободи меня для жизни новой. Укрепи меня в моем трудном решении, дай силу одолеть искушение славы. Хочу остаток жизни посвятить служению Тебе, Отец наш всемогущий. *(Истово крестится)*. Только Тебе! Только Тебе!

13

С а р а в костюме Гамлета – черный камзол с белым воротничком, черные рейтузы. Снимает берет, распускает волосы перед зеркалом.

Входит Э л е о н о р а .

На ней мантилья, шляпка с вуалью, в руках ридикюль.

С а р а идет ей навстречу. Сильно прихрамывает.

С А Р А . Увидела тебя со сцены и попросила зайти. Давно в Париже?

Э Л Е О Н О Р А *(отбросив вуаль)*. Проездом. Была в Лондоне у

дочери. Увидела твою афишу. Обомлела. «Гамлет» Шекспира. В главной роли Сара Бернар». Еле билет купила.

САРА. Могла бы и ко мне обратиться.

ЭЛЕОНОРА. Не знаю, как ты... Но я всегда волнуюсь, когда в зале кто-нибудь из знакомых.

САРА. А я наоборот. Выпендриваюсь изо всех сил. Что скажешь о «Гамлете»?

ЭЛЕОНОРА (*в зал*). Я сидела в ложе-бенуар, мне было видно, как в кулисах ее подводили к самой сцене. Она с трудом делала несколько шагов и почти всю мизансцену проводила стоя на одном месте. Но разве я вправе была сказать ей об этом? Ведь это был поистине подвиг, стоивший актрисе огромных, нечеловеческих усилий. (*Саре*). Я преклоняюсь перед тобой. Знаешь, даже в бинокль я не заметила на твоем лице ни единой морщинки.

САРА (*смеется*). Маленький фокус. Ты видела не мое лицо, а фарфоровую маску. Мое изобретение. Играй хоть до ста лет. Ну как? Хочешь, я скажу мастеру, он изготовит и для тебя? Все-таки складочки висят, и морщинки есть, хоть ты и неплохо выглядишь.

ЭЛЕОНОРА. Мне не нужна маска, Сара. Я ... я оставила сцену.

САРА. Что?!

ЭЛЕОНОРА. Вот уже десять лет.

САРА (*подходит, прихрамывая, к ней*). И как же ты дышишь без театра?

ЭЛЕОНОРА (*улыбнувшись*). Как видишь. Живу. Дышу. У меня маленький клочок земли между Монтелло и Граппа. Высаживаю лук-порей, поливаю хризантемы, смотрю на море и разговариваю с Богом.

САРА (*с иронией*). Подальше от грешной жизни?

Элеонора кивает.

Я бы не могла дня прожить без театра. Дня! А не десять лет. Ты преступница! Моложе меня на добрый десяток лет, руки-ноги целы. Ты обязана вернуться в театр!

ЭЛЕОНОРА. Это исключено. Больше я не покажусь перед публикой. Никогда.

САРА. Послушай. Мне предлагают великолепные гастроли в Америке. Я отказалась – куда мне? (*Похлопала себя по ноге*). Ты ведь сегодня видела. (*Делает, прихрамывая, несколько шагов*). Езжай вместо меня. А?

ЭЛЕОНОРА. Ни за что! Нет, нет...

САРА (*властно*). Поедешь! Приказываю тебе. Ты должна жить для театра. До последнего вдоха. В этом твое спасение.

ЭЛЕОНОРА. Я забыла все свои роли.

САРА. Вспомнишь! (*Направляется к телефону*). Я звоню театральному агенту.

ЭЛЕОНОРА. Не смей! (*Кладет руку на телефонный рычаг*). Я ... я дала обет Богу.

САРА. Пусть его гнев падет на меня. (*Молитвенно складывает руки, возводит глаза кверху*). Господи, покарай Сару, если она сейчас поступает дурно. Лиши ее любви, второй ноги, и пусть она провалится тут же, если ты против, Господи!

Пауза.

(*Топает ногой*). Не провалилась, видишь. Господь благословил тебя. (*Снимает трубку*). Девушка, шестнадцать семьсот семьдесят восемь... Морис, это ты? Послушай, милый. В нашем последнем разговоре ты высказал сожаление, что я не смогу отправиться в зарубежное турне. Нет, выслушай меня. Есть прекрасный вариант. Поедет знаешь кто? Элеонора Дузе!

Элеонора резко нажимает на рычаг.

ЭЛЕОНОРА. Авантюристка!

САРА. Сумасбродка! Убери руки!

ЭЛЕОНОРА. Я не могу выйти на сцену. Понимаешь? Не могу!

САРА. Будешь выращивать лук-порей и поливать хризантемы?

ЭЛЕОНОРА (*с вызовом*). Да!

САРА (*грозно*). Прочь от телефона! Кому говорю! (*Вновь снимает трубку*). Девушка, что-то на станции... Пожалуйста, шестнадцать семьсот семьдесят восемь... Морис? Это я. Да, что-то со связью. Так вот, едет Элеонора. Ты рад? Безумно? Какая идея пришла в голову Сары, а? Что? Кто тебе сказал, что она бросила театр? Лечилась, отдыхала. Она рядом со мной, в отличной форме. Это я тебе говорю, Морис. Срочно составь труппу и дай рекламу: «Божественная Элеонора Дузе вновь возвращается на сцену.» ... Нет, постой, «божественная» не нужно – это, как ты понимаешь, я. «Несравненная» тоже оставь мне... В общем придумаешь, ты мастер, не мне тебя учить. Да, она сейчас в Пари-

же. Остановилась... (Элеоноре). Где?

Э л е о н о р а вынимает из ридикюля карточку, дает С а р е .

(В трубку). Отель «Савой», номер триста тридцать два... Не сомневайся, Морис, Дузе никто не забыл. Она сегодня была на моем спектакле. Ее узнали, представляешь. Несмотря на вуаль. И такую овацию устроили! Почти как мне после «Гамлета». Понял? Все, действуй, Сара целует тебя. (Вешает трубку). Я сделаю для тебя фарфоровую маску.

Э Л Е О Н О Р А. Не надо. (Выходит на авансцену). Я появлюсь перед зрителями, не скрывая своего лица, не пряча своих морщин и седины. Если они примут меня такой, какая я есть, я буду рада и счастлива. (Глаза ее сияют). Снова кораблик выйдет в открытое море. Ветер надует парус. Вперед, вперед! Снова страдать, плакать, смеяться! Лишь бы не чувствовать себя мертвой еще при жизни... (Вдруг на ее радостном лице появилась тревога). А если зрители не примут меня, если я не смогу, как раньше, если... Ну тогда... Тогда я вернусь в свое одиночество... После первого же спектакля.

С А Р А (показывает кукиш). Вот! Как Сара сказала, так и будет!

Э л е о н о р а возмутилась, вскипела, а потом вдруг рассмеялась. Хохочет и С а р а . Присоединяется к ним и Ж о з е ф .

Музыка.

БЛОНДИ И АДЛЬФ

Невероятное происшествие в 2-х частях

Действующие лица

ЕЛЕНА

ДОКТОР ЗЕВС

КАЛЕРИЯ

КЭМЭЛ

СЕРЖ ТАУБЕ

ВОЛЬФ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

На авансцене слева тюремная камера. Держась за металлические прутья решетки, стоит Е л е н а . Яростно трясет их.

Е Л Е Н А . Не убивала я! Выпустите, ублюдки! Я ни в чем не виновна! Не убивала, слышите, не убивала!

Лязг железа. Музыкальный аккорд. Затемнение.

2

Все сценическое пространство занимает обстановка частной клиники Д о к т о р а З е в с а .

Здесь будет происходить основное действие пьесы. Три стеклянных двери по бокам и в центре. Металлические столики, шкафчики.

Справа небольшой журнальный столик и несколько кресел.

На медицинской койке в глубине сцены неподвижно лежит женщина, укрытая простыней, будто в морге. Слева сам Д о к т о р З е в с в белом халате и шапочке. Кисть руки забинтована, сквозь марлю проступила кровь. Лицо Д о к т о р а в нескольких местах залеплено пластырем.

Ассистентка доктора К а л е р и я рядом. Она в ярости.

К А Л Е Р И Я . Посмела напасть на доктора! Это неслыханно! Террористка! Будь моя воля! *(Сжимает кулаки)*. Зверюга!

Д О К Т О Р . Челюстные кости мощно развиты.

К А Л Е Р И Я *(воркует)*. Я тебя и таким любить буду, пальчочек мой...

Д О К Т О Р . Резцы сильные. Прикус наподобие собачьего, зубы за зубы заходят.

К А Л Е Р И Я . Такими зубищами только хватать да кусать. Господи, до чего люди-то озверели.

Д О К Т О Р . Процесс этот закономерный, милая Калерия. От зверей пришли к человеку, а теперь в обратный путь.

К А Л Е Р И Я . К мартышкам.

Д О К Т О Р . Ага... К хвостатым, сохатым, пернатым. И даже к

перепончатокрылым. Ты себя скомпрометировал, человече? На-
безобразничал? Вот и ушивайся, бывший властелин природы.
Уступи место другим.

КАЛЕРИЯ. Лично я никуда с этой земли не уйду!

ДОКТОР. А со мной? Под ручку?

КАЛЕРИЯ. Помчусь, Доктор. Даже к медузам!

Доктор громко смеется.

Женщина на койке пошевелилась, громко, натужно вздохнула.

Калерия дернулась, метнула на нее ненавидящий взгляд.

Доктор поглядел на часы, покачал головой.

ДОКТОР. Рано что-то. Вкатал ей два с половиной кубика.

КАЛЕРИЯ. Ей и пяти мало. Зверюга! А на вид не скажешь,
пигалица да и только.

Женщина тихонько стонет, двигает рукой, приподнимает голову.

Сейчас мы видим, что это Елена.

КАЛЕРИЯ. Я вызову полицию? Да?

ДОКТОР. Не торопитесь. (*Внимательно наблюдает за Еле-
ной*).

КАЛЕРИЯ. Мерзавка! Ей место за решеткой.

ДОКТОР. Ни в коем случае. Уникальная возможность про-
верить некоторые наши гипотезы. А интересы науки, милая Ка-
лериya, прежде всего.

Доктор приближается к койке, садится рядом.

Елена чуть слышно рычит.

Калерия испуганно крестится.

(*Мягко, но властно*). Я тебе не сделаю ничего дурного. Ты не
должна меня бояться. Открой глаза. Погляди на меня. Я твой
друг. Понимаешь? Я даже не сержусь на тебя за это... (*Показывает
палец*). И за это тоже. (*Дотрагивается до наклеек на лице*). Дай-ка
мне руку.

Елена робко протягивает руку, но тут же опасливо отдергивает.

Я не кусаюсь. В отличие от тебя. (*Смеется*). Давай пульс изме-
рим. (*Берет ее руку, находит пульс, следит за часами*). Нормально.
(*Внимательно рассматривает ее руку*).

ЕЛЕНА. Где я?

ДОКТОР. А ты вспомни.

Елена отрицательно мотает головой.

КАЛЕРИЯ (*шипит*). Притвора! Ох, и хитрюга!
ДОКТОР. А зуб у тебя болит? Справа внизу, коренной? Нет?
Вот видишь. Я тебе его залечил. Я стоматолог, детка. Ты была у
меня на приеме.

ЕЛЕНА. Не помню. Как в тумане. Домой хочу.

ДОКТОР. А здесь не нравится? Калерия, принесите нам,
пожалуйста, кофе.

КАЛЕРИЯ (*с ядом*). Слушаюсь, доктор Зевс. (*Выходит*).

ЕЛЕНА (*принимает сидячее положение. Удивленно*). Доктор
Зевс?

ДОКТОР. Ну да, такое милое простое имя. Зе, ве, эс. Зевс.

ЕЛЕНА. Но я шла к другому врачу.

ДОКТОР. Вот и вспомнила, что шла к врачу. Ко мне ты шла.
На дощечке внизу другая фамилия: Зенон Вольдемар Соргис. А
сокращенно: зе, ве, эс. То есть Зевс.

ЕЛЕНА. Я хочу уйти. (*Поднимается, подходит к зеркалу, по-
правляет прическу*).

ДОКТОР. Без кофе?

ЕЛЕНА. Без. Могу я позвонить?

ДОКТОР (*дает ей сотовый телефон*). Извольте.

Калерия вкатывает столик на колесах.
На нем кофейник, две чашки, печенье. Наливает кофе,
Доктор делает Калерии знак, она уходит.

ЕЛЕНА (*по телефону*). Это я... Потом расскажу. Я у доктора...
Ну, плохо стало... Бери тачку и приезжай... Адрес? Сейчас...
(*Смотрит на Доктора*).

Доктор молчит, улыбается.

Давай встретимся на площади, у цветочного магазина. Ну да..
Через... (*Смотрит на часы*). Полчаса хватит? Ну сорок минут,
ладно. Все, о кей! (*Кладет трубку*).

ДОКТОР. Может, выпьете кофе... Елена?

Елена вздрогнула, насторожилась.

ЕЛЕНА. Вы знаете... мое имя?

ДОКТОР. Просто заглянул в карточку.

ЕЛЕНА. Ах, да, конечно.

ДОКТОР. Хотя, по моим предположениям, у вас должно
быть другое имя.

ЕЛЕНА. Не понимаю вас.

Они молча смотрят друг на друга.

Д О К Т О Р. Есть и другие предположения.

Е Л Е Н А. Вот как? Например... .

Д О К Т О Р. Например, почему вы накинулись на меня во время приема. *(Показывает ей забинтованную руку)*.

Е Л Е Н А. Извините. Сама не знаю, как все случилось. Может, расскажете? А заодно и как меня зовут? По настоящему?

Д О К Т О Р. Сейчас нет.

Е Л Е Н А. Вы опасный человек, доктор Зевс. До свидания.

Оба раскланиваются. Е л е н а уходит. Тут же появляется К а л е р и я .

Укоризненно смотрит на Д о к т о р а .

К А Л Е Р И Я. Отпустили террористку... Эх, доктор, доктор...

Д О К Т О Р. Она еще вернется сюда.

К А Л Е Р И Я. Не смешите меня.

Д О К Т О Р *(весело)*. Увидишь. В наши сети попался любопытный экземплярчик.

Напевает. Он в чудесном настроении.

Это так же верно, как то, что я тебя сейчас поцелую. *(Подходит к ошеломленной Калерии и крепко целует ее в губы)*.

К А Л Е Р И Я. О, доктор... Умираю... Палец осторожнее... Ваш палец...

3

Прошло несколько дней. Звонит телефон. Появляется К а л е р и я .

Снимает трубку.

К А Л Е Р И Я *(по телефону)*. Доктор болен. Да, да... Пока приема нет. ...Не могу сказать, звоните... *(Кладет трубку)*.

Снова звонок.

Кошмар какой-то... *(В трубку)*. Да, праксис доктора Зевса... Мы еще закрыты... Последствия террористического акта... Звоните... Не могу сказать.

Еще один звонок.

Да что же это творится? Зубы, зубы... Как будто у них нет дру-

гих органов! Прямо эпидемия какая-то. (*Кричит*). Без пальца чем он в вашу пасть залезет? Чем? Вот выключу и все. (*Выдергивает шнур из розетки*).

Телефон смолкает.

К а л е р и я подходит к зеркалу и, напевая, прихорашивается.

Резкий звонок. На этот раз в дверь. К а л е р и я, не на шутку разозлившись, быстрым шагом направляется в переднюю.

Оттуда слышится ее возмущенный голос. Раскинув руки и пятясь, она пытается не впустить кого-то. В дверях появляется Е л е н а. Не обращая внимания на К а л е р и ю, проходит на середину комнаты.

К А Л Е Р И Я. Вон! Вон отсюда!

Е Л Е Н А. Позовите доктора. (*Снимает пальто, перчатки*).

К А Л Е Р И Я. Бесстыжая! Как ты посмела явиться сюда? Хочешь горло перегрызть доктору, да? А ну, катись отсюда, собака! Вон!

Из правой стеклянной двери выходит Д о к т о р. Палец по-прежнему забинтован, но наклеек пластыря на лице уже нет.

Эта тварь снова явилась!

Д О К Т О Р (*пристально смотрит на Елену*). Все мы твари, милая Калерия.

К А Л Е Р И Я. И я тоже?

Д О К Т О Р. Без исключения. Двунogie, четверонogie, парнокопытные и даже перепончатокрылые...

К а л е р и я с возмущением уходит.

Д О К Т О Р. Здравствуйте, Елена. Садитесь. Рад вас видеть.

Е л е н а садится в кресло, напротив нее – Д о к т о р.
Некоторое время они молчат.

Как зубик? Не болит?

Е л е н а отрицательно повела головой.

Вы пришли по другому поводу, я знаю. Рассказывайте. Я буду снимать бинты. Не возражаете? (*Начинает разматывать повязку*). И так, слушаю вас.

Е Л Е Н А. Не знаю... Мне трудно начать... Это дико. Вы не поверите, Доктор.

Д О К Т О Р. Поверю. Вы ощутили в себе некие необычные побуждения, не так ли?

Не свойственные вам ранее, да? Ваша реакция была спонтанной, инстинктивной. Но эти инстинкты были как бы чужими, странными для вас. Например, кошка...

Е Л Е Н А. Да, доктор.

Д О К Т О Р. Сколько раз вы встречали в подъезде соседскую кошку...

Е Л Е Н А. Да, доктор.

Д О К Т О Р. Милое ласковое создание, не правда ли? Вы гладили ее шерстку, она нежно мурлыкала вам на ушко. А теперь? Теперь?

Е Л Е Н А. Я погналась за ней по лестнице... Как бешеная, представляете? Загнала ее на чердак... Зачем? Что же это со мной было? Мне страшно, доктор. Ведь я могла... Я бы точно придушила ее, если бы догнала..

Д О К Т О Р. Рассказывайте дальше.

Е Л Е Н А. Я хотела помириться с Минци, так зовут эту кошечку. Пошла в зоомагазин, чтобы купить ей «китикет». И там...

Д О К Т О Р. Что же там произошло? (*Размотал палец и выбросил бинты*).

Е Л Е Н А. Едва я вошла... Птицы, хомячки, белки... Вы бы видели, доктор! Они начали метаться в своих клетках... Кричат, пищат, бьются крыльями... Жуткий переполох! Ужас!

Д О К Т О Р. Почему вы приняли на свой счет?

Е Л Е Н А. Эти зверушки глядели только на меня. Я это чувствовала. А люди вокруг? Шепчутся, пальцами на меня показывают. Продавщица к телефону кинулась – полицию вызывать.

Д О К Т О Р. И вы убежали.

Е Л Е Н А. А что было делать? (*После паузы*). Что я творю, доктор? Может быть, вы объясните?

Д О К Т О Р. А вы сами не понимаете? (*Подносит к ее лицу раненый палец*). Хватка у вас, прямо-таки, собачья. Да, да. Человек так укусить не может. Вы, голубушка, извините меня, с о б а к а.

К А Л Е Р И Я (*высовывается из двери. Шипит*). А что я говорила? Натуральная сучка! (*Прячется*).

Е Л Е Н А. Чушь какая-то. Я, доктор, научный работник. У меня диссертация на выходе, а вы мне... собака!

Д О К Т О Р. В прошлой своей жизни.

Е Л Е Н А. А, я слышала этот бред. Индийцы, что ли, додумались. Или греки древние, не помню. Будто человек или животное, когда умирает, то на самом деле не перестает жить, а вроде

бы меняет облик. Да? Просто миленькая сказочка. Был тараканом, стал человеком. (*Хохочет*). Или из человека превратился в свинью!

Д О К Т О Р. Меня как исследователя больше интересует трансформация человека в животное.

Е Л Е Н А. Но вы, если я не ошибаюсь, вроде бы по зубной части?

Д О К Т О Р. Немного занимаюсь и этой наукой. Называется реинкарнация.

Е Л Е Н А. Наука... Она должна быть доказательной. Иначе это все фигня, мистика.

Д О К Т О Р. Вы и есть наилучшее доказательство. И этим, не скрою, для меня интересны.

Е Л Е Н А. Как лабораторная мышь?

Д О К Т О Р. Скорее, извините, как собака.

Пауза.

Е Л Е Н А. Вообще, вы знаете, это чертовски увлекательно. Ну хорошо, допустим... Была, значит, я собакой. Давайте порасуждаем дальше. Где жила эта собака? В каком веке? Как ее... или, ладно, меня звали? Может, я была кудрявой болоночкой, развлекала, скажем, мадам Помпадур? А? (*Оживилась, вскочила, изображает*).

Д о к т о р у смешно.

Или москвой в цирке? А? Или уток подбитых из болота хозяину таскала? Так кем же? Что может сказать на сей счет ваша глубокомысленная наука? Мне это жутко интересно.

Д О К Т О Р. Какие-то предположения у меня есть. Но это пока на уровне интуиции... Нужны эксперименты. (*Пронзительно смотрит на нее*). Раз вам ж у т к о интересно, значит... вы согласны на такой эксперимент? Для науки.

Е Л Е Н А (*после паузы*). Здравый смысл говорит мне : откажись. Но шальной бесенок здесь, внутри, которого я частенько слушаю, шептывает иное... Да, доктор, я согласна.

Д О К Т О Р. Предупреждаю: эксперимент рискован и опасен. Открывшаяся правда может быть шокирующей, даже убийственной. Что, ежели вы были, извините, бродячей собакой, жили на помойке, в лишаях и стружьях. А? Как это может повлиять на ваше подсознание? На психику? На последующую жизнь? Все может быть. Есть, например, собаки-убийцы. Не сладко ощутить

в себе эту тварь? Правда? Или, скажем... вас, собачка моя, сожрали корейцы, как любимое свое блюдо? Или, предположим..

Е Л Е Н А. Хватит. Заглянуть в эту бездну страшно. В этом вы правы. Но... Простое женское любопытство, вы знаете, иногда берет верх.. Не знаю, собака ли я, но женщина – это точно.

Д О К Т О Р. И прелестная. Поверьте старому холостяку.

Е Л Е Н А. Чем больше вы меня пугаете, тем интересней. Я согласна, доктор Зевс.

Д О К Т О Р. Отлично! (*Громко*). Калерия! Лера!

К А Л Е Р И Я (*тут же появляется*). Я здесь, доктор.

Д О К Т О Р. Приготовьте комнату на втором этаже для госпожи Елены.

Е Л Е Н А. Что?

Д О К Т О Р. Она будет здесь жить с сегодняшнего дня.

К А Л Е Р И Я. З... з... здесь? С... с... нами?

Д О К Т О Р. Да. С нами.

Е Л Е Н А. Я вас не понимаю, доктор.

Д О К Т О Р. Вы еще можете отказаться. Но таково обязательное условие эксперимента.

Ошеломленная К а л е р и я непонимающими глазами глядит на них.
Губы ее дрожат.

4

Один из металлических лабораторных столов выдвинут к самой авансцене. За ним в массивных наушниках сидит Д о к т о р .
Без халата, в жилетке, под которой черная рубашка с белым галстуком.
Неотступно следит за экраном прибора.

Д О К Т О Р (*лекторским тоном, в микрофон*). Даже известные кинологи различают в собачьем языке не более четырех основных категорий звуков. И только. Назови их, Елена. Мы уже говорили об этом.

Г О Л О С Е Л Е Н Ы (*по радио*). Вой, визг, рычание и лай.

Д О К Т О Р. Достаточно ли это для того, чтобы понять собаку?

Г О Л О С Е Л Е Н Ы. Нет.

Д О К Т О Р. Слушай. (*Включает звук*). Отчего воеет эта псина?

Г О Л О С Е Л Е Н Ы. Тоскливо ей.

Д О К Т О Р. Конкретней.

Г О Л О С Е Л Е Н Ы. Одинокая она.

Д О К Т О Р. И все? Не чувствуешь. Не вобрала в себя. Так, стань-ка ею.

ГОЛОС ЕЛЕНЬ. Не понимаю.

ДОКТОР. Собачкой стань, детка. На четыре лапки. Вот так, умница. *(Снова включает звук)*. Ну?

ГОЛОС ЕЛЕНЬ *(после паузы)*. Мне кажется... я хочу кушать.

ДОКТОР *(в восторге)*. Ой, молодчинка! Не в тоске дело. Кушать собачке хочется. Там, в углу, миска стоит. Похлебай! Быстро! Быстро! *(Изменяет звук)*. А теперь? Тот же вой?

ГОЛОС ЕЛЕНЬ. Не-е-е-т.

ДОКТОР. А что?

ГОЛОС ЕЛЕНЬ. Вроде бы ей...

ДОКТОР. Не ей, а тебе!

ГОЛОС ЕЛЕНЬ. Холодно! Бррр! Холодно мне!

ДОКТОР *(переключает маг. Новый звук)*. А сейчас? Не стой на месте. Бегай по комнате. Из угла в угол. К дверям, к окну! Снова в угол! Побежала к дверям! К окну! Что беспокоит собаку? Дошло? Нет? Тогда бегай! Бегай! Кому я сказал? К окну, к дверям!

Из правой стеклянной двери появляется Е л е н а .

Обтянута в черное трико. Устала, тяжело дышит. Упала в кресло.

Д о к т о р возмущен, подходит к ней. Кладет руку на ее плечо.

Она резким движением сбрасывает ее.

Е Л Е Н А. Осточертело!

ДОКТОР. Вот как?

Е Л Е Н А. Поиграли – и будет.

ДОКТОР. Это не игра, собачка. Ты подписала контракт на серию экспериментов.

Е Л Е Н А. Я?

ДОКТОР *(вынимает из сейфа папку, оттуда лист бумаги)*. Чья подпись?

Е Л Е Н А. Я красными чернилами не пишу.

ДОКТОР. А это не чернила.

Е Л Е Н А *(улыбнувшись)*. Может, кровь?

ДОКТОР. Догадлива. *(Вынимает из кармана конфетку, разворачивает ее и кладет Елене в рот)*.

Е Л Е Н А. Договор с дьяволом?

ДОКТОР. Скажем мягче – с его лучшим учеником.

Е Л Е Н А. И куда вы с этой бумажонкой ткнетесь? В суд? Да вас же там засмеют или, чего доброго, арестуют. Я такая же собака, как вы Зевс! *(Смеется)*.

ДОКТОР. Вот ты как... *(Громко и властно)*. Место!

Е л е н а хохочет.

Лежать!

ЕЛЕНА (с вызовом). И не подумаю!

Д О К Т О Р. Лежать, говорю! Лежать!

Е Л Е Н А. А мне кайф танцевать.

Она танцует. Дерзко, свободно, дразня Д о к т о р а своими движениями.

Д О К Т О Р. Изуродую! Тварь!

Е л е н а резко обрывает танец.

Е Л Е Н А (спокойно). А теперь тварь просто разворачивается и уходит домой. (Направляется в прихожую, к вешалке).

Д О К Т О Р (вырывает у нее пальто и швыряет на пол). Ты не просто собака. Ты – моя собака. (Ловко застегивает на ее руках наручники). Моя!

Е л е н а бросается на него, но он с силой швыряет ее на циновку.

Здесь твое место. Запомни.

Появляется К а л е р и я . В ее руках миска с едой.

Направляется к Е л е н е . Д о к т о р жестом останавливает ее.

О нет, милая Калерия. Наша собачка наказана. Да, да, плохо вела себя. Даже очень плохо. За что же ее кормить, правда?

Е л е н а глухо рычит.

Голодная собачка выть должна. Выть! Мы же это проходили. Вот что, Лера, принеси –ка нам нечто успокоительное..

К а л е р и я внимательно смотрит на Д о к т о р а .

Тот многозначительно наклоняет голову. К а л е р и я выходит.

Прошлое свое увидеть – это тебе не в киношку сбегать. Ломать себя придется, гнуть, наизнанку выворачивать.

Приходит К а л е р и я . В руках коробка с шприцем. Отдает Д о к т о р у .

Он нагибается над Е л е н о й , но она вырывается.

Лежать! Лежать, я сказал! Держи ее, Лера. (Делает укол). Вот и все. Ради науки и жизни не жаль, верно? Теперь отдыхай, собачка. Тссс! Тихо!.

Д о к т о р и К а л е р и я выходят. Е л е н а лежит неподвижно. Тишина. Полумрак. Еле слышно вступает музыка. В глубине сцены появляется

маленький мальчик. На нем собачьего меха телогрейка и надвинутая на лоб шапчонка. Вытянув вперед руки, словно слепой, он медленно приближается к Е л е н е .

Стал над ней, Е л е н а шевельнулась, увидела его.

М А Л Ь Ч И К (*легонько подвывает*). Ууууу...

Е Л Е Н А. Кто ты, мальчик? (*Садится*). Ууууу...

М А Л Ь Ч И К (*обнюхивает ее*). Я тебя знаю.

Е Л Е Н А. А я нет. Кто ты?

М А Л Ь Ч И К. Ты пахнешь моей мамой.

Е Л Е Н А. Твоей мамой? Я что-то не понимаю тебя.

М А Л Ь Ч И К. Точно. Ты моя мама. (*Радостно лает*).

Е Л Е Н А. Первый раз тебя вижу.

М А Л Ь Ч И К. А ты вспомни. Меня Вольф зовут. Вспомнила?

Е Л Е Н А. Вольф?

В О Л Ь Ф. Да, мама. У тебя нас пятеро было.

Е Л Е Н А. Пятеро? И все мои? Боже! Ты, наверное, что-то путаешь. (*Обхватила руками голову*). Мозги поехали... Полнейшая абракадабра... погоди, ты в самом деле собачка?

В О Л Ь Ф. Собачка.

Е Л Е Н А. А почему ты такой... как человечек?

В О Л Ь Ф. Значит, ты видишь меня таким. А у меня и хвостик, и шерстка. Щенок я, мама. Помнишь, как мы лежали в большом деревянном ящике, а ты ложилась к нам и своим животиком теплым согревала. И кормила. Молочком сладким. (*Облизывается*). Ууууу...

Е Л Е Н А. Я? Ууууу... .

В О Л Ь Ф. Ох, и дрались же мы за твои сиськи, мама. А ты хватать то одного, то другого за шкуру...

Е Л Е Н А. Я? Да ты что?

В О Л Ь Ф. Но совсем не больно, мамочка.

Е л е н а пытается притянуть его к себе, приласкать,
но мешают наручники.

Е Л Е Н А. Миленький ты мой! Я уже тебя люблю... сынок.

В О Л Ь Ф. А ты меня всегда любила. Как и отец. Он часто приходил смотреть, как ты кормишь нас. И говорил: «Раскормишь ты наших деток, Блонди. И будут у нас не овчарочки, а поросята».

Е Л Е Н А (*встрепенулась*). Постой... Как, ты говоришь, он меня называл?

В О Л Ь Ф. Что значит как? Блонди. Так тебя все называли. И мы тоже.

Е Л Е Н А. Блон-ди? Красиво. Блонди...
В О Л Ь Ф. Ну да! Ты что, мама, забыла свое имя? Ты Блонди!
Блонди!
Г О Л О С Д О К Т О Р А. С кем она разговаривает? Вы слышите, Лера?

Сумрак рассеивается. Медленно возвращается обычный свет.
В о л ь ф исчез. Из обеих дверей к Е л е н е спешат
Д о к т о р и К а л е р и я .

Д О К Т О Р. В чем дело? С кем ты тут вела беседы?
Е Л Е Н А *(вся светится счастьем)*. Со своим сыном, доктор.
Д О К Т О Р и К А Л Е Р И Я *(одновременно)*. Что???
Е Л Е Н А. Доктор, Калерия, поймите... В этой жизни, в человеческой, у меня нет детей... Пока нет... *(Кричит)*. Вольф! Вольф!
Куда ты убежал, негодный мальчишка!
Д О К Т О Р. Как, ты говоришь, звали твоего сына? Вольф?
Е Л Е Н А. Да.. А меня – Блонди.
Д О К Т О Р *(вздвинул)*. Блонди? *(Мигом овладел собой)*. Это великолепно! Мои самые невероятные предположения подтверждаются. Калерия! Шампанского!

К а л е р и я выходит.

Это грандиозно! Думаешь, ты была болонкой на коленях мадам Помпадур? Или подбирала кости на помойках? Или выступала как моська в бродячих цирках? Нет! Выше нос, собачка! Твоим хозяином был гениальный человек нашего времени... *(Шепчет ей на ухо)*.

Е л е н а ошеломлена.

Да, да. Можешь гордиться дорогая. Адольф Гитлер.

К а л е р и я выносит на подносе шампанское.
Д о к т о р наполняет фужеры.

За тебя, Блонди!

Д о к т о р пьет, К а л е р и я незаметно выплескивает вино в сторону.
Е л е н а в шоке. Фужер выскальзывает из ее дрожащих рук и падает на пол. Громкий музыкальный аккорд.

Доктор работает за столом. Входит Калерия.

ДОКТОР *(не отрываясь от работы)*. Ну что?

КАЛЕРИЯ. Не ест, не пьет. Воет. На весь виварий.

ДОКТОР. Это хорошо.

КАЛЕРИЯ. Что ж тут хорошего? Через нее и зверям тревожно. Вчера чуть клетку не разнесла..

ДОКТОР. Колешь ее?

КАЛЕРИЯ. А то как же. Двое охранников держат, руки выкручивают. А я колю. Может, хватит?

ДОКТОР. К сожалению. Подойди-ка сюда. Ближе, ближе. Видишь? *(Показывает на экран прибора)*. Левая синусоида до сих пор не хочет выпрямиться. Значит, наша подопечная, или, если хочешь, подопытная, до сих пор находится в зоне повышенного возбуждения.

КАЛЕРИЯ. С того дня, доктор, как вы сказали ей, чьей собакой она была в прошлой своей жизни.

ДОКТОР. Ты права, для нее это был удар грома. Но это данность, нравится ей или нет. Мы сами свое прошлое не выбираем. Мы его получаем от Конструктора нашей Вселенной. От Высшего разума. У тебя злющие серые глаза. Разве ты их выбрала, предпочла другим? Конечно, нет. Они были даны тебе свыше... Извини, захотелось их поцеловать... Лера!.. Лера!..

Пылко целует ее. Калерия обмирает в его объятиях.

КАЛЕРИЯ. Не Лера я!

ДОКТОР. А кто же ты, дорогая?

КАЛЕРИЯ. Ты Зевс, а я хочу быть Герой! Твоей единственной женщиной, твоей сладкой женушкой.

ДОКТОР. О Боже... *(Отстранил ее)*. У тебя только одно на уме. Пойми, я объявил войну семье и мещанству. Я должен выполнить свою великую миссию, возложенную на мои плечи Высшим Разумом. А тебе хочется во что бы то ни стало завязать на моей спине хлястики своего передника.

КАЛЕРИЯ. Но ведь раньше вы говорили мне иные слова... Когда мой друг, художник, помните, сделал мне предложение, что вы мне тогда сказали? «Лера, если вы уйдете от меня, я буду глубоко несчастным и одиноким». И я ждала, ждала, ждала... А теперь, когда в доме появилась эта сучка...

ДОКТОР. Калерия! Я запрещаю вам так говорить о ней!

Это собака самого фюрера!

КАЛЕРИЯ. Плевать я хотела и на эту собаку, и на ее хозяина!

ДОКТОР. Замолчите!

Вой сирены. Мигают сигнальные лампочки на пульте.

ГОЛОС ОХРАННИКА. Господин доктор... Она убежала!.. Из двадцать шестой!..

ДОКТОР (чуть ли не криком). Блонди!?

ГОЛОС ОХРАННИКА. Так точно. Выслали погоню.

ДОКТОР. Козлы! Поубиваю!

ГОЛОС ОХРАННИКА. Мы не причем. Клетку не заперли, господин доктор.

ДОКТОР. Кто последний заходил в двадцать шестую?

ГОЛОС ОХРАННИКА. Ваша ассистентка, доктор.

ДОКТОР. Вот как? (*Выразительно смотрит на Калерию*). Ей, видимо, очень мешала наша собачка.

КАЛЕРИЯ. Клянусь. Я все заперла, все проверила.

ДОКТОР (*криком*). Марш в двадцать шестую! Ты! Быстро!

Поникшая Калерия уходит. Звонит телефон.

Доктор снимает трубку.

ДОКТОР. Да, мистер Кэмэл, я рассмотрел ваши предложения. Проект более чем гениален... Рад сотрудничать с таким всемирно известным издательством, как ваш «Глобус»... Интуиция вас не обманывает. Даже название есть? Оперативно! И как же? «Я была собакой Гитлера»? Забойно, мировой бестселлер... Да, да, конечно. Она все помнит. Расскажет с такими подробностями, что пальчики оближете... И секс, и высокая политика. Взгляд, как говорится, из-под столика... Но с предложенной вами суммой, извините, не могу согласиться. Не мелочитесь, дорогой. Одиннадцать миллионов и ни центом меньше. На этой собачке, мистер Кэмэл, вы заработаете в три раза больше. Не мне вас учить. Аналога подобной книге нет. Я мог бы обратиться к «Всемирной книге» или «Каравелле», но мне хочется иметь дело с вашей фирмой... Нет. В данный момент я не могу продемонстрировать вам собачку. Она... Понимаете, к каждому сеансу реинкарнации я ее тщательно готовлю. Я жду вас, скажем, во вторник. Идет? Записываю. Будьте здоровы, удачи. (*Кладет трубку*).

Берет сотовый телефон, набирает номер.

Что не звонишь, жопа? Где беглая? Везде искать! Рынки, помойки, подвалы. Всем головы откручу, паразиты! Чтоб сегодня в своей двадцать шестой как миленькая сидела. Все!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

6

Тюремная камера.

Прислонившись к стене, подвернув под себя ноги, сидит Е л е н а .
Оборванная, раскосмаченная. Встала, сделала несколько шагов по камере.

Е Л Е Н А. Они гнались за мной по пятам. Два дюжих отморозка из зевсовской охраны. Один пальнул даже, но в воздух: видимо, приказано было взять живьем. Возле рынка мне удалось оторваться от них. Но когда я приблизилась к своему дому, эта парочка прогуливалась уже около подъезда. Что было делать? Темными переулками я спустилась к реке, залезла в одну из лодок, причаленных к деревянным мосткам, и вскоре заснула. Мне снился Вольф, мой сын, я прижималась к нему и лизала его смешной черной носик. А наутро, едва рассвело, им удалось меня выловить. Скрутили, связали, привезли к Зевсу.

7

Клиника доктора Зевса. Д о к т о р занят опытами.
Рассматривает пробирку с синей густой жидкостью. Не оборачивается,
когда входит К а л е р и я .

Д О К Т О Р. Я ждал другую женщину.

К А Л Е Р И Я. Ее обмыли, доктор, привели в порядок. Осталось переодеть – и она явится.

Долгое тягостное молчание.

К а л е р и я пытается что-то сказать, но не решается.

(Чуть слышно). Вы меня простили, доктор?

Д О К Т О Р. Простить – значит понять. Я тебя понять не могу.

К А Л Е Р И Я. Глупая слепая ревность. Да, я хотела, чтобы эта
с... собачка исчезла из нашей жизни.

Д О К Т О Р. Из нашей, говоришь, жизни? Нет, Калерия, ты думала только о себе.

К А Л Е Р И Я. О нас. Как нам было хорошо вдвоем, когда этой... этой собаки здесь не было. Вспомните.

Д О К Т О Р. Твоими поступками управляет не этот орган (*показывает на голову*), а изнеженное ненасытное тело.

К А Л Е Р И Я (*пытается наступать*). Вы хотите сказать, что это изнеженное, как вы говорите... ненасытное, как вы изволили выразиться... мое тело не приносило вам радости? И вы не вгрызались в меня вновь и вновь, требовательно и неистово? А сколько раз в самые головокружительные минуты нашей близости вы вообще теряли сознание?

Д о к т о р усмехнулся, положил свои пробирки и подошел к К а л е р и и .

Д О К Т О Р. Ты уверена, что я терял сознание?

К А Л Е Р И Я. А что же это было?

Д О К Т О Р. Могу признаться, хоть это не по-джентльменски. Я закрывал глаза, Калерия, и переносился в другой мир. Туда, где должна решиться и моя жизнь, и, по всей вероятности, судьба всей планеты. В мой виварий.

К а л е р и я задохнулась от возмущения.

К А Л Е Р И Я. Что я слышу, боже!

Д О К Т О Р. Правду. Вот что ты слышишь. А это не всегда сладкая конфетка. Виварий для меня вся Вселенная. Бездонное небо, куда я взлетаю на крыльях побед, и глубокая черная дыра, пропасть, куда меня сбрасывают поражения. Но именно эти провалы дают мне силы для нового взлета.

К А Л Е Р И Я. Тогда выслушайте мою правду. Вы, извините меня, просто урод. Можете меня уволить. Казнить. Можете превратить в бессловесную тварь, как вы это проделали над многими своими противниками. Но вы урод! Урод!

Д О К Т О Р. Это наивысшая похвала, которой я удостоился за все годы нашего знакомства.

К А Л Е Р И Я (*близка к истерике*). Я отдавала тебе всю свою страсть, а ты, старый негодяй...

Д О К Т О Р. Калерия!

К А Л Е Р И Я. А ты в это время думал о своем вонючем виварии, да? Урод! Урод!

Д О К Т О Р. Урод. В том смысле, что непохож на других. Я по-

слан на Землю осуществить великую идею, которая изменит ход человеческого бытия. И каждый час, каждый миг я помню об этом. И коитус с тобой не способен отвлечь меня от моей высшей цели. И вдохновить, и озарить меня он не может. Он скучен, как ежедневная утренняя овсянка. Утилитарное семяизвержение и только.

КАЛЕРИЯ. Боже, какие страшные слова... (*Вытирает слезы*). А я-то думала, вы хоть чуточку меня любите... Наверное, у вас есть другая, не такая овсянка, как я... И озарить вас может, и вдохновить.. Скажите тогда, я уйду из вашей жизни.

ДОКТОР. Буду откровенен. Знаешь, Калерия, мне кажется... Что с вообще с женщиной... Дело даже не в красоте... А в чем-то другом, сам не знаю. Мне кажется, что я не способен испытать в половом акте настоящее, неземное счастье с любой, даже с самой обольстительной и красивой.

КАЛЕРИЯ. А с кем же тогда? С козой? Или с собакой? (*Хочет*).

ДОКТОР. Не знаю, Калерия, еще не разобрался полностью в своих ощущениях.

Появится Елена. Доктор с радостной улыбкой спешит ей навстречу.
Калерия с укоризной смотрит на них и выходит.

Возвращение блудной дочери? Рад тебя видеть.

ЕЛЕНА. Я вас ненавижу.

ДОКТОР. Bravo! Одна признается в любви, другая – в ненависти. Но интереснее любить ту, которая ненавидит. Это как плыть против течения. Соппротивление рождает силу. Твой прежний хозяин...

ЕЛЕНА. Нет и не было у меня никакого хозяина.

ДОКТОР. Был, собачка, был. Знаешь, как будет называться книга, которую ты напишешь?

Елена удивлено смотрит на него.

«Я была собакой Гитлера». Симпатично, правда? Во вторник будем подписывать договор.

Так вот, миленькая, твой прежний хозяин, от которого ты чудесным образом переходишь ко мне, часто повторял, что для настоящей власти над миром надо пройти через величайшие унижения. Вспомни. Он заставлял тебя кусать и бить его лапами, ложился на пол и ты мочилась на него. И этот гений и импотент, властитель половины земного шарика, стонал от величайшего

кайфа, который ты ему давала.

Е Л Е Н А. Он урод и вы, доктор Зевс, не меньший.

Д О К Т О Р (*хохочет*). Уже слышал сегодня.

Е Л Е Н А. И к тому же оба преступники.

Д О К Т О Р. Великие преступления, собачка, бессмертят так же, как и великие доблести. И кто же тебе подбросил эту гнилую мыслишку относительно меня?

Е Л Е Н А. Сама поняла. Там, внизу. В клетке номер двадцать шесть. Среди ваших свинок и хомячков. И тех, кто еще хоть чуть-чуть похож на людей.

Д О К Т О Р. Славно ты там провела время, ничего не скажешь. Но придется забыть. Вспоминать будем другое. Твою прошлую жизнь. Нам же нужно писать книгу, думаешь, я шучу? (*Вынимает из сейфа папку, раскрывает ее*). Гляди, проект договора. Во вторник подпишем. Одиннадцать миллиончиков, не слабо? Выйдет книга и закружит тебя невиданная всемирная слава. Блонди! Блонди! – кричат газеты на всех языках... Световые рекламы из миллионов огней озаряют небо твоим именем: Блонди, Блонди! Шутка ли – среди нас женщина, которой касались пальцы величайшего человека! «Блонди, мы с тобой!» – орут скинхеды в Берлине и Лондоне, в Петербурге и Филадельфии... И вскидывают руки в ритуальном приветствии: «Хайль, Блонди! Хайль!»

Е Л Е Н А. Я не Блонди. Я Елена.

Д О К Т О Р. Забудь. Ты Блонди.

Е Л Е Н А. Нет!

Д О К Т О Р. Ты пишешь книгу воспоминаний о своем прежнем хозяине.

Е Л Е Н А. Ни за что! Я ничего не помню.

Д О К Т О Р. А Вольф, твой сын?

Е Л Е Н А. Вы... вы помогли мне его вспомнить. Приказали моему мозгу.

Д О К Т О Р. Память хранит только то, что было. Надо ее лишь разбудить. .

Е Л Е Н А. Обойдусь без вашего будильника.

Д О К Т О Р. Твоя книга нужна и мне. Я хочу построить новую современную клинику для моих исследований...

Е Л Е Н А. Никаких мемуаров, не ждите. Тем более ради вашей клиники. Не было у меня прошлой жизни, не было!

Д О К Т О Р. Была, дорогая. И ты ее вспомнишь.

Загораются сигнальные лампочки.
Д о к т о р нажимает кнопку связи.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*взволнованно*). Доктор Зевс, ваша ассистентка, Калерия... Она умирает.

ДОКТОР. Что за шуточки? Что с ней?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Отраву какую-то выпила. Помогите, доктор. Сами не справимся.

ДОКТОР. Ладно, подумаю. (*Кладет трубку*).

Елена бросается к доктору, тербит его за плечи.

ЕЛЕНА. О чем думать? Человек умирает! Быстрее!

ДОКТОР. Сколько дур стрелялось или травилось из-за меня! Любили, значит. Гляди, собачка, если влюбишься, не вздумай шалить.

ЕЛЕНА. Уж это мне точно не грозит!

ДОКТОР. Как знать, как знать...

ЕЛЕНА. Идите же! (*Колотит его по спине*).

ДОКТОР (*восторженно*). Ай! Сильнее! Бей меня! Бей, чертовка! О-о-о-о!

Елена выталкивает его в правую дверь, потом подходит к телефону, снимает трубку и набирает номер.

ГОЛОС В ТРУБКЕ. Вы не набрали код. Повторите. Вы не набрали код. Вы не набрали код...

Короткие гудки. Елена еще и еще раз повторяет набор.

Тот же результат. С остервенением бросает трубку. Увидела оставленную на столе папку с договором. Открыла, читает.

ЕЛЕНА. Не была я собакой Гитлера! Не была! Нет! (*Рвет документы*).

8

В креслах, за журнальным столиком, сидят Доктор и Мистер Кэмэл.

КЭМЭЛ (*смотрит на часы*). Самолет в Токио улетает в семнадцать пятьдесят. В моем распоряжении, доктор, только час с четвертью. Где ваша миссис Собачка? (*Достает сигару, чиркает зажигалкой*).

ДОКТОР. О нет, прошу вас, никотин убивает меня.

КЭМЭЛ. Вы же не лошадь! Это, извините, несовременно,

некоммуникабельно. Бывают переговоры без галстуков, это я понимаю. Но без сигар? Это уже извращение. Вынужден сократить нашу беседу на двадцать минут.

Д О К Т О Р. Великий фюрер не выносил табачного дыма. Я, дорогой мистер Кэмэл, следую его примеру.

К Э М Э Л. А дым в Бухенвальде его не смущал?

Д О К Т О Р (после паузы). Я думаю, нам не следует затрагивать в книге эту тему. Наша собачка там не была.

К Э М Э Л. Понял. И все же, где она? Должен же я наконец по-видать ее, а заодно поцеловать ту ручку... или, если хотите, лапку, в которую я положу чек на одиннадцать миллиончиков?

Медленно появляется Е л е н а .
Затянута в кожу, выглядит броско, эффектно.
Мужчины встают.

К Э М Э Л (восхищенный). О-о! Божественная фемина! У Адольфа, вижу, был недурной вкус. (Целует руку).

Д О К Т О Р. Присаживайся к нам, милая Блонди.

К Э М Э Л (Елене). Кто же придумал для вас такое чудное имя? Сам фюрер?

Е л е н а молчит. К э м э л вопросительно глядит на Д о к т о р а .

Д О К Т О Р. Вас зовут Джеймс, мистер Кэмэл, не правда ли? А вот кто подарил вам столь редкое имя: мама или дядя, прабабушка или приходской священник? Можете ответить? Нашей собачке это тоже неизвестно. (Елене). Правда ведь?

Е л е н а молчит.

Можно лишь предполагать. Фюрер, как известно, любил блондинок. Они вызывали в нем восторг не только сексуальный, но идеологический тоже. Золотоволосая женщина была для него символом Германии. Мне рассказывала Блонди, что впервые услышала свое имя от него.

Е л е н а выразительно посмотрела него, но смолчала.

Он, надо вам сказать, обожал собак. Лошадей считал глупыми созданиями, не терпел черепах, кошки вызывали у него настоящую аллергию. Первую овчарку, если не ошибаюсь, ему подарили в тысяча девятьсот двадцать первом году. Он только вышел из тюрьмы, если помните, после мюнхенского путча. С тех пор

признавал только эту породу. Бульдогов называл слюнвявыми лежебоками, а скотчтерьеров – обувными щетками. Овчарку Блонди ему подарили во время войны.

Подходит к сейфу, вынимает папку с документами.
Показывает К Э М Э Л у большой фотопортрет Блонди.

К Э М Э Л (*смотрит то на портрет, то на Елену*). Сильно изменилась... Но порода, извините, видна.

Д О К Т О Р. Королевская родословная, глядите. Предок по материнской линии – знаменитый Утц фон Хаус Шуттинг, чемпион мира 1929 года.

К Э М Э Л. Шуттинг, Шуттинг... Оч-чень интересно, доктор Зевс.

Д О К Т О Р. А он, в свою очередь, сын великого Клодо фон Боксберга, от которого, по сути, начался этот род.

К Э М Э Л. Боксберг, Боксберг.. Потрясающе! (*Елене*). Какие у вас знаменитые предки! И тот «фон» и этот «фон».

Е л е н а продолжает молчать.

Д О К Т О Р. Фюрер считал создателя породы Макса фон Штефаница гением, опыт которого надо использовать для совершенствования высшей человеческой расы.

К Э М Э Л. Оч-чень, оч-чень любопытно!

Д О К Т О Р. Разрешите, я продолжу.

К Э М Э Л (*встал, прошелся. Подошел к доктору*). Посмотрите на меня. Внимательно. Я произвожу впечатление идиота? А? Или, на худой конец, кретина? Как по –вашему?

Д О К Т О Р. Н-не понимаю, мистер Кэмэл.

К Э М Э Л. К чертям собачьим вашу собачью трепотню! Мне нужно экзотическое блюдо, а вы суете под нос тарелку лапши с вчерашними мухами! И чтобы услышать эту галиматью, я летел сюда за пять тысяч миль? Пусть говорит тот, кто будет писать книгу. Кто, черт вас возьми, был собакой Гитлера, вы или эта дама? Почему она до сих пор не сказала ни слова? Я пойму любой язык – хоть немецкий, хоть китайский, хоть собачий.

Д О К Т О Р. Вы думаете, что вызвать реинкарнированную память о прошлой жизни так же просто, как такси по телефону? Этому предшествует обычно момент внезапного стресса, аффекта, который, воздействуя на подкорку головного мозга...

К Э М Э Л. Мне осточертела ваша научная жвачка Я хочу говорить с миссис Собачкой. Все.

Д о к т о р поднимается и выходит.
К Э м Э л подсаживается поближе к Е л е н е .

Вы мне глубоко симпатичны, дорогая Блонди. Я верю, что вы напишете чудную книгу. Мне не нужны глубокомысленные рассуждения об истории породы, об экстерьере немецких овчарок. Разве я выпускаю пособие для собаководов? О нет, это книга для миллионов обыкновенных людей. Сейчас много пишут о взаимоотношениях человека и животного. И даже об интимных связях между ними.. Но! Обратите внимание! Вся эта писанина идет от лица – кого? Че-ло-ве-ка. А что чувствует животное? Увы, об этом ничего не известно. Вакуум. Вот где, как говорится, собака зарыта. Простите за невольную остроту. И вдруг – ваша книга! Взрыв! Умопомрачение! Собака дает людям пример преданности и любви. Вот над чем будут плакать все женщины и чему будут завидывать все мужчины! Надеюсь, вы меня поняли?

Вдруг раздались звуки германского военного марша. Из двери выходит Д о к т о р . Он в парадном военном мундире, в фуражке с высокой тульей. Над верхней губой характерные гитлеровские усики.
Е л е н а и М и с т е р К Э м Э л ошеломлены.

Д О К Т О Р *(вскидывает руку)*. Хайль!
К Э М Э Л. Ха... Ха... *(Поднимает трясущуюся руку)*.
Д О К Т О Р. Блонди, собачка моя, как давно мы с тобой не виделись! *(Легонько посвистывает)*. Ко мне, девочка моя. Ко мне...

И с Е л е н о й происходит нечто невообразимое. Ее будто подменили. Умильно взвизгнув, вертя задом, она приближается к Д о к т о р у . Глаза ее излучают ласку. По-собачьи положила ему руки на грудь, ластится, урчит. Д о к т о р нежно гладит ее по голове, воркует с ней.

Собаченька моя... Что, дружок, что? ... Любишь своего Адольфа? *(Кладет ей в рот конфетку)*.
К Э М Э Л. Потрясно!
Д О К Т О Р. Этот дядя просит, чтобы мы с тобой кое-что рассказали ему. Ты не против? Вспомним?

Е л е н а кивает.
Д о к т о р садится в кресло,
Е л е н а располагается на полу, у его ног.

Напряги свою память, детка. *(Делает пасы над ее головой)*. Вспоминаем, да? *(Кэмэлу)*. Так часто мы сидели с ней в «Бергхофе». Это моя резиденция в Альпах. Потрескивали в большом камине охваченные пламенем поленья, и каждый из нас думал свою

думу. (Елене). Закрой глаза, девочка моя. Что ты видишь, что вспоминается тебе? Как весело было у нас, когда съезжались гости, помнишь? ..

Е Л Е Н А. Да.

Д О К Т О Р. Мы радовались гостям – и я, и Ева, и ты.

Е Л Е Н А. Ты ошибаешься. Эти дни были для меня невыносимы.

Д О К Т О Р. Вот как? Почему же?

Е Л Е Н А. Ты не обращал на меня никакого внимания. И лакеи, и вы с Евой занимались столом, а меня будто бы не существовало.

Д О К Т О Р (смеясь). Обидчивая какая! (Кладет ей в рот конфетку). Ева цветы расставляла, украшала стол, а я... Что я делал? Не помнишь?

Е Л Е Н А. Вилки поправлял, вот что.

Д О К Т О Р (Кэмэлу). У меня, действительно, пунктик был – чтобы все под линейку, как на плацу. Подметила стервочка! (Гладит Елену). Ух, глазастая!..

Е Л Е Н А. А когда все за стол усаживались, вообще хоть вой, хоть плачь. Ева сидела рядом с тобой, ты ворковал как голубочек, ухаживая за ней. А я под столом глядела на ее стройные, обтянутые шелковыми чулками ноги в белых лаковых туфельках и изводилась от зависти. Ведь у меня были короткие мохнатые лапы и противные звериные когти.

К Э М Э Л. Вы ревновали?

Е Л Е Н А. Просто чувствовала себя четвероногой зверюгой, недостойной человеческой любви.

Д О К Т О Р. Вруша! Я ли тебя не любил? Вспомни наши прогулки.

Е Л Е Н А. Да, это был мой реванш. Когда ты набрасывал на плечи свой клеенчатый черный плащ, надевал фетровую шляпу, брал в руки трость, я уже визжала от счастья. Я знала, что через несколько минут, едва мы выйдем на уводящую в горы тропинку, ты будешь принадлежать мне, только мне. В эти минуты, рядом с тобой, я не чувствовала себя униженной. Мы, бывало, садились на скамейку...

Д О К Т О Р. Я укрывал тебя плащом, если моросил легкий дождик.

Е Л Е Н А. Ага... А я прижималась к тебе и слушала, слушала. Ты говорил со мной так же нежно и ласково, как с Евой.

Д О К Т О Р (Кэмэлу). Я часто советовался с ней. Можете поверить мне: Блонди была умнее многих из моих генералов.

К э м э л громко смеется.

(Елене). Помнишь нашу поездку на Бодензее?

Е Л Е Н А. Еще бы!

Д О К Т О Р (Кэмэлу). Ева была великолепной пловчихой. В отличие от меня. (Шепотом). Я говорю от имени фюрера, чтобы вовлечь в беседу нашу собачку. Вы поняли? Психологический трюк.

К э м э л кивает.

Е Л Е Н А (Кэмэлу). Помню, заехали в лес. Эсэс выставили охрану. Ева спустилась к озеру, а мы с Адольфом расположились в тени, в кустах орешника.

Д О К Т О Р. Я просматривал утренние газеты...

Е Л Е Н А. А я грелась на солнышке рядом, чувствуя, как блуждают на моем боку, в моей шерстке, беспокойные нервные пальцы моего хозяина.

Д О К Т О Р. Фюрер как раз обдумывал...

Е л е н а удивленно вскинула на него глаза.

Я хотел сказать, что я как фюрер обдумывал тогда важнейшую стратегическую операцию на Восточном фронте. Речь шла об окружении крупной группировки противника. Я набросал на листах блокнота несколько вариантов. Ломаю голову: какой лучше? И вдруг моя Блонди кладет свою лапу на тот вариант, который мне казался наихудшим.

Е Л Е Н А. Ты перемешал листки...

Д О К Т О Р. И она снова выбрала этот же.

К Э М Э Л. Потрясающе! И как же поступил фюрер? Вы, то есть?

Д О К Т О Р. Он доверился Блонди. Операция прошла блестяще, мы взяли в плен более ста тысяч русских. И все благодаря моей девочке! (Порывисто, страстно целует Елену).

Е Л Е Н А. Вдруг я обернулась к озеру и увидела Еву. Она стояла совершенно обнаженная, волшебной красивой, улыбающаяся. Вытянув вперед руки, она звала его.

К Э М Э Л. И что же он?

Е Л Е Н А. Махнул ей рукой и отвернулся. Это был день начала нашей любви. Назад мы ехали уже не так, как на озеро. Я рядом с фюрером в открытом опель-адмирале, а Ева вслед за нами на БМВ.

К Э М Э Л. Удивительная любовь! Фантастика! Я увеличу тираж на 200 тысяч экземпляров!

Д О К Т О Р. А денежек вы не думаете добавить? Мы ведь с собачкой старый договор уже порвали. *(Собирает в горсть обрывки бумаги и бросает их на пол)*. Тайны нашего секса, мистер Кэмэл, стоят дороже.

К Э М Э Л. Ну и хватка у обоих! Собачья! Не играйте только в мои игрушки и не пишите в мой горшок. Новый контракт привезет Серж Таубе, золотое перо нашего издательства. Он-то и будет помогать собачке делать книгу. Все! За дело! Гав-гав! *(Исчезает)*.

Д О К Т О Р. Ты только в одном ошиблась, Блонди. Мы ехали с тобой на фольксвагене.

Е Л Е Н А. На «опель-адмирале», я точно помню.

Д О К Т О Р. Фольксваген, детка!

Е Л Е Н А. Опель!

Д О К Т О Р *(дразня ее)*. Фольксваген, фольксваген!..

Е Л Е Н А. Хочешь завести меня? Да? *(Глухо рычит)*.

Д О К Т О Р *(продолжает злить ее)*. Боишься, да? Трусишка! Фас, Блонди, фас! Ну сделай мне больно! Кусай! Кусай!

Отступает к двери, Е л е н а , пригнувшись, как бы готовясь к прыжку, следует за ним.

Приказываю: кусай! Я хочу очень больно, очень больно! До крови, до костей! Возьми меня, Блонди! *(Исчезает за дверью)*.

Е л е н а с пронзительным воем бросается вслед за ним.

Грохот, вопли, крики.

Из левой двери появляется К а л е р и я . В руках у нее большая игрушечная собака. Прислушивается. Ударила собаку раз, другой.

Затем швыряет ее на пол и яростно топчет ногами.

9

Е л е н а в кресле, в руках у нее диктофон.

С е р ж Т а у б е , журналист, ходит по комнате.

Т А У Б Е. Если я правильно понял, ваш прежний хозяин был мазохистом?

Е Л Е Н А. В моих видениях – да.

Т А У Б Е. Боль вызывала у него приступ невероятного наслаждения? Не так ли?

Е Л Е Н А. Да.

Т А У Б Е. Даже оргазм?

Е Л Е Н А. Да.

Т А У Б Е. Следствием чего были эти извращения? Гены? Воспитание? Что именно?

Е Л Е Н А. Скорее всего, физиология. У него было лишь одно яичко и небольшой половой член.

Т А У Б Е. Комплекс сексуальной неполноценности?

Е Л Е Н А. Возможно.

Т А У Б Е. Вы видели его обнаженным?

Е Л Е Н А. Всего пару раз. Обычно он раздевался в темноте.

Т А У Б Е. Пожалуйста, говорите в диктофон. Ваш матрасик, вы сказали, находился в его спальне, рядом с кроватью?

Е Л Е Н А. Да. Он велел перенести его туда из другой комнаты.

Т А У Б Е. Как на это реагировала Ева?

Е Л Е Н А. Надула губки и не разговаривала с ним два дня.

Т А У Б Е. Потом помирились?

Е Л Е Н А. Он ей сказал: «Дорогая, но ты же держишь своих мочалок у себя в спальне. Хочу быть с тобой на равных.» У нее были два скотчтерьера, Негус и Штази. Он их в шутку называл то мочалками, то сапожными щетками. (Смеется). Мы люто враждовали. Вреднучие собачонки, мерзкие. Особенно этот пижончик Негус. Я ему однажды полуха отхватила, даже профессора из Берлина вызывали. С тех пор, пока я находилась в гостиной, Ева запирала своих шавок у себя в комнате.

Т а у б е смеется, наливает в бокал коньяку.

Т А У Б Е. Собачки, наверное, заменяли Еве детей?

Е Л Е Н А. Она хотела родить Адольфу сына. Наследника. Это была хрустальная мечта ее жизни.

Т А У Б Е. А он? Не хотел? Или не мог?

Е Л Е Н А. Затрудняюсь ответить. Но с детьми охотно возилась, когда выдавалась свободная минутка. Как-то сказал, помню: «Обожаю, когда моих ладоней касаются их маленькие ручки». (После некоторого молчания). Потом в эти ручки он вложил «шмайссеры» и послал на верную гибель. Четырнадцатилетних детей.

Т А У Б Е. Стоп, стоп, стоп. Босс велел без политики.

Е Л Е Н А. А это возможно? Разве о добром садовнике мы собираемся писать? Или о веселом почтальоне?

Т А У Б Е. Важно не о ком мы пишем, а для кого. Бейсбол – это им интересно. Бекон с яйцом – вкусно. Четверолапая любовни-

ца – это уж как занятно, такого еще не было! А детки со «шмайссерами» – что это такое и кому это нужно?

Е Л Е Н А. Меня интересует ваша личная точка зрения.

Т А У Б Е. Бейсболом не увлекаюсь. Яичницу с беконом терпеть не могу.

Е Л Е Н А. Ясно.

Т А У Б Е. В прошлый раз мы начали говорить о ваших детях. Что вы помните о них?

Е Л Е Н А. Первым, кого я увидела в своих снах, был Вольф. Он и рассказал мне о своих братьях и сестрах.

Т А У Б Е. Сколько их было у вас? Говорите в диктофон.

Е Л Е Н А. Пятеро. Урса, Вирга и Линда – девочки. И Аристон, братик Вольфа. Живые, теплые, ласковые комочки.

Т А У Б Е. Лирики не надо, все ваши чувства я распишу сам. Только факты. Когда вы... простите меня... оценились?

Е Л Е Н А. Это было, как я теперь поняла, в марте сорок пятого года.

Т А У Б Е. Перед самым концом войны?

Е Л Е Н А. Да. Мы уже жили не в Альпах, не в «Бергхофе», а в Берлине. В бункере рейхсканцелярии. Глубоко в земле. Под железом и бетоном. Без воздуха и солнечного света. Как крысы. И сплошной не прекращающийся грохот и вой снарядов. Изредка меня и щенков выводили на воздух. Когда не было обстрела, мы гуляли в саду рейхсканцелярии, добирались даже до Тиргартена. Так велел Адольф. Ведь щенкам нужен был воздух и солнечный свет. Они кувыркались в мягкой пахучей траве. Тявкали, пытаясь догнать и повалить меня. А как они упирались и огрызались, когда их уводили в мрачный и холодный бункер! Однажды мы попали под страшную бомбежку. Тут и там взрывы, вокруг огонь и удушливый дым. Тогда осколком снаряда ранило моего Аристончика. Бедняжка жалобно скулил на руках солдата, который, прижимая его к груди, перебежками мчался к бункеру. Как убивался Адольф, видя страдания малыша. Его личный хирург пришел мальчику лапку, но он так и остался калекой и фюрер возился и ласкал его с тех пор больше, чем других.

Т А У Б Е. Даже в эти последние дни он находил время заботиться о щенках?

Е Л Е Н А. Конечно. Ведь это были его дети.

Т А У Б Е. Поясните, пожалуйста, что вы имеете в виду.

Е Л Е Н А. Так он называл моих малышей. И действительно, был для них подлинным отцом. Вольф, мой первенец, был его любимцем.

Т А У Б Е. Почему он дал ему такое имя? Вольф, волк...

Е Л Е Н А. Он ощущал себя волком, понимаете. Вожаком беспощадной стаи, наводящей страх на все живое. Жил, как волк, одиноко, не заводя семьи. Презирал роскошь и домашний уют. И подпольная кличка у него была «господин Вольф». И ставка – «Волчье логово». И многие дамы, как он рассказывал, желая расположить его к себе, называли его «Волчонком».

Т А У Б Е. И лишь одно отличало его от волка – он был, насколько мне не изменяет память, непримиримым вегетарианцем?

Е Л Е Н А. О да! Всех и каждого он старался обратить в свою веру. Даже меня. Ставил передо мной миску со своей любимой печеной картошкой с творогом, политой растительным маслом, и приказывал есть.

Т А У Б Е (*смеясь*). Ну и вы? Ели?

Е Л Е Н А. Подойду, понюхаю. нос поморщю и отойду. А он меня к миске тянет и ругает: «Какая же ты зануда, Блонди! А ну ешь!» Давилась этим творогом до слез, но ела. Могла ли я отказать своему хозяину? А щенков сызмальства старался воспитывать в вегетарианском духе. Молоко и витамины. Часто повторял: «Увидишь, Блонди, какими сильными вырастут наши дети.»

Т А У Б Е. Он так и говорил: «наши дети»?

Е Л Е Н А. Да.

Т А У Б Е. А кто же был настоящим отцом? Вашим сексуальным партнером?

Е Л Е Н А. Рассказать? Могу. Забавная история. Только вряд ли поверите. Было это, помню, зимой. Мы еще в «Бергхофе» жили, в Альпах. Приезжает как-то вдова профессора Трооста, архитектора. И привозит с собой псину. Здоровенный такой кобель. До меня сразу дошло: вязать хотят. В ту пору, извините, текла я. Как ненормальная была, места себе не находила. Оставили нас вдвоем в большом зале, дверь на замок, значит, совокупляйтесь, мол, ребята, в полное свое удовольствие. Кобелюка сразу ко мне. Видать, пахучка моя голову ему помутила. Подлетел и без всяких там церемоний: давай, мол, становись в позицию, трахать тебя буду. Такой вот раздолбай! Я как пасть свою зубастую открыла. Р-р-р-рррр! Вся шерсть на мне торчком. А он, видимо, не привык к такому – чтобы сучка его величество к себе не подпускала. Обиделся, хвостом махнул и от меня... Ходит себе по залу, валяжный такой, картины итальянских мастеров разглядывает, будто и впрямь в искусстве толк знает. Побродил-побродил, снова на меня зырк и ловко так вскочил, вцепился лапами в попу и давай

ерзать. Ну тут уж пришлось зубы и когти в ход пустить. Отделала я его так, что завыл бедняга. В угол отлетел и воет, воет. Вбежал Адольф, за ним вдова профессора. У обоих вид виноватый, словно они сами с делом не справились. Профессорша быстренько увела своего оскандалившегося песика и тут же уехала.

Т А У Б Е. Почему же вы не подпустили его к себе?

Е Л Е Н А *(после паузы)*. Трудно сказать. Столько лет ведь прошло. Бесцеремонный, наглый. Сразу лезет. И глаза, понимаете, дебилные, дурные. Отвратный тип, поверьте. Я с ним бы есть из одной миски не стала, не то что сексом заниматься. Фррр! И вообще... как бы вам сказать... Я была собакой великого человека, со мной заигрывали генералы и фельдмаршалы. Я знала себе цену. Но фюреру мое поведение явно не понравилось. Он так хотел, чтобы у меня были щеночки. И вообще, знаете, Адольф не терпел, когда срывались его планы. Завел меня к себе в комнату, запер дверь на ключ и принялся отчитывать. Сначала негромко, сдерживая себя, а потом раскричался до бешенства, как на своих генералов. Слова булькали в его горле, будто кипели там. Потом вдруг замолчал. Я подошла, поднялась во весь рост и положила ему лапы на плечи. Он понял, что я прошу у него прощения. Так долго мы стояли и глядели в глаза друг другу. И вдруг, не знаю как это произошло, мы оба упали на его кровать... Он стонал от счастья. Мы щипали и кусали друг друга и это взаимное истязание перемежалось жаркими страстными поцелуями... Как у людей. Потом, изнеможенные, сжимая друг друга в объятиях, мы заснули. Проснулась я только утром, рядом с ним. Лапами пошевелила: что-то как бы мешает. Вроде бы надето что-то. Вскоčila, подбежала к зеркалу. *(Смеется)*. На мне, на задних лапах, чулочки шелковые! *(Новый взрыв смеха)*. Французские, ажурные, да еще с розовыми бантиками! А здесь... *(показывает на грудь)* бюстгальтер кружевной. Точно такой, как у Евы. Обернулась, гляжу на Адольфа. Он вроде бы еще спит, а сам, вижу, одним глазом за мной водит. И усмехается. Подошла я, ткнулась мордой ему в руки... Ну вот... А ровно через три месяца я родила...

Т А У Б Е. Вы хотите сказать...

Е Л Е Н А. Я сказала то, что хотела сказать. Вы просили меня, господин Таубе, вспоминать мою прошлую жизнь, кадр за кадром. Так вот, этот кадр тоже был в ней. Как это истолковать – ваша забота. Вы только должны понимать, что мы беседуем с вами о личности неординарной, обладавшей силой магического воздействия на людей. И на животных тоже.

Т А У Б Е. В том числе и на вас?

Е Л Е Н А. Конечно.

Т А У Б Е. Вы любили его?

Е Л Е Н А. Обожала. Я была преданной ему и верной... собачкой. Лизала его трепетные пальцы, которыми он ласкал меня. Разве я знала тогда, что они обагрены кровью миллионов людей?

Т А У Б Е. Как относится Елена к тому, что происходило с Блонди?

Е Л Е Н А. Я бы убила эту сучку!

Т А У Б Е. То есть себя?

Е Л Е Н А. Капните коньячку, пожалуйста.

Т а у б е наливает коньяк в бокал, протягивает ей.

Да. Себя. Мои предки, Серж, погибли в гетто. Как я могу носить в себе эту Блонди? Я проклинаяю себя! Была счастлива, жила как все... Пока не пришла сюда, к этому Зевсу. Он дал мне эту прошлую жизнь. Навязал. Внедрил ее в мой мозг.

Т А У Б Е. Возможно, это было зомбирование?

Е Л Е Н А. Не знаю. Но те опыты, которые он ведет внизу, в своем виварии... Они страшнее всего того, что творил фюрер.

Появляется улыбающийся Д о к т о р .

Д О К Т О Р. Неправда! Ни газовых бань, ни массовых расстрелов. Зачем это варварство? Адольф поставил перед собой великую цель – усовершенствовать человеческую породу. Но действовал как мясник. Грубо, кроваво. А мы достигаем той же цели благородно и элегантно. Принцип эманации, от высших форм к низшим. Обрато к Дарвину. Через животный мир к новому человеку. Опыт с нашей собачкой многому нас научил, мы здорово продвинулись вперед за это время. Когда она хватанула меня за палец, это был чистейшей воды инстинкт. И лишь со временем она обрела фантастическую способность видеть перед собой картины прошлого.

Т А У Б Е. Кстати, доктор, как вы можете объяснить причину проявления этого инстинкта? С какой стати Елене нужно было хватать вас за палец? Это важно для книги, поэтому попрошу вас говорить в диктофон.

Д О К Т О Р. Слова тут не нужны. *(Вынимает из кармана перстень и медленно, не спуская глаз с Елены, надевает его на палец).* Думаю, что все дело в этой штучке. Она ее взбесила.

Е л е н а глухо урчит.

Т а у б е подходит к Д о к т о р у , рассматривает перстень.

Т А У Б Е. Старинная работа... Это, если не ошибаюсь...
(Надевает очки). Да, сам Фридрих Первый Барбаросса...
(Елене). Чем же не угодил вам этот бравый кениг?

Е л е н а молчит.

Д О К Т О Р. Достался он мне от деда. Тот служил в охране Гитлера, до самого последнего дня. Этот перстень дед снял с пальца фюрера после того как тот... (Приспавляет палец к виску). Взял на память.

Е л е н а приближается к Д о к т о р у .

(Елене). Почему же прошибла тебя эта вещица? Непонятно. Ведь носил ее твой хозяин. Любимый, обожаемый. Я изредка надеваю его. И в тот день он был на пальце.

Е л е н а протягивает руку. Д о к т о р снимает перстень и отдает ей.

Погляди-ка. Может, вспомнишь.

Долгая пауза.

Е Л Е Н А. Это последнее, что я видела в той, прошлой жизни...

10

Тюремная камера. Е л е н а продолжает разглядывать перстень, лежащий у нее на ладони.

В глубине сцены появляется В о л ь ф . Тихая астральная музыка.
Он медленно приближается к Е л е н е . Видит перстень.

В О Л ь Ф. Папино колечко. Как оно к тебе попало?

Е Л Е Н А. Вольф, сыночек... (Ласкает, целует его). Хоть ты мне скажи. Почему оно так бесит меня? В чем дело?

В О Л ь Ф. Помнишь тот день, когда папа и тетя Ева поженились? Ну перед тем, как умерли?

Е л е н а отрицательно мотает головой.

Ты так убивалась, мама. Ты что, не хотела, чтобы он... и тетя Ева... Да?

Е Л Е Н А. Он говорил, что никогда не женится. Был ничей,

а, значит, мог быть и моим.

В О Л Ь Ф. Ты выла, мама, так страшно... Уууууу! Грызла ножки стола, каталась по полу. Папа закричал на тебя, даже поднял руку. А ты... (*Оскалился, рычит*). Вот так! Тогда он схватил тебя за ошейник, мама, и втокнул в какую-то комнату.

Е Л Е Н А. Погоди, Вольф... Помню, помню! Темная сырая кладовка. Перед тем, как запереть дверь, он нагнулся ко мне, руки его дрожали, щеки ввалились... Он был такой старый и жалкий... Он мне сказал... Постой, постой, сейчас вспомню... «Я женюсь только до утра, милая Блонди, прости меня: так надо. Взойдет солнце, и кончится жизнь. Все». Поцеловал меня и вышел. Это я помню.

В О Л Ь Ф. Тетя Ева была такая красивая, мама. Ты ведь не видела ее. В длинном черном платье с блестящими камушками на шее. А папа был в парадном мундире. Их все поздравляли, они целовались и пили вино. А мы мотались у них под ногами, нас, мама, никто не прогонял.

Е Л Е Н А. Так, так... Ты помогаешь мне, мой мальчик. Вспоминай же, что было дальше. Пока я выла от одиночества и обиды в этом темном холодном чулане.

В О Л Ь Ф. Потом папа и тетя Ева ушли к себе в комнату. А остальные непонятно почему продолжали веселиться.

Е Л Е Н А. Я слышала пьяные крики, песни... А утром солдат, он еле держался на ногах, выпустил меня из кладовки. Я вырвалась как бешеная. Моталась по всем комнатам, искала его. Что там творилось! Вижу, как сейчас передо мной! На стульях, на полу вповалку храпят пьяные. Офицеры в обнимку с полуголыми женщинами. Несносно воняет табаком, протухшим мясом, разлитым вином. Наконец, вот он, Адольф. Один, в кресле, опустив голову. Такой жалкий, никому не нужный... Я тихонько твякнула и подошла. Он взял меня за лапу, но молча, ни слова, глаза его при этом были полны слез. Потом, помню, полез в карман, достал что-то. У него всегда была припрятана для меня шоколадка. Я зажмурилась и открыла рот.

В О Л Ь Ф. То была не конфетка.

Е Л Е Н А. Что же?

В О Л Ь Ф. Что-то стеклянное... Маленькое.

Е Л Е Н А. Двумя пальцами, на одном из них был этот перстень, он вложил что-то в мой рот, потом крепко, обеими руками, сдавил челюсти.

В О Л Ь Ф. У тебя, мамочка, прямо прыгнули глаза на лоб.

Е Л Е Н А. Зубы мои царапнули по стеклу. Перстень на паль-

це – больше я ничего не помню. Перстень на пальце! Перстень на пальце!

В О Л Ь Ф. Ты дернулась, мама, и перестала дышать. И глаза твои стали как стеклянные шары.

Е Л Е Н А. Постой... Ты хочешь сказать, что он...

В О Л Ь Ф. Да, мама.

Е Л Е Н А. Сам, своими руками...

В О Л Ь Ф. Солдаты положили тебя в ящик и понесли в сад. А мы, все пятеро, с визгом кинулись за тобой. Мы же ничего не понимали. Нам казалось, ты спишь, мама, и тебя выносят на воздух. Мы кричали тебе: «Вставай, вставай! Мы же хотим кушать, неужели ты нас не видишь? Покорми нас, мамочка!» Попытались допрыгнуть до тебя, до твоих сисек! И тогда один из этих солдат... он снял с плеча автомат... и начал стрелять в нас.

Е Л Е Н А. Вас-то за что?

В О Л Ь Ф. И мы попадали на землю. И Урса, и Линда, и Вирга, и хромой Аристончик. И я...

Он отступает в темноту и через мгновение растворяется в ней.

Е Л Е Н А (*протянув вслед ему руки*). Вольф! Куда же ты, Вольф!

Всплеск музыки – и тишина.

11

Клиника Зевса. Д о к т о р и К а л е р и я пьют кофе.

Д О К Т О Р. Мы снова остались вдвоем, милая Калерия.

К А Л Е Р И Я. Да, доктор.

Д О К Т О Р. Это ведь, помнится, была твоя мечта.

К А Л Е Р И Я. Да, доктор.

Д О К Т О Р. Ты не рада? Что с тобой?

К А Л Е Р И Я. Ничего, все хорошо, доктор.

Д О К Т О Р. Твоя ложь, как змея: жду, когда ужалит.

К А Л Е Р И Я. Буду молчать.

Д О К Т О Р. А душу прояснить не хочется?

К А Л Е Р И Я. А то вы сами не понимаете?

Д О К Т О Р. Нет.

К А Л Е Р И Я. Где же ваша мудрость?

Д О К Т О Р. Я избегаю тратить ее по мелочам.

К А Л Е Р И Я. У каждого свой счет. Для вас, может быть, ме-

лочь... Но, знаете, бывает, что малая соринка в глазу мешает видеть солнце.

Д О К Т О Р. Хватит загадок!

К А Л Е Р И Я. Хватит.

Д О К Т О Р. Так что же тебе мешает видеть солнце?

К А Л Е Р И Я. Собака, доктор! Проклятая ваша собака!

Д О К Т О Р. Забудь о ней, Калерия. Как и я. Не делай проблем из того, что уже ушло из нашей жизни.

К А Л Е Р И Я. Неправда! Оно не ушло! Оно внизу! *(Топает ногой)*. Там она, там!

Д О К Т О Р. Ну и что? За десятью замками. Как отработанный материал. Не более. Пойми, была страсть, не скрою. Мучительная, дикая, оргастическая. Безумие пьянило голову. Оно прошло. Мы снова вместе. Вдвоем. *(Придвинулся к ней, пытается обнять)*.

К А Л Е Р И Я *(отстраняется)*. Нет, не вдвоем. Она здесь, под нами! *(Топает ногами)*.

Д О К Т О Р. Повторяю: как отработанный материал.

К А Л Е Р И Я. Но вы все время спускаетесь туда, к этому «отработанному материалу». И заходите в клетку к этому «материалу». И разговариваете, и даже шутите с этим «материалом».

Д О К Т О Р. Я благодарен ей за эксперимент. Он подтвердил мои самые смелые предположения. Теперь, можно сказать, я полностью овладел всем механизмом метаморфоз животного мира. Перевоплотиться в иную сущность так же просто сейчас, как выпить стакан воды. В новой клинике я перейду от опытов к массовой промышленной реинкарнации человечества.

К А Л Е Р И Я. Но... если вы, доктор, отработали механизм... для чего же вам собачка? Она ведь вам больше не понадобится? И книга скоро выйдет и вообще...

Д О К Т О Р. Мне кажется, она не может уже вернуться к обычной человеческой жизни.

К А Л Е Р И Я. Тем более. Зачем ее держать?

Д О К Т О Р. В обычном мире для нее уже теперь нет места... Не знаю... Ты хочешь, чтобы я ее...

К А Л Е Р И Я. Да, доктор! Да!

Д О К Т О Р. Ну что же... Возможно, ты права. Науке она больше не нужна и – можно...

Направляется к правой двери, но внезапно останавливается.

К а л е р и я не сводит с него глаз.

КАЛЕРИЯ. Вам самому, наверное, тяжело. Прикажете людям.

ДОКТОР. Любого мог бы... А вот на Блонди рука не поднимается.

КАЛЕРИЯ. А говорите: «отработанный материал», «любовь прошла».

ДОКТОР. Ах, как она меня кусала!

КАЛЕРИЯ. Сука!

ДОКТОР. Рвала на части чуть не до костей!

КАЛЕРИЯ. Сука! Сука!

ДОКТОР. Вопило и стонало тело, всласть измордованное. А душа летела к небесам!

Калерия встает с кресла, делает несколько шагов, потом останавливается перед Доктором.

КАЛЕРИЯ. У меня вопрос...

ДОКТОР (*рассеянно*). Да, да, Калерия.

КАЛЕРИЯ. Вы только что сказали, что полностью владеете этим самым... механизмом. Да?

ДОКТОР. Все очень просто. Как стакан воды.

КАЛЕРИЯ. Тогда – берите, доктор! (*Раскрыла объятия*). Я готова!

ДОКТОР. К чему?

КАЛЕРИЯ. Ради любви отдам себя.

ДОКТОР. Кому?

КАЛЕРИЯ. Я буду вашей собакой, доктор!

ДОКТОР. Ты? Собакой? Что за бред!

КАЛЕРИЯ. Я так решила.

ДОКТОР. Ты не в своем уме, Калерия.

КАЛЕРИЯ. Иначе ты никогда меня любить не будешь. По-настоящему. Как ту...

Доктор подходит к ней. Калерия кладет ему руки на плечи.

Доктор нежно ласкает ее.

ДОКТОР. Как ты решилась на такое, девочка моя? Твое лицо станет собачьей мордой с торчащими ушами.

КАЛЕРИЯ. Я знаю.

ДОКТОР. А ноги, длинные и стройные, зарастут рыжей шерстью. И станут лапами.

КАЛЕРИЯ. С огромными когтями, которыми я буду рвать тебя...

ДОКТОР. И кусать будешь?
КАЛЕРИЯ. Не сомневайся!
ДОКТОР. И сделаешь мне больно?
КАЛЕРИЯ. Да, драгоценный! Очень больно!
ДОКТОР. До крови?
КАЛЕРИЯ. До самых костей!
ДОКТОР. Жестокая моя! О Лера!
КАЛЕРИЯ. Нет! Нет! Зови меня иначе. Ты Зевс, я – Гера.
ДОКТОР. Да, Гера!
КАЛЕРИЯ. Твоя верная, твоя единственная собака, которую ты будешь любить. И никакая другая шавка, запомни это, тебе не нужна! И ты должен ее...
ДОКТОР (*страстно обнимая ее*). Я должен ее...
КАЛЕРИЯ. О Зевс! Мой бог! Любимый мой!

Сцена уходит в темноту. Вдруг раздается сигнал тревоги.
Мигают красные и синие лампы.

ГОЛОСО ОХРАННИКА. Тревога! Тревога! Виварий захвачен террористами! Тревога!

Отчаянно воеет сирена.

12

Тюремная камера. По обе стороны металлической решетки стоят Елена и журналист Серж Таубе.

ТАУБЕ. Я только что разговаривал с окружным прокурором. Тебе будет предъявлено обвинение в убийстве доктора.

ЕЛЕНА. Это он хотел меня убить. Я только защищалась.

ТАУБЕ. Как же тебе удалось вырваться?

ЕЛЕНА. Я кое-чему научилась в своей собачьей жизни. Зевсу пришлось выпустить не только меня, но и всех своих животных. Иначе я бы перегрызла ему горло. О, это была незабываемая картина! Несчастные, выбежав из клеток, снесли каменную ограду...

ТАУБЕ. Возле нее и обнаружили доктора.

ЕЛЕНА. Он пытался как-то задержать животных. Но это было уже невозможно. Они, наверное, затоптали его.

ТАУБЕ. Если это подтвердит экспертиза, тебя оправдают.

ЕЛЕНА. А как это отразится на твоей... на нашей книге?

ТАУБЕ. Все о кей. Ты сочинила прекрасный эпилог.

Е Л Е Н А. Ты о чем?

Т А У Б Е. Крах доктора Зевса и конец вивария. Это великолепно. Я уже сдал эти страницы в печать. В клинике после погрома мне удалось раздобыть потрясающие документы об опытах этого Зевса.

Е Л Е Н А (с улыбкой). Шустрый ты...

Т А У Б Е. Почитаешь, что замышлял этот самозванный бог.

Е Л Е Н А. Не хочу. Пусть все уйдет, как кошмарный сон. Забудем прошлое, Серж, и хоть одним глазочком заглянем в будущее.

Т А У Б Е. А я уже заглянул. Когда ты выйдешь, у ворот этого заведения тебя будет ждать свадебный кортеж.

Е Л Е Н А. Вот еще! А привести себя в порядок! Гляди, ногти какие страшные и вообще...

Т А У Б Е. Дорогая, но я так задумал.

Е Л Е Н А. Вот как? А что еще ты задумал, хозяин мой?

Т А У Б Е. Изволь... У нас с тобой будет целая куча детей.

Е Л Е Н А. А сколько это «целая куча», разрешите узнать будущей матери.

Т А У Б Е. Ну штуки три.

Е Л Е Н А. Нет, милый. Штук будет ровно пять. И я уже придумала, как мы их назовем.

Т А У Б Е. Интересно. Как же?

Е Л Е Н А. Загибай пальцы. Урса, Вирга и Линда – девочки. Аристон и, конечно, Вольф.

Т А У Б Е. Веселенький будет дом! Но это еще не все его обитатели.

Е Л Е Н А. Что ты имеешь в виду? Не томи, Серж. Ну что это?

Т А У Б Е. Покажу тебе в окно. Пока! До свадебного кортежа!

Они нежно прощаются. Т а у б е выходит.

Появляется Ч е л о в е к в ч е р н о м пальто и черных очках.

На руках у него маленькая комнатная собачка. Заметно прихрамывая, подходит к решетке. Е л е н а с удивлением смотрит на него.

Ч Е Л О В Е К В Ч Е Р Н О М. Ваш друг хотел показать вам эту собачку, госпожа Блонди.

Е Л Е Н А. Доктор Зевс?

Ч Е Л О В Е К В Ч Е Р Н О М. Как вы сказали? Зевс? Что за имя диковинное... А, Зевс... В древней Греции, кажется, бог такой был.

Е Л Е Н А. Где мой друг? Что вы сделали с ним?

Ч Е Л О В Е К В Ч Е Р Н О М. А ничего особенного. Он дал мне

собачку и попросил, чтобы я вам ее показал. А сам пошел, куда – не знаю, не сказал. Он просто уже не мог говорить... по-человечьи. И не пошел, а поскакал себе, как лягушка... Скок-скок-скок... (*Гладит собачку*). Хорошая, умненькая... ууу, мордочка моя... Он ее в клинике подобрал. А она, чертовочка, только меня увидела, так и кинулась ко мне. Гера, Гера... Ты ведь признала меня? Симпатушечка, правда?

Е Л Е Н А. Где Серж Таубе? Отвечайте!

Ч Е Л О В Е К В Ч Е Р Н О М. Откуда мне знать, госпожа Блонди? Может, лягушку какую приискал себе, подружку новую. Шучу, шучу... Вернется он к вам. Не позднее, чем завтра, слово даю. Мы с Геркой сегодня в Бразилию махнем... (*Собачке*). Правда, девочка? Тепло там, хорошо. (*Елене*). У вашего прежнего хозяина была такая возможность, самолет наготове стоял, а он... дурак... бабах себе в рот и крышка...

Е Л Е Н А. Вы негодяй, доктор Зевс.

Д О К Т О Р. Доктор ... Зевс. Да какой же Зевс доктор? Он бог. Доктор это Зенон Вольдемар Соргис. Читали ведь в газетах: погиб он, бедный. Копытами затоптали. Не без вашей помощи, госпожа Блонди. Что ж, мир праху его. А всемогущий Зевс бес- смертен.

Е Л Е Н А. Негодяй, мерзавец, подонок!

Д О К Т О Р. Вот видишь, собаченька, какие здесь злые люди. Обзывают нас нехорошими словами. Ну их... Взлетим в небеса, воспарим над миром, который нам суждено переделать и спасти. Вот так, госпожа Блонди. До свидания. Мы будем часто вспоминать вас. И вы нас не забывайте. Пишите письма. Рио. До вос- требования. Зевсу. (*Смеясь уходит*).

ПОЛЕТЫ С АНГЕЛОМ (СЕДЬМАЯ СВЕЧА)

Драматическая притча в 2-х частях

Действующие лица

ХУДОЖНИК

АНГЕЛ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Покатая крыша. Вместо печной трубы накренившаяся Эйфелева башня. Повсюду свернутые холсты, книги, кисти. Осколок зеркала в овальной раме. На белых крылышках, маятником кверху, висят часы.

На авансцене слева – бочка. На ней нарисована рыба с человеческой рукой. Из бочки торчит гриф скрипки. У правого портала мольберт с подрамниками без холста. Возле него на нескольких крючках висит одежда. В небе – едва видимая круговерть причудливых росчерков – горбатые заборы, покосившиеся домишки, печальные лошади, порхающие в небе парочки.

Полумрак. Негромкая астральная музыка. Из темноты возникает чей-то невнятный, прерываемый натужным дыханием, старческий шепот.

ГОЛОС ХУДОЖНИКА.

В крошечной тьме,
Среди планет и звезд,
Я знаю, ты летишь над миром,
Крылатый всадник...
Быть может, видишь старого безумца
Там, внизу,
Лежащего без сил
Среди холстов и красок...
Назначь ему последний день...
Ты слышишь, Ангел?
Тот день, который выбьют
На гранитном камне...
Назначь...

Музыка становится громче, почти заглушает голос.

Когда? Сегодня? Завтра?
Ничего не слышу...

Сцена постепенно освещается.

Старый, седой, в белой рубашке апаш и голубых брюках,
Художник сидит на коньке крыши, опустив голову в ладони.
За спиной его возникает Ангел. Он в белых одеждах, голова обвязана золотой тесемкой, лицо скрыто белой полумаской. Подняв палитру,
Ангел смешивает на ней краски. Подает художнику кисть.
Тот с удивлением рассматривает ее.

Х У Д О Ж Н И К.

Да разве я молил тебя об этом,
Хранитель мой?
Зачем в слабеющие пальцы
Ты снова кисть вложил?
А, понял... Хочешь ты,
Чтоб я поставил точку
На том холсте, который
В день моего рожденья
Мне подарил Господь
Сто лет тому назад...

Медленно поднимается. Сходит по крыше к мольберту.
В задумчивости прикасается кистью к воображаемому полотну.
Отходит на несколько шагов. Прищурил глаз, смотрит на него.

Да это же не точка! Это — глаз!

Подходит к мольберту. Снова прикасается кистью.

Я невзначай открыл незрячие глаза...
О Боже, чьи они,
Плывущие ко мне из глубины Вселенной?

Проводит линию на воображаемом холсте. Еще одну, еще...
Он на глазах преобразился — движения стали быстры и точны,
расправились сутулые плечи, заблестели глаза.

Что снова ты со мною сделал, Ангел?
Исчезло время, все ушло куда-то.
Один лишь холст остался
Меж будущим и прошлым,
Меж тьмой и светом.
Ты видишь, Ангел,
Он дрожит от нетерпенья, холст,
Ждет, чтобы я его коснулся
Не кистью колонковой —
Нет, шалишь! —
Чтоб сердцем я к нему припал,
Открытым сердцем,
Трепещущим,
Как раненая птица...

А н г е л подает Х у д о ж н и к у еще одну кисть.
Тот кладет несколько мазков, потом останавливается.

Х У Д О Ж Н И К.
Нет, Ангел, этот цвет не белый.
А Н Г Е Л.
Белее снега,
Выпавшего в Альпах сегодня ночью.
Х У Д О Ж Н И К.
Мне не годится снег.
Он холоден, колюч.
Иное что-то...
А Н Г Е Л.
Вот лебединого крыла оттенков.
Х У Д О Ж Н И К.
Это ближе. Ангел.

Добавляет несколько штрихов.

И все-таки не то. Не то!

А н г е л подает ему новую кисть.

Быть может, ландыш?
Х У Д О Ж Н И К.
Нет.
А Н Г Е Л.
А облако?
Х У Д О Ж Н И К.
Оно прозрачно.
А Н Г Е Л.
А если...
Х У Д О Ж Н И К.
Что? Ну говори же!
А Н Г Е Л.
Береза!..
Х У Д О Ж Н И К.
О!
А Н Г Е Л.
Березовая ветка!
Х У Д О Ж Н И К (*кивая на холст*).
Глаза мне улыбнулись!
А Н Г Е Л.
Она нагрета теплым солнцем...
Х У Д О Ж Н И К.
Да!

А Н Г Е Л.
И белая, как девичья рука.
Х У Д О Ж Н И К.
Ее рука! Да, да! Я вижу!
Протянутая мне.
Оттуда, из тьмы небытия,
Лишь белый луч безмолвия доходит —
Цвет счастья и любви.
О белый, белый!

Быстро работает кистями. А н г е л незаметно удаляется.

Твой цвет, любимая моя.
О Белла, Белла!
Я вновь блуждаю
По твоей душе,
И ты опять моя невеста,
Березовая, белая, моя!..

Появляется А н г е л в образе Б е л л ы. В руках – букет флоксов.

Б Е Л Л А.
Ты ждал меня?
Х У Д О Ж Н И К.
Я знал, что ты придешь.
Б Е Л Л А.
Твой день рождения сегодня.
Х У Д О Ж Н И К.
Помнишь?

Б е л л а отдает ему букет.

Б Е Л Л А.
Поздравляю.

Х у д о ж н и к ставит цветы в Эйфелеву башню.

Х У Д О Ж Н И К.
Я думал: там, в стране забвенья,
Гаснет память.
Б Е Л Л А.
О, что ты, что ты!
Наши души,
Блуждая среди ангелов и звезд,

Земное притяжение ощущают.
Я помню каждый миг, что нами прожит,
Как будто все произошло вчера...

Музыка.

Х У Д О Ж Н И К.

Вчера...

Б Е Л Л А.

Вчера увидели тебя мои глаза впервые.

Х У Д О Ж Н И К.

Вчера...

Б Е Л Л А.

Вчера ты мне свидание назначил.

Х У Д О Ж Н И К.

Вчера...

Б Е Л Л А.

В саду, где ночь дышала резедой.

Х У Д О Ж Н И К.

Я заикался, помню: «Б-белла, Б-беллочка».

И больше ничего не мог промямлить.

Б Е Л Л А.

А стихи? Твои стихи. Я унесла их в сердце.

Х У Д О Ж Н И К и Б Е Л Л А.

Вечер, сад.

Месяц, ты.

Сказка, ласка

Резеды.

Поцелуешь

Иль обнимешь

Или скажешь:

Отойди...

Губит ласка,

Любит вечер,

Запах сада,

Резеды...

Б Е Л Л А.

Но, между прочим, господин поэт,

Ты вел себя не очень-то прилично

Для первого свидания:

Сел близко-близко,

За руку схватил

И долго так держал,
Не отпуская.
Х У Д О Ж Н И К.
А ты пыталась вырваться, скажи?
Б Е Л Л А.
Да я от дерзости такой окаменела!
Ну, думаю, попался мне нахал!
Бесстыдник! Сердцеед!
Наверное, немало головок закружил он.
Х У Д О Ж Н И К.
Ой, как ты ошибалась!
Б Е Л Л А.
Молчи! Я знала всех твоих девчонок!
Наперечет!
Х У Д О Ж Н И К.
Следила? Ну что ж, не скрою,
Имел успех.
Но только робок был в делах амурных.
Б Е Л Л А.
Не ври! Мне говорила Нина из Лиозно,
Что ты...
Х У Д О Ж Н И К.
Ай, Нина, Нина... Ну, целовались мы...
Пришли к ней в дом.
И вдруг нас поздравляют родители ее,
Как жениха с невестой.
Я испугался и убег!
Б Е Л Л А.
«Убег»! Фи, как не стыдно!
Х У Д О Ж Н И К.
Ну извините, гимназистка Белла,
Сбежал, сбе-жал... Но в ту минуту
Я именно «убег». Прости...
Б Е Л Л А.
Анюта, например... Была такая?
Х У Д О Ж Н И К.
Четыре года я по ней вздыхал.
Она нарочно надевала облегающее платье,
Дразня меня фигуркою своей.
И вот однажды...
Прощаясь с ней перед калиткой...
Не знаю, как произошло все это...

Ну, в общем... я ее поцеловал!
Б Е Л Л А.
Бесстыдник! Ловелас!
И что же дальше было?
Х У Д О Ж Н И К.
Ты понимаешь,
Мой поцелуй был роковым.
На следующий день
Ее лицо покрылось прыщиками!

Б е л л а смеется.

Ну, между прочим, ничего смешного нет.
Ой, что она ни делала, бедняжка!
Давила их, морила, терла — все впустую.
Грозилась, что убьет меня при встрече,
Что я сгубил ее.
Но тут на счастье актер заезжий подвернулся.
И прыщики прошли, и замуж вышла
Анюточка моя.
Б Е Л Л А.
И главное, что ты живым остался!

Оба смеются.

И вот тогда ты стал приударять за Теей?
Х У Д О Ж Н И К.
Твоя подружка... Ты ведь знаешь,
Как рыбу-фиш готовила она!
И перчик там, и лист лавровый,
И бурачок вокруг на блюде, зелень!
Какой вкуснящий натюрморт!
Семь пальцев было бы — и те бы облизал!
Ну мог ли я не полюбить
Твою подружку Тею?
И каждую субботу, как часы,
Я был у них.
И вот однажды...
Б Е Л Л А.
Да, да, однажды...
Х У Д О Ж Н И К.
Вечер. Тея занята, готовит ужин.
А я лежу на кожаном диване,

Разглядываю потолок,
И аромат печеных тейгахц из кухни
Мне мутит душу.
Б Е Л Л А.
Вот обжора!
Х У Д О Ж Н И К.
Нас восемь было — братьев и сестер.
Я — старший, потому всегда голодный.
Б Е Л Л А.
Ну, извини, родной...
Я, право, не хотела...
Х У Д О Ж Н И К.
Так вот... О чем я, дай-ка вспомнить.
Б Е Л Л А.
Стареешь, друг мой.
Рассказывал ты мне про Тею.
Лежишь на кожаном диване, значит,
И вдруг...
Х У Д О Ж Н И К.
Да, да! Звонок!
Б Е Л Л А.
Отец ее?
Х У Д О Ж Н И К.
О нет, пришла ее подружка.
Они стоят в прихожей и болтают.
Я слов не различаю — слышу только
голос.
Но почему тревожит он меня?
Мне любопытно: кто она такая?
Встаю.... Иду к двери... Открыл ее...
Б Е Л Л А.
И что же?
Х У Д О Ж Н И К.
Ну что ты спрашиваешь, милая!
Ведь ты все знаешь!
Я дверь открыл — и вдруг:
Ее глаза!

Ткнул кистью в холст.

Вот эти!

Летящие навстречу!

И хочет стать немножко знатной дамой.
О, вейт з мир, на здоровье!
Что нам жалко, мальчик,
Дать людям то, чем их обидел Бог?
На вывеске у Шмерца, между прочим,
две медали —

Он что угодно может сотворить!
«Простите, вы урод?
У нас вы станете красавцем!»
«Вы потеряли глаз? Мы вам его найдем!»
И Шмерц живет совсем почти как Ротшильд:
Имеет дом, прислугу, мебель из Варшавы
И спит с женой на панцирной кровати.
Чем плохо, а? Или ты хочешь, мальчик,
До старости таскать, как Хацкель,
Твой папаша, бочки?
Вонять на всех селедочным рассолом
И рассыпать по синагоге чешую?
Б Е Л Л А.
Был праздник шавуот, я помню...
Приехали мы к Шмерцу всей семьей —
Я, брат мой Мендель, папа с мамой.
Он всех нас рядышком под пальмой усадил...
Спокойно! Смотрим в стеклышко, сюда!
Щас птичка вылетит! Снимаю! Все, спасибо!

Швыряет котелок в сторону, принимает прежний вид.

Х У Д О Ж Н И К.
Твое лицо в моих руках дрожащих.
Я кисточкой не смел его коснуться.
Я ретушировал тебя губами —
Сто, двести, тысяча
Безумных поцелуев!
Б Е Л Л А.
И вылетел из фотоателье
За порчу снимков знатного семейства!

Отходит в сторону. Свет с нее снимается.

Х У Д О Ж Н И К.
Мне ничего от вас не надо, раби Шмерц.
Вот кисточка и тушь. Малюйте сами!

Я проживу без панцирной кровати,
Пусть только звезды будут надо мной.

Простирает руки к небесам.
Снова становится старым, немощным.

О, бедные! Я вас одних оставил
Над городом печальным и веселым,
Над улочкой горбатой, над халупой старой,
От сырости разбухшей, как картошка,
Упавшая в селедочный рассол...

Появляется А н г е л в образе М а м ы . На плечах серебристая шаль.
В руке сумочка. Тихая музыка.

М А М А.

Сынок! О божье наказание, где ты?

Х У Д О Ж Н И К (*встрепенулся*).

То голос мамы... Звезды

Ее дыхание доносят...

Музыка становится громче.

Я слов твоих не слышу,
Но разве я не знаю,
О чем ты шепчешь, мама,
Умершими губами?

М А М А.

Я колыбель качала
Твою, сынок, когда-то...
Ты пил меня по капле,
Кровиночка моя.
Но почему, скажи мне,
В ту ночь не ты, а звезды
Глаза мои закрыли?

А я ждала — тебя...

Х У Д О Ж Н И К.

Я слов твоих не слышу,
Но разве я не знаю,
О чем ты плачешь, мама,
Роняя слезы в снег?

Музыка смолкает.

М А М А.
Сынок, да где же ты?
Ищу, зову, а он опять на крыше!
Когда за ум возьмешься, шалолай?
Х У Д О Ж Н И К (*самому себе*).
Как смел я не приехать из Парижа?
Ты так меня любила, так ждала, наверное,
А я...
М А М А (*озабоченно*).
Ступай домой, переодень сорочку
И гребнем расчеши свои вихры.
Да смажь погуще их репейным маслом.
Х У Д О Ж Н И К.
Куда мы, мама?
М А М А.
К Марголину Исааку.
Х У Д О Ж Н И К.
В скобяную лавку? Зачем?
М А М А.
Ты будешь помогать ему в работе.
Х У Д О Ж Н И К.
Я? В лавке скобяной?
М А М А.
Хвала Всевышнему,
Коль там возьмут тебя,
Обучат делу и хоть раз покормят
С приказчиками за одним столом.
Х У Д О Ж Н И К.
А что там на обед?
Небось, дверные петли?
Подковы? Топоры? Багры?
М А М А.
Молчи, бесстыдник!
Х У Д О Ж Н И К.
Нет, мама, нет! Не убивай меня!
М А М А.
У Шмерца — нет, у Рубинштейна — нет!
К Марголину идти — и тоже нет?
Когда же будет «да»?
Тебе отца не жалко?
Нас десять ртов, а он один на всех.

Тихая музыка — не то песня, не то молитва.

О Господи, услышь мои слова.
Не за себя прощу — за сына старшего,
За Мордуха, рожденного в ту ночь,
Когда полгорода в огне сторело...
Ты уберег тогда его кровать,
Ты сохранил младенцу жизнь —
Да будет имя Твое благословенно!
Так вразуми, Отец небесный,
Беспутного мальчишку:
Картинками одними
Сыт не будешь...
Х У Д О Ж Н И К.
О, мама, мама...
Когда она сажала в печку хлеб,
Я подошел и тронул ее
За перепачканный мукою локоть:
«Мама, спаси меня... Пойдем со мной...
На Гоголевской я вчера увидел
Большую вывеску: на синем фоне
Написано там было:
«Школа живописи», мама...»
М А М А.
Ты хочешь стать художником?
Ты спятил! На за что!
Х У Д О Ж Н И К.
И вот идем мы в мастерскую.
Уже на лестнице пьянящий запах красок.
Картины... гипсовые головы... портреты...
«Что вам угодно?» — спрашивает мэтр.
М А М А.
Не знаю, что с ним делать, господин учитель.

Вынимает из сумочки несколько рисунков.

Вот его картинки... Вбил в голову себе, что он...

Х у д о ж н и к , надев очки, преобразается в М э т р а .
Рассматривает рисунки, шевелит губами.

М Э Т Р .

Так, так... Определенно что-то есть...

М А М А.

Вот жаль, а то бы не было мороки.

М Э Т Р.

Но как-то дико... Пристрастье

К фиолетовому цвету.

Лица, небо, листья —

Все фиолетовое! Это же абсурд!

А вот смотри-ка, мальчик:

Самовар стоять не может так,

Как ты его поставил — он мигом упадет.

Ты понял?

М А М А.

Пошли домой, сынок.

Прячет рисунки в сумочку.

М Э Т Р.

Нет, нет, мадам.

Ему учиться надо — и серьезно.

Скажи мне, мальчик, почему

Не соблюдаешь ты законов перспективы?

Как? Ты не знаешь, что это такое?

Давай с тобой посмотрим из окна.

Вон улица. На ней деревья, видишь?

Чем дальше от окна они, тем меньше,

И люди уменьшаются в размерах

По мере удаления от нас.

А у тебя? Мне непонятно, мальчик,

Как твой устроен глаз.

Ты видишь зорко, но не так, как в жизни

Эти предметы выглядят.

Снимает очки, выходит на авансцену.

Х У Д О Ж Н И К.

Где улица, учитель? Где деревья?

Дорогу вижу я, шатры среди песков,

Евреев обнаженных,

Бредущих под палящим солнцем

Из самого Мицраима в Израиль...

М А М А.

О Боже, что он мелет?

Протри глаза и не позорь меня?

Смотри, идут евреи в синагогу
На праздник Песах, только и всего.
Х У Д О Ж Н И К.
Сама дорога молится за них,
Пылает небо, догорают свечи,
И половиной диска луна выходит
И глядит на всех
Большим прозрачным глазом.
И вдруг она срывается с небес!..
Господь с тобой!
И падает мне в руки!..

Счастливо улыбаясь, разглядывает свою ладонь.
Большим пальцем правой руки смешивает на ней, как на палитре,
воображаемые краски.
Автор просит актера пронести этот характерный для Х у д о ж н и к а
жест через весь спектакль.

М А М А.
Ты балхалоймес, вот кто ты такой.
Х У Д О Ж Н И К.
Не спорю. Чокнутый маленько.

Кладет несколько мазков на «холст».

М А М А.
Тебе на облаке бы жить, сынок.
Х У Д О Ж Н И К.
Вот было б здорово! И к звездам близко!
М А М А.
С утра до вечера малюешь да малюешь.
Рубашки, простыни — все на картинки разодрал.
Пойди поешь хотя бы.
Я холодец сварила
Из телячьей ножки, слышишь?
Иль уши краской залепил?
Х У Д О Ж Н И К.
О мама, маленькая Фейга-Ита...
Одной тебе решался показать я,
Как прыгает через луну корова,
Как в синем небе танцуют петухи —
Причудливые сказки моих ночей бессонных.

Разворачивает перед М а м о й несколько холстов.

Когда купала ты меня в тазу
И голым я стоял перед тобою,
Скрывал я разве наготу свою?
Стыдился разве я тебя, родная?
Я весь перед тобою на картинках этих.
Пойми меня хоть ты... Пойми...
М А М А (*рассматривая холсты*).
Вот наша улица... Вот лавка... Вот цветы...
Красивые... Таких я не видала.
А это кто?
Х У Д О Ж Н И К.
Ты не узнала? Дядя Юда.
М А М А.
Летает? Парализованный старик?
Да он же с печки не встает, а ты...
Х У Д О Ж Н И К.
А я решил ему подарок сделать —
За бороду легонько дернул — и он взлетел.

Оба неслышно, заговорщически хихикают.

М А М А.
А это чей портрет?

Прячет рисунки в сумочку.

Х У Д О Ж Н И К.
О, это гордость мишпухи нашей,
Великий парикмахер!
М А М А.
Дядя Зюся?
Х У Д О Ж Н И К.
Он самый. Бреет и стрижет
Всех витебских евреев.
Но так пыхтит при этом,
Будто пни корчует.
Когда я подарил ему портрет,
Он поглядел на холст, потом на зеркало,
Подумал и сказал:
«Оставь себе, племянничек, на память».

Х у д о ж н и к и М а м а смеются.

М А М А.

А дядюшка Исроэл, говорят,
И вовсе отказался, чтоб ты списал
с него портрет.

Х У Д О Ж Н И К.

Я умолял его. Мне так хотелось, мама,
Нарисовать его сидящим в синагоге,
Когда, раскачиваясь, он читает Святую Тору.

М А М А.

Он выставил тебя из дома? Да?

Х у д о ж н и к набрасывает, на себя талес и преобразается
в Д я д ю И с р о э л а .

Д Я Д Я И С Р О Э Л.

Ты грешник! Нечестивец!

Выбрось краски!

М А М А. Так он кричал?

Д Я Д Я И С Р О Э Л.

Не помнишь разве, что повелел Господь?

Забыл Писание, негодник?

А ну-ка, повторяй за мной

Вторую заповедь пророка Моисея!

М А М А и Д Я Д Я И С Р О Э Л *(нараспев)*.

Не делай себе изваяний

Того, что вверху на небе,

Того, что внизу на Земле,

Того, что в воде,

И того, что под землей!

Х у д о ж н и к сбрасывает талес.

Х У Д О Ж Н И К.

Я убежал, я плакал, я молился...

«Творец великий, для чего, скажи,

Ты дал мне жизнь?

Глаза, которыми я вижу мир,

Тобою созданный?

И руки, в которые однажды вложил Ты кисть?

Я славлю красками все сущее вокруг —

Неужто грешен я перед Тобой?»

И он услышал, мама, мои слова, Господь.

Ведь он не поразил меня небесным громом,
Не ослепил, не кинул в бездну
За богохульные слова.
Он улыбнулся, мама, и сказал:
«Излей лазурь души своей на холст».
М А М А.
Излей лазурь души своей на холст...
И все?
Х У Д О Ж Н И К.
И все! Но это же благословенье, мама!
О, как я снова кинулся в работу!
Я рисовал торговков, водовозов, нищих —
И был бы холст, и были б краски —
Весь Витебск перерисовал!
«Послушайте, зайдите ненадолго,
Садитесь вот сюда.
Вот так... Вот так...
Раскройте Тору, помолитесь.
Я дам вам двадцать пять копеек
За то, что вы немножко отдохнете».

Показывает М а м е небольшую картинку.

Вот он, молящийся старик.
М А М А.
Подумать только — двадцать пять копеек
За то, чтоб посидеть на табуретке!
Богач какой нашелся, посмотрите!
Тебе даю я деньги для того,
Чтоб ты обедал в школе.
А ты чахотку хочешь заработать?
Х У Д О Ж Н И К.
Послушай, мама... Не ругай меня...
Я школу живописи бросил.
М А М А.
Ой, что я слышу! Мишугене ви але мишугоим!
Ты ж головой о стенки бился...
Х У Д О Ж Н И К.
И стукнулся своею головой
О голову чужую...
Поставил нам этюд учитель —
Гипсовую голову

Какого-то Вольтера, кажется.
Ну вот, сидим, рисуем.
Я мучаюсь, а все выходит криво.
Прикладываю к глазу карандаш,
Линейкой измеряю, как учил он.
Все зря — чудовище какое-то
С отвисшим носом,
А вовсе не Вольтер.
Учитель сзади ходит,
Глядит, как мы рисуем,
Все ближе, ближе —
Чувствую его спиной.
А нос проклятый этого Вольтера
Совсем как полумесяц изогнулся.
И тут я встал. Взял кисточки и краски
И — вниз по лестнице...
М А М А.
Глупец! На то он и учитель,
Чтоб поправлять учеников.
Что для него какой-то нос!
Он мигом бы тебе его подмазал.
Ты ведь видал его картины в мастерской —
Какая красота! И ты б такие рисовал,
Когда б хотел учиться.
Х У Д О Ж Н И К.
Не хочу!
М А М А.
Ты хочешь плохо рисовать?
Х У Д О Ж Н И К.
Когда рисую плохо, это я,
Зачем себя калечить, мама?
М А М А.
Сынок, плохой сапог никто не купит.
И все твои картинки при тебе.

Ворошит рисунки.

Заборы, козы, самовары...
Постой, а это кто? Чего молчишь?
Скрываешь?
Х У Д О Ж Н И К.
Эт-то Б-белла...

М А М А.

Кто? Белла Розенфельд?

Вот это новость!

Ни отец, ни я об этом ничего не знаем.

Ты, может быть, на ней еще жениться хочешь?

Х У Д О Ж Н И К.

Да, может быть...

М А М А.

Кто ты и кто она? Ты это знаешь?

У этих Розенфельдов

Три ювелирных магазина. Понял?

Я внутрь никогда не заходила,

Но на витринах!.. Господи, чего там только нет:

И кольца золотые, и браслеты,

И камни драгоценные, и серьги...

Х У Д О Ж Н И К.

Мне серьги не нужны. И кольца тоже.

М А М А.

Кто за тебя отдаст ее, подумай!

И чем накормишь ты ее у нас?

Селедкой с луком?

Х У Д О Ж Н И К.

Послушай, мамочка...

М А М А.

И слушать не хочу!

Быстро уходит в глубину сцены. Художник некоторое время стоит молча, погруженный в свои мысли. Потом достает из бочки скрипку, усаживается на конек крыши, играет. Появляется А н г е л.
Некоторое время наблюдает за Х у д о ж н и к о м.

А Н Г Е Л.

Скрипач на крыше?

Х У Д О Ж Н И К.

Семейная причуда.

Ты деда помнишь моего?

А Н Г Е Л.

Ну, как же! Его, бывало, ищут,

А он сидит себе на крыше

С улыбочкой блаженной,

И скрипочка в руках.

Х У Д О Ж Н И К.

Играл он скверно, еле-еле...

А Н Г Е Л.

Зато с душой...

Х У Д О Ж Н И К.

Однажды, помню, я к нему забрался —

Совсем еще ребенком —

И спрашиваю: «Дедушка, зачем

Сидишь на крыше ты, как птичка воробей?»

А дед мне улыбнулся и сказал:

«Иаков, праотец наш, однажды видел

Лестницу чудесную во сне.

Она стояла на земле, малыш,

А верх ее касался неба».

«И можно, дедушка, по ней взойти туда?»

«А почему же нет? Ты только отыщи,

Где нижняя ступенька. Быть может,

Где-то здесь, на крыше...»

А Н Г Е Л. С тех пор ее ты ищешь?

Х У Д О Ж Н И К. Да.

А Н Г Е Л (звонко).

Вот лестница, смотри!

Игра света.

Х У Д О Ж Н И К. Не вижу!

А н г е л перебегает на другое место.

А Н Г Е Л.

Вот, вот она! Сюда!

Х У Д О Ж Н И К.

Где? Я ослеп!

А Н Г Е Л.

Да вот же нижняя ступенька.

Становись!

Х У Д О Ж Н И К.

Стою. А дальше?

А Н Г Е Л.

Карабкайся наверх. Но помни:

Не жалуйся, когда ослабнут руки,

Когда от голода сведет живот,

Когда ночное воронье

Тебя забьет до полусмерти

Своими клювами...

Х У Д О Ж Н И К.

Пугай, пугай — мне все равно не страшно!

Я вижу город — там судьба моя.

На улицах и площадях там море красок,

Поющих и кипящих, как вино.

Там двадцать, тридцать, сорок тысяч

Художников со всех концов Земли,

И среди них один, неистовый, который

Себе отрезал ухо, чтоб писать

Картины так, как Бог ему велел.

Свет медленно гаснет. Мощно звучит орган. Темнота.

Когда сцена освещается вновь, в наступившей тишине слышится
разноголосица множества тикающих часов.

Вбегает ликующая Б е л л а , в руке у нее конверт.

Б Е Л Л А.

Любимый! Еле дождалась,

Пока отец уйдет из магазина.

Какое счастье — мы наедине...

Вынимает из конверта письмо. Прислушивается.

Нет, нет, мы не одни.

Ты слышишь — рядом дышит

Стена часов, отсчитывая время.

Заливчато будильники смеются

И ходики ворчат, как старики.

Я им скажу сейчас: «Остановитесь!

Замрите, стрелки, маятники, гирки!»,

И время остановится для нас.

Тиканье часов резко обрывается. Б е л л а разворачивает письмо.

Любимый, говори!..

В другом конце сцены появляется Х у д о ж н и к.

Х У Д О Ж Н И К.

Я на четвертый день чуть не удрал отсюда.

Б Е Л Л А. Ты? Из Парижа?

Х У Д О Ж Н И К.

Голодный, безъязыкий, никому не нужный,

Я ночевал то под мостом, то в сквере,

Укрывшись до подбородка звездным небом.

Б Е Л Л А. Бедный!

Х У Д О Ж Н И К.

А днем выпрашивал у рыночной торговки

Пол-огурца или рогалик сладкий.

И я б вернулся, если бы не он...

Б Е Л Л А. Кто?

Х У Д О Ж Н И К.

Лувр! Билет за два сантима —

И предо мной открылся лик богов.

Я, как прикованный, стоял перед Рембрандтом...

Шарден, Курбе, Делакруа...

Ван-Дейк и Веронезе...

Как мог я жить, не видя их, скажи!

Великие, они не презирали

Бездомного мальчишку из России,

Они показывали мне свои полотна,

Они тайком молились за меня.

Б Е Л Л А.

А тот, неистовый, который

Себе отрезал ухо?

Х У Д О Ж Н И К.

Он умер... Но на площади Мадлен,

В картинной галерее, он мне сказал:

«Шагал, не ползай по поверхности Земли,

Переверни тот пласт, что видят все,

И окунешься в первозданный хаос,

В первоначало линий и цветов».

Б Е Л Л А.

Я рада за тебя. Ты счастлив, Марк?

Х У Д О Ж Н И К.

Как без тебя могу я быть счастливым?

Б Е Л Л А.

Это правда?

Х У Д О Ж Н И К.

Спроси любого из моих друзей.

Пусть скажут,

Чье имя на губах моих и днем, и ночью.

Когда б ты здесь была, в моей убогой келье,

Я познакомил с ними бы тебя.

Гийом Аполлинер с улыбкой неизменной,

Фернан Леже и самый близкий — Сандрар...

Б Е Л Л А.

Художник?

Х У Д О Ж Н И К.

Поэт. Великий, Белла!

Лавина солнца, бедности и рифм!

Врывается он шумно, как сирокко, в мою мансарду,

Гремя написанными только что стихами,

И все крушит и валит в мастерской... Сандрар...

Быстро надевает шляпу с широкими полями, обматывает шею ярким шарфом. В руках у него большая сумка. Далее – в образе С а н д р а р а .

С А Н Д Р А Р.

Шагал, танцуй! Мы — богачи!

Мне в «Суаре» авансик отстегнули.

Мы будем пировать, зови ребят.

На ужин будет только буква «С».

Выкладывает из сумки несколько пакетов.

Салатик, сыр пикантный, соус, спаржа...

Филе свиное... Ай, что ж я натворил?!

Мой милый иудей, «хрю-хрю» тебе нельзя,

Но нас, безбожников, помилуй и прости.

Да оторвись ты от бумажек, слышишь?

Опять, небось, невесте шлешь стихи?

Ступай на кухню, живо!

Я с нею без тебя поговорю!

Приподнимает шляпу.

Бонжур, мадмуазель.

Б Е Л Л А.

Бонжур, месье Сандрар.

С А Н Д Р А Р.

Ваш сумасшедший друг...

Б Е Л Л А.

Жених!

С А Н Д Р А Р.

О, да, пардон — жених,

Но все же сумасшедший —

Привез нам из России

Невероятный город.

Поверьте мне, мадмуазель,

Париж такого не видал!
Кубисты, импрессионисты, футуристы —
Все это, честно говоря, оскомину набило.
И вдруг какой-то маленький еврей
Усаживает скрипачей на крыше — о-ля-ля!
Раввина в длинном лапсердаке
Заставляет подняться в небо —
Ну что за сумасброд ваш Марк!
А кошка с человеческим лицом?
А голова, летящая, как мяч, навстречу солнцу?
И так светло становится в душе,
Так весело, как будто цирк приехал
И ты в коротеньких штанишках и матроске,
Разинув рот, глядишь на эти чудеса.
Б Е Л Л А.
Он просто вам рассказывает сны.
С А Н Д Р А Р.
И в этих снах мы часто видим вас.
Б Е Л Л А. Меня?
С А Н Д Р А Р.
Как сказочную фею, плывущую над крышами домов.
Мы с вами познакомились давно.
И я, и Модильяни, и Хаим Сутин, и Фернан Леже —
Все, кто живет в огромном деревянном доме,
Похожем на пчелиный улей,
В котором сотни келий-мастерских
Для гениев непризнанных и нищих.
И вот, когда мы соберемся, как сегодня,
В мансарде у Шагала —
И греки говорливые, и итальянцы с гитарой,
Цыгане, русские — все наше братство,
И вы, глядящая на нас со стен мансарды,
Тоже с нами. я почитаю вам свои стихи...

Роеся в карманах, вынимает несколько смятых листков.
Разворачивает один из них. Читает.

«Про Шагала.
Корову берет — и коровой рисует.
Церковь берет — и ею рисует.
Селедкой рисует,
Ногами, руками, кнутом,
Головами,

Х У Д О Ж Н И К.

Смеяться будешь. Анекдот.

Б Е Л Л А.

Ну, говори же, Марк.

Х У Д О Ж Н И К.

Снимали фильм. Нужна была массовка.

Я изображал ученика известного художника,

Влюбленного в натурщицу.

Б Е Л Л А (*ревниво*).

О, это интересно!

Х У Д О Ж Н И К.

Ну вот... Накрыли нам роскошный стол

На берегу большого озера. Мы сели.

И начали взаправду уплетать за обе щеки.

Вот уж когда наелся до отвала!

Х у д о ж н и к и Б е л л а смеются.

Потом велели нам катать

Своих прекрасных дам на лодках.

Я посадил свою натурщицу и сел на весла.

А как грести — не знаю! Вот беда!

Бью веслами, а лодочка ни с места.

Я чуть не плачу, а мадам хохочет.

Грозит мне оператор кулаком,

Ну что мне делать? Вдруг одно весло

С уключины сорвалось. Я перегнулся,

Чтоб его достать, а лодочка — бултых!

И мы с мадам в пучине!

Б Е Л Л А. И поделом тебе!

Х У Д О Ж Н И К.

Но все же мокрый и продрогший

Я в кассе свои четыре франка получил!

Б Е Л Л А.

Ты весело живешь.

Х У Д О Ж Н И К.

Когда увижу я тебя? Когда?

Музыка.

А шак па же тэ вуа.

Б Е Л Л А.

Когда иду я, ты передо мной.

Х У Д О Ж Н И К.
Же тэ вуа дан мон соммей.
Б Е Л Л А.
Когда я сплю, ты передо мной.
Х У Д О Ж Н И К.
Же тэ вуа дан ма тристесс.
Б Е Л Л А.
Когда грущу я, ты передо мной.
Х У Д О Ж Н И К.
Же тэ вуа дан ля солитюд.
Б Е Л Л А.
Когда один я, ты передо мной.
Х У Д О Ж Н И К.
Нюи э жур же тантан.
Б Е Л Л А.
И днем и ночью слышу я тебя,
Х У Д О Ж Н И К.
Же тантан дан ле муэндр брюи.
Б Е Л Л А.
В малейшем шорохе слышу я тебя.
Х У Д О Ж Н И К.
Же тантан каун он машпель.
Б Е Л Л А.
Когда зовешь, слышу я тебя.
Х У Д О Ж Н И К.
Же тантан сильянсьез.
Б Е Л Л А.
Когда молчишь, слышу я тебя.

Перемена света. Музыка становится тише.

Французик мой! Четвертый год пошел,
Как ты флиртуешь с Эйфелевой башней.
Приехать обещал на праздник Суккот...
Х У Д О Ж Н И К.
Да, собирался.
Б Е Л Л А.
А ведь нынче Песах.
Мне так тоскливо, слышишь?!
Так одиноко
За праздничным столом.
Ну не могу я больше без тебя!

Х У Д О Ж Н И К.
Я еду!
Б Е Л Л А.
Правда? Повтори!
Х У Д О Ж Н И К.
Да, еду! Еду!

Возникает разнобой тикающих часов.

Б Е Л Л А.
Быстрее, ходики! Будильники, быстрее!
Часы, протрите ваши циферблаты!
Он едет, слышали? Он едет!
Ах, старый маятник, я слышу:
Замешкался ты снова и кряхтишь.
Вперед, вперед, ведь скоро должен ты
Всем возвестить, что свадьба началась,
Что мы сидим под красным балдахинном
И «мазлтов» кричат со всех сторон...

Взорвалась огненная музыка — «фрейлехс». Х у д о ж н и к, смеясь,
напяливает на себя сшитую из разноцветных лоскутков шапочку,
подвязывает к носу красный клоунский шарик и превращается в
свадебного шута — «бадхена».

Б А Д Х Е Н.
Мазлтов! Мазлтов!
Мазлтов! Мазлтов!
Вы спросите, евреи, почему
У бадхена сегодня нос краснее,
Почему?
Отвечу вам: сидит вот там нахал,
Который мне его разрисовал.
Он, извините, не извозчик, ой!
Он, извините, не разносчик, ой!
Он не пирожник, не сапожник,
Он называется «художник».
Ой! Ой! Ой!
А рядом с ним сидит его невеста.
Ой, как ты, мое солнышко, прелестна!
И умница, и скромница она,
И будет верная ему жена.
Он увезет ее в Париж, тут нет вопросов!
А нас оставит всех вот с этим красным носом!

Притворно плачет. Но вдруг резко сбрасывает шапочку и «нос».
Гремит свадебный танец. Х у д о ж н и к и Б е л л а танцуют.
Она – в свадебной фате.

Б Е Л Л А.

Ты был в управе? Что тебе сказали?

Х У Д О Ж Н И К.

Мне возвратили мой парижский паспорт.

Градоначальник витебский сказал:

«Европа, господин Шагал, закрыта.

Придется подождать: война!

Вот сломим шею кайзеру Вильгельму, тогда...»

Б Е Л Л А.

Когда — тогда? Когда?

Х У Д О Ж Н И К. Не знаю.

Б Е Л Л А.

Четырнадцатый год, пятнадцатый, шестнадцатый...

Бои, окопы, канонады, вши.

Раскинув руки, падают солдаты,

И тащится по всей Европе поезд, —

Стучат колеса, дымный хвост струится,

И в темном пломбированном вагоне

В Россию революцию везут...

Х У Д О Ж Н И К и Б Е Л Л А (*тихо и тревожно*).

Мазлов! Мазлов!

Мазлов... Мазлов...

Медленно танцуют. Постепенно гаснут огни. Темнота.
Звук тикающих часов постепенно вытесняет музыку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Там же. Из темноты возникает А н г е л.

А Н Г Е Л.

Сегодня в восемь сорок пять

Он сел на утренний почтовый

И в полдень был уже в Париже.

Зачем? Так редко старый мастер покидает

Свой дом в местечке Сен-Поль-де-Ванс

На юге Франции,
Где он живет последних два десятка лет...

Появляется Х у д о ж н и к.

Х У Д О Ж Н И К.
Зачем? Смеяться будешь, Ангел.
Поехал в Лувр.

А н г е л недоуменно улыбается.

А Н Г Е Л.
Действительно, смешно. Причуда?
Х У Д О Ж Н И К. Нет.
А Н Г Е Л.
Хотел еще раз поглядеть на Босха?

Х у д о ж н и к отрицательно качает головой.

На Тициана? На Рембрандта?

Тот же жест.

Тогда — зачем? Весь Лувр
Ты в памяти хранишь.
Что нового открыть тебе он может?
Х У Д О Ж Н И К.
Вчера, зайдя на кухню,
Я невзначай вдруг в руки взял
Ту маленькую штучку,
С которой наша экономка
Обычно на рынок ходит
И, нажимая кнопки,
Подсчитывает стоимость продуктов.
А Н Г Е Л.
Все ясно: ты, великий, стал считать свои доходы.
Х У Д О Ж Н И К.
Нет, Ангел, нет.
А Н Г Е Л.
Или издержки... Недавно, говорят,
Ты отказался от заказа
На триста тысяч долларов.
Х У Д О Ж Н И К.
Да, было...Если б поднажал,

То вдвое больше мог бы отвалить
Мне нефтяной король Онасис.
Ему, ты понимаешь, взбрело на ум,
Когда он на Жаклин женился,
Чтоб им прогулочную яхту
Расписал Шагал.

А Н Г Е Л.

О, как бы он гордился этим!

Х У Д О Ж Н И К.

А я его послал ко всем чертям!

А н г е л торопливо крестится.

Чтоб я его корыто малевал
С таким же вдохновеньем,
Как Реймский собор?
Или плафон в «Гранд-опера»?
Шагал не продается, знай.

А Н Г Е Л.

Ну, хорошо... Так что же ты считал
На этой штучке?

Х У Д О Ж Н И К.

Ах, да...Я повертел ее в руках,

Потом нажал три кнопки:

«Три», «шесть» и «пять» —

Ведь столько дней в году,

Затем умножил на число годов прожитых

И получилось...

А Н Г Е Л. Сколько?

Х У Д О Ж Н И К.

Много, Ангел, много. А тех, оставшихся,

Совсем наперечет...

А Н Г Е Л.

И ты помчался в Лувр?

Х У Д О Ж Н И К. Ну да.

А Н Г Е Л. Зачем?

Х У Д О Ж Н И К.

Не смейся только...

Прикинуть захотелось,

Где буду я висеть.

И как все это будет,

Когда меня не будет.

А Н Г Е Л.

Да очень просто!

С фантазией твоей неужто не представишь

Мадам Антуанетту, например,

Ведущую экскурсию по Лувру?

Мгновенная трансформация – на лице А н г е л а появляются очки,
на плече эlegantная сумочка, в руке указка.

А Н Т У А Н Е Т Т А (*с приветливой улыбкой*).

Медам... месье... Мы с вами в зале Шагала.

Родился... Жил... Любил... Творил...

Страдал... И умер.

Х У Д О Ж Н И К (*самому себе*).

А сколько прожил он?

А Н Т У А Н Е Т Т А.

Двух лет великий мастер

Не дотянул до своего столетья.

Х У Д О Ж Н И К (*погружен в себя*).

Хотел я руками своими

Обнять всю Вселенную разом.

Тридцать пять тысяч дней

Мне отпущено было на это.

Тридцать пять тысяч солнц

По утрам зажигали мне краски.

Тридцать пять тысяч лун

Озаряли ночи мои.

Тридцать пять тысяч раз

Умирал я и вновь рождался,

Потому что видел во сне

Краски нового дня.

А Н Т У А Н Е Т Т А.

Налево посмотрите... И направо...

Волшебный колорит... Фантастика. Гротеск...

Великолепный сюр... Супрематизм... Кубизм...

Симультанизм... Изм, изм, изм...

Х У Д О Ж Н И К.

Мне «измы» эти равно чужды.

По-моему, искусство — это

Состояние души.

Она свята, душа, она свободна,

Мадам Антуанетта,

Она творит стихийно,

И в ее палитре среди многих красок
Всегда есть цвет,
Дающий смысл и жизни, и искусству —
Цвет любви.
А Н Т У А Н Е Т Т А.
Великий... Гениальный... Выдающийся...
Французский живописец Марк Шагал...
Х У Д О Ж Н И К.
Французский?
А Н Т У А Н Е Т Т А.
Кто сомневаться может в этом?
Х У Д О Ж Н И К.
Но он родился, кажется, в России
И никогда ее не покидал... в душе.
А Н Т У А Н Е Т Т А.
Про душу я не знаю.
Но Родина ему сказала: «Вон!»
И с корнем вырвала его из сердца.
Кто спас его? Париж!
Кто сделал знаменитым?
Россия или Франция? Месье, наверное,
Забыл об этом?
Х У Д О Ж Н И К (*очень тихо*).
Да, да... Я, кажется, забыл.
А Н Т У А Н Е Т Т А.
А знаете ли вы, что незадолго
До смерти он приезжал в Москву
На выставку своих картин...
Х У Д О Ж Н И К.
И в голубых его глазах стояли слезы —
Так, помнится, писали все газеты.
А Н Т У А Н Е Т Т А.
Да, слезы, ностальгия... Я согласна.
Но почему, скажите, почему
Он все же не поехал
В свой любимый Витебск,
В столицу очарованного царства,
Которую полвека не видал?
Ага, молчите!..
И был билет, и только ночь пути.
Так почему же, чиркнув спичкой,
Он сжег его и улетел назад, в Париж?

Х У Д О Ж Н И К.

Не знаю, почему! Отстаньте!

Не мучайте меня.

А Н Т У А Н Е Т Т А.

Мадам, месье, прощаемся с Шагалом

И переходим в следующий зал...

Уходит.

Х У Д О Ж Н И К.

Не мог поехать... Заболел... Быть может,

Простудился... Или схватило сердце,

Когда перед музеем на Волхонке

Увидел тысячи людей, пришедших на Шагала.

Возникает мелодия песни, которую пела М а м а .

Я ль не хотел тебя увидеть, город?

Нет краски, нет картины у меня,

В которой не струился бы твой свет.

Я никогда с тобой не расставался,

Как с мамой...

Из глубины сцены медленно идет М а м а .

М А М А.

Сынок, ты был так близко —

И не приехал на мою могилку...

Х У Д О Ж Н И К.

Ты каждый день идешь ко мне

По витебским горбатым улочкам

И улыбаешься совсем как я,

Она моя, улыбка эта.

М А М А.

Твоя, сынок, твоя.

И папина немножко. Помнишь,

Как приходил он вечером домой

В канун святой субботы

И, вывернув карманы, раздавал

Подарки вам?

Х У Д О Ж Н И К.

Миндаль! И груши в сахаре! И пирожки!

Чего там только не было, в карманах этих!

А он глядел на нас, галчат голодных,
И в бороду свою, не стриженую сроду,
Беззвучно улыбался...
Под снегом где-то рядышком лежат
Святые, не погасшие улыбки...
Где камень «Хацкель Мордухов Шагал»?
Где камень «Фейга-Ита», где?

Опускается на колени. Тихо читает поминальную молитву.

М А М А.

А папа умер так... Нес бочку тяжеленную
Через дорогу и не заметил, как из-за угла
Машина грузовая повернула и... насмерть.
Я прибежала: «Хазя... Хазя...»,
А он уже хрипит...
И в папиной крови селедка
Размазана по мостовой...

Х у д о ж н и к поднимается – подходит к М а м е, нежно гладит ее.

Х У Д О Ж Н И К.

Где это было, мама?

На Старомонастырской?

М А М А.

На улице Буденного, сынок.

А Старомонастырской нет в помине.

Все улицы у нас другими стали:

Коммунистическая вместо Богословской,

Канатной нет. Вокзальной, Петербургской.

Х У Д О Ж Н И К.

А наша как, Покровская? Осталась?

М А М А.

Она у нас Дзержинского теперь.

Х У Д О Ж Н И К.

А та, где синагога, помнишь?

М А М А. Какая синагога!

Х У Д О Ж Н И К.

Их тридцать было, кажется, при мне.

М А М А.

Теперь ни синагог, ни тех, кто в них молился.

Лежат в лесу за городом, в овраге,

И руки простирают к небесам.

Х У Д О Ж Н И К.

Мне страшно, мама. Вроде город есть,
Все так же называется на карте,
А ведь на самом деле – нет его,
Он умер, сгинул, как Помпея...
А этот новый – он совсем другой...
Куда бы я приехал, мама?
На пепелище грез своих?
Чтоб разорвалось сердце?
Ведь даже камней надгробных
На могилах ваших я не нашел бы...

М а м а удаляется.

Да, чиркнул спичкою и сжег билет,
Чтоб навсегда остаться
В том городе, где до сих пор живут
На улицах малиновых портные,
Разносчики, равнины, водовозы,
Где скрипачи пиликают на крышах
Для кротких фиолетовых коров.
Там на груди коричневого неба
Увижу облако, плывущее навстречу...

Появляется Б е л л а.

Оно протянет руки, улыбнется,
И я тогда пойму, что это ты!
Б Е Л Л А.
О, Марк!
Х У Д О Ж Н И К. О, Белла!

Бросаются друг к другу и долго стоят обнявшись.

Я вновь тебя увидел — знаешь, где?
В Москве, на выставке Шагала.
В запасниках у них
Пылились мы, любимая, с тобою...
Почти полвека!
Открыли дверь и выпустили нас —
Как арестантов на свободу.
Б Е Л Л А.
Урра!

Х У Д О Ж Н И К.

И мы взлетели снова —

Художник и его невеста!

И люди, глядевшие на нас с улыбкой,

Украдкой вытирали слезы.

Б Е Л Л А.

О, Марк, ты научил меня летать.

Х У Д О Ж Н И К.

А может быть, не я, а время?

Б Е Л Л А.

Нет, нет, я помню этот день.

Ты только что приехал из Парижа.

Х У Д О Ж Н И К.

И скрипачи готовились сыграть

На нашей свадьбе «фрейлехс»...

Б Е Л Л А.

Я принесла тебе цветы

Поздравить с днем рождения, а ты...

Х У Д О Ж Н И К.

Меня... Меня вдруг молнией прошибло,

Я чистый холст поставил на мольберт...

Б Е Л Л А.

Постой! Ты все уже сказал своей картиной.

Теперь дай слово мне...

Х у д о ж н и к отступает в глубину сцены.
В световом луче только Б е л л а.

Тот день... В руках моих цветы...

Ищу, куда бы их поставить.

А ты набросился на холст —

Дрожит он под твоей рукой.

Ты окунаешь кисти —

Красный, синий, белый!

Беснуются и пляшут краски!

Я втягиваюсь в их поток.

И вдруг — ты отрываешь меня от пола

И сам срываешься в порыве,

Как будто тесно в комнате тебе.

Ты вытянулся, ты плывешь наверх,

В твоих глазах я слышу песню неба....

Электронная музыка. Со свечой в руке появляется Х у д о ж н и к.

Х У Д О Ж Н И К.

То царь Давид перебирает струны
Своей певучей арфы.

И кажется ему, что он зажег
Еще одну звезду на небе.

Б Е Л Л А.

Когда вползала ночь
В нехитрый наш альков
И простиралась рядом с нами,
Гасили мы бесстыдную луну,
И свечи белые цветов
Одни лишь были
Свидетелями наших тайных ласк.

Х У Д О Ж Н И К.

Она лилась к тебе, моя любовь, —
На волосы, лицо и руки,
Перетекая вся в тебя,
Моя жена, любимая моя,
Миндалина сладчайшая и горькая,
Жена моя, любимая моя...

Становится темно. Сквозь музыку прорывается плач младенца. Сцена освещается. На руках Х у д о ж н и к а завернутый в одеяло ребенок.

Х у д о ж н и к пытается напоить его из бутылочки с соской.

Пей, детка, сладкую водичку.
Не нравится? А что прикажешь делать?
Нет молочка у мамы, нет.
А ведь согреться надо,
Ты как ледышечка совсем.

Дыханием пытается согреть ребенка.

Я вечером вчера последнее полено
В печь бросил, и всю ночь мы спали,
Как в лесу,
Вот только без луны и облаков.
К утру твою кроватьку снегом занесло,
И папа очень испугался
И, честно говоря, заплакал —
Ведь у него глаза на мокром месте,
У папы твоего.

Продолжая баюкать ребенка, подходит к зеркалу.

А вот сейчас, гляди, его глаза смеются.
Давай-ка папу нарисуем, а?
Ты полежишь тихонько, ладно?
Вот умница...

Бережно укладывает ребенка, растирает замерзшие руки.
Берет в руки кисть. Музыка.

Я слышу трепет крыльев... Ангел, это ты?
Спустись сюда, крылатый мой помощник,
Дай мне лазурь берлинскую, ты слышишь?
Ту самую, которую
Я приберег когда-то для себя...
Эй, Ангел, где ты?

Появляется Ангел в красной накидке, напоминающей длинную шинель.

На голове лихо надетая шапочка — нечто вроде шлема — с красной лентой наискось. Это, как мы позже узнаем, к о м и с с а р ш а Л у ш к а .
Х у д о ж н и к оторопел. В страхе отступает от нее.

Л У Ш К А. Шагал?
Х У Д О Ж Н И К. Шагал.
Л У Ш К А. Художник?
Х У Д О Ж Н И К. Вроде.
Л У Ш К А.
Чего ж ты кличешь ангела, мужик?
Чай образованный, антилигентный,
А в Бога веруешь.. А ну-ка вспомни
Наш пролетарский гимн.

Хрипло поет.

«Никто не даст нам избавленья»...
Подтягивай, давай. Чего молчишь?
«Ни Бог, ни царь, и ни герой!»
Вот так? И заруби себе покрепче:
Ни ангелов, ни Бога нету.
Все выдумки поповские,
Чтобы простой народ колпачить.
Понял?

Скручивает «козью ножку», с наслаждением затягивается махорочным дымом. Подходит к мольберту.

Посмотрим, что ты там малюешь.

Во чучело какое! Ой, умора!

Кривляется, пытаясь изобразить увиденное. Хохочет.

Ну, ничего, карикатуры тоже
Сгодятся рабочей власти.

Х у д о ж н и к резко закрывает мольберт.
Л у ш к а рассматривает другие картины.

Х У Д О Ж Н И К *(себе)*.

О Господи, ты дал талант мне — так считают.

Но почему ты поскупился

Мне подарить внушительную внешность

И зычный голос,

И мускулы такие,

Чтоб мог я постоять,

За честь свою и за тебя, о Боже.

Л У Ш К А.

Ты что там, молишься, дружок?

Х У Д О Ж Н И К.

Да кто вы, черт возьми,

И по какому праву!..

Кто разрешил вам?!.

Л У Ш К А.

Сама себе права дала.

Сама себе все разрешила.

Давай знакомиться.

Люция. Революция.

В народе просто Лушка.

Пойдем со мной.

Х У Д О Ж Н И К. Куда?

Л У Ш К А.

Чего ты испужался?

На улицу, к народу. Будя

Коптить своим талантом небо.

Там, за твоим окошком,

Кровавый бой кипит

С буржуйской гидрой.

Ты за царя или за нас?

За белых иль за красных?

Х У Д О Ж Н И К.

Вы знаете...

Л У Ш К А.

Я знаю: ты за нас!

Торжественно прикалывает к его груди алую ленту. Громко хохочет.
Внезапно раздается крик ребенка. Л у ш к а поражена.

Эй, что я слышу?

Х У Д О Ж Н И К.

Идочка. Дочурка.

Л У Ш К А.

Ну, ты даешь! Колчак на нас идет,

К Москве Деникин рвется,

А он себе детей строгают, хоть бы хны!

Берет ребенка на руки.

Коль так, запишем в октябряты

И будем строить с нею новый мир!

Прикалывает к одеялу алую ленточку. Ребенок заходится в плаче.

Л у ш к а, стараясь перекричать его, громко, почти криком, поет.

«Мы смело в бой пойдем

За власть Советов.

И как один умрем

В борьбе за это!»

Свет гаснет и через несколько мгновений вспыхивает снова.

На сцене один Х у д о ж н и к.

Х У Д О Ж Н И К.

Приснится же такое...

Будто бы Ангел в багряном оперенье

Летел над городом,

Держа в руках... Нет, нет, не кисть —

Сверкающее что-то, как лезвие ножа.

Что? Нож? У Ангела?

Ну что за бред приснился?

Подходит к мольберту, задумчиво кладет несколько мазков.

Останавливается, замечает на груди алую нашивку.

Какой же бред?.. Он был здесь, Красный ангел.

Его перо багряное на сердце.

Люция, Революция... Да, да.
Он, кажется, позвал меня с собою?
И я пошел за ним. Куда? Зачем? В народ?
О Боже, сам не понимаю, что творю!
Ведь с детства я боялся многолюдья —
Ревущих глоток, диких красных лиц.
Толпа — всегда погром, толпа — всегда расправа,
Убийство, кровь... Зачем художнику она?
По мне — ни войн, ни шума,
ни пулеметной трескотни!
Сидеть бы просто на скамейке или на крыше,
Иль в синагоге у открытого окна.
И чтоб глаза души открыты были миру,
И красок чтобы было вдоволь — живых, поющих,
Чтобы писать невероятные картины.
А для чего иного эта жизнь нужна?

Пытается снять алую нашивку.

Сжигает сердце мне багряное перо.
Ты слышишь, Белла? Белла! Белла!..

Затемнение. Затем вспыхивает луч света и в нем появляется Б е л л а.
Закрывает лицо ладонями. Некоторое время молчит. Вытирает глаза,
говорит медленно, едва слышно.

Б Е Л Л А.

О Марк, пишу тебе в Москву.
Не знаю, право, дойдет ли до тебя мое письмо.
Отчаянье... И руки опустились,
И слезы перехватывают горло.
Как описать тебе весь ужас, весь кошмар
Того, что здесь вчера произошло!
Автомобили нашего ЧК
Остановились возле освещенных
Витрин. И солдатня вломилась
В папин магазин...

Многоголосица тикающих часов переходит в какофонию.

Отец стоял окаменевший, шепча молитву.
А бандиты швыряли на одеяло,
брошенное на пол,
И кольца, и часы, и портсигары,

Камеи, броши, запонки — все, все!
К ночи они ворвались к нам в квартиру,
Соседи слышали, как мать кричала: «Гвалт!»
Срывали половицы, протыкали стены,
Забрали серебро — все до единой ложки.
Соседка деревянные дала.
Отец поднес свою ко рту и уронил —
И в суп стекали слезы...

Музыка смолкает. Еле слышно тикают часы.

У Достоевского, ты помнишь, Марк:
«Коль Бога нет, то все дозволено».
На эту тему я выпускное сочинение писала.
Теперь не краской типографской,
Не почерком моим неровным, детским —
Густою, липкой кровью
Написаны слова пророка.
Как дальше жить? Не знаю, Марк...
Быть может, Луначарский похлопочет,
Чтоб разрешили выезд за границу?
Дров нет по-прежнему. Кормить малышку нечем.
Осталось полстакана крупы пшеничной.
Привези хоть фунта два конины —
В Москве, я слышала, она как будто есть...

Б е л л а продолжает говорить, но слова ее заглушает мажорная музыка двадцатых годов. Свет с Б е л л ы снимается. Появляется Х у д о ж н и к.

Х У Д О Ж Н И К.

Любимая, тревожусь: что случилось?
Ни строчки от тебя за целый месяц.
Как вы живете? Как малышка Ида?
Ночей не сплю я, думая о вас...
Меня сегодня принял Луначарский.
Он знал меня когда-то по Парижу.
Нарком с тех пор ничуть не изменился:
Пенсне, борода и усмешка фавна...

Преображается.

Л У Н А Ч А Р С К И Й.

Я помню, миленький, картины ваши.
Писал о них статейки... Да, не все

Я принимал тогда и нынче не приемлю.
Капризы, нарочитость, бред, загадки.
Нет, нет, увольте, это не мое!
«Вы маленький безумный Гофман
Околовитебских трущоб» —
Так окрестил я вас когда-то.
Но, вместе с тем, мне нравилась,
Шагал, фантазия причудливая ваша,
И юмор, и курьез, и неизбывная веселость —
Какой-то праздник, озорство души, фантом!
Кто, как не вы. Шагал, должны быть нынче с нами?
Нет, за рубеж я вас не отпущу.
Засучивайте рукава, голубчик:
В свой Витебск вы поедете с мандатом
Уполномоченного по делам искусств.

Х у д о ж н и к снова принимает свой облик.

Х У Д О Ж Н И К.

Я вышел из Кремля, и тут случилось чудо:
От тела отделилась голова!
Да, да! И вверх взлетела, словно легкий шарик,
Подхваченный безумным ветром.
Ну что ты скажешь, милая, на это?
Что делать мне с шальной головой?
Я нужен Революции. Мы с ней,
Наверное, одной и той же крови —
Нам любо все перевернуть вверх дном.
Я мчусь домой: забот теперь по горло.
Во-первых, Академия искусств...
Да, в нашем Витебске,
Да, в нашем захолустье
Я соберу юнцов самозабвенных,
Девчонок босоногих
И скажу им:
«Берите кисти, краски и мольберты,
Цветущие, как вешний сад, палитры.
Я научу вас новому искусству.
Рисуйте Революцию, друзья!
Ей скоро год, мы ей устроим праздник
Зеленый — красный — желтый — голубой!»
О город! Дай нам стены домов твоих унылых,

Заборы и плетни, клоаки рынков!
Хмельным вином своих веселых красок
Мы все заставим танцевать и петь!
До скорой встречи, любовь моя!
Твой сумасшедший Марк Шагал.

Сцена уходит в затемнение. Когда свет возвращается,
появляется Л у ш к а с самокруткой в зубах.

Л У Ш К А.
Художник! Где ты, черт возьми! Шагал!

Носком сапога со злостью раскидывает книги, холсты.

Отсюда, точно, вся зараза.
Ну ничего, мазила!
Ответишь перед трибуналом
За то, что Революцию обгадил.

Входит Х у д о ж н и к. Удивлен, увидев Л у ш к у.
Она молчит, не спуская с него лютых глаз.

По улицам ходил?
Х У Д О Ж Н И К. Ходил.
Л У Ш К А.
Полюбовался пачкотней своей?
Х У Д О Ж Н И К. Полюбовался.
Л У Ш К А.
Теперь придется отвечать.

Плевком гасит сигарку.

Х У Д О Ж Н И К.
За что?
Л У Ш К А.
Послухай, контрик, ты в кошки-мышки
Играть со мной надумал, да?
Тебе приказ был спущен
Украстить город ко дню Октябрьской годовщины,
Героев, павших за свободу, прославить,
А живых призвать к борьбе за власть Советов.
А ты? Что сделал ты? Привел на улицы
Каких-то коз беременных,
Коров зеленых, коней с хвостами, как у петухов.

Саботажник! Откуда ты списал чудовищ этих?

Х У Д О Ж Н И К.

Я думаю, в республике Советов

Животные имеют равные права с людьми.

Корова, например... Она на самом деле

Философ замечательный и мудрый,

Но только очень скромный, молчаливый...

Л У Ш К А. Что ты мелешь?!

Х У Д О Ж Н И К.

А перед каждой лошадюю готов я

Встать на колени и поржать немного,

Чтоб улыбнулась мне она в траву.

Л У Ш К А.

Ты псих или как зюзя?

Х У Д О Ж Н И К.

Скорее псих, товарищ комиссар.

На Песковатиках, где я родился,

Был рядом с нами сумасшедший дом.

Наверное, микробов тучи по воздуху летали,

А я, разинув рот, их, видимо, глотал...

Л У Ш К А. Заткнись, брехло!

Х У Д О Ж Н И К.

Да, вот еще... Меня собака в детстве покусала.

Такая злоющая... Как вы, простите...

Быть может, бешеная...

Я чуть-чуть не умер.

Л У Ш К А.

Куснула б я тебя, так точно сдох бы!

К врагам породы вашей я жалости не знаю.

Ну как, скажи, как утраздило тебя

Напротив памятника Марксу

Намалевать зеленую корову

С теленком в брюхе.

Ну при чем тут Маркс?

Х У Д О Ж Н И К.

Я Маркса не читал, простите,

А знаю только, что носил он

Седую бороду и был евреем.

Л У Ш К А.

Евреем он не мог быть никогда!

Не ври и не выкручивайся.

Х У Д О Ж Н И К.

Ну а зелень... Сказано ж в писанье:

«Возрадуется сердце ваше...

Л у ш к а закрывает уши ладонями.

И кости ваши освежатся, как зелень...»

Зеленое, поймите, это юность,

Побеги молодые, листья, тянущиеся к солнцу.

Ну как еще вам это объяснить? Не знаю!

Л У Ш К А.

Но почему телок просвечиваться должен

В коровьем брюхе? И почему летают рыбы в небе?

И где ты видел, чтоб мужик

Держал домище целый на плечах?

Х У Д О Ж Н И К.

Вы знаете, сказал однажды Дега

Поэту одному: «У вас серьезный недостаток,

Вы все понять хотите».

Л У Ш К А. Кто, кто сказал?

Х У Д О Ж Н И К. Дега.

Л У Ш К А.

Чека, Цека... Как говоришь? Де-га?

Такого я не знаю.

Ты не ответил на мои вопросы.

Почему...

Х У Д О Ж Н И К (*взорвавшись*).

Да я не знаю, почему! Не знаю!

Есть у меня в Париже друг,

Поэт большой и звонкий — Сандрар.

Он носит разноцветные носки

И пишет удивительные вирши,

Которые никто не понимает...

Л У Ш К А.

Хороший у тебя дружок!

Х У Д О Ж Н И К.

Худителям своим ответил он в стихах.

Л У Ш К А.

Ты не темни. Валяй по делу!

Х У Д О Ж Н И К.

Он за меня сказал, Сандрар,

Одним лишь словом.

«Почему я так пишу? А потому!»
И все! Вы поняли?
А потому! А потому! А потому!
Л У Ш К А.
Молчать! Читаю приговор.
«Шагала Марка, бывшего уполномоченного
По делам искусств,
За саботаж Октябрьской годовщины,
За извращение марксизма
На улицах и площадях, и на заборах
Подвергнуть выдворению из города —
Немедленно, со всей семьей,
В двадцать четыре часа».

Срывает алую ленточку с груди Х у д о ж н и к а.

А мы тебе так доверяли, гад ползучий!

Быстро выходит. Х у д о ж н и к провожает ее взглядом.
Подходит к мольберту, берет одну кисть, другую.

Х У Д О Ж Н И К.
Засохли кисти, пожухли краски...
Забыв себя, мечтал я, город,
Твои дома в музеи превратить,
А лепет вдохновенный твоих детей
До неба донести... Глупец!...
«Все кончится провалом и обидой» —
Так говорила ты, любимая моя.
Ты все предвидела. Все так и вышло...

Сворачивает картины, собирает книги. Появляется Б е л л а.
Устало опускается на табуретку. Оба молча глядят друг на друга.

Б Е Л Л А.
Я понесла на менку два колечка
И брошку мамину. Откуда ни возьмись —
Милиция, свистки, облава!
Меня и нескольких торговков задержали,
В участок повели.
Х У Д О Ж Н И К. О Боже!
Б Е Л Л А.
Я умоляла: «У меня ребенок!
Прошу вас, отпустите, Бога ради!

Хотела я лишь кольца обменять на масло
И на вязанку дров. Пустите...»
Х У Д О Ж Н И К.
О, бедная моя!..
Б Е Л Л А.
И отпустили. Только без всего...
Все отобрали.
«Эх, милая, — сказала мне одна из женщин,
Когда мы обе вышли из кутузки, —
Красючка ты, картинка расписная,
Да ты бы только бровью повела —
И все твое бы при тебе осталось.
Однажды, говорит, с мукой я еду —
Мешков, наверно, сорок было.
Вагон товарный, я одна... А тут патруль.
«Возить муку запрещено!» — кричат мне. —
Ты что, не знаешь! Вот указ!»
Ну что мне было делать? Я легла...
Все двадцать пять прошлись по очереди.
Насилу встала. Но зато мешки, все сорок,
Довезла до места.»
Х У Д О Ж Н И К *(взволнованно)*.
Эт-то ведь с ней случилось, не с т-тобой?
Т-ты просто говоришь ее словами? Да?
Б Е Л Л А.
Родной, конечно... Успокойся.
Бог с ними, с кольцами...
Х У Д О Ж Н И К.
Нет, нет! Мы оба здесь чужие.
Б Е Л Л А.
На улицах снимают почему-то твои плакаты.
Толпа на площади топтала
Всадника с трубой...
Х У Д О Ж Н И К.
Нас выдворяют, Белла.
Мы не ко двору...

Поглядел на часы.

Осталось семь часов на сборы.
Быстрее, милая. Прошу тебя, быстрее!

Начинают поспешно собирать вещи.

Пусть выгоняют коз моих зеленых
С глазами ангелов. Пусть режут крылья
Лошадям и рыбам. Пусть!
Я заново рожу их на полотна.
Им плохо там, где плохо мне.
Б Е Л Л А. Куда мы, Марк?
Х У Д О Ж Н И К.
Не знаю... В Германию, в Париж, в Варшаву!
Мне все равно — я душу сохранить хочу.
О, Красный Ангел!
В твоих багряных перьях
Таилось лезвие ножа.
Ты, как мясник, ударил и корову,
Распластанную в небе над домами...

Внезапно книги и картины падают из его рук. Погруженный в себя,
он подходит к мольберту. Б е л л а незаметно удаляется.
Х у д о ж н и к берет в руки кисть, делает несколько мазков.

А может, не корова это вовсе? А я?
И распинает Красный Ангел на Голгофе
Меня — безумца и отступника?
Пить, пить хочу... Нещадно палит
Солнце Иерусалима,
Сжигая кожу и надежду.
И кровь течет из ран,
И падший ангел, глумясь и хохоча,
Мне губы смачивает уксусом и желчью.

Роняет кисть. Ноги его подгибаются.
Медленно, держась за мольберт, оседает на пол.

Палач, я пить хочу... Я жить хочу, палач,
Один глоток свободы и надежды...

Ложится навзничь, закрывает глаза, складывает на груди руки.
Музыка. Плавно, как видение, возникает в темноте Б е л ы й А н г е л.
Достает из бочки несколько свечей в подсвечниках и ставит их по обе
стороны лежащего неподвижно Х у д о ж н и к а. Зажигает одну и садится
рядом. Дотрагивается до руки Х у д о ж н и к а. Тот открывает глаза.
Увидев свечи, с недоумением смотрит на А н г е л а.

Х У Д О Ж Н И К.
Я, кажется, еще не умер, Ангел.
Для чего же

Вокруг меня в печальном карауле
Застыли эти плакальщицы восковые?
А Н Г Е Л.
Ты сосчитал их?
Х У Д О Ж Н И К. Шесть.
А Н Г Е Л.
А разве можно отпеть покойника
С шестью свечами?
Их по канону должно быть — сколько?
Х У Д О Ж Н И К.
Ну семь, я знаю.
А Н Г Е Л.
Так почему же на твоей картине «Мертвый»
Лежит покойник прямо на земле
И только шесть свечей вокруг.
А где седьмая? Где?
Х У Д О Ж Н И К.
Ты уподобился всем критикам моим...
Где? Почему? Зачем? Не знаю!!
А Н Г Е Л.
Быть может, просто ты ошибся?
Х У Д О Ж Н И К.
Ага... Не научился считать до десяти.

Садится.

Не знаю, почему... Толкнуло что-то...
Шесть, только шесть... А посередине смерть.

Чиркнув спичкой, зажигает вторую свечу. Берет подсвечник, встает,
осматривается. Доносятся тревожные удары колокола.

Ты слышишь. Ангел? Будто бы пожар...
Заволокло все небо дымом, пахнет гарью...

Выходит на авансцену, всматривается в даль.

Гляди, над крышей синагоги черный дым!

А н г е л , взяв в руки свечу, подходит к Х у д о ж н и к у .

А Н Г Е Л.
Где синагогу видишь ты?
Там Люксембургский сад
И синагоги нет в помине.

Х У Д О Ж Н И К.

Горит алтарь! Пламя свитки Торы!
Рассыпался огонь по ветхим крышам!
И люди бегают, зовут друг друга, плачут.
Свой жалкий скарб выносят из горящих стен.
Смотри, в огне собор Ильинский!
Пять куполов в дыму пожара!

А Н Г Е Л.

Ты бредишь! Перед нами Париж сияет
Тысячью огней.

Х У Д О Ж Н И К.

Неправда, Витебск в пламени!

А Н Г Е Л.

Опомнись! Ты десять лет уже в Париже.
Твой Витебск за спиной.

Он прошлое твое.

Х У Д О Ж Н И К.

Нет, Ангел, нет!

А Н Г Е Л.

Вон Эйфелева башня, видишь?
А слева пляс де ля Конкорд...
Пляс Этюаль... И музыка несется
Из ночных кафе...
Шуршат машины, хохочут
Женщины прелестные.
Париж умеет веселиться, черт возьми!
О Боже, «черта» я упомянул...
Прости меня, Господь, прости...

Исчезает.

Х У Д О Ж Н И К.

Нелепый сон... Конечно же, Париж...
Веселый, как жуир. Нарядный, как кокотка.
Но почему же гарь и смрад
Ноздрями чуял я? Горели лавки и заборы,
Горели люди — факелы живые.
Пылало все вокруг, все превращалось в прах.

Появляется Б е л л а. В руках у нее газета. Зажигает третью свечу. Читает.

Б Е Л Л А.

Вечерний выпуск «Фигаро».

Ты слышишь, Марк, в Берлине
Сгорел рейхстаг,
Неведомо кем подожженный.
Нацисты в бешенстве.
Вопят, грозят, клянутся растоптать виновных.
Х У Д О Ж Н И К.
А кто поджег?
Б Е Л Л А.
А ты не понял? Мы!
Х У Д О Ж Н И К.
Что?! Мы с тобой? Шагал и Белла?
Мы, что ли, спичку там зажгли? Какая чушь!
Б Е Л Л А.
Да, мы... Те, у которых черепа иные,
И нос не римский, и курчавый волос,
И кровь библейская течет по жилам.
Вот пишут, слушай... Бьют витрины
Еврейских магазинов... Взрывают
Надгробья на кладбищах...
Седых раввинов топчут сапогами...
И жгут, и жгут, и жгут...
Горят святые стены синагог...
Х У Д О Ж Н И К.
Горят святые стены синагог,
Пылают свитки Торы...
А ты мне, Ангел, пел
Про Люксембургский сад...
Я чуял этот смрад и дым.
И небо гудело надо мною,
Как будто хляби адские разверзлись
От ударов грома.
Б Е Л Л А.
Мне страшно, Марк.
Х У Д О Ж Н И К.
Здесь, в Париже,
Ничто не угрожает нам.
Б Е Л Л А.
Чума границ не знает, дорогой.
Х У Д О Ж Н И К.
Да ты с ума сошла! Нацисты придут сюда?
В великий вечный город?
На Елисейские поля? В Версаль и Лувр?

Хохочет.

Б Е Л Л А.

Наивный козлик мой, они уже пришли.

И знак чумы — коричневый паук

Пришлепнут на входной двери.

Х У Д О Ж Н И К. У нас?

Б Е Л Л А. У нас!

Х У Д О Ж Н И К.

Содрать! Стереть? Замазать! Соскоблить!

Б Е Л Л А.

Я не хотела говорить, но я пыталась

Закрасить красками твоими

Зловещий знак... И все напрасно.

Х у д о ж н и к привычным жестом «смешивает»
краски на ладони.

Х У Д О Ж Н И К.

Взять надо тиондиго черную...

Или смешать сиенну с умброй.

Б Е Л Л А. Смешала.

Х У Д О Ж Н И К. Ну и что?

Б Е Л Л А.

Он вновь ожил.

Х У Д О Ж Н И К.

А черной виноградной затереть?

Б Е Л Л А.

Не помогло. Он щупальца свои

Убрал сначала, а после выбросил их

С новой силой.

Х У Д О Ж Н И К.

Так ты... Т-ты хочешь мне сказать,

Что до сих пор он — там?

Б е л л а кивает.

И что бессильны краски

Против паука?

Б е л л а медленно отступает в глубину сцены.

Растворяется в ее темноте.

Х у д о ж н и к взял в руки баночки с красками, прижался к ним лицом.

Музыка неба и музыка солнца —
Краски мои.
Могут смеяться и плакать подчас
Краски мои.
Могут родить Тициана и Моцарта
Краски мои.
Могут летать над лугами и петь
Краски мои.
Только не могут розы в саду растоптать
Краски мои.
Только не могут в стаде бежать
Краски мои.
Только не могут поджечь и убить
Краски мои... Краски мои... Краски мои...

Музыка заглушает его слова.

Я слышу крылья... Ангел, это ты?
Чего молчишь, хранитель мой?
Плохие вести?
ГОЛОС АНГЕЛА. Зажги свечу.
ХУДОЖНИК. Зажег.
ГОЛОС АНГЕЛА. Теперь ищи.
ХУДОЖНИК.
Что мне искать?
ГОЛОС АНГЕЛА.
Я обронил, летя к тебе...
ХУДОЖНИК. Что, Ангел? Что?
ГОЛОС АНГЕЛА.
Костры горели, факелы пылали,
И среди стынущих углей лежало
Без рук, без тела — только сердце,
Чуть бившееся, обгоревшее с краев,
Но все еще живое — сердце...
Я выхватил его из пепла
И полетел к тебе.
Ищи его, ищи...

Художник, светя свечой, находит кусок обгоревшей картины.
Вместе с музыкой в темноте сцены возникает Б е л л а.
В руках у нее несколько сухих веточек.

Х У Д О Ж Н И К.

Она пришла в тот вечер
С букетом из веток рябины,
Сине-зеленые листья
И красные капельки ягод.

Б Е Л Л А.

Листья в костре сгорели,
Ягоды брызнули кровью.
Все, что осталось — ветки...

Х У Д О Ж Н И К (*прижавшись лицом к холсту*).

Ветки и сердце твое.

Б е л л а приближается к нему.

Б Е Л Л А.

Ты не просил меня об этом. Я сама,
Ты помнишь, сняла одежды белые перед тобою.
Открыв себя, как Афродита,
Отбросившая пены кружева.
Я прилегла на смятую кровать.
Неровный пол качнулся подо мною...

Х У Д О Ж Н И К.

О Небо! Я окаменел

От дикой смелости твоей, родная.
Впервые видел я тогда нагое тело —
И груди нежные, и темные соски,
Зовущие меня дотронуться до них
Рукой дрожащею. Нет! Нет!

Будто звезда упала

На рыночную площадь,
На грязный постоялый двор,
И ослепила всех

Сиянием небесным...

Вот все, что мне теперь осталось —
Кусочек обгоревший на ладони
Моей невесты непорочной,
Моей Мадонны белой.

За что сожгли тебя, звезда, за что?

Б Е Л Л А.

Меня купил в Салоне адвокат.
Увез в Берлин, повесил в кабинете.
Он очень дорожил картиной,

Показывал друзьям и восхищался,
А иногда и спорил, вступаясь за меня.
Однажды вечером он, сидя за столом,
Работал. Вдруг в его квартиру
Вломились пьяные штурмовики.
Скрутили, на пол бросили.
Х У Д О Ж Н И К.
За что?
Б Е Л Л А.
Не знаю. Он вроде защищал в суде
Какого-то еврейского врача.
Как избивали адвоката, Марк!
Кастетами, велосипедными цепями!
Его лицо... Да нет, лица уже не стало...
Какой-то штурмбанфюрер из гестапо
Сорвал меня со стенки — и в моей же раме
Повесил Гитлера.
А я... Я очутилась в каком-то темном складе
На полу, где рядышком шуршали крысы
И плесень цвельым языком
Лизала мое нагое тело...

Пауза.

И вдруг из темноты — на свет!
Я — на стене, вокруг картины,
Глазам своим не верю — Ренуар, Матисс, Ван Гог.
Неужто чудо, думаю, свершилось?
О нет, все оказалось жутко просто.
«Искусство идиотов» —
Так называлась выставка.
Х У Д О Ж Н И К.
Скоты!
Б Е Л Л А.
Табличка подо мной была прибита:
«Шлюха еврейская.
Художник шизофреник Марк Шагал».
Шли люди... Кто гоготал,
Показывая пальцем на меня,
Кто равнодушно пожимал плечами.
Но были и такие, кто украдкой
Пытался мне послать улыбку...
Неделю продолжалась эта попытка,

А потом... На площади, у самой Оперы,
Костры зажгли молодчики в коричневых рубашках.
Пылали факелы со всех сторон,
И тысячи звериных глоток пели...
Нет, Марк, не пели, а орали,
Выталкивая из себя слова, как камни:
«Когда по ножу течет еврейская кровь,
Мы счастливы вновь, мы счастливы вновь».

Б е л л а зажигает пятую свечу.

Меня схватил юнец безусый —
Красивый мальчик, голубоглазый...
Пошел к костру и громко, на всю площадь, крикнул:
«Я предаю огню жидовскую картину
За проповедь уродства, за разврат!
Гори в огне, бесстыдная блудница!»
И бросил в пламя.
Огонь схватил меня горячими когтями.
Горели руки... волосы... кровать... букет рябины...
Я слышала ликующие крики:
«Гори, Сезанн!», «Гори, Гоген!»,
«Гори, Пикассо...». Гори, гори, гори!
Вдруг небо распахнулось надо мною,
И хлынул свет — как вспышки молний яркий,
И над костром увидела я... крылья...
Х У Д О Ж Н И К.
То Ангел, Ангел был!
Б Е Л Л А.
И что-то подхватило вдруг меня
Туда, где облака и синева небес...

Внезапно наступившая темнота поглощает ее. Некоторое время тихо и темно. Постепенно начинает светлеть. Х у д о ж н и к один.

Нет, Ангел, нет... Она ушла не так.
Дай мне еще хоть раз ее увидеть...
Чума пришла в Париж.
Чума гналась за нами,
И сыновья Бетховена и Гете
Теперь в печах сжигали не полотна —
Живых людей, сестер моих и братьев.
О Господи! Неужто шесть свечей
в моей картине давней

Шесть миллионов душ?
И посредине смерть?

Зажигает еще одну свечу, шестую.

Огонь мне обжигает глаза и руки.
Я вижу челюсти и детские игрушки,
Очки, ботинки, волосы... О Боже!
Прости меня за то, что я не с ними..
Да, ты была права. Чума границ не знает...
Мы маленькие звездочки, блуждаем
Меж двух миров, сжирающих друг друга
В смертельной схватке.

Появляется Б е л л а .

Б Е Л Л А.
Бежим!
Х У Д О Ж Н И К.
Куда?
Б Е Л Л А.
Через испанскую границу.
Она еще открыта,
Быстро!
Х У Д О Ж Н И К.
По козьим тропам через Пиренеи
Шли день и ночь мы за проводником.
Б Е Л Л А.
И старенький кораблик, помнишь,
Пыхтя от астмы, нас перевез потом за океан.

Б е л л а садится в круг шести горящих свечей.

Х У Д О Ж Н И К.
Я снова вижу клинику в саду,
И длинный коридор, и белую палату,
Куда на цыпочках в то утро я вошел
В последний раз и сел с ней рядом...

Тоже садится в круг свечей. Берет ее руки в свои.
Возникает далекая, самая первая мелодия их любви.

Б Е Л Л А.
О Марк!

Х У Д О Ж Н И К.
О Белла!
Б Е Л Л А.
Я помню каждый миг, что нами прожит,
Как будто все произошло вчера.
Х У Д О Ж Н И К.
Вчера...
Б Е Л Л А.
Вчера увидели тебя мои глаза впервые.
Х У Д О Ж Н И К.
Вчера...
Б Е Л Л А.
Вчера ты мне свидание назначил.
Х У Д О Ж Н И К.
Вчера...
Б Е Л Л А.
В саду, где ночь дышала резедой.
Х У Д О Ж Н И К и Б Е Л Л А.
Вечер, сад.
Месяц, ты.
Сказка, ласка
Резеды.
Поцелуешь
Иль обнимешь
Или скажешь:
Отойди...
Губит ласка,
Любит вечер,
Запах сада,
Резеды...
Б Е Л Л А.
Мне душно, Марк... Какие-то круги
Плывут перед глазами.
Х У Д О Ж Н И К.
Нет!
Б Е Л Л А (*тихо*).
Зажги седьмую.
Х У Д О Ж Н И К.
Я не хочу, не дам, чтоб ты ушла!
Б Е Л Л А.
Мне без седьмой свечи
Дороги не найти

В заоблачной пустыне.
Х У Д О Ж Н И К.
Нет, нет!
Б Е Л Л А.
Что я скажу служителям небесным?
Х У Д О Ж Н И К.
Скажи, что старый грешник
Тебя не хочет отпускать.
Да, грешник, грешник...
Разве закрыл глаза я
Родителям своим?
Иль помолился
На их заброшенных могилах?
Разве я видел мир таким,
Каким его Создатель сотворил?
Нет, я дерзнул в своей гордыне
Перевернуть твою Вселенную, о Боже!
Влюбленным парочкам я отдал небо,
То небо, которое ты предназначил птицам.
Услышь меня, Всевышний, и прости
За головы, летающие в небе,
За то, что дал руке семь пальцев,
За то, что пережить посмел
Свою любовь... Прости...
Б Е Л Л А.
Зажги седьмую, Марк.
Прошу тебя, быстрее.

Она поднимается. Вслед за ней встает Х у д о ж н и к
и зажигает седьмую свечу.

Спасибо... А теперь открой окно.
О, как пахнуло цветущим садом!
Как хочется туда...
И сердце стало легким-легким.
Как будто воздух голубой ворвался в грудь.
Пытается взмахнуть руками.
Хочу взлететь... В последний раз...
О Боже! Дай мне силы!.. Летим?
Х У Д О Ж Н И К.
Летим.

ТРИ ЖИЗНИ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН

Монодрама в 2-х действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене маленький изящный столик, старинной работы кресло, рояль. Из тишины возникает музыка.

Вышла актриса в строгом вечернем платье, на плечи наброшен легкий красный шарф. Молча посмотрела в зал. И вдруг, сменяя музыку, раздался пронзительный визг тормозов, отчаянный сигнал клаксона, чей-то крик – и сразу же все стихло.

Голос по радио: «Трагическая смерть Айседоры Дункан... 16 сентября 1927 года. Проезжая на автомобиле в Ницце, Айседора Дункан была выброшена из машины вследствие того, что конец ее шарфа зацепился за колесо. Дункан была поднята с переломом позвоночника. Смерть наступила немедленно...»

1

Тишина. Рокот морских волн, набегающих на берег.

А К Т Р И С А.

Я родилась у моря и заметила, что все крупные события моей жизни тоже происходили у моря. Мое первое понятие о движении, о танце несомненно вызвано ритмом волн.

Маленькой девочкой я часами блуждала по берегу, предаваясь собственной фантазии. Меня захватывала эта игра! Я воображала себя чайкой, парящей над бесконечной морской гладью. Или шаловливой волной, которая резвится среди своих подружек. Но чаще всего – парусом, одиноким парусом который рассекает белые гривы волн...

Целыми днями я была предоставлена самой себе, так как мама с утра и до позднего вечера ходила по квартирам, давая уроки музыки детям из богатых семей. Ее скудного заработка нам едва хватало на жизнь – ведь нас у нее было четверо: Элизабет, Раймонд, Остин и я – Айседора...

Из всех нас я была самой отважной. Когда в доме совершенно нечего было есть, я отправлялась к мяснику и хитростью убеждала его отпустить в долг бараньи котлеты. Обольщать булочника, чтобы он продлил нам кредит, посылали тоже только меня.

И эти походы были куда интереснее, чем ежедневные хождения в школу.

– Айседора, не вертись! Айседора, сиди смирно! – до сих пор помню, как кричала на меня учительница.

«Хотела бы я посмотреть, – думала я, – как бы вы, уважаемая мисс, сидели за партой с пустым желудком и в промокших ботинках!»

Когда наступило Рождество, учительница, раздавая нам конфеты и пирожные, сказала: «Поглядите, детки, что вам принес Санта Клаус». А я встала и торжественно, на весь класс, заявила: «Я вам не верю, никакого Санта Клауса нет! И все это враки, враки!»

Можете себе представить, как была возмущена моя мисс учительница!

– Ах, так! – завопила она. – Знай же, что Санта Клаус не подарит тебе ни одной конфетки!

– Подумаешь! Ну и не надо!

– Ты скверная девчонка, ты позор нашей школы! – закричала учительница. Она с яростью схватила меня за плечо и швырнула на пол. Но я все же устояла – ноги и тогда уже у меня были крепкие! Тогда она поставила меня в угол. А я, повернув голову через плечо, упрямо твердила: «Никакого Санта Клауса нет! НЕТ! НЕТ!» Тогда расвирепевшая мисс учительница отправила меня домой за родителями.

2

Родители... Моя мать разошлась с отцом, когда я была грудным ребенком.

– Тетя Августа, скажи, был ли у меня когда-нибудь отец?

Тетка пристально посмотрела на меня и презрительно отчеканила:

– Твой отец был дьяволом. Он разрушил жизнь твоей бедной матери.

Дьявол? Какой ужас! С рогами и хвостом!.. Когда дети в школе говорили о своих отцах, я всегда помалкивала.

Однажды – мне было тогда семь лет – я услышала звонок у входных дверей. Открыла... Передо мной стоял приятный мужчина в высокой шляпе.

– Не здесь ли живет миссис Дункан?

– Здесь... Я ее дочь.

– Вот ты какая, принцесса Мартышка! – воскликнул незнакомец и, подняв меня на руки, покрыл мое лицо слезами и поцелуями.

– Погодите, кто вы?! Кто вы? – отбивалась я, ничего не понимая.

– Я твой отец, – сказал он тихо.

– Урра!

Я бросилась в комнаты, чтобы сообщить всем: эту радостную весть:

– Мама! Отец приехал!.. Где же ты, мама? Ты заперлась? Зачем? Открой! Папа пришел! Раймонд, Элизабет! Куда вы все спрятались? Он совсем-совсем не страшный...

Но никто не вышел. Тогда я снова подошла к двери и вежливо сказала:

– Извините, все у нас заболели и, понимаете, не могут выйти.

– А ты – здорова?

– Я?.. Да...

Он взял меня за руку и сказал:

– Тогда погуляем вдвоем. О'кей?

Я бежала рысцой рядом с ним, радуясь, что этот красивый статный мужчина – мой папа. И что ни рогов, ни хвоста у него нет.

В кондитерской он угостил меня мороженым и цукатами и на прощание сказал: «Я приду завтра, принцесса Мартышка!» Но это завтра так и не наступило: семья больше не разрешила мне встретиться с ним.

– Мамочка, ну позволь, хоть один разочек! Мама!.. Ах, так! Пусть будет по-вашему!

Я выкрала из шкатулки брачное свидетельство моих родителей и сожгла его в пламени свечи...

3

Вальс Шопена.

– Это играет мама... Вечер. Она только пришла после уроков. Кое-как накормила нас, села за старенькое пианино, мы – вокруг. И забыто уже все, кроме волшебных, завораживающих звуков. И сердце взлетает ввысь – туда, где птицы и облака, и слушать эту

музыку, просто сидеть и слушать – нельзя. Ее надо танцевать.

Одна старая дама, увидев наши домашние танцы, посоветовала маме показать меня известному в Сан-Франциско преподавателю...

Резкий обрыв музыки.

– Станьте на пальцы ног, – сказал он мне.

– Зачем?

– Это красиво, это возвышенно. Если вы не чувствуете это, вам никогда не стать танцовщицей... Итак, первая позиция. Готовы? Плие – и, раз!

– Это безобразно, это противно природе! – воскликнула я и после третьего урока покинула танцкласс навсегда. Я еще не знала, каким должен быть мой танец, но только он не будет похож на эти гимнастические упражнения: и – раз, два, три! Ни за что!

В десять лет я рассталась со школой. Зато как набросилась на книги! Прочитала все, что было в публичной библиотеке: Диккенс, Теккерей, Шекспир... А кроме того – тысячи романов, хороших и скверных, вдохновенных книг и бульварных пустышек.

Я поглощала все. Читала ночами, до рассвета, при свете свечных огарков, собранных в течение дня. Я даже принялась писать роман, издавала свою собственную газету и вела дневник на секретном языке (я его сама придумала) – ведь у меня появилась великая тайна: я была влюблена...

4

– Ах, как он был красив! Какое романтическое имя – Вернон! Мне было тогда одиннадцать лет, но я зачесывала волосы наверх, носила длинные платья и выглядела намного старше. Иногда я приходила в аптекарский склад, где работал Вернон, и, не зная, что сказать, спрашивала как дурочка: «Как вы поживаете, мистер Вернон?» (*Смеется*). Вечерами я подолгу бродила перед освещенными окнами его дома. Так продолжалось года два, и я считала, что страдаю от безумной любви! Однажды Вернон сказал мне, что собирается жениться. Земля качнулась под моими ногами.

– Кто она?

– О, настоящая леди, девушка из высшего общества, – с гордостью произнес он.

А спустя несколько дней я увидела их обоих – Вернона и его невесту. Уродина, каких свет не видывал! Они выходили из церкви, вокруг было море цветов. А я стояла за церковной оградой и ревела. Так окончилась моя первая любовь...

Когда через много-много лет, после одного из концертов, в мою гримуборную вошел седой мужчина, я сразу же узнала его. Это был Вернон! Я решила позабавить его и рассказала о своей безумной любви. Боже, как он перепутался, как красноречиво стал уверять, что до сих пор любит свою супругу... Я едва сдерживала себя, чтобы не расхохотаться. Не над ним, нет! – над той глупой козой, которая со слезами на глазах глядела на ярко освещенные окна его дома!..

5

Счастье, где ты? Моя птица, моя фортуна, я готова бежать за тобою – только позови! Падать, подниматься, карабкаться на скалы – лишь ради этого я хочу жить и дышать...

– Мамуля, родненькая, уедем из Сан-Франциско! Поверь в меня, мама. Я хочу, я буду танцевать! Ты еще будешь гордиться своей Айседорой! Все-все зависит от тебя, от твоего ответа. Уедем? Да? Сегодня, сейчас же, сию минуту!

Ветер странствий сорвал два листочка, закружил их, понес в неведомую даль...

Чикаго. У нас двадцать пять долларов и обручальное кольцо моей бабушки. Надев короткую греческую тунику, я танцую перед владельцами всех театральных заведений города.

– Очень, очень красиво, – говорят они. – Но эти танцы не для нашей публики.

Неделя течет за неделей, драгоценности бабушки съедены, денег нет. За последние тряпки мы купили банку томатов и кормились этим целую неделю. Мама настолько ослабела, что уже не могла вставать. В отчаянии я пришла к менеджеру увеселительного заведения «Мэйсоник Темпл». С толстенной сигарой во рту, в шляпе, надвинутой на один глаз, он мрачно взирал на маленькую девочку, которая танцевала под звуки «Песни без слов» Мендельсона.

Музыка смолкла. Он несколько минут молча глядел на меня. Потом процедил сквозь зубы:

– Танцевала бы ты что-нибудь веселенькое, с перцем, я бы, так и быть, рискнул.

– Как это – с перцем?

Он захлебнулся хохотом.

– Ну что-нибудь эдакое, с юбками, разрезами и прыжками. Поняла? То, что нравится публике.

Я возмутилась. Но тут же вспомнила маму, безжизненно лежащую на кровати, остатки томатов в консервной банке, неоплаченный счет за гостиницу...

– Хорошо! Я согласна! Будут вам разрезы и прыжки! И «перец» тоже будет!

Всю ночь мама из последних сил шила мне безобразно вульгарный костюм. Последнюю оборку она пришивала уже утром.

Когда я пришла к толстяку-менеджеру, оркестр уже был наготове. Музыканты лихо заиграли какой-то пошленький танчик, нечто вроде этого... (*Наневает*). Какая мразь! Но отступать некуда! Какой-то бес вселился в меня. Я дергалась и кривлялась, а все мое тело кричало: «Вот тебе перец! Вот тебе разрезы! Вот тебе прыжки с юбками! Ты этого хотел, толстый боров? На, получай! Теперь ты доволен, скотина?»

Выронив сигару изо рта, директор протягивал ко мне свои толстые волосатые ручки:

– О'кей, моя крошка! Великолепно! Пятьдесят баксов в неделю! Можешь начинать хоть завтра!

Успех был бешеный. Директор предложил мне контракт на целый год. Но я... я отказалась. Он был ошарашен. «Гуд бай, господин директор, малышка Айседора проживет без вашего «перца». И вообще в вашем кабаке слишком грязно и шумно, и птица счастья никогда сюда не залетит...

6

На центральных улицах Чикаго висели огромные транспаранты: «Всемирно известная труппа Огюстина Дэйли». Вот кто может меня понять! Несколько дней я безуспешно пыталась проникнуть в театр, но мне неизменно отвечали, что мистер Дэйли занят и принять меня не может. Наконец, как-то вечером, я столкнулась с ним у театрального подъезда лицом к лицу.

– Маэстро, умоляю вас, выслушайте меня. Вы величайший артист, но вашему искусству не хватает античного танца. Я принесу

его вам. Он – во мне. Этот танец родился у Тихого океана, в горах Сьерра-Невады, в поэмах Уитмена. В этом танце будет жить вечная душа природы...

Огюстин Дэйли не вполне понимал, что ему делать с этой странной худющей девчонкой, которая несла какую-то несусветную чушь. Но что-то во мне, видимо, его привлекло.

– Ладно, – сказал он, – у меня имеется небольшая роль в пантомиме, которую я буду ставить в Нью-Йорке. Пока ничего не обещаю, но если подойдете, получите ангажемент. – Как ваше имя?

– Айседора.

– Красивое имя... Итак, Айседора, до встречи в Нью-Йорке.

Первая репетиция... Она принесла мне ужасное разочарование. Примадонна труппы, звезда пантомимы Джейн Мэй отличалась крайне бурным темпераментом. Она пользовалась любым предлогом, чтобы завестись и устроить бучу. Когда мне сказали, что при слове «вы» я должна указать на нее, при слове «любите» прижать свои руки к сердцу, вот так, а затем яростно бить себя по груди при слове «меня», все это показалось мне слишком смешным. Я проделала это так скверно, как только могла. *(Показывает)*. И не удивительно, что Джейн Мэй нашла меня отвратительной.

– У этой девицы нет никакого таланта, мистер Дэйли, – сказала она. – Немедленно снимите ее с роли.

Я разревелась. Маэстро похлопал меня по плечу и сказал: «Вы видите, Джейн, она очень выразительно плачет. Артистические данные у нее есть, не будьте суровы с этой малюткой...»

Но репетиции были для меня мукой. В одной сцене я должна была объясниться в любви к Пьеро, роль которого исполняла все та же Джейн Мэй. Звучала музыка, я приближалась к Пьеро и целовала его в щеку три раза. На генералке я провела этот эпизод с таким пылом, что на белой щеке Пьеро остался отпечаток губной помады. Тут Пьеро превратился в Джейн Мэй и отвесил мне звонкую оплеуху. Восхитительное вступление в театральную жизнь, не так ли? *(Смеется)*.

В спектакле «Сон в летнюю ночь» в одном из эпизодов я осталась на сцене одна.

Фрагмент «Песни без слов» Мендельсона.

Как я ждала этого момента! На премьере я танцевала так са-

мозабвенно, что раздался шквал аплодисментов. Меня не отпускали со сцены, театр бушевал. Когда же наконец я выскочила в кулисы в своей белой тунике с крылышками феи, сияя от счастья и первого успеха, маэстро... Он учинил мне такой разнос, кричал, топал ногами:

– Здесь вам не мюзик-холл! Это танец в драматическом спектакле, а не ваш концертный номер! Вам только бы сорвать аплодисменты, а на остальное наплевать!

Назавтра в этой же сцене прожектора горели вполнакала. Я танцевала во мраке и ничего, кроме порхающей в глубине сцены белой фигурки, зритель разобрать не мог.

Так прошел год... Я чувствовала себя бедной Золушкой. Мои мечты, надежды – все, все погибло. В трупке меня считали невезучкой. Ни друзей, ни подруг у меня не было. Во время перерыва я не завтракала со всеми – мой кошелек, как всегда, был пуст – а пряталась в какой-нибудь ложе и тут же засыпала от истощения.

– Мистер Дэйли, – сказала я однажды, – зачем вы меня держите? То, что я умею и хочу делать, вам не нужно. Вы мне платите хорошие деньги, но ведь они не приносят радости.

– Чудачка, – сказал он, пожав плечами.

В тот же вечер я покинула труппу.

И почему я такая невезучая? Вечно на распутье, без денег, без работы... Быть может, птица счастья – лишь призрачная тень, бегущая впереди человека?

«Надо уехать, Айседора, – сказала я себе. – В этой стране людей интересуют акции и дивиденды, а не твои античные танцы». Решение покинуть Америку крепло с каждым днем. И вот на скотопромышленном судне – так было намного дешевле! – под рев и стенания нескольких сотен несчастных животных семейство Дункан пересекло Атлантику и очутилось в Европе.

7

Я закрываю глаза и вижу четырех отчаянных смельчаков, которые шагают по лондонским улицам – без денег, без друзей, без убежища на ночь.

Грин-парк, садовая скамейка... Но едва мы расположились на ночлег, как появился огромный полисмен и велел нам немедленно убраться. Двери гостиниц были для нас закрыты, так как

вещей у нас не было, а наш вид не внушал никакого доверия. На четвертые сутки я решилась на отчаянный шаг.

– Послушай, мама, и ты, Элизабет, и ты, Раймонд... Следуйте за мной и что бы я ни делала, молчите.

Я привела их в одну из лучших лондонских гостиниц, подошла к ночному портье и сказала властным тоном светской дамы:

– Мы только что приехали ночным поездом... из этого... из Ливерпуля. Будьте любезны, дайте нам номер получше и распорядитесь, чтобы подали ужин, да поживее! Когда придет наш багаж, немедленно позвоните в номер. Вы поняли?

Весь день мы проспали в роскошных постелях, а на рассвете следующего дня тайком, не заплатив ни пенса, смотались из отеля. (*Хочочет*). О, это была одна из самых шикарных авантюр моей юности!..

Хмурый туманный Лондон ненадолго задержал нас. Сестра Элизабет вскоре вернулась в Америку, Раймонд уехал на поиски счастья в Париж. Я от случая к случаю выступала в артистических кафе.

На одном из вечеров танца я увидела Эллен Терри. Дивную, несравненную Эллен Терри, великую актрису Англии. Казалось, именно для нее создавал Шекспир своих любимых героинь – Дездемону и Офелию, Порцию и Беатриче. Мы долго беседовали с ней, глядя на мерцающие огни камина, и никто из нас не мог тогда предположить, что через несколько лет ее сын Гордон Крэг станет моим мужем.

Крэг... Мы познакомились с ним в Берлине. Я была тогда уже на вершине славы. Мои танцы вызвали в Париже невероятную сенсацию. Вена! Будапешт! Ах, какие это были времена! Впервые я танцевала не для избранных, а в переполненных залах. В Венгрии мое имя сделалось магическим. Однажды в Будапеште мы обедали в небольшом ресторанчике, столик стоял возле окна, выходившего на шумную улицу. Внезапно я увидела, как за стеклом стали останавливаться прохожие. Их становилось все больше и больше. Они улыбались мне, махали руками. И вдруг... огромное стекло вместе с рамой рухнуло, и торжествующая толпа ввалилась прямо в зал! Ни владелец ресторана, ни мой импресарио не могли защитить меня от этих безумцев. Они не отпускали меня до тех пор, пока я каждому не подарила лоскуток своего шарфа.

После триумфа в Будапеште был Берлин, концерт в Оперном театре, где я впервые увидела Крэга... Приглашение в Берлин я

получила еще в Париже. Однажды, как обычно, я занималась в своей студии, импровизируя античные танцы. И не заметила, как в студию вошел румяный улыбающийся господин в меховой шубе с бриллиантовым перстнем на пальце.

– Гутен таг, гнедиге фрау, – сказал он, – я к вам из Берлина. Мы слышали о ваших замечательных танцах босиком... (Как вам нравится это определение моего искусства!). Я представитель самого крупного мюзик-холла и приехал, чтобы предложить вам ангажемент.

– О, благодарю вас, но мои танцы не для мюзик-холла.

– Вы получите много денег, фрау Дункан. Хотите пятьсот марок за вечер? Дадим шикарную рекламу: «Ди ерсте барфусс танцерин – первая босая танцовщица в мире!» Колоссаль, колоссаль! Дас ист зо айн эрфольг! Вас ждет невиданный успех!

– Чтобы я выступала вместе с акробатами и дрессированными собачками? Вы предлагаете это мне? Мне?

– Тысяча марок! – воскликнул он.

– Уходите... Вы... никогда... никогда не поймете, почему артист, даже без гроша за душой, отказывается от тысячи марок за вечер. Я буду танцевать в Берлине! Буду! Но не с вашими собачками, а в театре, который достоин соотечественников Гете и Вагнера! Ауфвидерзеен!

Мое пророчество сбылось. Три года спустя этот же импресарио принес мне цветы в Оперный театр, где для меня играл оркестр Берлинской филармонии. О, это было незабываемо... Зрители пришли в экстаз. Меня не отпускали со сцены, полиция не могла заставить публику разойтись. Несколько десятков молодых людей взобрались на рампу... Я танцевала до полного изнеможения. А после спектакля студенты выпрягли лошадей из моей кареты и с факелами повезли меня по ночным улицам Берлина.

8

В Берлине, на одном из концертов, я обратила внимание на мужчину, сидящего в первом ряду. Обычно я не смотрю на зрителей, я их просто не вижу. Но в тот вечер я чуть ли не физически чувствовала присутствие этого человека. Едва окончился спектакль, он вошел в мою уборную – огромный, с длинными светлыми волосами. Молодой бог с сияющим вдохновенным ли-

цом... С порога обрушился на меня:

– Вы... вы украли мои идеи! Как попали к вам мои декорации?

– Какие декорации? – Я ничего не понимала. – Это мои собственные голубые занавески. Я придумала их, когда мне было пять лет, и с тех пор всегда танцую перед ними.

– Черт возьми, но мои декорации точно такие же! И самое главное, что именно вас, Айседора, я представлял себе в моих декорациях!

– Простите, но все же... кто вы такой? Он помолчал, а потом сказал:

– Я Гордон Крэг.

Боже мой, сын Эллен Терри! Великой актрисы Англии! Лицо Крэга напоминало благородные черты его матери. В нем было нечто женственное, особенно в линии губ, чувственных и тонких. Глаза, сверкающие за стеклами очков, пронизывали меня насквозь.

Словно под гипнозом, я позволила ему набросить плащ поверх моей белой туники. Он схватил меня за руку, мы сбежали по лестнице на улицу, схватили такси и помчались к нему в студию, на Зигмундсхофф, 11. Он открыл дверь, я вошла в огромную комнату с черным навоощенным полом, усыпанным лепестками роз. Все остальное было похоже на сон – дивный, нескончаемый, упоительный сон...

В его студии было пусто. Ни дивана, ни кресла. В течение двух недель мы спали на полу, устроив себе ложе из нескольких пледов и моей шубы. Денег у Крэга, естественно, тоже не было. Обед нам изредка приносили в кредит из соседнего бара. С утра до позднего вечера мы без умолку говорили. О театре, о будущем искусства. Спорили до иступления, ссорились навсегда и тут же мирились.

– Послушай, Крэг, ты можешь говорить о чем-нибудь, кроме театра? У тебя есть какое-нибудь хобби?

– А как же! Охота!

– Вот как? Значит, ты охотник? Расскажи о своих трофеях, это любопытно.

– А у меня их нет, дорогая. Тот зверь, за которым я охочусь, не заяц и не лисица. Стреляю, а пули, понимаешь, так и отскакивают от его толстой шкуры.

Он часто любил говорить загадками.

– Как бы тебе объяснить, Айседора... Видишь ли, я охочусь за сказочным чудовищем.

– За химерой?

– Нет.

– За гидрой?

– Не угадала. А впрочем, это химера и гидра в одном существе, имя которому «театральщина». Ненавижу на сцене фальшь! Якобы самое натуральное небо, якобы самые подлинные деревья, на которых колышатся якобы самые настоящие листочки! Чужья собака! Липа! Бутафория, сработанная в столярной мастерской и раскрашенная театральными мазилками. Целлулоид, папье-маше, проволока, цветная бумага и прочая дребедень, а не живые создания природы. Это тот зверь, которого я в конце концов загоню в капкан – ему не место в современном театре! Ширмы, конструкции могут создать все, что нужно для сцены – углы, улицы, ниши, скалы, башни. Зрителю надо только намекнуть, остальное он поймет и домыслит сам. Мои ширмы...

– Но, дорогой, это мои ширмы! – не сдавалась я, но это вызвало в нем такую вспышку гнева, что я тут же уступала: «Твои, твои ширмы...»

За этим следовали объятия и поцелуи, и в студии вновь воцарился мир.

Несколько раз я пыталась позвонить маме, но Крэг не выпускал меня на улицу.

– Как тебе не стыдно! Великая артистка, а живешь по законам мещанской морали. Нелепо, дико! Ты принадлежишь мне и моим декорациям!

Только потом я узнала, что моя бедная мама обошла все полицейские участки Берлина, обзвонила все морги и больницы в поисках своей пропавшей дочери. Мой импресарио был вне себя – концерты пришлось отменить, публика разрывала театр. Наконец, в газетах было помещено объявление, что мисс Дункан серьезно заболела... воспалением миндалевидных желез! (*Хохочет*).

Через две недели я возвратилась домой. Увидев в дверях Крэга, мама набросилась на него: – Подлый соблазнитель, убирайтесь вон!

На столе, в моей комнате, лежал контракт на турне по России.

– Ты не уедешь! – властно сказал Крэг.

– Это приказ?

– Да. Ты мне нужна здесь.

Я схватила ручку и поставила размашистую подпись.

Гудок паровоза, стук вагонных колес.

– Любимый, с каждой минутой я все дальше и дальше от тебя. Слышишь, стучат колеса: «Как я люблю тебя – как я люблю тебя – как я люблю тебя! До скорой встречи! До моего возвращения к сердцу, в котором я родилась!»

Поезд вез меня в далекую загадочную страну. Из окна я видела бесконечные снежные равнины, безмолвные сказочные леса, одинокие покосившиеся избы... Из-за снежных заносов поезд прибыл в Петербург с опозданием. Русские кучера в толстых тулупах хлопали себя по плечам, чтобы согреться. Был пасмурный рассвет, мы ехали по пустынным улицам. Вдруг возница остановился. Я увидела вдали нескончаемую процессию. Мрачную и горестную...

В тишине возникает песня «Вы жертвою пали...»

Люди несли в руках какие-то длинные черные ящики. Кучер снял шапку и перекрестился. Тут только я поняла, что это... гробы. Один... два... девять... восемнадцать...

Оказалось, хоронили рабочих, расстрелянных накануне перед Зимним дворцом в роковой день 9 января 1905 года. Они пришли просить у царя хлеба для своих жен и детей. Их встретили свинцом...

Я почувствовала слезы на щеках и закрыла лицо муфтой. Нет, никогда, никогда не забуду я этот сумрачный петербургский рассвет, вереницу черных гробов среди снежных сугробов. Нет, искусство бесполезно, если оно не может помочь угнетенным. Я должна сказать рабу: «Встань с колен, разбей оковы, ты – человек!»

И на следующий день, танцуя перед сливками петербургского общества, перед расшитыми золотом мундирами и ослепительными декольте, я высказала им в танце все, что испытала на рассвете минувшего дня.

Через неделю, простившись с Петербургом, я уже была в Москве. На всех моих концертах неизменно присутствовал Станиславский, руководитель прославленного Художественного театра.

– У кого вы учились вашим танцам, госпожа Дункан? – спросил он меня однажды.

Я улыбнулась:

– У Терпсихоры. Я танцую с того момента, как научилась стоять на ногах. Человек, все люди, весь свет должны танцевать, это всегда было и будет так... *(Берет со стола книгу, раскрывает ее)*. Он писал обо мне: «Дункан не умела говорить о своем искусстве последовательно, логично, систематично...» *(Отрывается от книги, в зал)*. Я не теоретик, дорогой господин Станиславский. Разве сороконожка знает, как, в какой последовательности ей нужно ставить каждую из своих ножек?.. Прежде чем идти на сцену, я должна положить себе в душу какой-то мотор. Он начинает работать где-то там, внутри, независимо от меня, и тогда сами ноги, и руки, и тело, помимо моей воли приходят в движение. *(Снова читает)*. «В то время я как раз искал этот творческий мотор, который должен уметь класть в свою душу актер перед тем, как выйти на сцену. Понятно, что я наблюдал за Дункан во время спектаклей, репетиций, исканий, когда она от зарождающегося чувства сначала менялась в лице, а потом со сверкающими глазами переходила к выявлению того, что вскрылось в ее душе...» *(Откладывает книгу)*.

Однажды я рассказала Станиславскому о Крэге, показала его книгу, только что изданную в Лондоне – «Искусство театра». «Очень, очень интересно, – сказал он мне. – Напишите мистеру Крэгу, что я приглашаю его поставить в Художественном театре любую пьесу по его выбору».

Еще до получения ответа я знала, что предложит Крэг. Гамлет! Конечно, Гамлет! Как часто говорил он мне, что чувствует в принце датском родную кровь. «Я ведь тоже рано потерял отца, мать вышла за другого. А призрак отца, видения посещают меня чуть ли не каждую ночь».

Я угадала: Крэг предложил «Гамлета». Станиславский согласился. Но прошло несколько лет, прежде чем Крэг приехал в Москву. Уже после того, как мы с ним расстались... Почему, как это случилось? Ведь мы так любили друг друга...

В России я считала минуты, оставшиеся до нашей встречи.

– Крэг, письмо от тебя – это твое прикосновение, и оно придает мне крепости. Оно пришло с утренними газетами, вот они, на столе, мне только что перевели заголовки... «Тело Дункан словно околдовано музыкой. Она танцует в каком-то вакхическом экстазе». «Ее босые ноги явились сенсацией вечера...» И прочее, и прочее. А мне хочется только одного: убежать прочь от публики и броситься тебе на шею!

Харьков, Киев, Одесса, Варшава! Боже, есть ли конец у этой необъятной страны?!

– Любимый, я получила твою телеграмму перед самым выходом на сцену и от этого словно воспарила. Ты заставил мою душу взлететь, ибо я вся состою из твоей любви и твоих мыслей, и больше ни из чего.

Тридцатое декабря.

– Дорогой, этот ужасный старый поезд опаздывает, опаздывает, опаздывает на целых три часа, три столетия, три вечности – мы приедем около десяти, и моя секретарша, и моя служанка будут тянуть меня домой, но я сбегу от них, как только смогу, и примчусь в дом номер одиннадцать. Дорогой, я возвращаюсь назад, назад из страны снега и льда – у меня такое чувство, будто я покорила Северный полюс. Жди меня, о дорогой, я почти сошла с ума!

Ни одного дня, ни единой секунды мы не могли жить друг без друга. «Милая, несравненная Топси...» – писал он мне. Топси! Это имя Крэг придумал в честь Терпсихоры, музы танца.

– Милая Топси, я живу только благодаря тебе. От тебя исходит вдохновение силой тысяча вольт в секунду.

– Крэг, любимый, ты открыл мне высший смысл красоты. Без тебя я все равно что земля без солнца.

– Ты чудо, Топси! И твой вздернутый носик, и маленький твердый подбородок, и мечтательное ирландское сердце, и небо Калифорнии в твоих глазах – все чудо! В твоём танце я вижу всех женщин мира. И красоту, и покой, и силу, и нежность.

– Крэг, дорогой и далекий! Ты – вино и поэзия жизни. Без тебя холодно и тускло. Ты заставил красоту засверкать для меня. Твоя, вечно твоя Топси. (*Несколько секунд молчит, погруженная в размышления*). Да, я любила Крэга. Но всякий раз, когда он говорил: «Моя работа! Моя работа!», я осторожно возражала: «О да, милый, твоя работа превыше всего. Ты – гений! Но ведь существует и мое искусство!»

– Дорогой, я хочу соблазнить тебя солнечной идеей. Давай встретимся в Каире – мне смертельно хочется повидать пирамиды.

– Пи-ра-ми-ды?! О великий Боже, из чего только сделана твоя головка! Неужели я брошу свою работу и последую за тобой, чтобы зевая шляться в этом загробном царстве? А вслед за этим ты позовешь меня в Стокгольм, а потом в Мюнхен, а оттуда в Ма-

дрид... Ведь маленькой Айседоре не сидится, она вечно куда-то мчится...

«Моя работа!» – это звучало как приговор, не подлежащий никакому обжалованию. Наши споры часто заканчивались грозным и тягостным молчанием. Затем во мне пробуждалась встревоженная женщина:

– Дорогой, я обидела тебя?

– Я не обижаюсь на женщин: они все несносны. А ты, дорогая, часто просто невыносима.

– Я? Крэг, я невыносима?

– Помолчи. В данный момент ты просто мешаешь мне думать.

Он уходил, хлопнув дверью. Всю ночь я проводила в рыданиях, мечтая, чтобы он вернулся. Эти сцены стали повторяться все чаще и чаще и вскоре привели к тому, что наша жизнь стала совершенно невозможной.

– Почему бы тебе не бросить театр? – сказал он однажды. – Вместо того, чтобы размахивать руками на сцене, ты бы лучше сидела дома и точила мне карандаши.

– Ты... ты в своем уме? Это я размахиваю руками? Я?

– Да, ты!.. Аэроплан вызывает у меня больший восторг, чем танцовщица, которая прыжками стремится подражать птице. Актер вообще не нужен современному театру. Я заменю живого человека маской, марионеткой, мне не нужны эмоции и переживания – я хочу воплотить на сцене философию духа.

– Замолчи, Крэг! Я не желаю больше тебя слушать!

Изо дня в день продолжалась эта нескончаемая битва между гением Крэга и моим искусством... Но вскоре кроме нас двоих в ней стало участвовать еще одно существо.

– Я хочу, чтобы ты знал, Крэг, что среди сотен раз, когда ты меня целовал, есть один, когда ты подарил мне ребенка. Да, да, он во мне, любимый, и я не могу сдержать своего счастья, иногда у меня очень острые приступы счастья, как сейчас... Давай напишем нашему будущему малышу, что мы думаем о нем.

Я взяла лист бумаги и написала: «Дорогой малыш, если ты появишься, то знай, что ты был очень желанный». Пиши теперь ты, Крэг.

Он на секунду задумался и дописал: «И ты, малыш, узнаешь, что и твоя мать была желанна. Была, есть и будет желанна до самого конца!»

Слова, слова... 24 сентября 1906 года, после двух дней и ночей мучений, я родила синеглазое существо – точную миниатюру с

Эллен Терри, матери Крэга. Как я гордилась своей новой ролью! О женщины, думала я, зачем мы так стараемся стать адвокатами, художниками, скульпторами, продавщицами, учительницами, когда существует, такое чудо? Я чувствовала, что я Бог, Создатель, что я сотворила то, что неподвластно никаким художникам – ребенка! Но ни голубые глазенки Дидры, ни ее золотые кудряшки не укрепили наш союз. Я по-прежнему обожала Крэга, но ясно понимала, что разлука с ним неизбежна.

Жить с Крэгом – означало отречься от своего искусства, от себя, от самой жизни. А без него? Я представляла его в объятиях другой женщины, видела его нежную улыбку, предназначенную не мне, слышала его голос, обращенный к новой поклоннице: «Вы знаете, эта Айседора была просто невыносима!» Я мучилась, рыдала, грызла свое сердце. Я не могла работать, не могла танцевать. Нет, нет, нет! Надо положить конец этому безумию! Я не Топси! Я Айседора Дункан! Я не могу отказаться от танца! Я умру с горя, я перестану существовать! И я нашла в себе силы, чтобы отречься от любви...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Я осталась одна, но со мной была златокудрая Дидра и второе дитя – моя школа. Еще с юности я была одержима идеей создать школу свободного танца. По ночам, стоило лишь закрыть глаза, я видела перед собой девочек и мальчиков в белых туниках, танцующих под звуки Девятой симфонии Бетховена.

Конечно, открытие школы без необходимого капитала, без тщательного отбора учеников – затея нелепая и опрометчивая. Но разве я тогда задумывалась над этим? Были деньги, мечта юности казалась такой близкой...

Мы сняли виллу, купили сорок кроваток, поставили фигуру амазонки в центральном зале, а танцкласс украсили барельефами пляшущих детей... Я так жаждала поскорее заполнить эти сорок кроваток, что брала ребят без разбора – просто, как говорится, за красивые глаза. И вот уже через несколько месяцев мальчики и девочки – мои дети! – танцевали на зеленой лужайке перед моим домом. Зрелище это было поистине волшебным!

Но неоплаченные счета за школу росли с каждым днем. Кредиторы осаждали меня, счет в банке был пуст. Я стояла на пороге полного финансового краха. Однажды я шутя сказала своей сестре Элизабет: «Нам нужен миллионер. Мы должны во что бы то ни стало разыскать его». Он явился сам. Все дальнейшее произошло как в сказке. Но в сказке с печальным концом...

Как-то утром, перед дневным спектаклем, я сидела в своей гримуборной в парижском театре «Лирик де ля Гатэ». Мои волосы были завернуты в папильотки и прикрыты кружевным чепчиком. Вошла горничная и положила передо мной визитную карточку: «Парис Зингер». Семейство Зингеров, фабрикантов швейных машин, было известно всему миру. «Вот мой миллионер! – вскричала я. – Впустите его!».

Он вошел – высокий, белокурый, с вьющимися волосами и красивой светлой бородкой. Таким я представляла себе вагнеровского Лоэнгина, рыцаря и защитника женщин.

– Я восхищен вашим искусством и вашей смелостью, – сказал он. – Хочу помочь вам и вашей школе. Что я могу для вас сделать?

Через несколько дней я и сорок моих детей танцевали среди апельсиновых деревьев на его вилле, на берегу Средиземного моря. Так начиналась эта сказка...

Всю зиму мы провели в Египте, катаясь по Нилу...

Когда дагоба – нильское судно – медленно плывет по течению, душа устремляется за тысячу, за пять тысяч лет назад, сквозь мглу прошлого к воротам вечности... Пурпуровый восход солнца, золотые пески пустыни, крестьянские женщины с глиняными сосудами на голове. И моя Дидра, танцующая на палубе. Увидев сфинкса, она воскликнула: «Мама, гляди, какая большая игрушка!».

Дагоба медленно двигалась под пение матросов. Неповторимые, сказочные ночи! Наше судно, казалось, раскачивал ритм эпох. Конечно, я была влюблена и счастлива. Однажды Лоэнгрин попросил меня почитать стихи. Я с радостью согласилась.

Ты, воздух, без тебя мне ни говорить, ни дышать!

Ты, свет, что окутал меня и все вещи нежным

и ровным дождем!

Вы, торные кривые тропинки, бегущие рядом с дорогой!

Вы, тротуары, мощные плитами!

Вы, крепкие каменные обочины улиц!

Вы, пароходики! Вы, доски и столбы пристаней!

Вы, суда в строительных лесах!

Вы, корабли...

– Прекрати! Что за вздор ты несешь?

Я увидела перед собой искаженное яростью красивое лицо Лоэнгринна.

– Кто мог написать эту галиматью?

– Это мой любимый Уитмен.

– Бродяга и бездельник, вот он кто.

Мелькнуло лицо Крэга. Океан. Волны, скалы, стихи...

– Ты для меня Уитмен танцующий, – говорил Крэг. – Ты и он – это ведь сама жизнь...

– Парис, дорогой, неужели ты не чувствуешь красоту его поэтических грез?

– Нет. Я их презираю.

Да, так сказал мой Лоэнгрин. Нет, не Лоэнгрин, а Парис Юджин Зингер, миллионер, владелец десятков фабрик, на которых покорные рабы изо дня в день умножали его несметные богатства. Но... такова уж природа влюбленной женщины: я обо всем забывала в его объятиях, и дагоба плыла все дальше и дальше по

голубому Нилу...

Летом он привез меня в Англию, в Девоншир, в загородное поместье Зингеров. Первые дни я покорно подчинялась размеренному, чисто английскому распорядку жизни миллионеров. Вставали рано – ох, какая мука! – обильно завтракали, потом надевали плащи и непременно шли гулять до ленча, во время которого съедали множество блюд. Потом фэйф-о-клок, после чая бридж, затем подготовка к ужину, где в полном вечернем наряде надо было съесть еще пятнадцать или двадцать блюд. По истечении двух недель я была доведена до отчаяния.

Видя мое уныние и хандру, Зингер решил устроить вечеринку. Я обрадовалась. Чтобы доставить Лоэнгрину удовольствие, надела длинное белое шифоновое платье и бриллиантовое колье, которое он в этот день подарил мне. Все шло отлично, пока не начались танцы.

Музыка.

Я захотела станцевать танго с молодым аргентинцем, о котором говорили, что он самый известный танцор в Южной Америке. Мы танцевали свободно, раскованно, чувственно... Чопорные англичане с негодованием глядели на нас. Лоэнгрин нервно подергивал плечами – признак крайнего нетерпения и беспокойства. Едва мы закончили танец, он вышел на середину, схватил аргентинца за воротник и вышвырнул вон из зала.

– Ах, вот как! – Я вся тряслась от ярости. – Это шуточки богачей? Ты что, купил меня и можешь делать все, что хочешь?

С яростью я рванула колье, бриллианты посыпались на пол. Я опрометью, расталкивая гостей, выбежала из зала. Он бросился за мной.

– Айседора! Остановись!

Нагнал меня в коридоре. Схватил за руки – огромный, как скала, шесть футов и шесть дюймов.

– Ты... понимаешь, что ты натворила?

– Нет! Потому что я другой крови, чем ты.

– Айседора, умоляю тебя – прекрати эти публичные скандалы. И еще... Если уйдешь от меня, я погибну. Все.

Он резко повернулся и ушел.

А через день мы стояли на палубе океанского судна, которое держало курс к берегам Америки.

Началось длиннущее турне по Штатам. Однажды какая-то

дама бросила мне на сцену записку: «Дорогая мисс Дункан, ваша беременность видна из восьмого ряда. Вы рискуете здоровьем будущего ребенка».

А вскоре родился Патрик – вылитый Лоэнгрин, ни капельки не похожий на меня.

– Какой же он симпатичный, мамочка, – шептала Дидра, разглядывая его. – Я буду носить его на руках, пока он не научится ходить.

Я вспомнила эти слова, когда мертвая Дидра сжимала своего брата окоченевшими ручонками. Но тот черный день еще не настал. Я еще счастлива и окружена любовью. Лоэнгрин настаивает, чтобы мы поженились.

– Дорогой, я артистка. Неужели тебе не надоело сопровождать меня в бесконечных поездках?

– Ты для меня прежде всего любимая женщина. Я хочу видеть тебя не из театральной ложи, не в бинокль, а дома, в окружении наших детей, и чтобы каждый миг был наполнен радостью и светом.

Он еще не знал, что я уже подписала контракт на новые гастролы в России.

Любовь и Искусство... Две гордые птицы, распластав свои крылья, летят над моей жизнью, над моей судьбой. Соперницы в борьбе за мою душу, они ссорятся, визгливо кричат, клюют друг друга. То Любовь впивается в мое бедное сердце – и тогда прощай, Искусство. То властный зов Терпсихоры трагически обрывает пронзительный клич Любви...

В Москве, в мою гостиницу, неожиданно пришел Крэг.

Резкий аккорд. В музыке – тема Крэга, их первой встречи.

В течение одной короткой минуты, самой первой минуты нашей встречи, я была на грани того, чтобы поверить, что ничто для меня не имеет значения – ни школа, ни Лоэнгрин, ни все остальное, кроме бесконечного счастья видеть его вновь.

– Я большой дурак, который упустил свой мячик в реку.

Лицо Крэга казалось спокойным, лишь пальцы, постукивающие по набалдашнику трости, выражали крайнее нетерпение.

Он взглянул на меня, ожидая ответа.

Я молчала. Сердце безумно колотилось в груди. Он ждал.

– Нет, Крэг... Уходи, прошу тебя... Не надо.

Он хлопнул дверью и ушел. Больше я его никогда не видела.

Прошлое, настоящее и будущее похожи, вероятно, на бесконечно длинную дорогу. Мы не можем разглядеть, что там, впереди. Нам кажется, что будущее далеко, за горизонтом, а оно уже подстерегает нас.

Часто с балкона своего дома я любовалась Дидрой, глядя, как она слагает свои танцы.

– Мамочка, смотри, сейчас я птичка и лечу высоко-высоко под облаками... А сейчас я знаешь кто? Цветок, розочка... Она глядит на птичку и раскрывается...

Я видела в ней продолжение самой себя. Когда-то листья пальмы, дрожащие от утреннего ветерка, помогли мне создать один из первых танцев – и свет порхал по моим рукам, кистям и пальцам, будто лучи солнца, ласкавшие листья.

Патрик тоже начинал танцевать – под музыку, которую он придумывал сам. Он никогда не позволял мне учить себя: ведь тебя, мама, тоже никто не учил...

Тот день, самый черный в моей жизни... Накануне кто-то прислал мне книгу в роскошном переплете: «Ниобея, оплакивающая детей своих». Со смутной тревогой листала я страницы. И вдруг перед глазами возникли слова: «Чтобы тебя покарать, стрелы богов пронзили головы преданных тебе детей». Что это значит? Предупреждение? Глупая шутка? Угроза?

Мои малышки... Во сто крат больше, чем мое искусство, в тысячу раз сильнее, чем любовь мужчины, они наполняли мою жизнь счастьем. Но эта книга... Кто и с какой целью прислал ее мне?

Внезапно зазвонил телефон. Я узнала голос Лоэнгрин:

– Айседора... Давай встретимся в городе. Мне так хочется повидать тебя и детей.

Я обрадовалась, ведь мы несколько дней были в ссоре. Он любит меня, он хочет видеть малышей! Да, да, я еду! Еду!

И тут няня сказала:

– Собирается дождь. Не лучше ли оставить деток дома?

Сколько раз, точно в ужасном кошмаре, я прокручивала в памяти эти слова предостережения. Почему я не придавала им значения в тот миг, почему?

Лоэнгрин встретил нас на Плас Пигаль, мы весело позавтракали в итальянском ресторанчике: ели спагетти, пили кьянти, говорили о будущем.

– Я построю для тебя новый театр, – сказал Лоэнгрин. – Это будет театр Айседоры.

– Нет, возразила я. – Это будет театр Патрика. Он станет великим композитором, вот увидишь! Он создаст музыку для танцев будущего.

Мы посадили детей в автомобиль – им нужно было возвращаться домой. Дидра прижалась лицом к окну. Я в шутку поцеловала ее в губки через стекло. Оно было холодным, словно поцелуй Смерти...

Проводив детей, я поехала в студию. Пианиста еще не было. Надев белую тунику, я ходила по залу, ела конфеты и думала: «Я самая счастливая женщина в мире. Я молода, знаменита, у меня чудесные дети, любовь. Сегодня исполнилась мечта моей жизни. У меня будет театр, свой театр!»

И в эту минуту вбежал Лоэнгрин. Лицо его было искажено ужасом.

– Айседора! – крикнул он и задохнулся. – Наши дети!.. Они погибли...

Оборвалась струна, визжа и рыдая. Нарастая, звучит трагическая музыка.

Осознать, что произошло, невозможно – это не под силу разуму. Машина с детьми выехала на набережную Сены. Наперерез ей выскочило такси. Наш водитель круто свернул к реке. Мотор заглох. Шофер вышел, завел мотор и вдруг... Машина двинулась на него, он отскочил в сторону. Автомобиль с детьми с ходу упал в Сену... Пока шофер бегал зачем-то к моей сестре Элизабет, колотил там в дверь – ее не оказалось дома – время, время шло... Только через час машину подняли краном. Мне говорили потом, будто Дидра еще дышала...

Я не мистик, но в этой страшной истории много такого, что, если вдуматься, – сойдешь с ума... Еще до меня Лоэнгрин был увлечен женой профессора Дуайена. Лоэнгрин строил для него больницы, создавал рекламу. Когда он оставил эту женщину ради меня, Дуайен лишился финансовой поддержки. Можете представить себе, как он стал меня ненавидеть! Деньги, деньги, везде эти проклятушки деньги! То, что произошло, это его месть. И книга, присланная по почте, и то, что шофер, уйдя от меня, купил себе роскошную виллу за пятьдесят тысяч франков (цена моих детей!) – разве это случайность? Безумный мир, где все продается: человеческие чувства, искусство, сама жизнь...

Страшные предвестники моего горя задолго до этого дня возникали в моих снах. То я видела, как снежные сугробы превращались в маленькие гробики... То черные зловещие птицы летали под потолком студии, пугая меня своими криками. Три сугроба, три черных птицы... Почему три? Только потом я поняла эти знаки судьбы...

Есть горе, которое убивает, хотя со стороны кажется, что человек продолжает свою жизнь. Я пыталась спастись бегством – от себя, от грызущих голову мыслей, от людей. Я носилась, как призрачный корабль по призрачному океану, меняя города и страны. Ночи я проводила без сна, ожидая утра. А днем, затворясь от людей, мечтала о наступлении ночи. Я заплывала далеко в море – так далеко, чтобы не хватило сил вернуться, но сила жизни всякий раз выталкивала меня на берег.

Как-то в серый осенний день, бродя по дюнам, я внезапно увидела впереди себя детей. Моих малышей... Они шли, взявшись за руки.

– Дидра! Патрик! Не уходите! Это я! Я!

Как безумная, я бросилась за ними, но они побежали вперед.

Я кричала, звала – все напрасно. Через мгновение две маленькие фигурки растворились в прибрежном тумане. Страх овладел мной: неужели я схожу с ума? Бросилась навзничь, на сырой песок, и зарыдала.

Вдруг чья-то рука коснулась моих волос. Я вздрогнула. Передо мной на корточках сидел незнакомый смуглый парень в грубой крестьянской одежде.

– Вам плохо, синьора?

Я глядела на него безумными глазами.

– Может, вам помочь?

– Да, да, спаси меня. Не жизнь – я все равно умерла. Спаси мой рассудок... Да, да, голову мою. Подари мне ребенка, маленького ребеночка, бамбино... Ты понял?

Я схватила его за руки и легонько притянула к себе.

С того дня я его больше никогда не видела. Кто он? Откуда? Я даже не поинтересовалась, как его зовут. Для меня это не имело никакого значения! У меня снова будет ребенок! Мой малыш! Мой бамбино!

1 августа у меня начались схватки. «Война! Война!» – кричали

под моими окнами продавцы газет. «Выстрел в Сараево!.. Кайзер Вильгельм предъявил ультиматум... Франция и Англия объявили о начале мобилизации...».

К вечеру на кровати рядом со мной лежал мой сын. Маленький, слабый, он непрестанно кричал и дергался. Через несколько часов судьба унесла его от меня. И снова все рухнуло в бездну. Теперь уже трое моих малышей брели по ту сторону жизни. Дидра, Патрик, Бамбино... Взявшись за ручки и улыбаясь невидящими глазами, они звали, звали меня к себе... Три снежных сугроба, три черные птицы... Три, три, три...

Своим спасением я обязана Элеоноре Дузе – великой актрисе и мудрой женщине. Я жила тогда на ее вилле. Однажды в сумерках она вошла в мою комнату. Обняла, тихо и властно сказала: «Айседора, вы должны вернуться к вашему искусству. Я вам призываю – в этом ваше единственное спасение».

И наступил день, когда, преодолев себя, я уехала в Париж. Пришла в студию, вошла в большой танцевальный класс с голубыми занавесками. Стайка учениц окружила меня. Мои девочки, как я рада снова увидеть вас!..

Они не пытались утешить меня. Они просто сказали:
– Айседора, живи ради нас. Разве мы не твои дети?

12

В музыку вторгается фонограмма войны: грохот артиллерийских снарядов, разрывы бомб, треск пулеметных очередей.

В безумном мире бушевала война. В сводках сообщалось о тысячах убитых и раненых. Осенью 1914 года мою школу закрыли. В ее помещении был размещен военный госпиталь. Со стен сняли барельефы танцующих детей – вместо них во всех комнатах висели дешевые распятия. Не было и голубых занавесок в большом танцевальном зале: здесь тоже стояли койки с ранеными. Санитары, тяжело ступая по коридорам, вносили все новых и новых мучеников.

В 1915 году я подписала контракт и уехала в Америку. В Сан-Франциско, городе моего детства, я встретила маму, которую уже не видела много-много лет. Безжалостное время превратило ее в тихую маленькую старушку. Однажды, во время завтрака, я увидела в зеркале наши отражения – мое печальное

лицо, ее седину и морщины – и вспомнила тех отважных смельчаков, которые почти двадцать два года назад пустились в путь с надеждой обрести славу и богатство. Надежды исполнились – почему же результаты оказались столь трагическими? Может быть, так называемого счастья и вовсе не существует? Разве что мимолетные его просветы?..

Война, кровопролитие, удушливые газы – все это было там, в далекой Европе, за тысячи миль от Штатов. Нью-Йорк был охвачен горячкой джазбандов. Дельцы Чикаго и Детройта наживались на военных поставках. И вдруг – это было в 1917 году, я выступала тогда в «Метрополитен-опера» – пришла весть о революции в России.

Не знала я тогда, как это известие изменит мою судьбу.

Звучит «Марсельеза».

13

Прошло несколько лет. Мне так и не удалось возродить свою школу

– Дамы и господа, – зывала я к публике после каждого концерта. – Я обращаюсь к вам за помощью. Мое искусство умрет вместе со мной, если вы не поможете мне создать школу нового танца. Я надеюсь, господа, что вы услышите мой призыв.

Я направляла свои послания богачам-миллионерам, писала королю Англии, правительствам Франции и Германии. Но отовсюду приходили вежливые отказы: «Мы вас любим, дорогая Айседора, но поймите... война, инфляция... безработица... Мы будем иметь в виду... при первой же возможности...». И все в таком же духе, с неизменными восторгами по поводу моего искусства.

Отчаявшись, я написала в красную Москву. Ответа долгое время не было. И вдруг...

Стук телеграфного аппарата.

Голос по радио: «Лондон. Айседоре Дункан. Советское правительство приглашает вас в Москву. Приезжайте. Мы создадим вашу школу.»

Всего несколько слов, но они решили мою судьбу. Я стала готовиться к отъезду. Сердце ликовало. Да, я еду к вам, еду! Я буду

обучать ваших детей, мы создадим академию революционных танцев.

Ах, как меня начали травить! Пугали, называли безумной...

– Дорогая Айседора, умоляем вас: не едьте в Россию!

– Неужели вы думаете, что комиссарам нужны ваши танцы?

– Вас изнасилуют пьяные матросы!

– Ради всего святого, откажитесь от этой безумной затеи!

– Нет, господа, нет! Я женщина рискованная. Чем страшнее, тем интереснее. Прощайте! Я еду танцевать в страну большевиков!

14

Бой кремлевских курантов.

Часовой Кремля, курносый парнишка в фуражке с красной звездой, долго и внимательно рассматривал мой пропуск, подписанный наркомом просвещения Луначарским. Затем наколол его на штык и взял под козырек. Я улыбнулась ему и вошла в Кремль...

Голос по радио: «Председателю комиссии по снабжению рабочих при народном комиссариате продовольствия товарищу Халатову... Дорогой товарищ! Обращаюсь к вам по вопросу совершенно исключительно. Как вы знаете, мною приглашена была товарищ Дункан. Настроение ее очень хорошее и дружественное по отношению к нам, и она, безусловно, может быть нам полезна, но первым условием для ее полезной деятельности является питание... Вот почему я прошу установить для Дункан и ее ученицы два полных совнаркомовских пайка. Нарком по просвещению Луначарский.»

– Спасибо, но мне ничего не нужно, – сказала я наркому. – Я готова есть хлеб и соль, только дайте мне тысячу мальчиков и девочек из самых бедных пролетарских семей. И я сделаю вам из них грациозных людей, достойных новой эпохи... И ничего, что вы бедны, что вы голодны, мы все-таки будем танцевать!

Глаза Луначарского весело блеснули за стеклышками пенсне:

– Будем танцевать, товарищ Дункан. Непременно будем!

Товарищ Дункан... Непривычно и странно прозвучали для меня эти слова. Леди, мисс, синьора, фрау, мадам – как только ни обращались ко мне в разных странах. Товарищ... Так называли меня впервые.

В автомобиле наркома я ехала по улицам Москвы. Заколочен-

ные витрины магазинов, люди в обносках и лохмотьях, чумазы ребятишки, изрытые ямами мостовые... Москва 1921 года. И вот в этой нищей, разоренной стране какая-то сумасбродная дама мечтает – ну как вам это понравится! – о каких-то фантастических танцах будущего! Это абсурд, Айседора! Ты просто сошла с ума!

На Воробьевых горах наша машина остановилась. Я указала рукой на обрывистый склон: – Вот здесь должен быть грандиозный театр без стен и крыши. Я уже вижу, господин... нет, нет... товарищ Подвойский, гирлянды девочек и мальчиков, которые танцуют перед тысячами зрителей.

Подвойский только улыбнулся:

– Милая Айседора, мы еще только рубим глыбы мрамора, а вы уже хотите обтачивать их тонким вашим резцом. Начните заниматься сперва с небольшими группами детей, а уж после этого откроем вашу школу.

15

Лирическая русская мелодия.

– Как тебя зовут, девочка? Давай познакомимся. Я – Айседора. А как твое имя? Таня? Какое красивое – Таня! Кто твой папа, Таня? Машинист? А мама? Прачка? А ты сама кем хочешь стать, когда вырастешь? Еще не знаешь? Ну, хорошо, скажи мне, Таня, ты любишь танцевать? Очень? Прекрасно! Послушай, как я произношу твое имя: Та-а-а-а-а-ня... Т-а-а-а-а-ня!.. Будто ветер подул, не правда ли? Та-а-а-а-ня... А ты березка в лесу. Ветер тронул твои зеленые листочки, и они заколыхались, заволновались... А ветер подул сильнее, на небе собрались тучи, вот-вот хлынет дождь. Маленькая березка дрожит от холода, она борется с жестоким, колючим ветром. А он пригибает березку к земле, хочет сломать. «Нет, ветер, ты не одолеешь меня, – упрямо твердит маленькая березка. – Я все равно буду жить на земле!». И ветер, выбившись из сил, затихает. Снова выходит доброе солнышко. Оно ласкает тебя, нашу маленькую березку, своими нежными, теплыми лучами... Ну вот...

Ты мне все очень хорошо показала, Таня. Приходи ко мне завтра. Мы опять будем с тобой танцевать. Приходи. Айседора тебя ждет.

Моих питомцев стали называть смешным словом «дунканята». Не забуду тот день, когда мы впервые выступали в Москве. Волновались все, а больше всех я. Ведь мы участвовали в праздничном концерте, посвященном четвертой годовщине революции.

Большой театр... Кумачевые полотнища на позолоченных ярусах, над бывшей царской ложей. В зале, как мне сказали, рабочие, солдаты, крестьяне. На самом же деле – только я узнала об этом позже – это были партийные функционеры, ответственные чиновники из наркоматов и прочая большевистская элита.

Вдруг – аплодисменты. Еще до начала концерта, в чем дело? Мы стоим в кулисах, ничего не понимая. Вижу Луначарского, он торопливо подходит ко мне. «Ленин пришел, Айседора, – шепчет он мне на ухо. – Держитесь!

Фрагмент музыки «Интернационала».

Я танцевала, как никогда. Я превратилась в пламя радости, в пылающий факел, зовущий людей к свободе. Я и мои питомцы танцевали под пение всего зала. И вместе со всеми, как мне показалось, стоя в правительственной ложе, пел Ленин...

Мы выступали с концертами перед шахтерами Донбасса, перед моряками «Авроры», во многих больших и малых русских городах. А потом...

16

Яркий свет внезапно сменяется полумраком.
Дрожит, колеблется огонек свечи.

Мужской голос:
Закружилась листва золотая
В розовой воде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем глядит на звезду...

В тот вечер я была в гостях у художника Георгия Якулова. В его студии, как обычно, собрались известные московские артисты, музыканты, поэты.

Мужской голос:
Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок к сердцу желтеющий дол.
Отрок ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе, и в долине прохлады,
Синий сумрак, как стадо овец.
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец...

Кто читает эти стихи? Где он? Я хочу его видеть...
Якулов подвел ко мне человека в светлосером костюме.
– Это наш знаменитый поэт Сергей Есенин.

Легкий поклон.

– Айседора.

Из-под копы золотых волос на меня глядели голубые глаза
моего Патрика. Я бросилась в эти глаза, как в сказочные озера, и
они поглотили меня целиком!..

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад .
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат...

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет...

Целый вечер он не отходил от меня и читал, читал свои необыкновенные стихи. Я ничего не понимала, ни единого словечка. Я слушала их, как музыку...

Будто лавина солнечного голубого снега обрушилась на нас двоих. Сбила с ног, закружила, понесла вниз – в зияющую неотвратимую пропасть... Я задыхалась от счастья, я забыла обо всем на свете, кроме тебя, Есенин! Безумие, бред, наваждение!..

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастье,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь – зараза,
Я не знал, что любовь – чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

Есенин! Это был спасительный круг, брошенный мне судьбой,
моя лебединая песня.

Знал ли он, что между нами пятнадцать лет?

Перед бракосочетанием я отдала свой французский паспорт
нашему общему другу.

– Умоляю вас, измените мой возраст. Мы не чувствуем этих
пятнадцати лет. Но завтра... завтра мы отдадим паспорта в чу-
жие руки. Ему, может быть, это будет неприятно. Прошу вас, не
для меня – ради Есенина.

2 мая, в день регистрации нашего брака, я стала моложе на
целых шесть лет! Нет, судьба, мне было в тот день восемнадцать!
Есенин привез меня в кафе поэтов «Стойло Пегаса». Мы собра-
лись в самой большой комнате, было много цветов, пили шам-
панское, смеялись. Тосты следовали один за другим. Глаза Есени-
на сияли счастьем.

Но среди улыбок и приветствий я ловила на себе косые взгля-
ды, слышала за спиной неодобрительный, ехидный шепоток:

- Женился на ее славе и богатстве.
- У нее золотой дворец в Париже, слышали?
- И миллионы в швейцарских банках.
- Эх, Сергунька, пропала твоя головушка...

Ни золотого дворца, ни миллионов у меня, к сожалению, не
было. Библиотека, мебель, все мое имущество было расхищено,
на счет в банке наложен арест. Но людская молва упорно считала
меня миллионершей.

Веселье в кафе поэтов продолжалось далеко за полночь.

Есенин влез на стол, вытянул вперед руку. Все смолкли.

– Други мои, черти полосатые! Сын у меня непременно будет,
да такой, что и отца за кушак заткнет!

И он стал читать стихи.

Я уже многое могла понять – ведь каждый день полтора часа я
посвящала русскому языку.

«Красный карандаш лежит на парте», – произносила, тща-
тельно артикулируя каждый слог, моя учительница.

Крас-ни кэ-рэн-даш...

– Нет, нет, милая Айседора. Повторяйте за мной: «Красный карандаш лежит...». В конце концов я взрывалась:

– К дьяволу этот красный карандаш! Миссис Ольга, научите меня, как сказать моему красивому молодому мужу, что я хочу его поцеловать!

Одним из первых в мой лексикон вошло русское слово «почему». Оно было как ключик, которым я пыталась открыть тайны этой непостижимой страны. Но вместо вразумительных ответов мне лишь виновато улыбались и загадочно разводили руками.

Они не могли ничего ответить на мои дурацкие «почему».

Почему, например, из дома на Пречистенке, где поселили меня, нужно было безжалостно выселить чуть ли не на улицу несколько бедных семей? Почему?

Почему до сих пор моя школа не имеет помещения, зато шестьдесят бездельников – секретарей, уборщиц, машинисток, бухгалтеров, поваров – регулярно получают денежки за работу в несуществующей школе. Почему?

Почему танец «Угнетенная рабыня», который я всегда танцевала на Западе под звуки царского гимна, здесь был запрещен чекистами как пропаганда контрреволюции? Почему?

Таинственно улыбается, показывает пальцем вверх.

«Молчи!» – советовали мне друзья. Но однажды я не выдержала. Был какой-то революционный праздник. На официальный прием пригласили меня и Есенина. В бывшем особняке сахарного короля, в роскошной обстановке стиля «ампир» расположились партийные бонзы в вечерних нарядах. Лилось рекой шампанское, известная певица ублажала этих большевистских нуворишей оперными ариями.

– Что же изменилось в этом зале? – громко воскликнула я. – До вас здесь так же сидели те, кого вы прогнали. В тех же самых безвкусных креслах, на тех же роскошных диванах. Теперь вы упиваетесь своей властью. Вы... вы не революционеры! Вы просто новые буржуи!

Шум, переполох! Есенин хохотал:

– А ты, мать, хулиганка! Приехала, понимаешь, дама из Амстердама и учит наших братишек революционному духу. Молодчина! Поскребла их заскорузлые душонки! Я ведь тоже большой любитель скукотищу разметелить!

Мой выпад против партийных чинов явно был ему по душе, хотя ни в какие политические дискуссии он со мной не вступал. Только однажды услышала я от него то, что, видимо, было спрятано глубоко в душе.

– Понимаешь, Изадора... Они строят социализм стальных машин, а не живых людей. Не тот социализм, о котором я думал. Без славы и мечтаний. Тесно в нем будет живому... Случай был, помню: рядом с нашим поездом скакал маленький жеребенок. Так ему, сердечному, хотелось коня стального обогнать.

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?
А за ним
По большой траве,
В празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?
Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Я рассмеялась.

– Ты чего?

– Дуралей-жеребенок – это я. Месяц как открыли школу, а уже проблемы: продуктов нет, дров нет, в классах холодно. А я, как пони, бегаю по кругу: то к одному начальнику, то к другому. А вчера Луначарский сказал такое страшное слово... Сейчас, забыла, длинное такое... Ага, са-мо-оку-паемость! Денег у правительства нет, зарабатывайте себе на жизнь сами. Устраивайте, мол, концерты, гастроли. А куда ехать, Есенин? Нищая страна, тупик! ...Слушай, а что если...

Стук телеграфного аппарата.

Голос по радио: «Импресарию Юроку, Соединенные Штаты, Нью-Йорк. Можете ли организовать мои спектакли с участием моей ученицы Ирмы, двадцати восхитительных русских ленно. Айседора Дункан.»

Пауза. Снова, потрескивая, стучит морзянка.

Голос по радио: «Интересуюсь.
Телеграфируйте условия и начало турне. Юрок.»

Стали готовиться к отъезду. Вдруг – как гром среди голубого неба. Правительство Соединенных Штатов отказалось выдать визы ученикам моей школы. Неужели ты испугалась русских детей, Америка? Моих «дунканят»? Нет, нет, Есенин, мы все равно поедem. Ты мой муж, пусть попробуют не дать тебе визу! Ты один заменишь древнегреческий хор. Слово поэта и танец создадут такое гармоническое зрелище... Клянусь, мы покорим весь мир!..

17

Первые концерты состоялись в Берлине. Репортеры окружили меня и Есенина.

– Да, господа, я почти год провела в красной Москве. Как видите, не умерла голодной смертью, даже чуть-чуть пополнила. Представьте себе, меня не изнасиловали на границе и не расстреляли. Вот так! Работают ли в Москве театры? (*Смеется*). Каждый день до сорока спектаклей. Мой великий друг Станиславский, глава Художественного театра, с аппетитом ест бобовую кашу вместе со всей семьей, но вы бы поглядели, что он творит на сцене! Шедевры, какие вам и не снились!.. Что? Не слышу вашего вопроса... Да, я приехала сюда со своим мужем – замечательным поэтом Сергеем Есениным. Правда, ваше германское правительство признало наш брак, совершенный по советским законам, недействительным. Ну, что же, мы повторили сегодня эту приятную процедуру. Я вышла за Есенина второй раз. Хотите, могу в третий, и в четвертый, сколько вам угодно! Есенин, это вопрос к тебе: самый счастливый год в твоей жизни? Он отвечает, господа: зима тысяча девятьсот девятнадцатого. В комнате пять градусов, дров ни полена, только писание стихов помогает согреться. Много стихов написал в ту зиму, потому и был счастлив... Что? Как он пишет стихи? Есенин, расскажи журналистам. Он говорит, господа: как присяду перед обедом на полчаса... (*Хохочет*). Так, говорит, и напишу стишка три-четыре! (*Меняя тон, залу – доверительно*). Мне он потом сказал: зачем им, дуракам, знать, что стихи писать, как землю пахать – семи потов мало!.. Ваш вопрос я не расслышала, повторите, пожалуйста. Что вчера произошло в Берлинском Доме искусств? А ничего особенного, господа! Нам просто

захотелось спеть «Интернационал». Мы запели, зал подхватил. А какие-то подонки подняли шум, начали топтать, свистеть. А Есенин, я вам должна по секрету сказать, умеет свистеть почти: как этот самый... их национальный герой... как его?.. Как Соловей-разбойник! Это в России, господа, самый большой специалист по свисту. Есенин как заложил четыре пальца в рот да как свистанул! После этого тихо-тихо стало, и мы с ним спокойно допели «Интернационал».

Пауза. Перемена света.

В Берлине мы пробыли довольно долго: не давали визы для проезда через Францию. Мы нервничали... Появилось много новых друзей – искренних и лживых. Какие-то банкеты, встречи, обеды...

В один из дней мы побывали в гостях у Алексея Толстого. Был приглашен и Максим Горький. За столом Горький пристально разглядывал Есенина и неодобрительно, косо посматривал на меня. После обильного ужина я слегка захмелела и отяжелела. Попросили танцевать – скорее из вежливости, так показалось мне.

Я кружилась в тесной комнате, прижав к груди букет измятых увядших роз. Было очень неловко. После танца я подошла к Есенину, он положил мне руку на плечо и не сказал ни слова. «Неужели я танцевала так плохо?» – спросила я его взглядом. Он резко отвернулся. Стало горько и обидно до слез.

Вдруг он начал читать стихи. Тихо, словно самому себе.

Утром, в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.
До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом,
А вечером, когда куры
Обсиживали шесток,
Вышел хозяин хмурый,

Семерых всех покчал в мешок.
По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь...

Я смотрела на Горького. В его глазах стояли слезы. Ты колдун, Есенин. Как легко и просто тебе удалось завоевать непостижимые души этих великих русских... Бедняжка Терпсихора, в этом заезде ты определенно проиграла!..

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

И снова потянулись тягостные дни ожидания. Поездки, концерты, приемы... Все это измучило Есенина. Я не отпускала его ни на шаг, он злился. В один прекрасный день он просто исчез из отеля. Обзвонила все больницы, морги. Есенин! Но его нигде не было... На четвертый день, объездив все кабаки и притоны, я ворвалась в тихий семейный пансион – кажется, на Уландштрассе. В одном из номеров, на смятой постели, сидел Есенин. Он что-то писал огрызком карандаша на папиросном коробке.

Не помню, что со мной было!.. Завыла, как раненая волчица. Схватила хлыст и в иступлении стала колотить посуду, зеркала, люстры. Летели на пол вазочки и тарелки, рушились полки с дорогими сервизами. Я бушевала до тех пор, пока бить стало нечего.

– Я заплачу за все, – сказала я насмерть перепуганной хозяйке.
– Пришлите счет.

– Ты дьяволица, – прохрипел Есенин.

Надел цилиндр, набросил на плечи пальто и молча пошел за мной.

Что я натворила, безумная?.. Неужели не понять мне было, что душа поэта требует уединения? Почему небеса не вразумили меня, не удержали тогда мою руку? Не разбила ли я вместе с сервизами и зеркалами то, что было для меня дороже всего на свете?

Наконец, визы были получены. На пароходе «Париж» мы пересекли Атлантический океан. В белой фетровой шляпе, в красных сапожках и длинном плаще я стояла на палубе под руку с Есениным, а впереди, на горизонте, окутанные свинцовым фабричным дымом, вырастали серые громадины небоскребов.

В нью-йоркском порту чиновник долго вертел в руках наши документы и наконец изрек, что в Штаты он впустить нас не может. Ночь мы должны провести на пароходе, а утром нас отправят на Эйлис-Айленд, «Остров слез», где находятся карантин и всякие следственные комиссии.

Наступило утро, и в сопровождении полицейских мы отправились на «Остров слез». Есенин взглянул на статую Свободы и расхохотался:

– Бедная старая девушка, почему ты такая неласковая?

Полицейские насторожились, но так и не поняли, почему мы смеялись.

На Эйлис-Айленде нас заставили пройти все круги ада.

– Мистер Есенин, – сказал толстый чиновник в комнате полицейских экзаменов. – Подойдите к столу. Поднимите правую руку и отвечайте на вопросы. В Бога верите?

Есенин с недоумением поглядел на меня. Я кивнула – мне хотелось побыстрее покончить с этой унижительной процедурой. Он сказал: «Да».

– Какую признаете власть? – продолжал свой допрос чиновник.

Несчастный Есенин стал путанно объяснять, что он поэт и в политике ничего не смылит, но вообще-то он за народную власть.

Задав еще несколько вопросов, чиновник сказал:

– Повторяйте за мной: «Именем господ нашего Иисуса Христа обещаю ни в каких политических делах не принимать участия и гимн «Интернационал» в общественных местах не петь».

И только после всего этого Америка открыла перед нами свои врата. В отеле, где мы остановились, безжалостная судьба приготовила мне еще один страшный удар. Едва мы распаковали чемоданы, я вошла в ванную комнату. На стеклянной полочке лежало мыло. Обыкновенное туалетное мыло в яркой красочной обертке. Я взяла его в руки и вдруг... Я дико закричала, будто прикосну-

лась к раскаленному железу. С этикетки смотрел на меня белокурый смеющийся мальчик с голубыми глазами... Мой Патрик! Изверги, садисты! Кому в голову могла взбрести эта кощунственная затея?! «Покупайте ароматное и душистое мыло фирмы «Пирс и компания»! – эти рекламные плакаты с голубоглазым Патриком неотступно преследовали меня на улице, в метрополитене, в ярко освещенных витринах. Мыло! Мыло! Мыло! Как-будто дьяволу доставляло особое удовольствие издеваться надо мной... Лишь на сцене я забывала об этом.

Берет со стола несколько газет.

«Чикаго стар». Айседора бросает вызов Америке: каждый ее спектакль кончается «Интернационалом».

«Бостон ньюс». В партер театра, где выступала Айседора, введена конная полиция.

«Балтимор сан». Дункан и Есенин привезли секретные инструкции большевиков.

«Вашингтон пост». По заявлению Министерства юстиции, Айседора Дункан лишена американского гражданства за красную пропаганду. Ей и ее мужу Есенину предложено немедленно покинуть Соединенные Штаты.

Отбрасывает газеты, резко.

Господа! Мне хочется на прощание заявить журналистам следующее. Если бы я приехала в вашу страну как большой финансист, мне был бы оказан великолепный прием. Но я всего-навсего артистка. И поэтому меня отправили на «Остров слез», как обычно поступают с преступниками и всякими подозрительными лицами. Но я не анархист и не большевик. Мой муж и я являемся революционерами – в том смысле, какими были все художники, заслуживающие этого высокого звания. Мы приехали сюда как посланцы великой страны, мы хотим, чтобы оба наших народа жили в мире и согласии... Вот за это, меня, американку, изгоняют из моей же страны. Мы приехали к вам как парламентареры, а вы... вы, господа, захлопнули перед нами двери. Прощай, Америка, прощай навсегда!

Париж. Мы возвращаемся в Россию. Есенин считает каждый день, торопит меня, злится.

– Я тебе в тягость, Есенин? Скажи...

– Да! Да! – вдруг злобно и отчужденно крикнул он. Будто выстрелил.

Я попыталась разрядить обстановку. Протянула ему свежий номер журнала с его портретом.

– Что здесь написано? Переведи.

«Сергей Есенин, русский поэт, муж известной танцовщицы Айседоры Дункан».

– Сволочи! – Он швырнул журнал в угол. – Я Есенин, а не твоя моська.

Он очень ревниво относился к своей славе.

– Ты просто танцовщица. Люди могут прийти на концерт и восхищаться тобой, даже плакать. Но ты умрешь – и никто о тебе не вспомнит. Несколько лет – и вся твоя великая слава пройдет... Рассеется, как пепел по ветру.

– Перестань, Есенин. Зачем ты дразнишь меня?

– А стихи будут жить вечно, – продолжал он с улыбкой. – Тем более такие как мои.

Мне стало обидно и горько.

– Я дарю людям красоту. А она не умирает.

– Фу-у-у! И нет ни тебя, ни твоей красоты! – смеялся он.

Мы поссорились – в очередной раз.

Целый день он, запершись, сидел в своей комнате, не вышел даже к обеду. Утром, чуть свет, куда-то ушел. На скомканной постели я заметила обрывок бумаги. Стихи... Они были написаны ночью. И посвящались не мне, а той, кого он любил сильнее всего – России.

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась под окном...
Не искал я ни славы, ни покоя,
Я с тщетой этой славы знаком.
А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом...

Я впервые тогда почувствовала различие наших судеб, ощутила сердцем тревожную близость неминуемого разрыва.

В Москве один из друзей Есенина сказал мне:

– Милая, дорогая Айседора, и надо же было вам повстречаться на его пути. Поймите, он женился на вашей славе. Ему, видимо, было лестно ходить по Петровке с вашим именем, появляться с вами в кафе поэтов и слышать за спиной завистливый шепот: «Есенин-Дункан... Дункан-Есенин»...

Нонсенс! Абсурд! Разве у него своей славы не было?

Мы долго не виделись. Вдруг однажды он пришел ко мне на Пречистенку.

– Скажи, Есенин, ты... ты любил меня? Только не лги. Ни себе, ни мне.

– Изадора, чертова дочь, дьяволица... Была страсть, а потом все прошло, сторело... Слепой был, понимаешь? Разные мы, чужие... И стихи мои для тебя – тьфу, тарабарщина!..

– Замолчи, Есенин! Не смей! Не смей так говорить!.. О нет, не уходи, останься... умоляю тебя. Стэй, донт гоу! Ай имплоу ю! Ты... ты нужен мне, ты моя последняя надежда... Все, что у меня осталось в этом мире... Ю а май ласт хоуп! Донт гоу! Ай лав ю, Есенин! И в ответ:

Излюбили тебя, измызгали –
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так
Синими брызгами
Иль в морду хошь?
Чем больше, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.
К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая, я плачу,
Прости... прости...

Призрачная синекрылая птица счастья, ты выпорхнула из моих рук. Теперь уже навсегда... навеки. Я должна уехать. Поеду в Париж, положу хризантемы на могилки детей... Через месяц, два снова вернусь в Россию. Время лечит, я забуду тебя, Есенин, забуду... Я должна забыть.

Последний концерт в Москве, последний танец... И вдруг слышу из-за кулис: «Изадо-о-о-о-ора!» Он! Пришел проститься со мной! Есенин!..

Кто-то догадался дать занавес. Он бросился ко мне, стал целовать руки, плакал... Это было наше последнее свидание... Телеграмму о его смерти я получила уже в Париже.

Мужской голос.

Нет, нет, нет! Я совсем не хочу умереть!

Эти птицы напрасно над нами вьются.

Я хочу снова отроком, отряхая с осинника медь,

Подставляя ладони, как белые скользкие

блюда...

Яблоневым светом брызжется душа моя белая,

В синее пламя ветер глаза раздул.

Ради Бога, научите меня,

Научите меня, и я что угодно сделаю,

Сделаю что угодно, чтобы звенеть в человеческом

саду...

20

Актриса снимает с себя красный шарф.

– Через полтора с лишним года погибла и она. В Ницце ее отказались хоронить, так как среди бумаг Айседоры было найдено ее заявление о принятии советского гражданства. За несколько часов до смерти она дала свое последнее интервью:

«Вы спрашиваете, какой период моей жизни я считаю наиболее счастливым? Запишите, господа журналисты: Россия! Только Россия! Мои три года в России со всеми их страданиями стоили всего остального в моей жизни... Нет ничего невозможного в этой великой стране, куда я скоро поеду опять и где проведу остаток своей жизни».

Она ожидала гонорар от издательства – не было денег на билет в Москву. Перевод пришел слишком поздно.

А в школе-студии имени Айседоры Дункан, которая еще долгие годы показывала свое искусство в Советском Союзе и во многих странах мира, дети, узнав о смерти своей великой наставницы, танцевали в день ее похорон «Арию» Баха. Так хотела Айседора.

Музыка.

И казалось, среди девочек и мальчиков, среди ее «дунканят», в своей огненно-красной тунике танцует и сама Айседора, снова и снова рассказывая людям о своей прекрасной и трагической жизни...

ЯД ДЛЯ ПЕТРА ИЛЬИЧА

Криминальная история в 2-х частях

Жизнь – это тоже улика.

Артур Миллер

Действующие лица

ЧАЙКОВСКИЙ

ЕГО МАМА

АНТОНИНА ИВАНОВНА, его жена

АПУХТИН

НАДЕЖДА ФИЛАРЕТОВНА ФОН-МЕКК

ПРОКУРОР

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК

АДВОКАТ

ФАНИИ, гувернантка

ГВОЗДОПЯТОВ, сожитель Антонины Ивановны

ПЕТЯ ЧАЙКОВСКИЙ, семи лет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Прям и неподвижен сидящий на стуле Ч а й к о в с к и й . Курит. Маятник метронома отсчитывает секунды. Слева рояль, в правом углу ломберный столик с несколькими стульями. Горит свеча в бронзовом канделябре, стоящем на рояле рядом с часами.

В дальнейшем по мере необходимости появляются другие элементы обстановки: палуба, скамейка в саду и др.

Ч А Й К О В С К И Й. Приказали умереть. Апоплексический удар. Либо инфлюэнца. Либо холера. Выбор за мной. Настаивают на холере.

В разных местах сцены появляются П р о к у р о р , А д в о к а т
и Т а й н ы й с о в е т н и к .

П Р О К У Р О Р. Натуральнее всего будет холера. Эпидемия косит народ.

А Д В О К А Т (*разворачивая газету*). В Петербурге за сутки 68 заболевших и 8 умерших.

Т А Й Н Ы Й С О В Е Т Н И К (*вынимая из портфеля аптекарский пузырек*). В этой баночке маленькая пилюлька. Симптомы в точности как у холеры.

Ч а й к о в с к и й вскакивает, отбегает в сторону, руки за спиной.

Не малодушничай, дорогой.

А Д В О К А Т. Ради твоего же блага.

Т А Й Н Ы Й С О В Е Т Н И К (*ставит пузырек на рояль*). Мертвые, как говорится, сраму не имут.

Правоведы садятся за ломберный столик.
Стучит метроном. Ч а й к о в с к и й медленно, с опаской, приближается к роялю. Протянул руку к пузырьку и тут же отдернул.
Наконец превозмог страх и осторожно, двумя пальцами, взял баночку. Смотрит на просвет, тихонько встряхнул. Возник слабый дребезжащий звук, будто лопнула струна.

Звук становится громче, превращается в ужасающий грохот.
Темнота. Освещен только ломберный столик. Правоведы играют в карты.

ПРОКУРОР. Обремизили в пяти червах без трех!
АДВОКАТ. Можете взять реванш, ваше превосходительство.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. У меня проходная масть.
АДВОКАТ. Играем.

Появляется Чайковский.

ПРОКУРОР. При своих.
ЧАЙКОВСКИЙ. Они пришли ко мне в седьмом часу. Все трое мои однокашники, учились когда-то в годы оны в Училище правоведения. Я их не ждал, но был рад сердечно. Мы пили легкое испанское вино, сыграли несколько робберов.

Прокурор разливает вино в бокалы.

ПРОКУРОР. Концерты твои фурур произвели, Петр Ильич, в холодной английской столице.

АДВОКАТ. За музыку русскую, за тебя..

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Спасибо тебе великое, Петя, и низкий поклон.

ЧАЙКОВСКИЙ. Будет вам панегирики петь. Полагаю, не для этого собрались?

Неловкая пауза.

ПРОКУРОР (*скорбно*). Ты прав, Петр Ильич, не для этого.

Правоведы ставят пустые бокалы. Лица их становятся строгими, официальными.

ЧАЙКОВСКИЙ (*радушно*). Есть кьянти, есть малага десятилетней выдержки... (*Звонит в колокольчик*).

Прокурор властным жестом останавливает его.

ПРОКУРОР. погоди, Петя. О другом потолковать надо. Для того и явились к тебе.

АДВОКАТ. Не по доброй воле, учти. Распоряжение свыше.

ПРОКУРОР. Расскажи-ка нам, своим друзьям, что там случилось на обратном пути из города Лондона..

АДВОКАТ. Все, что там было, Петя.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. На пароходе «Бисмарк».
ЧАЙКОВСКИЙ. А что там было? Вроде бы ничего особенного.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. А все-таки?

ЧАЙКОВСКИЙ. Это что, допрос?

ПРОКУРОР. Возможно. Мы люди судебские.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Пока, как видишь, без протокола.

АДВОКАТ. Как говорится, между нами. Эхтер ну.

ЧАЙКОВСКИЙ. Если допрос, то я, стало быть, преступник?

ПРОКУРОР (*с тяжким вздохом*). Именно. В Уложении о наказаниях и статья соответственная имеется.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Девятьсот девяносто пятая. Припоминаешь?

ЧАЙКОВСКИЙ. И вы явились судить меня?

ПРОКУРОР. Спасать, Петя.

ЧАЙКОВСКИЙ (*трясет аптекарским пузырьком*). Вот этим? Да?

Звук лопнувшей струны.

Пришли убить Чайковского? Да?

Звук усиливается, невероятный грохот. Становится темно.

2

Какофонию звуков сменяет зычный корабельный гудок. Становится солнечно, светло. Часть верхней палубы парохода «Fürst Bismark». Тихая музыка, мерный плеск волн, крики чаек. Перед бортом пустая скамейка.

По трапу поднимается Ч а й к о в с к и й. На нем клетчатый сюртук, светлая шляпа.

ЧАЙКОВСКИЙ. Такой вот был разговор, мой мальчик, вернее, приговор. Зачем я тебе пишу? Сам не знаю. Вряд ли это письмо попадет к тебе, его просто уничтожат после моей смерти. А все же пишу, чтобы не быть одиноким в эти последние часы... Было утро, солнце, бесконечная морская гладь. И я увидел тебя. Я стоял вдалеке, за паровой трубой, и любовался тобой. Приказывал себе уйти. И нет, не мог сдвинуться с места. Так все началось... Только приговоренный к смерти знает, как не хочется умирать... Жить, жить!

Подходит к роялю. Возникает мелодия.
Лицо его преображается, он во власти музыки.

Сколько тем в голове носится... Но это уже ни к чему. Бал окончен, свечи гаснут... А ведь знаешь, мой мальчик, я уже как-то пытался уйти из жизни. Так что это мне не впервой. Причем сам, без принуждения. Был тогда в совершеннейшем отчаянии, топиться пошел... Да, да... *(Смеется)*.

В глубине сцены показалась женщина в шляпе с вуалью.
Ч а й к о в с к и й продолжает играть.

Ж Е Н Щ И Н А. Ты, Петенька, глупенький был в ту пору.
Ч А Й К О В С К И Й *(вздвигнув от неожиданности)*. Что?!! *(Выскочил из-за рояля)*. Кто вы такая?

Ж Е Н Щ И Н А. Не признал, значит... Ну ничего,ничего...
Ч А Й К О В С К И Й *(усмехнулся)*. Если смерть, то рано еще.

Женщина хохочет.

Ж Е Н Щ И Н А. Смерть!.. Чудной ты. Я, Петруша, жена твоя. Законная. Тобой в одночасье брошенная. *(Резким движением откинула вуаль)*. Чайковская я, Антонина Ивановна Чайковская, в девичестве Милюкова.

Встала и, поигрывая бедрами, с улыбкой, приближается
к опешившему Ч а й к о в с к о м у.
Протягивает к нему руки. Он в ужасе отступает.

Куда же ты, милый? А «здравствуйте» сказать, а? Сколько зим и весен пролетело, ужас, а вот люблю тебя, Петя, яростно, как в те годы девические. Помнишь? Или позабыл, родненький ты мой!

Ч А Й К О В С К И Й. Покиньте, пожалуйста, мой дом. *(Громко и властно)*. Прошу вас, немедленно уйдите!

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Ежели я всегда в мыслях твоих, то куда же я, черт побери, от тебя денусь? *(Хочет)*. На всю жизнь при тебе. С того самого первого дня, как увидела тебя в консерватории. Красивый, статный такой, борода русая, шелковая... Кто такой, спрашиваю. Преподаватель новенький, говорят, и музыкальный сочинитель. Молодой, но шибко талантливый. А сюртучок-то, примечаю, ветхонький, локоточки заштопанные. Да кое-как, не женскою рукой. Вот так загвоздочка мне – как же к нему подступиться? Я-то в классе у другого профессора обуча-

юсь. Как же быть? Вот и пришлось излить свои любовные пылкости на бумаге. Так, мол, и так, пишу, милостивый государь Петр Ильич, часто встречаю вас, однако же не осмеливаюсь подойти. Но чувство пронзило, что люблю вас так, как никого до сего момента не любила. Просто без вас жить не могу, но не подумайте плохо: я вполне порядочная девица, только стеснительная и законфузливая очень. И внизу, как сейчас помню, написала громадными буквами: «горячая поклонница вашей божественной музыки».

Ч А Й К О В С К И Й. Ложь! Ложь! Как оказалось впоследствии, она не знала ни одного из моих сочинений!

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Беда какая, подумаешь! Проживи мы с тобой не три дня, а как положено – весь век людской, от колец обручальных до доски гробовой, нашлось бы время и все твои опусы на память выучить.

Ч А Й К О В С К И Й *(в зал)*. В это самое время, мой дорогой друг, я был захвачен новой оперой. Я был как в бреду, видя перед собой лишь Татьяну и Онегина. И не только забыл о госпоже Милюковой, но даже потерял ее письмо или запрятал так хорошенько, что не мог его найти.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Знать, карта моя не в масть тебе попала.

Ч А Й К О В С К И Й. А вот когда получил второе письмо...

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Ага.. Забеспокоился, да? Я закапала слезинками каждый листок. *(Притворно хлопает носом)*. Вы заставили меня горько плакать, дорогой Петр Ильич, не ответив на мое душевное послание... *(Вытирает глаза платочком)*. А я не в состоянии ни забыть, ни разлюбить вас. Бог знает, может быть, вы считаете меня за ветреницу и легковерную девицу и потому не имеете веры в мои письма. Могу вас уверить в том, что я порядочная и честная девушка в полном смысле этого слова и не имею ничего такого, что я хотела бы от вас скрыть. Первый поцелуй мой будет даден вам и более никому на свете. Жить без вас я не могу, а потому, может быть, скоро покончу с собой. *(Плача убегает)*.

Ч А Й К О В С К И Й. Я читал письмо госпожи Милюковой, а передо мной стояла Татьяна. Как живая, страдающая от того, что Онегин не ответил на ее письмо. А чем ты лучше этого фата, укорял я себя. Ты поступил бессердечно, она любит тебя, как пушкинская Татьяна этого надменного гордеца Онегина, а ты?

Лицемер и подлец!.. Долг чести твоей немедленно повидаться с этой девушкой!

Свет уходит от него. Освещен ломберный столик. Сейчас он накрыт скатерью, посередине красуется самовар.

А н т о н и н а И в а н о в н а занята сервировкой: ставит вино, конфеты, печенье. Напевает какой-то романс. Появляется Ч а й к о в с к и й .

На нем легкое светлое пальто, цилиндр, в руках трость.

Некоторое время они молча смотрят друг на друга.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А (*трепещет от счастья*). О! Петр Ильич! Петр Ильич! Как я рада, что вы изволили заглянуть ко мне.

Ч А Й К О В С К И Й. Здравствуйте, Антонина Ивановна.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Добрый вечер.

Ч А Й К О В С К И Й. Добрый...

Пауза. А н т о н и н а И в а н о в н а помогает ему раздеться и приглашает к столу. Наливает из самовара чай.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Извольте варенье откусать, Петр Ильич.

Ч А Й К О В С К И Й. Премного благодарен.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Из брусницы, Петр Ильич. Маменька сварили в прошлом году. С гвоздичкой и корицей.

Ч А Й К О В С К И Й. Отменное варенье.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Правда? А вот еще виноградное. Позвольте? (*Накладывает в розетку, ставит перед ним*).

Ну как? По вкусу?

Ч А Й К О В С К И Й. Сладкое.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. На один стакан ягод полстакана сахара уходит. Да еще сироп добавляем, он тоже сладенький.

Ч А Й К О В С К И Й. Любопытно. Ваша маменька мастерица.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. А вот и ошиблись, Петр Ильич: виноградное как раз я готовила.

Ч А Й К О В С К И Й. Вот как. Выходит, вы тоже искусница порядочная.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Да я бы для любимого человека, Петр Ильич... Уж не знаю, что сотворила бы – лишь бы ублажить его. Девица я хозяйственная, чтоб вы знали. Не футы-нуты какая-нибудь, да-да... Моя мечта девичья – составить счастье человеку, которого люблю. Не сомневайтесь.

Ч А Й К О В С К И Й. Ничуть не беру под сомнение искренность ваших слов, Антонина Ивановна. Но должен вам признаться: я совсем не такой, каким вы меня представляете. Человек я ужасно нервный, раздражительный .

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. А я сама кротость, Петр Ильич.

Ч А Й К О В С К И Й. У меня, скажу вам, тяжелый, скверный характер. По пустякам, бывает, я могу, знаете...

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Своему избраннику я готова прощать любую обиду.

Ч А Й К О В С К И Й. К тому же я беден, Антонина Ивановна, пятьдесят рублей в месяц ассигнациями. Как же, сами посудите, можно решиться на создание семьи?

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. И это не беда. Маменька моя, вдова Милюкова, имеет лес отменный возле Клина. Не худо бы его продать – были бы только счастье да любовь!

Ч А Й К О В С К И Й. Да вот любить-то я, увы, не горазд, Антонина Ивановна. Ни к кому, понимаете, не привязываюсь.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. И зачем вы себя так черните, Петр Ильич? И характер, мол, несносный, и бедный вы, и любить не умеете... Наговариваете на себя напраслину. Зачем? А все от деликатности вашей, Петр Ильич, происходит. Все вы сможете ради любимой девушки: и любить ее, и лелеять – правда ведь? Да, да! *(Перегнулась через стол и потянулась губами к оторопевшему Чайковскому)*.

Свет гаснет.

3

Ч а й к о в с к и й на стуле. Глядит прямо перед собой. Курит. Кольца дыма. Метроном.

Ч А Й К О В С К И Й. Через несколько дней снова письмо. Читаю раз, другой — не верю собственным глазам. *(Расстегивает пуговицу на воротнике, ослабляет галстук, вынимает из кармана конверт, разворачивает письмо)*. Вот, послушай... «Если вы были у меня, Петр Ильич, девушки честной и одинокой, то тем самым вы уже связали наши судьбы. Или вы сделаете меня своей законной женой или... я покончу счеты с жизнью. У меня еще никогда не было в гостях холостого мужчины».

Громкий смех, прерываемый хриплым кашлем.
Луч света падает на лежащего на диване А п у х т и н а . Он в голубом с золотом шлафроке, в руке длинный чубук. Горит свеча в бутылке из-под вина. Другая, початая уже, стоит рядом на ночном столике. Неуют богемного холостяцкого быта, тут и там разбросаны листы бумаги, валяются чулки, шлепанцы, раскрытые книги.

Опершись на локоть, А п у х т и н продолжает хохотать.

А П У Х Т И Н. Да-а, обмишурился ты, брат. Головушке твоей конец, это как пить дать.

Ч А Й К О В С К И Й. Не делай из этого трагедию.

А П У Х Т И Н. Напротив. Я, как видишь, смеюсь. Влип ты, как говорится, по самые-самые!.. (*Хохот снова забирает его*).

Ч А Й К О В С К И Й. Она вообще-то, знаешь, ничего...

А П У Х Т И Н. Да, да...

Ч А Й К О В С К И Й. Миловидная, порядочная... Дом вести будет...

А П У Х Т И Н (*настороженно*). Ты что, сударь мой, серьезно?

Сунул ноги в туфли и подошел к Ч а й к о в с к о м у .

А П У Х Т И Н. Она ведь дура. Ду-ра!

Ч А Й К О В С К И Й. Не говори так, Алексей. Ты ведь ее совсем не знаешь. Это оскорбительно. И притом не только для нее.

А П У Х Т И Н. Ах, и для тебя тоже? И ты посчитал нужным обидеться? Вот это, Пьер, уже начало трагедии. Твоей.

Ч А Й К О В С К И Й. Мне тридцать семь. Не пора ли строить свой очаг?

А П У Х Т И Н. Надеть хомут ради этой милейшей ...дуры с брусничным вареньем?

Чайковский, заметно взволнованный, ходит взад-вперед по комнате.

Ч А Й К О В С К И Й. Почитал бы письма моего старого восьмидесятилетнего отца. И он, и мои близкие умоляют меня жениться, создать семью.

А П У Х Т И Н. Нарожать детишек, играть с ними в казаков-разбойников, да? Или гоняться с сачком за бабочками?

Ч А Й К О В С К И Й. Хотя бы. Век что ли бобылем жить? Ведь я человек, мне тоже хочется простого человеческого счастья.

А П У Х Т И Н. Прости, Пьер, ты хотя бы догадываешься, для чего мама произвела тебя на свет божий? Не знаешь? Тогда слушай, дорогой. Чтобы твоим именем гордилась русская музыка. И все мы, люди русские.

Ч а й к о в с к и й присаживается на диван.

Ч А Й К О В С К И Й. Что делать, что делать, ума не приложу.

А П У Х Т И Н (*садится рядом с ним*). Пьер, милый... Вспомни двух чудных юношей, их рядом стоящие кровати в дортуаре училища. О чем шептались они до поздней ночи, о чем грезили, сплетая во тьме свои горячие грешные руки? (*Пауза*). Позволь процитировать себя, любимого... «Ты помнишь, как забившись в музыкальной, забыв училище и мир, мечтали мы о славе идеальной...»

Ч А Й К О В С К И Й. «Искусство было наш кумир». Какие дивные стихи ты писал, Леля! Как они ложились на музыку.

А п у х т и н поднял с полу гитару, вытер тряпочкой и взял несколько аккордов. Оба негромко, задушевно запели.

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!..

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

А П У Х Т И Н (*ударив пальцами по струнам*). И ты, предатель, хочешь все это забыть?

Ч А Й К О В С К И Й. Прости, Леля... Но мне кажется... Ты немножко ревнуешь меня к этой... моей новой знакомой.

А П У Х Т И Н. Немножко? (*Берет его руки в свои. Проникновенно*). Я не отдам тебя ей. Слышишь?

Ч а й к о в с к и й мягко, но настойчиво освобождается. Встает с дивана.

А п у х т и н не спускает с него глаз.

Ч А Й К О В С К И Й. Нет, Леля, нам следует забыть прошлое, вычеркнуть его из своей памяти. Моя женитьба зажмет рты разной презренной твари, которая шепчется и злословит по поводу моих, да и твоих пороков.

А П У Х Т И Н. На-пле-вать! Я сам свой высший суд!

Ч А Й К О В С К И Й. Ты прав. И я не дорожу мнением этих шавок. Но они причиняют огорчения людям, мне близким, я это чувствую кожей своей. Мне тяжело, невыносимо тяжело, что

меня жалеют и прощают любимые мною люди, когда я, в сущности, ни в чем не виноват!

А П У Х Т И Н. Думаешь, что женившись ты станешь иным?

Ч А Й К О В С К И Й. Не знаю, как ты, Леля, но я пришел к выводу, что мои привычки... мои склонности пагубные суть величайшая и непреодолимая преграда к счастью. (*Поднял с пола томик Пушкина, машинально листает*).

А П У Х Т И Н. А переделать себя ты сможешь?

Ч А Й К О В С К И Й. Должен. Всеми силами, чтобы победить свою природу.

А П У Х Т И Н. Пепиньерка ты наивная! Себя не обломаешь. Да брось ты Пушкина! (*Тянет у него из рук книгу*). Ты в гостях у другого поэта, который еще не сказал своего последнего слова.

Ч а й к о в с к и й, не слушая его, весь во власти охватившей о музыки, начинает медленно и плавно кружиться. Глаза его сияют счастьем.

Ч А Й К О В С К И Й. Тарам-тарам, тарам-тарам... Бал у Ларинных...Вальс... Кажется, придумалось... тарам-тарам, тарам-тарам...Лелька, ты слышишь!

А п у х т и н, комично подобрав полы шлафрока, начинает кружиться вместе с Ч а й к о в с к и м. Оба в упоении.

Ч А Й К О В С К И Й и А П У Х Т И Н (*кружась все быстрее и быстрее*). Тарам-тарам, тарам-тарам!

А П У Х Т И Н. Это гениально! Божественно! Ура Чайковскому! Ура! (*Упал перед ним на колени, обнимает его*).

Ч А Й К О В С К И Й (*вдруг опомнившись*). Нет, Леля, встань! Нет, нет! (*Освобождается из его рук*). Никогда больше! Слышишь? Я делаю ей предложение. Сегодня же! Сейчас! Это судьба! (*Убегает*).

А п у х т и н продолжает стоять на коленях. По лицу катятся слезы. Музыка вальса, подхваченная оркестром, резко обрывается. Темнота.

4

За столиком трое правоведов – П р о к у р о р,
Т а й н ы й с о в е т н и к, А д в о к а т. Ч а й к о в с к и й у р о я л я.

Т А Й Н Ы Й С О В Е Т Н И К. Дело твое притормозить мы не можем.

А Д В О К А Т. Ибо касается оно птички высокого полета.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Бумага на тебя пошла к самому государю.

АДВОКАТ. И на Апухтина тоже.

ПРОКУРОР. Дружок твой – развратитель наипервейший.

ЧАЙКОВСКИЙ. Не трогайте Апухтина!

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Ладно, Петя, не бурли.

ЧАЙКОВСКИЙ. Ко мне пришли – меня и топчите.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Ты хоть знаешь, кто этот малец?
На «Бисмарке»?

Чайковский молчит.

Племянник графа Стенбока-Фермора!

АДВОКАТ. А граф – шталмейстер двора Его Величества...

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Настроил бумагу самому государю. Сибирью пахивает, братец. (*Прокурору*). Зачитай ему девятьсот девяносто пятую.

ПРОКУРОР (*открыв том «Уложения», читает*). Так, так...
Слушай, Петя. «Виновный в оном пороке подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в крепостях на время от десяти до двенадцати лет». Такая вот музыка, ежели не уйти красиво.

АДВОКАТ. Некое лицо, пожелавшее остаться инкогнито, возложило на наши плечи, Петя, сию примирительную миссию. Дабы смягчить гнев государя императора.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Неужто публичный суд лучше?

Долгая пауза.

ЧАЙКОВСКИЙ. Я... я приму смерть.

Правоведы с удовлетворением переглядываются.

ПРОКУРОР. Слово чести?

Чайковский кивает.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Освободил душу. Спасибо, Петр Ильич! Не палачи же мы, правда?

Прокурор пытается обнять его, но Чайковский брезгливо останавливает его.

Ч А Й К О В С К И Й. В гробу поцелуешь.

Издали доносится зауспокойный колокольный перезвон.
Правоведы крестятся.

5

Венчание. Ч а й к о в с к и й и А н т о н и н а И в а н о в н а стоят рядом.
На ней подвенечное платье и фата. Он вовсе не похож на жениха: волосы
разлохматились, мрачен, напряжен, не знает, куда деть руки.

Погребальные раскаты колоколов все еще звучат в его ушах.
А н т о н и н а И в а н о в н а , напротив, вся переполнена торжеством
брачного обряда.

Г О Л О С С В Я Щ Е Н Н И К А. Венчается раб божий Петр
рабе божьей Антонине!

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А (*шепотом*). Ты будто не рад,
Петенька. Какой ты у меня впечатлительный. Не волнуйся, все у
нас будет хорошо.

Г О Л О С С В Я Щ Е Н Н И К А. Венчается раба божья Анто-
нина рабу божьему Петру.

Вступают певчие.

Ч А Й К О В С К И Й. Я не видел ничего вокруг себя. В голове
молотом чугунным стучала мысль: сейчас ты должен будешь по-
целовать свою жену... сейчас... поцеловать... жену... сейчас...

За спинами жениха и невесты появляются А п у х т и н , правоведы.
У некоторых в руках цветы.

Г О Л О С С В Я Щ Е Н Н И К А. Объявляю вас мужем и же-
ной. Можете поцеловать друг друга.

А н т о н и н а И в а н о в н а с готовностью подставляет губы для поцелуя.
Ч а й к о в с к и й как в столбняке.

Т А Й Н Ы Й С О В Е Т Н И К. Ну, Петя!

П Р О К У Р О Р. Целуй же ее.

А Д В О К А Т. Аки мумия египетская!

А П У Х Т И Н (*злоеще*). Природу не обломаешь...

Ч а й к о в с к и й вздрогнул при этих словах.
А н т о н и н е И в а н о в н е удастся наконец, вцепившись за отвороты
сюртука, притянуть к себе Ч а й к о в с к о г о и впитаться в него,

несчастливого, жадными губами.
Все, кроме А п у х т и н а , выражают шумный восторг.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А (*падает ему на руки*). Неси,
Чайковский, свою Чайковскую!

Ч а й к о в с к и й с перекошенным от ужаса лицом уносит
А н т о н и н у И в а н о в н у под ликующие возгласы гостей:
«Многая лета! Многая лета!»
А п у х т и н сардонически смеется.
Цветы в руках гостей превратились в пучки хилых сухих веток.

7

Воспоминания унесли его в далекое детство. Чуть преобразилась палуба,
и на ней появилась тоненькая, как девочка, в розовом с воланами платье и
светлом капоре, его гувернантка француженка Фанни.

Ф А Н Н И (*громко*). Пье-е-ер! П ь е - е е р!

Входит М а м а .

М А М А. Бонжур, мадмуазель Фанни.

Ф А Н Н И (*увидев ее*). О, мадам... Бонжур. Ле тэн э манифик
ожурдьюи, не правда ли?

М А М А. Погода прелесть, жаль, что Петруша почти совсем
не бывает на воздухе.

Ф А Н Н И. Но, мадам, с тех пор как вы купили рояль, Пьера
словно подменили.

Слышно, как кто-то пытается подобрать мелодию –
это ария Церлины из моцартовского «Дон Жуана».

Слышите, мадам? И так целый день. Вчера, знаете, упрашивала
его сыграть с нами в серсо, он ведь так любил раньше. А сейчас...
Нет, говорит, милая Фанни, же регре мэ же не пё па, ведь
мой друг на меня обидится, если я уйду. Кто обидится, Пьер?
Какой такой друг? А он клавиши ладошкой гладит и тихо-тихо
говорит: «Вот, мадмуазель Фанни, мой друг единственный, мы с
ним поклялись, что будем любить друг друга всю жизнь».

М А М А. Господи, что за причуды у семилетнего мальчика!
«Поклялись», «на всю жизнь»! И чуть что – в слезы. Совсем как
девчонка.

Ф А Н Н И. Мадам... *(Она медлит, видимо, подыскивает слова)*. Он и одет у нас как девочка, бегают в одних только платьях да са-рафанчиках. А ведь совсем уже взрослый. Если мадам разрешит, я сошью ему чудные панталончики. А, мадам?

М А М А. Не рано ли?

Ф А Н Н И. Ему пора осознавать себя мужчиной.

М А М А. Же нэ рьён контр, шейте, милая Фани, я всецело полагаюсь на вас. *(Уходит)*.

Ф А Н Н И *(громко)*. Пье-ер!

Музыка смолкла. Появляется маленький П е т я Ч а й к о в с к и й .
Он в клетчатом, до щиколоток, платьице.

Наконец-то! *(Вынимает из сумочки сантиметр)*. Поди-ка сюда. *(Измеряет его талию, записывает данные в блокнотик)*. Так, сорок девять.

П Е Т Я. Что ты делаешь, Фанни?

Ф А Н Н И. Будут у тебя первые брючки-панталончики. Ты рад? *(Измеряет длину ноги от пояса)*.

П Е Т Я. Брючки? Зачем?

Ф А Н Н И *(продолжая обмер)*. Будешь, как папа, как другие мужчины.

П Е Т Я. А в платье удобней.

Ф А Н Н И *(усаживает его на скамейку, садится рядом)*. Ты очень странно рассуждаешь, Пьер.

П Е Т Я. Ничуть. Ведь ты ходишь в платье.

Ф А Н Н И. Мон дье! Но я женщина!

П Е Т Я. И мамочка моя тоже в платье.

Ф А Н Н И. И она женщина, как ты не понимаешь.

П Е Т Я. Вы сами не знаете, кто вы. Вы ангелы мои прекрасные, я вас обожаю и хочу быть как вы. Не прогоняйте меня! *(Рыдает, прижав к груди Фанни)*.

Ф А Н Н И *(нежно гладит его по головке)*. Глупенький, ты с нами. Всегда и везде с нами... Ты тоже ангел. Но ангел – мальчик.

8

Ч а й к о в с к и й за столом. Что-то пишет. За его спиной появляется Ан-то-ни-на И-ва-но-ва. Она в кружевном пеньюаре, распущенные волосы рассыпались на плечах. Крадучись приближается к нему, с радостным визгом внезапно обвивает шею руками.

Ч а й к о в с к и й вскочил, лицо его мучительно искажено, губы дрожат. Пытается вырваться из объятий жены.

Ч А Й К О В С К И Й. Руки!.. Уберите руки!

Отчаянно борются.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Еще чего? Жена я твоя!
Забыл, что ли? Забыл?

Ч А Й К О В С К И Й. Оставьте меня!

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Никогда! Я твоя самая любимая! Самая драгоценная! Самая...

Ч А Й К О В С К И Й. Замолчите!

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Что за слова такие? Ты что вчера в храме божьем обещал? Господу нашему? А? Забыл?

Ч а й к о в с к и й с силой отталкивает ее и, схватившись за голову, убегает.

(Поправляет одежду, волосы). Ничего, стерпится-слюбится, как маменька изволят выражаться. Ишь, какой! Профессор называется, ком-по-зи-тор. Культурный человек, вроде бы. А на самом-то деле? Жenuшка прибралась, щечки нарумянила, подушечки пуховые взбила, ждет – не дождется, когда милый явится и честь ее девичью, к обоюдной радости, извлечет и...

Мечтательно закрыв глаза, кружится по комнате.

Остановилась.

А он? Сидит себе и свои скерцы строчит. *(Подшла к столу, перевернула лежащие там бумаги, вдруг внимание ее привлек какой-то листок. Взяла его, читает).* Вот оно, значит, что! «Дорогая Надежда Филаретовна, пишу Вам...» Так, так... «Ваш до гроба Петр Чайковский». Мерзавец! Вот где собака зарыта! Женился на честной, порядочной девице, а сам! Я вот покажу тебе, кто здесь я, а кто эта самая Филаретовна! *(Со злостью рвет письмо).* Да тут целый роман! А словечки-то какие! «Моя любовь к вам... есть фатум, против которого моя воля бессильна...» Какие пошлости, подумать только! Фатум! Фатум!

Хочет порвать письма,
но в этот момент появляется Ч а й к о в с к и й .

Ч А Й К О В С К И Й *(кричит, еле сдерживая себя).* Не смейте!
(Подходит к ней). Отдайте письма. Сию же минуту!

А н т о н и н а И в а н о в н а прячет письма за спиной.

Если вы тотчас не вернете мне их, я немедленно... тут же... вас убью.

Вид его ужасен, она испугана.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Не надо! Боюсь тебя! Пошутила же! На тебе твои письма... Мне до них никакого дела нет. (*Возвращает ему письма*). Сядь, Петенька, успокойся, прошу тебя. Ведь мы же с тобой кто? Муж и жена, правда? Зачем же нам ссориться с самого первого дня? Ведь у нас впереди целая жизнь.

Садится. Он продолжает стоять.

Садись, голубчик. Сюр ля ше... Я ведь и по-французскому могу, видишь, какая я образованная. Пара, значит, тебе, Петенька, абсолютная. По всем статьям... Я ведь про эту Филаретовну и раньше слыхала. От наших, консерваторских. Только вот как зовут ее, не знала – не ведала. Фамилия у нее какая-то заковыристая, не наша. (*Вопросительно глядит на него*).

ЧАЙКОВСКИЙ. Фон-Мекк.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Вот-вот. Немцы эти Меки, что ли?

ЧАЙКОВСКИЙ. Муж ее покойный был немец. Железные дороги строил по всей России.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Сказывают, миллионщица она.

ЧАЙКОВСКИЙ. Не знаю. Не считал.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Она тебе денежки дает. Да, Петя?

ЧАЙКОВСКИЙ. Надежда Филаретовна помогает многим музыкантам. И мне в том числе. (*Садится за стол, что-то пишет*).

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Будешь писать, передавай ей привет и от меня, как твоей законной супруги. Скажи мне, а какая она из себя? Красивая?

ЧАЙКОВСКИЙ. Мы только пишем друг другу.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Ой ты! И ни разу не повидались?

ЧАЙКОВСКИЙ. Представьте себе. Таково было ее желание.

АНТОНИНА ИВАНОВНА (*после паузы*). Знаешь, что я скажу тебе, милый? Коль женщина не желает на глаза показаться, значит, не женщина она, а уродка жуткая. Баба Яга, да и только! Ха-ха-ха!

Ч А Й К О В С К И Й. Оставьте ее в покое. Вы можете говорить на другие темы? Или, лучше, совсем не говорить.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Совсем не говорить? Чего же ты на глухонемой не женился? (*Жестикулирует и верещит язычком*). Таковую женушку хотел, да? Ошибся, дорогой мой. У меня и ушко, и язычок и еще кое-что в полной пропорции. Понял?

Встает со стула, становится перед ним в позу и сбрасывает пеньюар.

Гляди, какую красавицу в жены взял! Чего глазки отводишь, а? Чулочки, гляди, ажурные. Панталончики кружевные, с секретом. А парфумы – понюхай, одуреть можно. Для кого, скажи, это все? Для Петеньки моего. А он, видали, носик воротит. Ну, разве не обидно? Посуди сам, милый. Уже сутки вторые, как мы с тобой муженек и женушка, а вот чего-то у нас до сих пор так и не заладилось. Догадываешься? Скажу тебе на ушко. (*Шепчет*).

Ч А Й К О В С К И Й. И не будет!

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. То есть как? Я ведь и в романах читала, и маменька рассказывали. Должна быть первая брачная ночь. Что же мы с тобой, хуже всех остальных? Не люди, что ли?

Ч А Й К О В С К И Й. Я не способен любить, понимаете?

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Не понимаю, глупости это, и понимать не хочу.

Ч А Й К О В С К И Й. Вы были предупреждены мною. Я честен перед вами.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Не честность мне нужна, Петенька, а любовь твоя мужская.

Ч А Й К О В С К И Й. Буду любить, как могу. Как сестру.

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. В такую любовь, Петя, детки играют. И то до пяти годочков. Хочешь, чтобы я тебе нянькой-сестричкой была? А прелести мои пусть пропадают без надобности, да? И ножки эти стройные, и грудочки белые, и губки мои алые, да? Нет, Петя, не на такую напал! Я, чтоб ты знал, женщина страстная. Можно даже сказать, вакхическая! В своей семье я такой любви не потерплю! Так и знай!

Пытается сесть на колени к Ч а й к о в с к о м у . Он в ужасе от этой атаки. Отталкивает жену с такой силой, что она летит на пол.

Ч А Й К О В С К И Й. Я вас убью, Антонина Ивановна! Или вас или самого себя! (*Убегает*).

А н т о н и н а И в а н о в н а поднимается с пола, набрасывает
на себя пеньюар.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. От законной жены, Петенька, далеко не убежишь. Полюбишь свою красавицу ненаглядную, зазнобушку свою! Ох, как еще полюбишь!

Затемнение.

9

Ночь. Палуба. Вдали мигает огонек маяка.
В луче света Ч а й к о в с к и й .

Ч А Й К О В С К И Й. Ужас гнал меня по ночным улицам. Я знал, от кого я бегу, но не знал куда. Холодный ветер с дождем хлестал мне в лицо. Я не замечал этого. Я искал смерти. Мне казалось, что только она, единственная, может спасти меня от бесчестия и позора. Ведь виноват во всем был один только я. Значит, и рассчитывать за содеянное надлежит только мне... Внезапно что-то блеснуло впереди. Лунная дорожка серебрилась на темной воде. Это была Москва-река. *(Снимает стютак, жилет, развязывает галстук. Остается в белой нательной сорочке)*. Завтра, думал я, мой труп, обезображенный, раздутый, вытянут баграми рыбаки. Протрут грязной тряпицей лиловое мое лицо, выльют воду из ушей и рта, снимут липкие водоросли с бороды. Потом примчится полиция, соберутся зеваки. И вдруг кто-то скажет невзначай: «Помилуйте, да ведь это Чайковский. Ему бы еще жить и жить, бедолаге. Чего же это он так?»

Подходит к трапу, спускается на одну ступеньку, другую.

Вода была ледяной. Мокрые панталоны облепили окоченевшие ноги. Я мысленно прощался со всеми, кого любил. Отец... Я знаю, сколько горя причиню я тебе. «Что же ты натворил, Петя», – скажешь ты. И заплачешь... Прости за все, мамочка... Прости...

Опускается еще ниже.

Я заходил все глубже и глубже. Передо мной были лица братьев, сестры Саши. Сколько позора выпадет на их долю. Ведь самоубийц не отпевают, они не предстают перед лицом Бога.

Их презирают все. Даже Надежда Филаретовна, лучший друг, отвернется от меня.

Еще несколько ступенек вниз.

Вода подступила уже к самой груди. (*Поднимает руки, делает еще один шаг*). Еще минута – и меня не будет. Два простых слова: был и нет. Я закрыл глаза и шагнул в глубину...

Мощный музыкальный аккорд. Темнота.

10

На сцене пока еще темно. Со свечой в руке появляется А п у х т и н . Он, как обычно, в шлафроке и старых шлепанцах. В другой руке у него поднос с большой фарфоровой чашкой. На цыпочках подходит к дивану, на котором, укрытый до подбородка шерстяным пледом, лежит, закрыв глаза, Ч а й к о в с к и й .

А п у х т и н садится рядом, поправляет плед.

Ч а й к о в с к и й открывает глаза.

А П У Х Т И Н. Чай для Чайковского.

Ч а й к о в с к и й мотает головой.

С ромом. Пей, пока горячий.

Ч а й к о в с к и й снова закрыл глаза.

Может, черт возьми, мороженого вам подать, сударь? После ледяной банки – в самый раз. А ну-ка, открой рот. (*Начинает из ложечки поить Чайковского*). Шире. Доктор просит шире. Вот так, мерси... А что ежели нам сегодня еще разок баночки поставить?

Ч а й к о в с к и й делает отрицательный жест.

Не хочешь? Крупозное воспаление легких лучше? Пепиньерка ты наивная, как же тебя угораздило? А ежели бы тот мужичонка не прыгнул с моста и не вытащил тебя за уши? Что тогда? А? Лакомились бы тобой сейчас и рыбешки, и раки прожорливые. Осознаешь? Боже ты мой! Наложить на себя руки из-за этой дуры стоеросовой?.. Надеюсь, Пьер, ты уже не становишься на дыбки, когда я называю эту, пардон, сучку, как она того заслуживает.

Ч А Й К О В С К И Й. А мне ведь жаль Антонину Ивановну.

А П У Х Т И Н (*смеясь*). Ну и поворотики у тебя!
Ч А Й К О В С К И Й. Женился сдуру, поломал девушке жизнь.
А П У Х Т И Н. Дай срок – разведем тебя.
Ч А Й К О В С К И Й. А коль не даст развода?
А П У Х Т И Н. Мы же с тобой правоведа. Хоть и бывшие
Найдем параграф. Пей, пей... Тебе, Пьер, сперва отдохнуть надо.
Душу проветрить. План есть, послушай. Махнем с тобой на Се-
вер дальний, на Валаам!
Ч А Й К О В С К И Й. На Валаам? Далече, брат.
А П У Х Т И Н. Чем дальше от твоей стервы, тем лучше! (*Берет
в руки гитару, тихо наигрывает*). А там, на острове, сосны высокие
к небу тянутся, валуны тысячелетние свою вечную думу думают.
И никого, кроме нас. Пустота вокруг звонкая, светлая. Только
звезды и Бог. И мы с тобой. Леля и Пьер. А кто нам еще нужен?
Кто?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

11

На стуле неподвижно сидит Ч а й к о в с к и й .
Курит. Стук метронома.

Ч А Й К О В С К И Й. Уходила ночь. Укорачивалась с каждой
минутой. Сжималась, точно шагреневая кожа. Я поднял шторы.
За окнами занимался холодный осенний рассвет.

Появляется П р о к у р о р , подходит к роялю, берет стоящий на нем
аптекарский пузырек. Смотрит на свет, легонько встряхивает и, с
укоризной поглядев на Ч а й к о в с к о г о , молча удаляется.

Я курил свои любимые костанжогловские папиросы, пил лег-
кое испанское вино – мне казалось, что так удастся усмирить без-
умную скачку сердца.

Подходит к роялю,
перебирает лежащие на нем ноты, бумаги.

Нужно было навести порядок в бумагах, внести исправления в клавираусцуг моей последней Шестой симфонии, составить, наконец, завещание. Времени оставалось не так уже много. Но едва я подходил к роялю, все, кроме этой бутылочки с ядовитой пилюлей, уходило от меня. Это был знак бекара, отрицания всего того, что я мог бы еще оставить миру.

Осторожно, руки его при этом дрожат, берет пузырек. Свинчивает крышку. И сразу же: гул, грохот, обвал камней... Бутылочка падает.

Ладонями он судорожно стискивает уши. Воцаряется тишина.

Подходит к столу, наливает в бокал вина, пьет. Поднимает пузырек.

Он пуст. Трясет его, прислушивается. Ни шума, ни грохота – тихо.

Сперва на лице его недоумение. Опускается на колени. Шарит под роялем, но ничего не находит. Лицо его проясняется.

Я понял тебя, Господи? *(Поднимается с колен)*. Ты не желаешь моей смерти, да? Я буду жить! Буду писать во славу Тебя! *(Садится за рояль, играет. Настроение радостное, приподнятое)*. О, сколько я сотворю! Ни одной минуты зря!

Появляются правоведаы. Т а й н ы й с о в е т н и к поднимает баночку, с удовлетворением убеждается, что она пуста, и с улыбкой демонстрирует ее остальным.

П Р О К У Р О Р. Молодец, Петр Ильич! Bravo!

А Д В О К А Т. Bravo!

Т А Й Н Ы Й С О В Е Т Н И К. Теперь, Петя, вот что... После того как ты принял пилюлю...

Ч А Й К О В С К И Й. Я не принял пилюлю.

Недоуменные лица, отвисшие челюсти правововедов. Он любитя произведенным впечатлением и начинает хохотать.

П Р О К У Р О Р. К-а-ак?

Ч А Й К О В С К И Й. А так. Я ее потерял. *(Разводит руками, хохочет)*.

А д в о к а т и П р о к у р о р ползают по полу, стараясь найти потерянную таблетку.

Господь спас меня.

Т А Й Н Ы Й С О В Е Т Н И К. Предпочитаешь каторгу и позор? Мы не допустим этого. Предусмотрен запасной вариант. *(Вынимает из кармана коробочку, раскрывает ее)*. Вот он.

(Адвокату). Принеси-ка воды. Теперь мы все сделаем сами.

А д в о к а т выходит.

Ч А Й К О В С К И Й (с задором). И выпьете тоже сами?
П Р О К У Р О Р. Шуточки шутить изволите, Петр Ильич?
Т А Й Н Ы Й С О В Е Т Н И К. Эта маленькая пилюлька, Петя, из яда индийского паука сделана. А в чем прелесть? Действует медленно, процесс длится три или четыре дня. И симптомы в точности как у холеры. Комар носа не подточит.

Входит А д в о к а т с чашкой воды.

Мы ее в водичке распустим. (Бросает в чашку таблетку, раздавливает ее ложечкой). Чтoб не потерялась. Вот и все. Кушать подано-с!.. Мы ждем, Лев Аркадьевич.

А Д В О К А Т. Увольте, прошу вас. (Дрожащими пальцами ставит чашку на роаль).

Пауза. Правоведы смотрят друг на друга.

А Д В О К А Т. Пусть их высокопревосходительство подадут.
П Р О К У Р О Р. Еще что! У меня, брат, сердце. Забыл, что ли?

Замешательство. Ч а й к о в с к и й берет чашку, подносит к губам.
Все замерли.

Ч А Й К О В С К И Й. Ваше здоровье, господа!

Медленно пьет. Музыка. Темнота.

12

Верхняя палуба «Бисмарка». Появляется Ч а й к о в с к и й . Он в светлом летнем костюме, в котором мы уже видели его на палубе.

Погруженный в свои думы, медленно подходит к скамейке, садится.

Ч А Й К О В С К И Й. Ты думаешь, мой дорогой мальчик, я помню сейчас все, о чем мы с тобой говорили? О нет! Да разве это было главным? Счастье было в другом: ты сидел рядом со мной, мне казалось, я слышу биение твоего сердца... Ах, да... Ты сказал что-то о моей музыке. Первый концерт тебе понравился. Потом ты вспомнил и даже слегка напел адажио из Четвертой симфонии, назвал и еще что-то из моих сочинений. Не скрою, твои похвалы в мой адрес были мне приятны. Даже вдвойне, тройне приятны, ибо исходили не от лицемерных критиков, а от тебя.

В твоих удивительных васильковых глазах была детская чистота и искренность. По какой-то случайности мы заговорили о Сократе. Знал ли я тогда, что через некоторое время и мне, как этому древнему мудрецу, прикажут выпить смертельную чашу? За тот же, собственно, грех... «Они убили безвинного, – сказал ты. – Рыжий не виноват в том, что он рыжий. Его сделала таким природа». Я почувствовал, как на мои глаза накатились слезы. Ты словно разгадал мои затаенные мысли. Еще секунда, и я мог бы обнять тебя, родную, близкую душу – прямо здесь, на палубе, где видят нас десятки глаз. Но я этого не сделал. Я отвернулся, чтобы ты не мог заметить моих слез, и убежал. По-моему, даже не попрощавшись. Но сердце мое ликовало: я нашел тебя, мой принц, мой стеклянный мальчик, нашел!

Из темноты вышла Ф а н н и , присела рядом с ним. В руках у нее рукоделие. Она вяжет на спицах, разговаривая как бы сама с собой.
Ч а й к о в с к и й с задумчивой улыбкой слушает ее – это видение.

Ф А Н Н И. Ты не такой, как другие мальчики, Пьер. Будто сделан из стекла. И сердце твоё – чистый хрусталь. Заденет кто-нибудь – и разобьется на мелкие осколки. Ле гарсон де витр. Стеклянный мальчик.

Ч А Й К О В С К И Й *(тоже сам себе)*. Что же я, один на Земле такой? Как ты говоришь – стеклянный?

Ф А Н Н И. Может, и найдешь другого. Подобного себе. Дай тебе Бог.

Ф а н н и сворачивает рукоделие и удаляется.
Входит А н т о н и н а И в а н о в н а .

А Н Т О Н И Н А И В А Н О В Н А. Кроме меня, Петенька, не найдешь...

Он вздрогнул, услышав ее голос. Улыбка тут же слетела с губ.

И душой и телом я тебе принадлежу, делай со мной что хочешь. Мне, чтобы ты знал, предлагают руку и сердце некоторые очень достойные люди: квартальный с Тверской-Ямской улицы, фершал Матвей Матвейч, хоть и в возрасте мужчина, но весьма благородного воспитания. И другие многие. Потому что я, Петенька, не поддаюсь своему девичьему горю, а сумела себя сберечь и еще красивше стала. Давай встретимся, побеседуем с тобой как законные муж и жена. Целую тебя бесчисленное количе-

ство раз, хотя и заочно. И еще хочу сказать тебе, что твоя миллионерша, эта самая Филаретовна, ко мне людей подсылала, чтобы я от тебя отступилась, а она за это мне заплатит. Но я же, Петенька, не такая дура, я ведь Чайковская. Чайковская я. Навсегда и навечно!

13

В вольтеровском кресле сидит Надежда Филаретовна фон-Мекк.
В черном, лицо волевое, умное, некрасива.

НАДЕЖДА ФИЛАРЕТОВНА. Мой доверенный встретился с вашей женой, Петр Ильич.

Появился Чайковский, встал поодаль.
Он ее не видит.

ЧАЙКОВСКИЙ. Умоляю, не произносите этого слова. Я ведь до сих пор нахожусь в состоянии безумия.

НАДЕЖДА ФИЛАРЕТОВНА. Поверьте, Петр Ильич, я страдаю вместе с вами. Могу признаться... Когда вы женились, мне было ужасно тяжело, у меня как будто оторвалось что-то от сердца. Знайте же, я ревновала вас – да, да! – ревновала самым непозволительным образом: как женщина – любимого человека. Странно, не правда ли? Ведь мы ни разу с вами не виделись и вряд ли поведемся в будущем... Но это была именно ревность. Мне было больно, горько, мысль о вашей близости с этой женщиной была для меня невыносима, и знаете ли, какой я гадкий человек? – я радовалась, узнав о вашем разладе... Я упрекала себя за это чувство, но тем не менее уничтожить его я не могла. Человек не заказывает себе своих чувств, правда? Я ненавидела эту женщину за то, что вам было с ней нехорошо, но... Если бы вам было с ней хорошо, я ненавидела бы ее еще больше! Мне казалось, что она отняла у меня то, что может быть только моим, на что я одна имею право, потому что ...люблю вас как никто, ценю вас выше всего на свете. Если вам неприятно все это узнать от женщины, которая много старше вас, от матери одиннадцати детей и, слава тебе, Господи, уже бабушки... Ладно, простите меня и давайте обратимся к нашим житейским делам. Так вот, Петр Ильич, известная вам особа соглашается на развод. Сошлись на десять тысячах.

ЧАЙКОВСКИЙ. Что? Немыслимо! Она... Она рехнулась! Мне столько не заработать и за десять лет.

НАДЕЖДА ФИЛАРЕТОВНА. Это мои проблемы.
ЧАЙКОВСКИЙ. Но вы и так, милый друг, щедро помогаете мне.

НАДЕЖДА ФИЛАРЕТОВНА. Что же в этом зазорного? Я миллионерша, а высокому искусству всегда нужны меценаты.

ЧАЙКОВСКИЙ. Но у меня другой случай.

НАДЕЖДА ФИЛАРЕТОВНА. Отнюдь, дорогой мой Петр Ильич. Я хочу, чтобы вы вырвались из положения притворства и обмана, это так нужно для вашего творчества.

ЧАЙКОВСКИЙ. Но бракоразводный процесс у нас, в России, и есть вопиющий и постыдный обман. Они хотят окупить меня с головой в корыто грязи и лжи. *(Нервно курит, ходит взад-вперед)*. Не хочу участвовать в этом фарсе! Пусть все остается как есть!

НАДЕЖДА ФИЛАРЕТОВНА. До тех пор, когда вы, может быть, полюбите другую женщину?

ЧАЙКОВСКИЙ. Хватит с меня одной Антонины Ивановны. Сыт по горло.

НАДЕЖДА ФИЛАРЕТОВНА *(после небольшой паузы)*. А ведь знаете, Петр Ильич, не в ней дело. Мне кажется, вы просто не можете полюбить женщину.

ЧАЙКОВСКИЙ *(крайне удивлен)*. Это почему же?

НАДЕЖДА ФИЛАРЕТОВНА. У вас есть одна, но пламенная страсть...

ЧАЙКОВСКИЙ *(обеспокоенно)*. И вы верите этому? Вы ... мой лучший друг?

НАДЕЖДА ФИЛАРЕТОВНА *(после длительной паузы)*. Вы слишком любите музыку, Петр Ильич, для того, чтобы полюбить женщину...

14

У А П У Х Т И Н А . Хаотический беспорядок. Поэт лежит на диване. Послышался дверной звонок. Еще один, еще. А П У Х Т И Н слегка шевельнулся, со стоном сел на кровати, дотянулся до массивной трости с набабдашником и, опираясь на нее, тяжело заковылял к двери. Входит Ч А Й К О В С К И Й , бросил на стул пальто и шляпу, обнял А П У Х Т И Н А . Минуту оба стоят молча.

А П У Х Т И Н . Еще не покойник, Пьер, но уже кандидат. *(В его глазах слезы)*. Извини, я лягу. *(Идет к дивану, со злостью швыряет трость, кряхтя ложится)*.

Ч А Й К О В С К И Й (в зал). Апухтин был смертельно болен. Я знал, что дни его сочтены. (*Садится в кресло*).

А П У Х Т И Н. Глазки закрыть приехал?

Ч А Й К О В С К И Й. Бог с тобой, Леля, не говори так.

А П У Х Т И Н. А как, Пьер? Как? Явилась, не постучавшись, и сидит здесь рядом.

Ч А Й К О В С К И Й. Кто?

А П У Х Т И Н. Не разумеешь будто? Гадина курносая. Когти выставила, сволочь, и ждет своего часа. (*Показывает в угол*). Вон она! У-у-у-у! А теперь там! Не видишь? (*Замахивается*). Не подходи, зашибу. (*После паузы*). У меня водянка, Пьер. И нет от нее спасения.

Ч А Й К О В С К И Й. Лелька, милый, да ты поправишься еще. Увидишь!

А П У Х Т И Н. Утешать приехал? Или жалеть? Не надо, голубчик, не надо. Я гордый. На жизнь смотрел с презрением, а на смерть –тьфу! (*С трудом сел на диване*). Жил, жил, а когда в собственную могилу заглянул, так и вспомнить нечего. Стишки, пирушки, амурные шалости... Вот, помнишь? (*Достает с тумбочки бутылку*). «Вдова Клико», нектар! Любимейший напиток нашей юности. А в нем у меня знаешь что? «Медвежьи ушки», мочегонка. Алексей Апухтин теперь не писатель, а только ...моче-ис-пус-катель! (*Хохочет*).

Ч А Й К О В С К И Й. Ты писал чудные стихи, Леля.

А П У Х Т И Н. Второй Пушкин, да? Так, кажется, меня нарек сам Тургенев? Му-му, Иван Сергеич, не оправдал вашего доверия.

Ч А Й К О В С К И Й. Ведь писал от случая к случаю, Леля.

А П У Х Т И Н. По вдохновению.

Ч А Й К О В С К И Й. А надобно было трудиться, как сапожник тачает свой сапог: каждый божий день.

А П У Х Т И Н. Ты, как наивная институтка, продолжаешь верить в труд! Я не сапожник, Пьер, я поэт. Труд есть величайшее наказание, ниспосланное на долю человека.

Ч А Й К О В С К И Й. Вот потому-то за последние десять лет ты не написал ни строчки.

А П У Х Т И Н. Имею я, черт возьми, право на депрессию? А впрочем... (*Пытается привстать*). Помогите.

Ч а й к о в с к и й поддерживает его, А п у х т и н тяжело приподнимается, подходит, опираясь на палку к этажерке. Роеется в бумагах, падают на пол книги. Наконец вытягивает небольшую пачку исписанных листов и протягивает Ч а й к о в с к о м у .

Не такой уж я бездельник, видишь? (*Садится на диван*).
Ч А Й К О В С К И Й (*глядя в рукопись*). «Реквием»? (*С недоумением смотрит на него*).

А П У Х Т И Н. У кого что болит...

Ч а й к о в с к и й перелистывает страницы.

Не хочешь сочинить музыку?

Ч а й к о в с к и й продолжает листать рукопись.
Долгое томительное молчание.

Вирши поганые, да?

Ч А Й К О В С К И Й. Не в этом дело, Леля. Стихи как раз неплохие, есть искренность, страсть. Но не со всем могу согласиться... Вот, например... Ты пишешь о Боге... Он у тебя здесь злой – каратель, мститель. Извини меня, но во мне другой Бог. Тот, кто вызывает слезы и восторг.

А П У Х Т И Н. Бог – грозный судия, а не добренький старец. Ложью, елеем оболгали вы своего Бога. (*Вырывает рукопись, бросает в угол*). Все! Потомки рассудят.

Ч А Й К О В С К И Й. Не сердись, Алексей. Есть еще и другая причина. Я... я уже написал свой реквием.

А П У Х Т И Н. Ты? Тоже? Не рано ли?

Ч А Й К О В С К И Й. Это моя Шестая симфония. Наверное, последняя. Пишу со слезами на глазах. Она о том, для чего я жил на этом свете. О том, что и я умру и, вероятно, совсем скоро. Гляжу на себя со стороны и горько, поверь. Ведь ничего стоящего не успел сделать.

А П У Х Т И Н. Не фиглярничай, Пьер! На нашем музыкальном Олимпе ты как Пушкин и Лермонтов вместе.

Ч А Й К О В С К И Й. Брось, Леля, брось... Мечтал когда-то до Моцарта, до Бетховена дотянуться... Где уж там! Полистаешь свои старые партитуры – такая, брат, постыдная банальщина!

А П У Х Т И Н. «Пиковая дама», что ли, банальщина? Зачем наговариваешь на себя? А «Лебединое»? А «Иоланта»?

Ч А Й К О В С К И Й. Казню себя и вечно казнить буду за «Вакулу», за «Опричника». А «Воевода» что – лучше? Это, брат, не оперы, нет. Это уголовные преступления!.. У тебя есть что-нибудь... кроме этих... «медвежьих ушек»?

А П У Х Т И Н. Там, на полочке.

Ч а й к о в с к и й ставит на стол бутылку вина, два бокала.

Ч А Й К О В С К И Й. Твое здоровье, Леля.
А П У Х Т И Н. Обожаю юмор.

Пьют.

Ты еще горы своротишь, Пьер. Жаль, я не услышу. Туда... (*постучал тростью об пол*) звуки плохо доходят. Вот что... Не надо тебе «Реквием» писать. Даже попросишь – не дам. Плохая примета. Помнишь Моцарта? Вот и гони от себя эту чушь. Как можно подальше. Должен сказать, Пьер, видок у тебя вполне молодецкий. Морское путешествие явно на пользу. Были какие-то неожиданные рандеву? Что ты молчишь?

Ч а й к о в с к и й отходит в сторону.

Я не буду спрашивать: с кем? Зачем? Я вижу: ты счастлив. Раньше, когда ты уходил, когда изменял нашей дружбе, я страдал. Помнишь? (*Берет гитару, поет*).

Забыть так скоро, Боже мой,
Все счастье жизни прожитой!
Все наши встречи, разговоры
Забыть так скоро, забыть так скоро!

(*Перебирает струны*). Я изливал душу в стихах и слал их тебе вдогонку.

Ч А Й К О В С К И Й. А я их возвращал тебе. Уже с музыкой.
А П У Х Т И Н. И мы мирились.

Играет. Оба поют.

Забыть любовь, забыть мечты,
Забыть те клятвы, помнишь ты,
В ночную пасмурную пору?
Забыть так скоро, так скоро! Боже мой...

Ч А Й К О В С К И Й. Иногда я думаю – бедные мы с тобой, бедные. Прожили век, не испытал ни на единую секунду обычного людского счастья.

А П У Х Т И Н. Говори лучше – обывательского... Погоди, но ты ведь отведал его. Варенье из брусницы... Оно оказалось не по вкусу? Как хрен с горчицей? (*Усмехнулся*).

Ч А Й К О В С К И Й. Ты был прав, голубчик. Ничего нет бес-

плоднее, чем идти против своей натуры.

А П У Х Т И Н. Граф Лев Николаевич, коего я почитаю почти как тебя, сказал, как всегда мудро. Мир движется вперед, изрек он, благодаря тем, кто страдает. Останься ты с этой стервой...

Ч А Й К О В С К И Й. Она ни в чем не повинна.

А П У Х Т И Н. Останься ты с ней и народив кучу маленьких Чайковских, ты бы убил большого Чайковского. Се-бя! А посе му ликуй, что она от тебя отцепилась.

Ч А Й К О В С К И Й. Если бы! Она врывается в мой дом, устраивает скандалы, угрожает.

А П У Х Т И Н. Ты известный и богатый. А ей нужны деньги.

Ч А Й К О В С К И Й. Я ей даю. Когда сотню, когда тысячу.

А П У Х Т И Н. Заглатывает, как акула. И все, наверное, мало. Наглая! Эх, будь я в прежней силе, я бы ей, стерве!..

Делает резкое движение и валится с дивана.

Ч А Й К О В С К И Й. Леля!!! (С трудом поднимает его).

А П У Х Т И Н (тяжело, прерывисто дышит). Видишь, какая руина. Не месяцы, дни остались. Может, столько, сколько пальцев на руках. А может, и одной руки хватит. Помнишь, Пьер, Валаам? (Берет руки Чайковского в свои, нежно гладит их). Звезды, вечный покой, белый скит, часовенка... И кроме Пьера и Лели никого вокруг, никого... Знаешь... Скажу тебе как на исповеди. Всю жизнь лишь одним тобой жил... (Порывисто целует его пальцы). Приходи на мою могилку. Часто не надо, времени у тебя не будет... Но хоть по весне, когда цветы вокруг...

Аккорд гитары. Затемнение.

15

За ломберным столиком А д в о к а т и Т а й н ы й с о в е т н и к .

Лениво перебрасываются в карты. Появляется П р о к у р о р .

В руке несколько листов.

А Д В О К А Т. Написал?

П Р О К У Р О Р (трясет листами). Все честь по чести.

Т А Й Н Ы Й С О В Е Т Н И К. Дай-ка... (Берет у Прокурора листы бумаги, надевает очки). Так... «Завещание... Я, Чайковский

Петр Ильич, находясь в здравом уме и твердой памяти...»

ПРОКУРОР. Насчет здравого ума большой вопросительный знак.

АДВОКАТ. Его можно понять.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Раньше надо было думать. *(Продолжает молча читать завещание, шевелит губами).*

АДВОКАТ. Несчастный.

Громкий выстрел. Правоведы ошарашены. Нарастает стук метронома. Появляется Чайковский. Он оголен до пояса. Волосы упали на лоб.

Бледен. С обеих сторон его поддерживают Прокурор и

Тайный советник. Медленно подводят к креслу, бережно усаживают.

АДВОКАТ. Петр Ильич!

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Пальнуть в себя решил? Ай-яй-яй.

ПРОКУРОР. Нехорошо, брат. Ведь слово чести.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Договор – святое дело.

ПРОКУРОР. Пуля – она, известное дело, дура. Счастье, что мимо. Ну, ну, успокойся, голубчик.

ПРОКУРОР. Слава тебе, Господи, живехонек. А то ведь ой как нескладно могло получиться. У нас ведь по другому прописано.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Поедем сейчас в ресторан. К цыганам или к Лейнеру, как скажешь. Пьем, веселимся, за твое здоровье тосты говорим. Народу вокруг куча, все, ясное дело, на Чайковского смотрят... А ты, Петя... Слушай внимательно... Мы же правоведы, все мелочи, все до единой маленькие детальки должны быть учтены. Вот посреди нашего пира ты что есть силы громко, на весь зал, крикнешь официанту: «Эй, голубчик, воды мне!» А тот принесет тебе графинчик и скажет: «Вода невываренная, Петр Ильич. Не рекомендуется». А ты засмеешься и скажешь: «Не стражай, братец, никакая холера меня не возьмет». Громко, чтоб все вокруг слышали. Про холеру.

ПРОКУРОР. А мы за столом тоже громко: «Не пей, Петр Ильич, не пей!» А ты – хлобысть! стакан, другой. С куражом: не боюсь, мол.

ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК. Ну а к вечеру уже начнется. Заработает наш славный индийский паучок. Все, учти, как при холере. *(Вынимает блокнотик, листает).* Сперва рвота и судороги. Температура, конечно. Приезжают врачи. Консилиум. Никакого сомнения – холера. Уколычики...

ПРОКУРОР. Потом на простыню – и в горячую ванну.
Ч А Й К О В С К И Й. Нет!
ПРОКУРОР. Что – нет?
Ч А Й К О В С К И Й. Ванну не надо.
Т А Й Н Ы Й С О В Е Т Н И К. В чем загвоздка? Не все ли тебе
равно, Петя? Ну, хорошо, поговорим с медициной. (*Делает по-
метки в блокноте*). Думаю, уважим твое предсмертное желание.

Бьют часы..

Время в ресторацию ехать.

Правоведы выходят.

Ч А Й К О В С К И Й (*шепчет*). Мама...

Музыкальный аккорд.

Мама! (*Кричит*). Ма-ма!!!

Появляется М а м а. На плечах большая черная шаль.
Протянуты вперед руки. Словно ищет дорогу в мерцающем неверном
свете. Медленно приближается, становится позади него. Ласково провела
ладонью по волосам. Он закрыл глаза, улыбнулся.

Милая моя...прекрасная...

М А М А. Петушок... Славный ты мой.

Ч А Й К О В С К И Й. А знаешь... Я буду умирать так же, как
и ты, мама.

М А М А. Неужто... холера?

Ч А Й К О В С К И Й (*после паузы*). Вроде...Сколько мне было
в ту пору? Когда ты...

М А М А. Лет тринадцать, четырнадцать.

Ч А Й К О В С К И Й. Ты лежала, помню, на втором этаже.
Нас не пускали. Мы стояли под дверью и слышали твои слабые
стоны. И я, и Модест, и Толя, и Саша... А папа неотлучно нахо-
дился с тобой.

М А М А. И подхватил заразу. Уж как я его гнала!..

Ч А Й К О В С К И Й. Он остался жить, мама.

М А М А. Хоть было на кого оставить вас, сироток. Послушай,
Петушок... Может и тебя, Бог даст, эта напасть минует. Буду мо-
литься, сынок, за тебя. А я вот за три дня сторела.

Ч А Й К О В С К И Й. На третий день, помню, доктор сказал
нам: «Дети, радуйтесь, опасность миновала. Сейчас сделаем го-
рячую ванну, и ваша мамочка снова станет здоровой».

М А М А. Они понесли меня на простынях в ванную комнату. Вода обожгла меня. Я стала кричать: «Выпустите меня, я умираю!» И вот... больше я ничего не помню.

Ч А Й К О В С К И Й. Не надо было этой проклятой ванны! Не надо!

Появляется Т а й н ы й с о в е т н и к с блокнотиком в руках.

Т А Й Н Ы Й С О В Е Т Н И К. Не надо, так не надо. Я же записал, Петя. Согласно твоему последнему волеизъявлению. *(Исчез)*.

Ч А Й К О В С К И Й. В тот день, когда тебя похоронили, мама, закончилось детство. И уже более никогда не возвращалось.

М А М А. Я не успела даже перекрестить вас... Ты был, Петушок, самым любимым. Лучшая жемчужина моя. Я всегда знала и верила, что тебя ждет слава. Великая слава. Я горда тем, что я тебя родила.

Ч А Й К О В С К И Й. Доживи ты до нынешнего дня... Уж не знаю, гордилась бы ты мною или наоборот...

М А М А. О чем ты, сынок? Я тебя не пойму.

Ч А Й К О В С К И Й. «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь...»

М А М А. Замолчи!

Ч А Й К О В С К И Й. Они приговорили меня к смерти за то, что я не такой, как они. Я урод, мама! Урод! Ты меня родила таким!

М А М А. Не хочу слышать твоих дурацких слов. Я родила Петра Ильича Чайковского! Гения!

Фигура М а м ы растаивает в темноте.

Ч А Й К О В С К И Й *(вслед)*. Мама! Богиня! Где ты? Не уходи!

А д в о к а т вносит смокинг и белую сорочку.

А Д В О К А Т. Оденемся, Петя.

Чайковский надевает рубаху, повязывает галстук.

Бьют часы.

Ч А Й К О В С К И Й. Да, часы!.. Вот что, Лев. *(Бережно взял с рояля красивые настольные часы)*. Это она подарила, Надежда Филаретовна. Я, как ты, наверное, знаешь, многим ей обязан. Можно сказать, всей жизнью. Так вот... Хочу ей эти часики вернуть. На память обо мне. Думаю, ты увидишь ее на моих похоронах...

А Д В О К А Т (*после паузы*). Вряд ли. Она, Петр Ильич, в Ницце.

Ч А Й К О В С К И Й. Не беда. Передашь, когда приедет.

Отдает часы А д в о к а т у . Тот в явном замешательстве.

А Д В О К А Т. Не уверен, пожелает ли она принять их назад..

Ч А Й К О В С К И Й. Господи, но почему же? Почему?

А Д В О К А Т (*ставит часы на рояль*). А ты не догадываешься?

Ч А Й К О В С К И Й. Чтобы она отреклась от меня, предала? Никогда! Она святая женщина.

А Д В О К А Т. Она-то святая. Но ты грешен. И ей об этом постарались рассказать.

Темнота.

16

В пятне света Антонина Ивановна и Полицейский Чин .

АНТОНИНА ИВАНОВНА (*притворно-ласково*). Не гони нас, Петенька. Мы с Порфирием Кузьмичем забежали к тебе на несколько минуток.

Подходит к роялю, нежно гладит его лакированный бок, и весь последующий разговор ведет только с инструментом, так как
Ч а й к о в с к о г о на сцене нет.

Докучать тебе своим присутствием долго не будем. Знаем, что ты день и ночь в трудах проводишь.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ЧИН. Дело порешим – и айда во-свояси.

АНТОНИНА ИВАНОВНА (*представляя его*). Супруг мой как бы теперь.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ЧИН (*щелкнув каблуками и вытянув грудь*). Гвоздопятав Порфирий Кузьмич. Сожитель ейный. А супруг законный – вы, ваше благородие, господин Чайковский.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Мыкалась да маялась я, одинешенька, тобою брошенная, Петя. Да Господь сподобил – доброго человека повстречала на жизненном своем пути. Был Кузьмич мой в ту пору в нижних чинах – городовым на Тверской-Ямской улице стоял, с бляхой. А теперь, значит, наверх пошел.

ГВОЗДОПЯТОВ. Надзиратель коридора одиночек в тюрьме Бутырской.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Человек он из себя хозяйственный, добросердечный. И к музыке, наподобие тебя, тоже склонность испытывает.

ГВОЗДОПЯТОВ. На малом барабане-с.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Сам выучился. Теперь в духовом оркестре охранной части.

ГВОЗДОПЯТОВ. Как вдарю дробью! Марш 12-го кавалерийского полку. Не знаете-с? Трам-трам-трам!

АНТОНИНА ИВАНОВНА (*с гордостью*). Без Кузьмича у них никакой игры не выходит.

ГВОЗДОПЯТОВ. Ладно, мать. Хватит в уши дуть. Приступай к нашему, как говорится, обоюдному дельцу.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Излагаю. Родила я в марте месяце сыночка. Петром назвали, а в честь кого – догадался? То-то!.. Шустрый мальчишенька, третий месяц пошел, а он уже головку держит.

ГВОЗДОПЯТОВ. И вроде бы, сдается, честь отдает.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Так вот, Петр Ильич... Люди мы, как тебе известно, небогатые. Ждем от тебя вспомоществования по случаю рождения маленького.

Пауза. Антонина Ивановна и Гвоздопатов переглядываются.

Что же ты молчишь, Петенька? Жаль мальчонку.

ГВОЗДОПЯТОВ. Удался пацан.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Обожаем мы его. Кузьмич от сынишки не отходит.

ГВОЗДОПЯТОВ. Как вдарю ему дробь на барабане! Да как зайдется он от радости! Ручками-ножками задержает, засучит – маршировать хочет, пострел.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Так что ждем твоего слова, Петя. Не молчи.

Пауза. Гвоздопатов что-то шепчет на ухо жене.

(*С угрожающими нотками в голосе*). Ежели денег давать не хочешь – усынови. Двоих уже в приют отдала, но то не от Порфирия Кузьмича, а он у меня такой отец горячий...

ГВОЗДОПЯТОВ. Другому бы ни за что сынишку не отда-

ли. Только вам, ваше благородие.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Да что же ты молчишь, идол! (*Колотит по клавишам*). Жизнь мою безвинную изувечил! Где мне было знать тогда, с какой целью подлой ты на мне женился. Чтобы пакости свои от людей сокрыть, да? Сторублевками своими рот мне замазать хочешь? А я кричать буду!

ГВОЗДОПЯТОВ. Мы обое кричать будем.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. У Кузьмича на тебя дело заведено.

ГВОЗДОПЯТОВ. Это точно. Красивый материалчик в наличии.

АНТОНИНА ИВАНОВНА. Всем расскажу. А в первую очередь полюбовнице твоей, миллионерше. (*Остервенело тарбанит по роялю*). Пусть узнает, кто ты есть на самом деле! Пусть все узнает, все!

17

Чайковский сидит на стуле. В руках у него часы.

Углублен в себя, медленно вращает стрелки.

Один за другим раздаются тяжелые глухие удары.

ЧАЙКОВСКИЙ. Неужели она отреклась от меня, Надежда Филаретовна? Незримый верный друг, столько раз клявшийся мне в своей любви... Я не мог предположить, что эта добрая фея способна отвернуться от меня. Скорее земной шар может рассыпаться в мелкие кусочки, чем Надежда Филаретовна пожелает моей скорейшей смерти. В том, что часы мои сочтены, у меня уже не было никакого сомнения. Маленький паучок, когда-то висевший на серебряистой нити в далеком тропическом лесу, уже делал свое дело.

Появляются правоведы. Они в верхней одежде.

Час пробил, мой стеклянный мальчик. За мной пришли, меня торопят. (*Встает, ставит часы на рояль*). Последние строки. Встретились две искорки в ночном небе – на одну лишь секунду – и ...нет уже этой секунды, она принадлежит вечности. Так было угодно судьбе. Так было угодно Богу...

Адвокат подает ему пальто, шляпу, трость. Помогает одеться.

Чайковский сделал несколько шагов к выходу. Остановился.

Обернулся. Быстрым шагом выходит.
Тайный советник и Прокурор следуют за ним.
Адвокат чуть задерживается. Подходит к роялю, проводит пальцами
по клавишам. Закрывает крышку.

А Д В О К А Т (*истово крестится*). Господи, прости нас...Госпо-
ди, прости нас... Господи, прости...

ТАНГО ОРАНГУТАНГА

Посмертные записки майора Т.
в двух тетрадях

Действующие лица

ЛЕСЬ КУРБАС

СОЛОМОН МИХОЭЛС

АГНИЯ

ВАЛЕНТИНА

МАЙОР Т.

ТРОЕ В ЧЕРНОМ

ПРОЛОГ

Из темноты в луч света вошел М а й о р . Он в белом одеянии Пролога.

М А Й О Р . Я умер двадцать третьего июля... Не правда ли, веселое начало? В семнадцать сорок, у себя на даче, отгородясь от мира кольцом берез поникших и тоскливым воем единственной любимицы моей...

Воет, рыдая, собака.

Фу, Аза! Фу, стерва черная! Уймись! Не раздирай мне душу! Еще не время, слышишь! Все пойдет по плану: таблеток горсть, стакан воды «нарзан», дымок «Герцеговины флор» — последний, самый сладкий... Финал, достойный сцены МХАТ: все подлинно, все натурально, два акта, две тетради, два часа. Не мемуары ма-разматика, а сцены, написанные ночью, когда глаза в глаза, не торопясь, я разминал чужие души — и добавлял к казенным протоколам причуды и фантазии свои. Сам автор, сам актер, сам режиссер — в одном лице — как сэръ Вильям Шекспир в своем театре «Глобус». Но только выше чуточку, чем он, по званию — майор!

Смеясь, сбрасывает белую мантию и остается в форменном мундире НКВД. Резкий музыкальный аккорд. Из темноты возникают Трое в черном. Лица наглые, с ухмылкой. Глядят прямо в зал.

Т Р Е Т И Й . А если просто: Театр на Лубянке! А?

В Т О Р О Й . Ничё! Звучит!

П Е Р В Ы Й . Как, шеф?

М А Й О Р . По мне, так в самый раз. Добавим только: под руководством майора Т. Нет возражений?

Гонг.

Все. Начинаем. Первая тетрадь...

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

1

Лубянка. Кабинет. Черная лампа на столе, телефон. М а й о р вышагивает.
Сбоку Трое в черном. Режутся в карты.

М А Й О Р. Где Агния?

Все смотрят на Т р е т ь е г о . Он вынимает платочек и оглушительно сморкается. Потом делает стойку и нюхает воздух.

Т Р Е Т И Й. Духи...

В Т О Р О Й. Я тоже чую..

Т Р Е Т И Й. «Красная Москва».

П Е Р В Ы Й (закрыв глаза). Я уже вижу: бежит девчоночка, бежит!

П Е Р В Ы Й. Ай!

М А Й О Р. Что?

П Е Р В Ы Й. Чуть под машину не попала!

М А Й О Р. Вот дура!

П Е Р В Ы Й. Все обошлось, майор.

Т Р Е Т И Й. Площадь Дзержинского пересекла.

В Т О Р О Й. Внизу уже, в подъезде номер девять.

Т Р Е Т И Й. Раскрыла пропуск.

В Т О Р О Й. Беретку поправляет в лифте.

П Е Р В Ы Й. Гу-у-убоньки мажет!

В Т О Р О Й. Бежит по коридору!

Т Р Е Т И Й. Сейчас войдет!

М А Й О Р. Ребята, танго!

Джаз-гол: танго. Появляется А г н и я . Ошеломительно красива.

Из-под берета локон каштановых волос. Очаровательные глаза.

М а й о р подходит к ней. Выжидает.

Она кладет ему руки на плечи. Танго.

Я ждал тебя четыре дня.

А Г Н И Я. Поверишь, вырваться, вырваться, вырваться я не могла!

Т Р О Е В Ч Е Р Н О М .

Хо-хо-ха-ха!

Хо-хо-ха-ха!

То не бал, не маскарад —

Танцуем танго.

Шаг вперед, два назад —
Танго орангутанга!

МАЙОР.

Крупье — судьба,
Курок у лба.
И ставки сделаны, сделаны, сделаны
Уже вчера!

ТРОЕ В ЧЕРНОМ.

Хо-хо-ха-ха!
Хо-хо-ха-ха?
То не бал, не маскарад —
Танцуем танго.
Шаг вперед, два назад —
Танго орангутанга!

Танец. Музыка смолкает.

М а й о р усаживает А г н и ю в черное кожаное кресло.
А г н и я садится. Короткая юбочка оголяет колени. Закуривает.

МАЙОР (*людям в черном*). Репарка на полях: «Вся боевая
тройка в кулисах исчезает». Кыш! Кыш!

В т о р о й и Т р е т и й, юродствуя, кудахчут. П е р в ы й поет петухом.
Торопливо убегают. М а й о р садится за стол, листает бумаги.

Так, так... Пятнадцатое, вторник... Последний лист... Что ж
было дальше?

А г н и я молчит.

Красавица, ты что, забыла службу?

А Г Н И Я. За эти две недели событий не было, майор.

МАЙОР. Совсем-совсем?

А Г Н И Я. Таких, что вас интересуют.

МАЙОР. «Не верю!» — закричал бы мхатовский старик. Ты
слышишь, девочка, не верю!

А Г Н И Я. Что было? Репетиции, спектакли, вводы... Шеф
лекцию читал.

МАЙОР (*даже подпрыгнул от возмущения*). Не говори мне:
«шеф»! Он — поднадзорный. Шеф — это я. Понятно?

А Г Н И Я. Да, шеф. Читал Михоэлс лекцию.

МАЙОР. О чем?

А Г Н И Я. О национальном театре.

М а й о р вскочил.

М А Й О Р. И не было событий, говоришь? Национальный — это буржуазный. Вот, что вынашивает Шлема в своей кудлатой голове! Устроить хочет кагал жидовский в центре красной Москвы. А ты... Зачем, скажи, тебя внедрил я в этот театр?

А Г Н И Я. Сама не знаю... Увольте. Не могу, майор. Я не го- жусь.

М А Й О Р. Никак нельзя, красавица. Назад нет ходу. Ты ме- ченая. Ты пропащая. Ты душу продала.

А Г Н И Я. Вам?

М А Й О Р. Родине, засранка!

У А г н и и на глазах слезы.

Ну, извини... Достала...

А Г Н И Я. Он так ко мне относится, Михоэлс... Как к дочери.

М А Й О Р. Купил. Они на это мастера. Где, слушай, бдитель- ность твоя?

Хватает со стола несколько газет, разворачивает их.

Вокруг враги... Троцкисты... Льва Давыдовича семья. На шахте взрыв... Прорвало дамбу... Селькора и его семью сожгли. Дивер- сии, предательство... А ты!

А Г Н И Я. Но не в театре!

М А Й О Р. Ты комсомолка или просто дура беспросветная? Мозги интеллигенции вонючей косят на Запад. Гнилой свободы хочется подонкам.

Достает из сейфа несколько папок.

Вот театры... Вот, все до единого... Подколото. Подшито. Со- всекренно. Вот, видишь, МХАТ. На Мишеньку Булгакова досье. Что ни напишет, гадина, то будто плюнет в рожу советской вла- сти. Тихонечко, конечно, между строк. И думает, хитрюга, что он Лубянку обдурил. Вот Мейерхольда «дело». Пускай еще покуро- лесит малость. Напомним скоро гению, что театр не только на- чинаться, но и заканчиваться вешалкою может.

Хохочет.

А вот, гляди, Еврейский театр... Почти пустая папка. Твои пи- скульки: пис... пис... пис... По капле. Все хорошо, прекрасная мар- киза, все там благополучно. Да?

Я спрашиваю: да?

А Г Н И Я (*с вызовом*). Да!

М А Й О Р. Так чтоб ты знала впредь: жиды — бродильное начало всех эпох. Микробы разрушенья и распада. Им все равно, что грызть: буржуев, королей, социализм...

А Г Н И Я. Майор, вы лжете!

М А Й О Р. Ах ты... ексель-поксель! Лишь тебе прощаю. А почему? Люблю тебя, ты знаешь. Но лгу не я, красавица, а ты. О чем твой Шлема говорил приезжему из Гомеля?

А Г Н И Я. Когда?

М А Й О Р. В ту пятницу.

А Г Н И Я. Не слышала. Не знаю.

М А Й О Р. А надо было слышать. Твой Соломон чуть не заплакал, узнав, что пять еврейских школ закрылось. «Кто ж будет знать язык наш, — он сказал, — и для кого играть мы будем через десять лет?»

А Г Н И Я (*пожав плечами*). Я не слыхала.

М А Й О Р. Врешь! Или прокол в работе. Он клеветал на нашу национальную политику, подлец!

Что-то помечает в досье.

А Г Н И Я (*встает*). Могу идти?

М А Й О Р. Нет, девочка, не можешь. Ты еще не рассказала, где вчера таскались вы со Шлемой.

А Г Н И Я. Вчера?

М А Й О Р. Невинность ангельская в глазках! Ну, браво, истинный талант!

Резко, стукнув кулаком по столу.

Вчера, черт побери! Вчера!

А Г Н И Я. Зашли в кафе «Националь»...

М А Й О Р. Так, так... стучи, стучи...

А Г Н И Я. Попили кофе...

М А Й О Р. И все?

А г н и я достает из сумочки коробку папирос, хочет закурить.

М А Й О Р. Возьми мои. Особые.

Вынимает из ящика стола папироску, протягивает А г н и я .

Травушка-муравушка небо не коптит,
Травушка-муравушка душу веселит...

А г н и я нерешительно берет папироску.
М а й о р чиркает спичкой. А г н и я закуривает.
Сизый дымок обволакивает лицо.

2

Кафе «Националь». Столики.

За одним из них мужчина в сером костюме.
Седая голова, молодые, одухотворенные глаза. На столике перед ним
чашка кофе, в руках газета. Негромкая ресторанный музыка.
Шумно, смеясь, появляются А г н и я и М и х о э л с. На нем свитер и
широкие, изрядно помятые брюки. Усаживаются за столик.

М и х о э л с передает А г н и и меню.
Вынул из кармана часы, поднес их к уху, потряс и,
безнадежно махнув рукой, положил на стол.

М И Х О Э Л С. Эх, шахер-махер, снова стали.
А Г Н И Я. Вы же недавно их чинили.
М И Х О Э Л С. Не я, а часовщик. Забавный старец, между
прочим.

Мигом перевоплощается в старика-часовщика — вставляет в глаз
воображаемый окуляр, берет на ладонь часы, качает головой и
пренебрежительно кладет их снова на стол.

«Когда-то, может, слышали: была такая фирма — «Мозер»...
— Но у меня не «Мозер». Кировские. «Вы это говорите мне?
Я что, слепой? Невроку сорок лет сижу на этом месте». — Так что
с часами будет, мастер? «Я ж вам сказал уже: не «Мозер», киров-
ские.

Откладывает часы, вынимает из глаза «окуляр».

Не знаю я, что будет. Надо думать. Скажите лучше, как вам
нравится насчет селедки? Нет, я не нытик. Я за пятилетку. Желе-
зо — да! И уголь — да! И трактор — тоже да! Но пусть немножко
будет и селедки с лучком и постным маслом. Кому она мешает?
Трактору? Железу? Что, я не прав?»

А г н и я смеется.

— Вы правы, мастер, но мои часы... Я как без рук... пожалуй-
ста... «Вы снова за часы...

Кладет их на ладонь...

Вы, наверное, не очень любите селедку с луком, а как жена? А дети ваши?

Снова откладывает часы.

Вы за детей мне ничего не рассказали. Есть дети?» — Есть. «И сколько, если не секрет?» — Две девочки. «О, шейне мейделе... И как зовут их?» — Нина и Наташа. «И сколько лет Наташе? А Нине?» — Послушайте, любезный, вы можете часы мои исправить? «Фи, кто так говорит: исправить? Здесь, слава Богу, не тюрьма. Я мог бы починить их — был бы шурупчик, маленький такой... А их сейчас никто не выпускает». — Ну извините, говорю, пойду. «Постойте! Я вас отпустил? Есть у меня как раз один. На всю Москву только одни шурупчик. Для ваших кировских. Я же знаю: вам без часов никак нельзя, товарищ Михоэлс. Починим, будет все в порядке. А если что не так, придете снова — я буду рад поговорить за нашу жизнь».

А г н и я смеется.

М и х о э л с кладет часы в карман.

А Г Н И Я. Придется снова старичка проведать.

Появляется О ф и ц и а н т — это один из Людей в черном.

Кофе-гляссе, эклер.

М И Х О Э Л С. Бутылку хереса, «Казбек» и кофе.

О ф и ц и а н т уходит.

Обычно в это время здесь сидит Олеша. Сегодня почему-то Юры нет.

А Г Н И Я (*кивком головы указывая на мужчину в сером костюме*). А то не он?

М И Х О Э Л С. Олеша?! (*Хохочет*). Его не спугаешь ни с кем — затрепанные брючки с бахромой, пиджак, как будто жеванный верблюдом... А этот... Франт какой-то...

Присматривается к мужчине.

Постой... Не может быть... Да это же великий чародей театра украинского... Ай, гад! В Москве — и не зашел, не позвонил! Ну, я его отделаю!

К ним подходит О ф и ц и а н т .
М и х о э л с выхватывает из его рук поднос,
перебрасывает через руку полотенце и подходит к столику,
за которым сидит мужчина в сером.

Кушать подано!

Ставит на стол еду и вино.

М У Ж Ч И Н А (*недоуменно*). Позвольте, я ведь не заказывал...

Отложил газету, взглянул на «Официанта»
и тут же саркастически улыбнулся.

Бездарно, Соломон! Я выгнал бы тебя не только из кафе, но
из театра тоже. Кто ставит так вино? Кто держит так поднос?
Как сковородку на коммунальной кухне!

Берет поднос, легко и грациозно скользит между столиками,
ставя на них воображаемые блюда. Подходит к А г н и и .

Целую ручки, пани...

А Г Н И Я. Агния.

М У Ж Ч И Н А. Александр Зенон Курбас.

А Г Н И Я (*с легкой иронией*). Как непривычно, как загранично.

К У Р Б А С. Для вас я просто Лесь.

Подает руку А г н и и и ведет к своему столику,
за которым уже сидит М и х о э л с .

М И Х О Э Л С (*разливает вино*). За встречу!

Все трое поднимают бокалы, пьют.

Давно в Москве?

К У Р Б А С. Неделю.

М И Х О Э Л С. А почему один? Где пани Валентина?

К у р б а с опустил голову, молчит.

К У Р Б А С. Осталась в Харькове.

М И Х О Э Л С. А ты — надолго?

К У Р Б А С. Бог знает. Может, на месяц...

М И Х О Э Л С. На месяц?

К У Р Б А С. Может, навсегда.

М И Х О Э Л С. Да что за чертовщина, шахер-махер! Как —

навсегда? А театр? Твой «Березиль»?

КУРБАС. Был мой, а нынче... Лир постарел и отдал королевство шаловливым детям.

МИХОЭЛС. Тебе что — восемьдесят лет? Тоже мне Лир! Мальчишка! И что же дальше, Лесь?

КУРБАС. Пока что вакуум.

МИХОЭЛС. Безумец! (*Агнию*). И как все безумцы он гениален. Пискатор, Рейнгардт, Мейерхольд — он в их ряду.

КУРБАС. Спасибо, Соломон.

МИХОЭЛС. Да не «спасибо», черт возьми! А завтра... Ты слышишь — завтра! Чтоб ты пришел ко мне в театр. Понял?

КУРБАС (*с улыбкой*). Форштее, ребе Соломон. Форштее.

Смех. Звон бокалов. Темнота.

3

Лубянка. Маленький столик заставлен бутылками.

Вокруг него, развеселые и хмельные, М а й о р и Трое в черном.

ТРЕТИЙ (*передразнивая Михоэлса*). Ты гений, ты хохлацкий Мейерхольд!

Обнимает П е р в о г о .

ВТОРОЙ. Писькатор!

ПЕРВЫЙ. Чтоб завтра ты пгшел ко мне в театр!

ТРЕТИЙ. Фогштеен, гебе Соломон!

Хохочут, пьют.

МАЙОР (*обтирая губы ладонью*). Ну, ладно, зайцы, что мы будем делать?

ВТОРОЙ. Хохол не наш клиент.

МАЙОР (*Третьему*). А ты что скажешь?

ТРЕТИЙ. Мимо.

МАЙОР. Я вижу, зайцы, все вы мудаки.

ВТОРОЙ (*Первому*). А ты чего молчал?

ПЕРВЫЙ. Через хохла зацепим Соломона.

МАЙОР. Во! В самую десятку! Хоть у одного мозги не в жопе.

Целует П е р в о г о в губы.

В Т О Р О Й (*выбивает на стопе морзянку*). Точка-тире-точка-точка...

М А Й О Р (*диктует*). Сообщите... оперативные... данные... на Курбаса... Александра... Степановича... Срочно.

Морзянка сменяется какофонией звуков.

Сцена погружается в темноту.

Игриво напевая, появляется В а л е н т и н а .

Она в роли Параньки из пьесы «Диктатура». Одета с претензией, на плечах пестрая шаль. Лузгает семечки.

К у р б а с , стоя у портала, с усмешкой наблюдает за ней.

К У Р Б А С . А , добрый день, Паранечка! Сегодня, вижу, в «Березиле» играют моего заклятого дружка, Ивана Микитенко. Что ж, в добрый час.

Подходит к В а л е н т и н е , тихо.

Люблю тебя. Безумно.

В А Л Е Н Т И Н А . Як ти говориш, товаришу Гусак? Безумно — що? Безумно кохаеш? О-о-о-х! Ти ж на ветерана вчився, а кажеш: для народу. Из ветеранів вичистили, а тепер без посадки.

К У Р Б А С . Попала прямо в сердце. Из «ветеранів», точно, вышибли. Теперь меж небом и землею... Но все еще держусь... за облака.

В А Л Е Н Т И Н А (*сбрасывает шаль, тихо*). Что у Михоэlsa? Ты рассказал ему про все, что здесь творилось?

К У Р Б А С . Неужто мог бы я подставить друга?

В А Л Е Н Т И Н А . И что же он?

К У Р Б А С . «В моем еврейском королевстве, — сказал он, — пока что я король. Ваяй, лепи, твори и ничего не бойся!»

В А Л Е Н Т И Н А . Ай, Соломон! Ай, молодец какой! Он пьесу дал тебе?

К У Р Б А С . Да, предложил.

В А Л Е Н Т И Н А . Язык еврейский ты как галичанин немножко знаешь.

К У Р Б А С . Да, с этим нет проблем.

В А Л Е Н Т И Н А . Когда ты должен ставить?

К У Р Б А С . А никогда. Я отказался.

В А Л Е Н Т И Н А . Лесь, ты шутишь.

К У Р Б А С . Послушай, Валя, мой путь из Харькова в Москву был долгим и мучительным. Леса, дуга и реки — я их не видел, нет! Ты понимаешь: я ехал, Валя, по судьбе своей — то в гору поднимался с дерзким свистом, то, загнанный, вползал в сырой

тоннель. И проплывали мимо в бессонной памяти моей, окутанные паровозным дымом, любимых лица, маски подлецов. И с кем-то я боролся, с кем-то дрался, и кто-то шпагой протыкал меня. Судьба короче, чем дорога из пункта А, где я родился, до пункта Б, где мне прикажут: «Слазь!» Я выйду на последнем полустанке — и что же, Валя, друг мой, это все? Где театр, который строил в облаках мальчишка с окрыленными глазами? Ведь так бездумно свои серебряные сны он поменял на медные копейки. Агитки. Однодневки. Шушваль. Стыдно... Нет, нет, Господь! Дай мне последний шанс! И я отбросил, Валя, ту пьесу, которую он дал мне — там что-то про колхоз еврейский — и карандаш в моей руке, поверишь, мимо воли, сам запрыгал, заплясал... И появился на листе бумаги средневековый замок, окруженный рвом...

В А Л Е Н Т И Н А. Молчи, я знаю! Лир! Ты в «Березиле» бредил им.

К У Р Б А С. Для Бучмы, да. Теперь все в прошлом. А Соломон?

В А Л Е Н Т И Н А. Нет, он не Лир.

К У Р Б А С. Еще какой! Он сам не знает!

В А Л Е Н Т И Н А. А может, ты вернешься в «Березиль»? Мне так хотелось Корделию сыграть...

К У Р Б А С. Отрезано. Я предан теми, кого взрастил. Я изгнан из дома... нет, из храма, который возводил из сердца, из души, из опаленных нервных клеток... Пойми, не золотом расшитый путь искал я, нет! Искусство — бунт, водоворот, мятеж, гудящий колокол, раскачиваемый ветром!

В А Л Е Н Т И Н А. Когда-то было... Нынче — тишина. При встрече чуть кивают... Глаза отводят. Как это мерзко, дико!

К У Р Б А С. Держись. И слез себе не позволяй.

В А Л Е Н Т И Н А. Как ты учил. Иду и улыбаюсь, хоть кошки на душе скребут. Играю. В жизни и на сцене.

Набрасывает на плечи шаль, лузгает семечки.
Это она снова в образе Параньки.

«Батько казали, що як виграють хлібозаготівлі, зараз і весілля. А поки що не торкайся до мене, бо я за себе не ручуся... Що? На чорта мені аліменти? Аби ти був!»

Тихо.

А тяжело станет, ну совсем неумоготу — слова твои шепчу...

К У Р Б А С. Слова? Какие?

В А Л Е Н Т И Н А. «Я вибираю березіль, він ламає все старе, пробива новому місце...»

К У Р Б А С. Не надо, Валя, душу не трави. Я выбрал березиль — невесту белую, березу, а получил взамен осину... (*Горький смешок*). Кол осиновый...

Свет гаснет.

5

Гримировальный столик. Перед зеркалом М и х о э л с.
На нем старенький картуз и жилетка. Наносит последние мазки грима.
Тут же в комнате К у р б а с.

М И Х О Э Л С. Нет, Курбас, ни за что! На этот раз твой выстрел — мимо! Подумай, в самом деле: Михоэлс — Лир! Потеха! Смехота! С моею мордочкой — на трон! Ну ты сморозил! Я б личико свое охотно отдал в ломбард.

К У Р Б А С. В ломбард?

М И Х О Э Л С. Ну да!.. И потерял квитанцию бы тут же, не отходя от кассы.

Оба смеются.

Держу пари, такого Лира, шахер-махер, еще не знала мировая сцена.

К У Р Б А С. Тем лучше!

М И Х О Э Л С. Нет, старик, я тот сверчок, который точно знает свой шесток. Я Лир Анатовки, Бердичева, Сосновки, король портных, торговцев местечковых, молочников и книгонош... Корона? Как ее носить той голове, которая привыкла к ермолке или картузу?

К У Р Б А С. Ты помнишь, в Харькове пришли с тобой мы в зоопарк. Там лев был старый...

М И Х О Э Л С. Как же! Соломон — мой тезка!

К У Р Б А С. Стоял я сбоку и глядел, как вы беседовали с ним — два льва, два Соломона, два мудрых и веселых короля. И дело не в обличье — сердцем ты король. Великим, древним, несчастным и гонимым, как твой народ.

М И Х О Э Л С. Теперь понятно, почему оно болит. Замучил ты меня... Где валидол?

Вынимает из баночки таблетку, держит ее на ладони.

Все, Лесь. Кончаем разговор, я дам тебе другую пьесу.
КУРБА С. Шекспир.
МИХОЭЛ С. Это принцип?
КУРБА С. Да, принцип.

Долгая пауза.

МИХОЭЛ С. Ну что ж, мне очень жаль.
КУРБА С. Мне тоже.

Пожимают друг другу руки. Курбас уходит.
Михоэлс задумчиво глядит ему вслед, потом со злостью швыряет
таблетку на пол. Свет медленно гаснет.

6

В световом луче Агния.

АГНИЯ. Да, девочка, пора уже признаться — откройся
дневнику... Ой, смех! Ну чем не гимназистка, влюбленная в учи-
теля словесности! Шепчу бессонными ночами его лесное, ласко-
вое имя. Оно как легкое дыхание трав луговых, как шелест ли-
ствьев в колдовском лесу — Лесь... Лесь... Когда мы репетируем,
порою он на меня бросает взгляд серо-зеленых ясных глаз — кого
он видит в ту минуту? Корделию или меня? Дочь короля с от-
крытым нежным сердцем иль гадкую девчонку, которая готова
его предать? Что я пишу? Идиотка! Немедленно все зачеркнуть
или страницу вырвать! Итак... Двадцать седьмое ноября... Вче-
ра — шестая репетиция. По деревянным мостовым пришли мы
к самому Шекспиру в театр «Глобус». Корделию и двух ее сестер
играли — ну подумать только! — Мужики-ки!

Смеется.

Оказывается, был в ту пору его величества запрет строжай-
ший показывать со сцены женщин, дабы не развращать благоче-
стных граждан. А вот Шекспир...

Музыкальный аккорд, меняется свет. Появились Трое в черном.
Накидки и женские парики превратили их в Дочерей Короля Лира.
При их появлении Агния исчезает.

ВТОРОЙ. А что Шекспир! Подумаешь, Шекспир!.. Ну,
драмодел... Перелицовщик старых хроник. Ну, пайщик театра...

Ну, артист... Хреновый, между прочим. Но кто, черт побери, дал право ему снимать артиста с роли? Кто? Я столько лет Корделию играл, сами их величество роняли свои монаршьи слезы, когда я ангельским нежнейшим голоском произносил: «Добрейший государь, люблю вас, повинуюсь, уважаю».

В т о р о й и Т р е т и й притворно плачут.

В Т О Р О Й. Ты растопить любое сердце мог!

Т Р Е Т И Й. Мог... В прошлом все. Вы знаете, что мне сказал сэр Вилиам, чума на его душу! «Твой голос огрубел от табака и эля, живот торчит. Теперь за сценой будешь палить из пушки и делать гром».

В Т О Р О Й. Такому мастеру как ты — торчать в кулисах? А кто ж сыграет дочку короля?

Т Р Е Т И Й. Корделию? Привел он паренька на эту роль.

В Т О Р О Й. Артиста?

Т Р Е Т И Й. Если бы! Тарелки мыла в таверне «Сокол». И пригланулся мэтру нашему...

Неслышно появляется А г н и я .

На ней плащ с капюшоном, скрывающим лицо.

В руке свернутые трубочкой страницы роли.

П Е Р В Ы Й. Доверить такую роль мальчишке из таверны!

В Т О Р О Й. Какое сумасбродство!

Они видят А г н и ю и замолкают. Т р е т и й подходит к ней, снимает свой парик и, церемонно расшаркиваясь, протягивает ей.

Т Р Е Т И Й (*с сарказмом*). Благоволите взять, мой юный друг.

А Г Н И Я. А вам не жаль?

Т Р Е Т И Й. Утратив голову, по волосам не плачут.

В Т О Р О Й (*Агнию, со злостью*). Ты роль его перехватил. Украл!

П Е Р В Ы Й. Ворюга! Ступай к себе в таверну!

В Т О Р О Й. Тарелки мыть!

Т Р Е Т И Й. Нет, джентльмены, так нельзя. Пусть юная Корделия блеснет на сцене «Глобуса»... Бери, бери парик.

П Е Р В Ы Й. Не хочет.

В Т О Р О Й. Брезговает, видишь.

А Г Н И Я. Мне на премьеру сделали другой.

Отбрасывает капюшон. Волны прекрасных шелковых волос падают на ее плечи. Трое переглядываются.

В Т О Р О Й. Парик что надо! Китайский шелк!
П Е Р В Ы Й. Сэр Вилиам не полюбился!
В Т О Р О Й. Клянусь чумой, отдал пятнадцать шиллингов, не меньше!

Т Р Е Т И Й. А ну-ка, дай потрогать!
В Т О Р О Й. И мне!
П Е Р В Ы Й. И я хочу!

Агния убегает от них. Т р е т ь е м у удается ее нагнать. Она отбивается.
Т р е т и й сильно прижимает ее к себе.

А Г Н И Я. Пусти, подонок!

Появляется М а й о р.
Он в коротком плаще с пристегнутой шпагой.

Т Р Е Т И Й (*не отпуская Агнию*). Сэр! Сэр!
М А Й О Р. Отстань от новенького, слышишь! Козел!

А г н и я убегает. Трое, взволнованные, окружают М а й о р а .

Т Р Е Т И Й. Милорд, послушайте!
В Т О Р О Й. Нас облапошили!
П Е Р В Ы Й. Обули!
В Т О Р О Й. Да просто подковали, как ишаков!

М а й о р , посмеиваясь, смотрит на них.

М А Й О Р. Чего вы, зайцы, всполошились?
Т Р Е Т И Й. Милорд, я только что притиснул к себе артиста самозванного.

М А Й О Р. И что же?
Т Р Е Т И Й. Клянусь Всевышним, две тугие грудки, будто плоды, трепещущие в листьях, я ощутил рукой своей.
М А Й О Р. Мудак, пить надо меньше.

П е р в ы й и В т о р о й хохочут.

Т Р Е Т И Й. Что-что, милорд, а курицу от петуха еще способен отличить я. Клянусь вам виселицей, это баба! Баба!

М А Й О Р. А баба — что, не человек? Вот пусть и будет в театре «Глобус» наш человек, понятно?

Свет изменился, появилась А г н и я — без капюшона, в обычном платье.
В руках блокнотик. М а й о р и Трое в черном сбрасывают бутафорию.

Ну что, товарищ Агния? Читайте. Велел записывать я слово в слово.

А Г Н И Я. А что читать-то? Семь репетиций было...

М А Й О Р (*с интересом*). Ну, ну... Колись...

А Г Н И Я. Семь праздников души.

Т Р О Е В Ч Е Р Н О М. Ох-ох-ох-ох!

А Г Н И Я. Часы, когда над нами летало само искусство!

П Е Р В Ы Й. Ах, умереть!

А Г Н И Я. «Вы, пани Агния, оплот моей работы, так говорит мне Курбас. — Дочь короля должна открыть глаза слепые Лиру».

М А Й О Р. Такая девочка, как ты, откроет! Как же! Пальцем в небо попал твой гениальный режиссер.

Подходит к А г н и и .
Глаза в глаза, тихо.

А что, скажи, красив хохол? Красив. И не чета мне?

А Г Н И Я. Не чета.

М А Й О Р. Ты спишь с ним, сучка? Гляди-ка, Мата-Хари, плохо кончишь!

В Т О Р О Й. Театр на Лубянке измены не простит!

Трое в черном окружают А г н и ю .
Пританцовывают и поют.

Т Р О Е В Ч Е Р Н О М. Красоточка, красотка, сексоточка, сексотка — Корделия такая не снилась никому — ни мистеру Шекспиру, ни чокнутому Лиру, ни даже на Лубянке майору одному!

Музыка. Резко вырубается свет. Темнота.
Из глубины сцены быстро выходит К у р б а с. Он чем-то взволнован.

К У Р Б А С. Валя! Валя! Валя!

Останавливается перед рампой.
В луче света появилась В а л е н т и н а .

Я, видимо, кричал во сне...

В А Л Е Н Т И Н А. Я слышала в ночи твой голос.

К У Р Б А С. Проснулся — пусто. И холодно, и одиноко.

В А Л Е Н Т И Н А. Родной мой, я приеду. Потерпи. Мы встретим вместе Новый год. Уже собрала вещи зимние твои — ботинки, шубу, теплое белье...

КУРБАС. А книги? Книги!
ВАЛЕНТИНА. Какие? Говори!
КУРБАС. Два тома Гегеля.
ВАЛЕНТИНА. Два тома Гегеля.
КУРБАС. Монтень.
ВАЛЕНТИНА. Монтень.
КУРБАС. И Гейне на немецком. На верхней полке. Слева у окна.

ВАЛЕНТИНА. Так, у окна...
КУРБАС. И режиссеров — Рейнгардта и Крэга. Затем...
ВАЛЕНТИНА. Послушай, милый, двум белым ручкам премудрость эту не поднять.
КУРБАС. Усадят в Харькове, а здесь я встречу. Мне кажется, ты улыбаешься сейчас...

На ее лице действительно легкая улыбка.

ВАЛЕНТИНА. Ты прав...В кармане твоей шубы нашла я квадратики из ватмана.

КУРБАС. А, помню.

ВАЛЕНТИНА. Ты мне велел когда-то записывать на них все незнакомые слова. А то, что значили они, — на обороте. Идя по улице, я помню, вынимала квадратик из кармана, читала слово: «Ка-тар-сис», «Экс-прес-сионизм», «Эк-лек-тика»... И если верно, сама себе его я объясняла, квадратик попадал в другой карман.

КУРБАС. А вечером ко мне.

ВАЛЕНТИНА. Охота была тебе возиться с какой-то актрисулькой из массовки!

КУРБАС. Не с актрисулькой, а с будущей женой.

ВАЛЕНТИНА. Так вот... Квадратики картона... Сейчас в газетах наших столько новых слов. Я стала их выписывать, как прежде, жаль, нет тебя, чтоб объяснить их суть. Вот, например... «идейная диверсия». Не понимаю, видимо, тупа. «Формалистический кунштпюк» — ну что это за монстр? Или «фашистский выкормыш»? Тебе понятно?

КУРБАС. Какие звучные, красивые слова!

ВАЛЕНТИНА. Я их выписываю из рецензий театральных.

КУРБАС. Их впору приберечь для некрологов.

ВАЛЕНТИНА. Я рада, Лесь, что ты сейчас не здесь. Что в королевстве Лира?

КУРБАС. Король великолепен. Но, правда, иногда его величество упрется и спорим с ним до хрипоты, пока поймем друг друга. А вот Корделия... Легка на отклик, импульсивна.

ВАЛЕНТИНА. Красива?

КУРБАС. Прелестна и нежна. Сэр Вильям лучшей не нашел бы, но что-то в ней еще не смог преодолеть я — какой-то затаенный страх в ее глазах. А мне нужна открытость. И чистота души. Твоей души...

ВАЛЕНТИНА. Моя Корделия погибла. Крест.

КУРБАС. Как знать.

ВАЛЕНТИНА. Чем дальше ты, тем лучше для тебя. Да, вот что, Лесь...

Долгая пауза.

Хотела я послать тебе в Москву банку вишневого варенья...

КУРБАС. Что-что? Варенье?

ВАЛЕНТИНА. Ну да ... Ты ж любишь вишню? Понял? Вышню?

КУРБАС. Вышню?

ВАЛЕНТИНА. Так вот... Забрали вишню у меня. Забрали Вышню.

КУРБАС. Бедный Остап... Я так любил вишневое варенье...

Свет гаснет.

8

Лубянка. За столом Майор. Перед ним Агния.
Поодаль клацают костяшками домино Трое в черном.

АГНИЯ. И если... если... Вы не отпустите меня...

МАЙОР. Так что же, зайчик?

АГНИЯ. Повешусь! Утоплюсь!

ТРОЕ В ЧЕРНОМ. Ай-ай-ай-ай!

МАЙОР. Какие страхи! Готовы мы помочь тебе. Повесить?

ПЕРВЫЙ. Ради бога!

МАЙОР. Утопить?

ВТОРОЙ. Всегда пожалуйста!

МАЙОР. Зачем тебе самой мараться, зайчик? Но только вот что... Папашку и мамашку тоже с собою прихватить придется, как недобитых подкулачников, добро? Такой был договор.

Ты помнишь?

В т о р о й выстукивает пальцами морзянку.

В Т О Р О Й. Шифровка, шеф. Секретно. Из Хохляндии.

М А Й О Р. Давай.

В Т О Р О Й. Точка-тире-точка-точка-тире... На ваш запрос... Буржуазный националист... Вел подрывную деятельность... Разоблачен как враг народа. Снят Наркомпросом Украины... Изгнан из театра...

М А Й О Р (*протирая руки*). Какую птичку в наши сети занесло!

Подмигивает А г н и и .

П Е Р В Ы Й (*поет*).

«Дывлюсь я на нэбо
Та й думку гадаю:
Чому я не сокид,
Чому не литаю?..»

М А Й О Р. Ай, хитрецы! Прикрылись Лиром, а сами... Поняли теперь? Спектакль — ширма! Там зреет заговор.

В Т О Р О Й. Хохлацко-жидовский.

Т Р Е Т И Й. Или жидовско-хохлацкий.

П Е Р В Ы Й (*восторженно*). Какой красивый матерьяльчик прибыл к нам!

В Т О Р О Й. Так будем брать хохла?

А г н и я хочет уйти.

М А Й О Р. Куда ты, девочка?

Подходит к ней, гладит волосы.
А г н и я пытается отстраниться.

Она поможет нам. Не правда ль, зайчик? Тебе ведь хочется прийти к нему домой и посидеть за чашкой кофе? И между прочим... Слышишь, между прочим... Его бумаги посмотреть... Черновики и письма...

А Г Н И Я. Нет!

М А Й О Р. А что поинтереснее — списать или забрать на время.

А Г Н И Я. Нет!

М А Й О Р. На время, зайчик. Мы ведь отдадим. Мы люди честные, как ты могла подумать?

А Г Н И Я. Нет, нет! Я не хочу! Не буду!

М а й о р кладет руки ей на плечи, слегка сдавливает шею.

Пустите!

М А Й О Р (*трагически закатывая глаза*). «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?»

Трое в черном хохочут.

В Т О Р О Й. Она Корделия, майор!

М А Й О Р. «Молись скорей, да только покороче!»

А г н и я задыхается.

Жить хочешь? Да? Ребята, танго!

Джаз-гол. Танго. М а й о р танцует резко, грубо.

А г н и я безвольна, податлива.

М А Й О Р (поет).

Любовь, любовь

Волнует кровь.

И на Лубянке, Лубянке, Лубянке

Танцуют вновь.

Т Р О Е В Ч Е Р Н О М.

Хо-хо-ха-ха!

Хо-хо-ха-ха!

То не бал, не маскарад —

Танцуем танго.

Шаг вперед, два назад. —

Танго орангутанга!

М а й о р в танце перебрасывает А г н и ю через колено.

Она падает. Трое в черном окружают ее, хохочут.

Гремит музыка. Темнота.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Гримуборная. М и х о э л с в вышитом камзоле.

Примеряет перед зеркалом корону. Входит К у р б а с .

М И Х О Э Л С. Быть может, так, чуть набок?

КУРБАС. Конечно! Ты не грозный деспот, а взбалмошный старик на королевском троне. Величие твое и мудрость — впереди. А в первом акте захотелось старцу, уставшему от лести и притворства, немножко пошутить — отдать корону. Ты и король, и шут. Король и шут!

Михоэлс встает, делает несколько мелких, шаркающих шажков, обходит взглядом воображаемых придворных.

МИХОЭЛС-ДИР (со смешком). «Мы огласим сокрытое желанье. Подайте карту. Знайте: разделили мы королевство на трое, решив с преклонных наших лет сложить заботы...»

Снимает корону,
сдувает с нее пылинки и приглаживает волосы.

КУРБАС. А шапочки-то нет! Запомни жест! Трепещущими пальцами коснешься невзначай волос — и ужас, пусто! Нет королевского венца! И скорбь, и жребий твой печальный — все через эти пальцы! Все!.. Мне кажется, что в этой гениальной пьесе содержится какой-то знак, фатальный реквием для тех, кто прикоснулся к трагедии утраченного царства.

МИХОЭЛС. Ты прав. Толстой ногами топал, кричал: «Неправда! Король всевластный не мог по прихоти своей бродягой стать!»

КУРБАС. А сам!

МИХОЭЛС. Вот именно! Ушел из Ясной и принял смерть среди калек и нищих.

КУРБАС. А Шекспир? Не он ли первым утратил королевство — свой театр «Глобус»?

МИХОЭЛС. Не первый и не последний...

Подходит к Курбасу и молча обнимает его.

Так, может быть, откажемся от «Лиры»? Не будем искушать судьбу?

КУРБАС. А ты бы смог?

МИХОЭЛС. Ты что! Я им живу.

КУРБАС. А так артачился, комедию ломал! Зачем?

МИХОЭЛС. Во-первых, я комедиант. А, во-вторых... Скажи, в каком театре ты ставишь свой спектакль?

КУРБАС. В каком, в каком... В Еврейском.

МИХОЭЛС. Вот-вот, а где ты видел, чтобы еврей так с ходу

соглашался? А? Он думает, он крутит, как на рынке. Но стоит покупателю уйти, он гонится за ним, как сумасшедший! Да, Лесь, скажу как на духу: я с юности мечтал о Лире.

КУРБАС. Вот хитрюга!

МИХОЭЛС. Послушай... В Риге, в училище реальном, старик-профессор заставлял нас часто читать стихи и пьесы вслух. Доходим до Шекспира. Он Лира дал мне. А читали по ролям... Боже! Казалось мне, что это не король, а мой старик-отец, Михаил Вовси, покинул дом и умирает где-то на пустыре, в лохмотьях, среди бездомных псов. «В такую ночь прогнать меня! Регана, Гонерилья! Отца, что вас любил, что все вам отдал!» Гляжу: профессор мой рыдает, и класс притих. Я тоже весь в слезах. И вот тогда решил: авось с такой корявой мордой актером стану, сыграю Лира, непременно. Слово дал.

КУРБАС. Так что же ты...

МИХОЭЛС. Ты предложил. Я отказался. Думал. День, два...

Хитро, с прищуром смотрит на Курбаса.

КУРБАС. И что же?

МИХОЭЛС. И вдруг — звонок. Какой-то сильный голос. Я, мол, артист...

КУРБАС. Ну-ну...

МИХОЭЛС. Я трагик, говорит, из Ярославля. Услышал, будто вы сыграть хотите Лира.

КУРБАС. Черт побери, откуда он узнал?

МИХОЭЛС. Ума не приложу... Так вот, вы посоветуйтесь сначала, говорит, хоть с зеркалом своим. Оно вам скажет правду. Не совершайте святотатства и не глумитесь над Шекспиром. Позор падет на вашу голову, Михоэлс!

КУРБАС. Вот негодяй! И что же ты?

МИХОЭЛС. Вот тут и разгорелось сердце. Нет, думаю, надену я корону наперекор всем трагикам земли от Лондона до Ярославля! И только трубку бросил, Лесь... Вдруг как зашелся смехом...

КУРБАС. Смехом?

МИХОЭЛС. Прошибло, знаешь, до печенок-селезенки. Вот хохочу — и все!

КУРБАС. Да почему же?

МИХОЭЛС. Не понял?

КУРБАС. Нет.

М И Х О Э Л С (*подходит к Курбасу. Тихо*). А потому что этот трагик из Ярославля с акцентом украинским говорил.

К У Р Б А С (*невинно*). Да?

М И Х О Э Л С. Да, милый Курбас. Да.

Похлопывает его по плечу.

Еврея обдурить слабо!

К У Р Б А С (*церемонно поклонившись*). Ваше величество, но трагик тот, из Ярославля, вас все же усадил на королевский трон, так кто кого надул в конечном счете?

М И Х О Э Л С. Выходит, что хохол — жид!

Обнимаются. Долго и оглушительно хохочут.

9

Комната Курбаса. Тахта, круглый столик, пара венских стульев. Повсюду книги, газеты, рукописи. На коленях у Курбаса маленький детекторный приемник. Разноязыкие голоса, щелчки станций, музыка. Появляется А г н и я. На ней старенькая шубка, ботики, в руке сумка. Стоит, смотрит.

К У Р Б А С (*увидев ее*). О, пани Агния!

Вскакивает, подходит к ней.

Целую ручки!

Помогает раздеться.

Не слышал вашего звонка.

А Г Н И Я. Я, видимо, нажала не ту кнопку — открыл сосед ваш...

К У Р Б А С (*подвигает стул*). Прошу, пани.

А Г Н И Я. У вас я попадаю в какой-то новый мир.

Садится.

Я — пани! Чушь!

К У Р Б А С. А в Польше все паны — от дворника до президента.

А Г Н И Я. То на другой планете. А у нас — мы все товарищи, без пола и без лиц. Ну, ладно... Напросилась в гости.

К У Р Б А С. Я рад.

А Г Н И Я. А мне неловко. Вижу, вы работали.

К У Р Б А С. А, ерунда... Играл мне Моцарт, а я тем временем переводил, чтоб не забыть ни дойче шпрахе, ни ридной мовы.

А Г Н И Я. Ой, Лесь Степанович, не знаю, как мне начать...

К У Р Б А С. Быть может, нам поможет кофе?

А Г Н И Я. Не откажусь. Спасибо.

К у р б а с выходит.

А г н и я встает, внимательно рассматривает рукописи, книги.

Появляется с кофейником в руке К у р б а с .

Наливает две чашки, одну ставит перед А г н и е й .

О, прелесть! Так вы не только мастер мизансцен!

К У Р Б А С. Кофе и театр — одна, но пламенная страсть.

А Г Н И Я. Да, кофе сладкий, но горька беседа.

К У Р Б А С. Я думаю, товарищ Агния пришла по поводу товарища Корделии.

А Г Н И Я. О, вы провидец! Но не только ради этой девчонки.

Закуривает.

Скорее — ради самой себя. По-моему, во время репетиций вы убедились: мы с нею разные, как небо и земля. Я — темный омут, а она родник прозрачный. И нам друг друга не дано понять. Я не войду в нее...

К У Р Б А С. Уже вошли! Поверьте, вы уже не та, с которой начинали мы работу. Как с амфоры, вы каждый день с души смывали ил или песок.

А Г Н И Я. Но донышко нетронутым осталось.

К У Р Б А С. Отмоем, пани Агния!

А Г Н И Я. О, нет. Там... там... Невымываемый осадок.

К У Р Б А С. Что вас тревожит? Что?

А г н и я делает глубокую затяжку, гасит папиросу в пепельнице.

Молчит.

А Г Н И Я. А то, что я, дрянная, гадкая девчонка, взяла и полюбила вас.

К У Р Б А С. О, Боже, Агния, и это тот несмываемый осадок на донышке?

Улыбается.

И я люблю вас, милая.

А Г Н И Я. Зачем вы так — любезно и с насмешкой, как с барышней, которая призналась в своей нелепой детской страсти. Моя любовь — беда для вас. И для меня.

К У Р Б А С. Но, Агния...

А Г Н И Я. Молчите, Лесь. И слушайте меня. Должны вы уехать из Москвы. Немедленно.

К У Р Б А С. Вы что — смеетесь? Лир, Корделия, театр!...

А Г Н И Я. Они вас не спасут.

К У Р Б А С. Я что — преступник?

А Г Н И Я. Они считают так. Уедьте, Лесь... Прошу вас, в Воронеж, в Киев, в Харьков — куда угодно.

К У Р Б А С. Только не в Харьков. Я бежал оттуда. Там пепелище. Все выжжено дотла предательством и злобой. Лишь угли тлеют.

А Г Н И Я. А здесь готовят бочки со смолою для нового кострища.

К У Р Б А С. Откуда... вам известно?

А Г Н И Я. Я правды не скажу. Признание — смерть. Уйду, когда дадите слово хотя бы сжечь бумаги.

К У Р Б А С. Вы думаете?..

А Г Н И Я. Знаю. Они придут. Все жгите, только пепел на кухню выносить не надо. Ваш сосед... Мы где-то там, по-моему, встречались.

Взяла стопку исписанных листов, чиркнула спичкой, ярко вспыхнул маленький огненный факел. В руках К у р б а с а тоже свернутые трубочкой бумаги. Он медлит, потом подносит к пламени.

А г н и я берет приемничек.

На время. Хорошо? Так хочется мне Моцарта послушать...

Кладет к себе в сумку. Горят бумаги.

Блики огня пляшут на лицах.

Комната медленно погружается в темноту.

Музыка. Наверное, Моцарт.

10

Вокзал. Ночь. Гудки паровозов. Вбегают Трое в черном.
Глаза рыскают, взволнованы.

В Т О Р О Й. Ушел!

Т Р Е Т И Й. Вот гад!

ПЕРВЫЙ. Я пас его от самой Триумфальной до вокзала.
ВТОРОЙ. Знал, где смыться, сучий сын! Матерый! (Третьему). А что твой нос?

Третий старательно нюхает воздух.

ТРЕТИЙ. В соплях...

Громко чихает.

ВТОРОЙ. Да, вмазались, ребята. А вдруг уехал?

ПЕРВЫЙ. Вы что? Майор нам мелкие детали с мясом оторвет.

ТРЕТИЙ. Он без вещей. Куда бы он уехал?

ПЕРВЫЙ. Кончай базар! Мигом прочесать платформы, кассовый зал, тоннели, переходы. Он здесь, он далеко не мог уйти.

Убегают. Появляется Курбас.

Ставит чемодан под фонарем.

Закуривает. Высвечивается Валентина.

ВАЛЕНТИНА. Ты встретил поезд? Вещи получил?

КУРБАС. Я ждал тебя.

Валентина молчит.

ВАЛЕНТИНА. Там, в чемодане, мой подарок. Бутылочка малаги. Помнишь?

КУРБАС. Наш первый Новый год?

ВАЛЕНТИНА. Ага... Подвальчик кабачка... Вокруг актеры — тосты, хохот. И ты творишь таинственный обряд над девочкой пугливой, посвящая ее в актрисы Молодого театра...

КУРБАС (*подняв правую руку, торжественно*). Прекрасно верить...

ВАЛЕНТИНА. Прекрасно верить!

КУРБАС. Прекрасно гореть...

ВАЛЕНТИНА. Прекрасно гореть!

КУРБАС. И прекрасно сгореть в своей вере...

ВАЛЕНТИНА. И пре... и прекрас... прекрасно...

Слезы душат ее.

КУРБАС. Ты плачешь. Что с тобой?

Быстро подходит к ней. В а л е н т и н а падает головой ему на грудь.
Он нежно гладит ее волосы. Взволнован.

В А Л Е Н Т И Н А. А мы тебе вчера письмо писали.

К У Р Б А С. Мне?

В А Л Е Н Т И Н А. Тебе и всем на свете. Без конверта.

К У Р Б А С (*догадываясь*). Открытое?

В А Л Е Н Т И Н А. Ага... «Мы, коллектив театра «Березиль»...
А далее — не помню. Нас вызывали, Лесь, поодиночке за кожаную дверь, по алфавиту... Кто быстро выходил — сияющий, веселый, как будто душу облегчил. Кто выползал раздавленный и жалкий, и, глядя в сторону, тут же исчезал.

К У Р Б А С. А ты?

В А Л Е Н Т И Н А. Перо вложили в пальцы... В лицо дышали винным перегаром... О Лесь... мне нет прощения. Сказали: если все подпишут, весь театр, тебя не тронут больше.

К У Р Б А С. Ты подписала?

В А Л Е Н Т И Н А. Я предала тебя, как все... Теперь скажи, могла ли я приехать? В глаза твои взглянуть? Могла? Могла? Ведь «башмаков еще не износила»...

К У Р Б А С (*легко, с улыбкой, как бы не придавая значения услышанному*). Подумаешь, какой-то росчерк на листе бумаги! Что он способен изменить? Да разве стоит он одной слезинки в твоих глазах?

В А Л Е Н Т И Н А. Ты что, не понял, Лесь? Я отступилась от тебя. Я ОТРЕКЛАСЬ!

К У Р Б А С. О Боже, Валя, отними от сердца эту жабу. Не мучай, не терзай себя, прошу! И Галилей отрекся, помнишь? Но для кого? Для них, для инквизиторов, не для себя.

В А Л Е Н Т И Н А. Ты классно роль играешь, чтоб меня утешить. Но это же неправда, Лесь. Ты должен презирать меня — жену, актрису, просто человека.

К У Р Б А С. А я, наоборот, ее люблю!

Целует В а л е н т и н у .

Мой маленький, мой глупый Галилей!

В А Л Е Н Т И Н А. Пусти! Пусти!

Вырывается из его объятий и убегает.

К У Р Б А С. Валя! Валя!

Она уже в глубине сцены. Взмахнула рукой в муфте, исчезла, растворилась в темноте. Паровозные гудки возвращают действие на вокзал.

К у р б а с берет чемодан и делает несколько шагов. Ему навстречу, шатаясь «под пьяного», идет П е р в ы й .

П Е Р В Ы Й (*поет*). «Когда б име-ел зла-тые горы и реки, полные вина!..» Куды ты, кореш? На краснодарский?

К у р б а с пытается его обойти.

К У Р Б А С. Нет, нет... Пустите...

П Е Р В Ы Й. А может, на Минводы? Печенки-селезенки промывать?

К У Р Б А С. Я никуда не еду. Отойдите, прошу вас.

Появляются В т о р о й и Т р е т и й .

П Е Р В Ы Й. Тогда какого хрена ты свой портфельчик таскаешь по вокзалу?

В Т О Р О Й. Открой-ка, падла!

К У Р Б А С. Я позову милицию. В чем дело?

Т Р Е Т И Й. Милицию ты, сука, позовешь? А это видел?

Показывает ему удостоверение.

П Е Р В Ы Й (*ударив носком ботинка по чемодану*). Патрончики-лимончики? Открой, кому сказали?

К у р б а с открывает чемодан. Трое роются в вещах.

П е р в ы й и В т о р о й вынимают книги, рассматривают их.

В Т О Р О Й. Ге-гель.

П Е Р В Ы Й. Мун-день.

В Т О Р О Й. Троцкисты, что — не видишь?

Т р е т и й вытаскивает бутылку вина, рассматривает этикетку.

Т Р Е Т И Й. «Ма-ла-га... 907 года...»

В Т О Р О Й. Из царских погребов.

Привычным ударом выбивает пробку.

Подносит горлышко ко рту.

Ну, с наступающим! С одна тысяча девятьсот тридцать четвертым!

Пьет и передает бутылку В т о р о м у .
К у р б а с пытается перехватить ее.

В Т О Р О Й. Не трожь, собака!
Т Р Е Т И Й. Конвой стреляет без предупреждения!

Мерзко хохочут. Бутылка идет по кругу. Бьют куранты.

11

Лубянка. Перед столом М а й о р а сидит К у р б а с .
Расставив ноги, стоят Трое в черном.
М а й о р подходит к П е р в о м у .

М А Й О Р (*Курбасу*). Вот этот, что ли, обзывался? Ах, сука!

Будто бы наносит П е р в о м у удар в пах.
Тот с притворным воплем валится на пол.
М а й о р подходит к двум другим.

А этот — нет? И этот тоже — нет? Чекисты, ващу мать...Святее всех святых должны быть наши люди. Не палачи, не костоломы, а рыцари без страха и упрека. Попробуй только скурвиться, в любого я девять грамм своей рукой всажу.

Садится за стол.

Мне, Александр Степанович, приятно вас видеть у себя в гостях. Вы выдающийся, известный мастер театра, а мы, все четверо... Ой, как мы любим театр! Я, между прочим, в юности грешил — стихи писал, куплеты, да, да! Сценки про Врангеля, про Колчака. Для «Синей блузы». Для агитбригад. Мечтал, естественно, повыше прыгнуть да не пробился. Придешь в один театр — там Моисей Израйлевич. В другом — Израиль Моисеевич. Талдычат мне, как будто сговорились: «Бездарно... Плоско... Выбросьте в корзину...» Вот и пришлось мне в органы пойти. Вы только не подумайте, что я против евреев, нет! Вообще любую нацию страны великой нашей мы уважаем. Вас, украинцев, например...

П Е Р В Ы Й. Узбеков любим.

В Т О Р О Й. Эскимосов.

Т Р Е Т И Й. Даже кара-калпаков.

М А Й О Р. Всех без исключения. Особенно евреев. Живой на-

род. Веселый. Симпатичный. И мастер анекдоты сочинять. Вот, например, один...

Смеется, заливается.

Проходит Мойше мимо Мавзолея...

Трое в черном хохочут.

КУРБАС. Майор, простите...

ВТОРОЙ. «Гражданин майор».

КУРБАС. Я хотел бы знать. Зачем сюда меня вы пригласили? Три репетиции пропущено уже.

ТРОЕ В ЧЕРНОМ. Ох-ох-ох-ох!

МАЙОР. Да разве это много? Сказал поэт: «У нас в запасе вечность». Вообще мне нравится, что украинский мастер пришел в еврейский театр. Вот сталинская дружба народов, не правда ли? Помочь евреям надо, Александр Степанович. Страна на стройке, пятилеткой дышит, а они никак не выйдут Из своих местечек сраных и называют это «Национальный театр». Скажу вам откровенно, между нами, Михоэлс не туда ведет театр.

ПЕРВЫЙ. Не только театр, шеф.

МАЙОР. Ты прав. Он много на себя берет. «Я отвечаю, — говорит он, — не только за свой театр, но и за весь народ еврейский».

КУРБАС. Что ж здесь крамольного? Ведь Соломон Михайлович большим авторитетом пользуется. К нему приходят люди за помощью и за советом. Он может так сказать: «Я отвечаю за весь народ еврейский».

МАЙОР (*стукнув кулаком по столу*). Молчать! Сказать так может только великий вождь. За все народы он один в ответе. Вот вам бумага, Курбас. Напишите, что слышали подобные высказывания в театре. Добавьте еще чего-нибудь, ну пару анекдотцев — он мастер их рассказывать, мы знаем.

КУРБАС. На репетициях мы говорим лишь о Шекспире.

Отодвигает бумагу.

МАЙОР. Жаль. Александр Степанович. Жаль, гражданин Курбас. Придется вам немного задержаться у нас в гостях. Подумайте, припомните... Нам очень бы хотелось, чтоб вы нам по-

могли. Ребята создадут вам все условия для отдыха и творческой работы.

Встает, давая понять, что разговор окончен.
К у р б а с направляется к выходу.
Проходит мимо Людей в черном.

П Е Р В Ы Й. Анфас?

Щелчок фотоаппарата.

В Т О Р О Й. Профиль!

Тот же звук.

Т Р Е Т И Й. Оттиски пальцев!

П Е Р В Ы Й. Вперед!

В Т О Р О Й. Шаг влево, вправо считается побег.

Т Р Е Т И Й. Конвой стреляет без предупреждения!

Пропускают вперед К у р б а с а и выходят вслед за ним.
Темнота.

12

На драном матраце, свернувшись калачиком, лежит А г н и я.
За тюремной решеткой неясный, мутный свет. Входит М а й о р,
присаживается на металлическую табуретку.

М А Й О Р. Вот видишь, зайныка, любовь... Она доводит до решетки... Себя сгубила и любовника спасти не удалось. Он тоже здесь, красавец твой, по коридору рядом. С ним будем разбираться, а вот с тобой все ясно. Сожгла бумаги, сучка, дневники и письма, приемник в Язузу швырнула. И думаешь, спасла его? Улики уничтожила? А нам они до феньки. Судом партийной совести мы судим. А этому суду улики не нужны. Мне жаль, конечно, девочка, что ты Корделию сыграть уже не сможешь. Но ничего, не огорчайся: в своем театре я дам тебе другую роль. Эй, стража! Где вы, черт возьми? Сюда!

Выходит.

Освещение меняется. Дробь барабана.

Вбегают одетые стражниками

Трое в черном. Хватают А г н и ю обвязывают ее веревкой.

Появляется М а й о р. Он в парике и черной мантии.

Разворачивает свиток, читает.

М А Й О Р. Как председатель Тайного совета Его величества Иакова Второго, божией милостью монарха Англии, Шотландии, Виргинии, сим объявляю приговор. Параграф первый. Сэр Вилиам Шекспир, актер и джентльмен и пайщик театра «Глобус», указ его величества нарушил и содержал в театре под видом артиста мужского пола блудницу непристойную, тем самым развращая и труппу театра, и благочестивых граждан. Параграф номер два. Сэр Вилиам Шекспир, покинувший столицу и скрывшийся от королевской власти, навечно отчуждается от театра. Параграф три. Блудницу, уличенную в делах ведьмовских, предать огню на площади у театра.

А Г Н И Я (*криком*). Меня? За что?

М А Й О Р. Майор госбезопасности Его величества Иакова Второго.

П Е Р В Ы Й. Ступай, Корделька, топай, топай.

Подталкивает ее. А г н и ю уводят.

Т р е т и й подходит к М а й о р у .

Т Р Е Т И Й. Так, может, шеф, и театр... того... Одною спичкой — пшик и нету...

М А Й О Р (*прочищая ухо*). Я что-то плохо слышать стал. Наверно, пробки, сера...

Т Р Е Т И Й. Я понял... Будет сера, шеф. (*Уходит*).

М А Й О Р (*снимает парик, обтирает вспотевший лоб*). Жарища, черт возьми... А говорят, что в средние века суровый климат был. Вот чушь собачья!

13

Лубянка. М а й о р ходит по кабинету.

Появляется П е р в ы й .

М А Й О Р. Ну что?

П Е Р В Ы Й. Молчит.

М А Й О Р. Работал с ним?

П Е Р В Ы Й. Так точно. По первой категории.

М А Й О Р. Холодное давал?

П Е Р В Ы Й. А как же.

М А Й О Р. На цементе?

П Е Р В Ы Й. Так точно, шеф.

М А Й О Р. Горяченьких влил?

П Е Р В Ы Й. Два раза, как велели.
М А Й О Р (по телефону). На «мельницу» хохла.

Кладет трубку.

Жалобы, просьбы были?
П Е Р В Ы Й. Были. Я, говорит, двенадцать репетиций пропустил!

Хохочут.

М А Й О Р. Тринадцатая будет на Лубянке.

Новый взрыв хохота.
В т о р о й и Т р е т и й вводят Курбаса.
Он в наручниках.

Что будем делать с ним? Не хочет человек на волю выйти. Вот ручка, вот бумага, Курбас. Последний шанс. Слово чекиста, отпущу!

П Е Р В Ы Й. Он с нами не желает говорить. Тогда мы сами про него расскажем.

Т Р Е Т И Й. Он из поповичей, майор. Учился в Вене, жил в Берлине.

Т Р О Е В Ч Е Р Н О М (выкаблучиваются). «Шпацирен, шпацирен мит унтерофицирен!..»

М А Й О Р. Запишем, зайцы! «Шпион австрийский и германский».

П Е Р В Ы Й. Эх, жаль, что не японский!

Т Р Е Т И Й. Точно: японские щас в моде.

П Е Р В Ы Й. За них медаль бы дали.

В Т О Р О Й. А может, орден!

Т Р О Е В Ч Е Р Н О М. «В эту ночь решили самураи перейти границу у реки!»

М А Й О Р. Японию отставить! Что там дальше?

П Е Р В Ы Й. Вооруженный террорист!

К У Р Б А С. Я? Террорист? Да вы... Да вы!..

М А Й О Р. Заговорил... великий немой! (Первому). Докладывайте дальше.

П Е Р В Ы Й. Стрелял в тринадцатом году из пистолета системы Рога, калибр восемь миллиметров.

М А Й О Р. Было?

К У Р Б А С. В себя стрелял. Из-за любви... Та пуля в сердце до

сих пор, как память...

М А Й О Р. В себя или в других — ты террорист.

В Т О Р О Й. В театре «Березиль» командовал вооруженной группой.

К У Р Б А С. Какая жуткая чудовищная ложь!

В Т О Р О Й. Приговорен был к смерти Косиор и Постышев — секретари ЦК.

К У Р Б А С. Они живут и здравствуют поныне.

М А Й О Р. Был штаб в театре?

К У Р Б А С. Был. Но режиссерский!

П Е Р В Ы Й. Маскировался, гад!

М А Й О Р. Нас на мякине, Курбас, не проведешь. Что будем делать с ним, ребята? Что тройка скажет? А? На Беломорканал?

П Е Р В Ы Й. Лет на пяток, примерно.

В Т О Р О Й. Без права переписки.

М А Й О Р. А дальше? Человеку ж интересно, что с ним будет.

В Т О Р О Й. Есть заготовка.

Вынимает из кармана мятый листок бумаги.

М А Й О Р. Читай.

В Т О Р О Й. Так... значит... «Курбас Александр Степанович скончался от кровоизлиянья в мозг. Место, где умер — прочерк. Число, месяц, год — прочерк. И подпись — тоже пока что прочерк».

Т Р Е Т И Й. Нет, у меня получше.

Разворачивает бумажонку.

«Тройка УНКВД постановила Курбаса А. С. приговорить к расстрелу». Коротко и просто. Сюда, в затылочек.

М А Й О Р (*Первому*). А ты что скажешь, умник?

П Е Р В Ы Й. Шеф, он артист. Его нельзя равнять с кулацкой сворой, с обычными вредителями, нет!

М А Й О Р. Так что ты предлагаешь?

П Е Р В Ы Й. Я был в командировке на канале. Мы вывезли расстрельных на барже на середину озера и начали их бить из пулемета.

В Т О Р О Й. Эх, здорово! Тра-та-та-та!

П Е Р В Ы Й. А через год ко мне приехал в гости матрос с баржи и говорит: «Мы с водолазами спустились, а они — стоят».

ТРЕТИЙ. Кто?

ПЕРВЫЙ. Кретин! Скелеты! Тех, расстрелянных. На дне — обглоданные рыбками. И волны тихие колеблют их. Как водоросли...

ТРОЕ В ЧЕРНОМ. Туда-сюда... туда-сюда... (*Показывают*).

КУРБА С. Скажите мне, откуда вы такие? Вы люди или не люди? Нет, не хочу я жить, пока вы живы! Ходить по той земле, которую вы топчете, дышать тем воздухом, который отравили вы миазмами и гнилью. Нет, не хочу!

МАЙОР. На «мельницу» его!

Первый ударом кулака сбивает Курбаса на пол.
Остальные обступают его. Бьют ногами. Дикие, хохочущие, разнузданные.
Все погружается в темноту.

14

Там же, на другой день. Трое в черном режутся в карты.
Майор что-то пишет за столом. Положил ручку, задумался.

МАЙОР. Нет, мужики, так не годится. Какая ж это, ексель-поксель, драматургия? Мы слишком увлеклись хохлом. А где же тот, второй? Забыли? Неужто не звонит, не ищет друга?

ПЕРВЫЙ. Докладываю, шеф. Михоэлс все морги обзвонил. Петровку на уши поставил. У нас он только не был, на Лубянке.

ВТОРОЙ. Придет пархатый, деться некуда, придет.

ТРЕТИЙ. Тихо! (*Принюхивается*). Не нашим духом потянуло.

ВТОРОЙ. Идет сюда. Я тоже чую!

ПЕРВЫЙ. Торопится...

ВТОРОЙ. Пересекает площадь.

ТРЕТИЙ. Ай!

ВТОРОЙ. Что?

ТРЕТИЙ. Чуть под трамвай не угодил.

ПЕРВЫЙ. Выписывает пропуск.

ВТОРОЙ. Лифт, шестой этаж...

Появляется Михоэлс.

Майор с широкой улыбкой, приветственно раскинув руки, спешит ему навстречу.

М А Й О Р. О, кто у нас в гостях! Какая честь оказана нам, братцы! Сам Соломон Михайлович Михоэлс нас посетил! Садитесь, «нэм а плац...»

М и х о э л с садится.

Я ваш язык жи... еврейский чуть-чуть знаю. Соседка, Роза Марковна на кухне меня учила. И называла — как вы думаете? — «Шикерер элд» — «пьяный мудак» — Любя, конечно. Чудная старушка!

М И Х О Э Л С. Товарищ майор, я к вам пришел по делу. Неделю целую мы ищем человека, работавшего в нашем театре. Соседи по квартире мне сказали, что он пошел жену встречать на Курский. И не вернулся...

М А Й О Р. Поможем, если сможем. Только для вас. Фамилия пропавшего?

М И Х О Э Л С. Курбас, Александр Степанович.

М А Й О Р (*роется в бумагах*). Курбас... Курбас... Ах, да... мы им немножко занимались. Вы понимаете, в чем дело? Он с хвостиком сюда приехал. А хвостик этот дурно пахнет. Вредительством, диверсией, террором.

М И Х О Э Л С. Простите, это чушь! Кто мог придумать эту ахиною?

М А Й О Р. Маэстро, извините, я глубоко вас уважаю, но если б я пришел — представьте — к вам в театр на репетицию и начал бы кричать: «Чушь! Ерунда! Евреи, все надо в корне переделать!» То что бы вы сказали? А? Вы мастер, признаю, но ведь и мы не лыком шиты.

М И Х О Э Л С. Мы начали работу с ним... Большую, ответственную... Где он? У вас? Ну разрешите мне хоть повидаться с ним.

М А Й О Р. Охотно бы пошел навстречу, но... Вчера его отправили на Украину, с хохлом пусть разбираются хохлы. Вот так... Давайте пропуск.

Смотрит на часы.

Двенадцать тридцать пять.

Хочет подписать.

МИХОЭЛС. Одну минутку...

Вынимает из кармана фото А г н и и ,
передает его М а й о р у .

У нас еще одна пропажа, майор.

МАЙОР. Неладно что-то в Еврейском вашем королевстве.

Рассматривает фотографию.

Красавица какая!

МИХОЭЛС. Актриса наша.

МАЙОР. Очаровашка! А глаза! А губки! Ну познакомьте,
я уже горю!

МИХОЭЛС. С кем? Я же вам сказал: исчезла.

МАЙОР. Ах, да... *(Первому)*. Узнай в отделе «ноль-семнад-
цать бэ».

Отдает ему фото.

Все данные на обороте.

П е р в ы й уходит.

Мы очень любим ваш театр. Не пропуском ни одной премьеры и часто вспоминаем вас в ролях.

ВТОРОЙ *(с сильным акцентом)*. О, пани Рохеле, дражайший ангел мой, я вижу вас во сне и умираю... Придите, Рохеле, немножко прогуляться по улице Бердичевской в субботу....

Т р е т и й подходит к М и х о э л с у ,
делает вид, будто поправляет на нем пиджак.
Отступив в сторону, любуется своей «работой».

ТРЕТИЙ. Я обещал примерку вам сегодня? Так значит будет именно сегодня. Дай Боже мне такую жизнь, как этот пиджачок сидит на вас.

МИХОЭЛС. Какие здесь таланты пропадают! Кто б мог подумать? Вот если бы Лубянка в мой театр Еврейский перешла!

М а й о р , В т о р о й и Т р е т и й хохочут.

МАЙОР. Лет на пять хохмочка! А, может, лучше так: пусть весь Еврейский театр сюда притащут, на Лубянку!

М а й о р , В т о р о й и Т р е т и й р ж у т .

Какая хохма лучше, а?

Входит П е р в ы й .

Докладывай.

П Е Р В Ы Й. Позавчера в рабочем клубе «Глобус» пожар случился.

М И Х О Э Л С. «Глобус»?

М А Й О Р. «Глобус», «Глобус».

П Е Р В Ы Й. Клуб почти сгорел, жертв нет. Вот только эта девушка...

М И Х О Э Л С. Агния! Она погибла?

П Е Р В Ы Й. Курила где-то там и, видимо, заснула.

М А Й О Р (*нараспев*). Травушка-муравушка небо не коптит. Травушка-муравушка душу веселит!..

П Е Р В Ы Й. Сгорела до неузнаваемости.

Возвращает фото М а й о р у .

В Т О Р О Й. Как Жанночка Д'Арк!

М И Х О Э Л С. Пожар... Клуб «Глобус»... Ничего не понимаю. Как очутилась там она?

М А Й О Р (*рассматривая фотографию*). «Ее глаза на звезды не похожи» — сказал бы сэръ Вильям Шекспир... Сгорела на работе, ай-ай-ай!

М И Х О Э Л С. Быть может, помогли ей?

М А Й О Р. Какой вы любознательный, Михоэлс. Как впрочем все вы.... Великие художники. Идите, Соломон Михайлович, пока мы вас еще сюда не вызывали.

Рассматривает фотографию.

Очаровашка! О, какое б танго я с нею станцевал!

Джаз-гол. Держа в вытянутой руке фотографию,
М а й о р танцует.

М И Х О Э Л С. Теперь я вижу, что таких артистов нет ни в одном театре, нет!

Свет гаснет.

Лубянка. За стопам в кресле М а й о р а развалившись, сидит П е р в ы й .
 Возле маленького столика с пишущей машинкой — В т о р о й .
 Т р е т и й шагает взад-вперед по кабинету.

П Е Р В Ы Й (*оторвавшись от бумаги*). Ну вот... Конец второй тетради. Он не оставил больше ничего, что ж будем делать, зайцы?

В Т О Р О Й (*печатает*). «Ушел из жизни...»

П Е Р В Ы Й. Стой! «Ушел», «пришел» —

Т Р Е Т И Й. Херня собачья.

П Е Р В Ы Й. «Смерть вырвала из наших рядов...» Вот так по-лучше.

Т р е т и й ставит на стол бутылку водки.

П Е Р В Ы Й (*грозно*). Я что, команду дал?

Т р е т и й поспешно убирает бутылку со стола.

Пиши! «Безжалостная смерть
 Вырвала из наших рядов стальных...»

Стучит машинка.

Т Р Е Т И Й. «Большевика, товарища, чекиста...»

Снова ставит бутылку.

П е р в ы й грозит кулаком. Бутылка исчезает.

В Т О Р О Й. Готово, напечатал. Дальше что?

Т Р Е Т И Й. «Вчера на даче разорвалось сердце...»

П Е Р В Ы Й. Зачем — «на даче»? «За своим столом раб-
 чим...»

В Т О Р О Й. Точно! «От разрыва сердца...»

Вопросительно смотрит на П е р в о г о . Тот кивает.

Снова стучит машинка.

Т Р Е Т И Й. Сказуемое нужно.

П Е Р В Ы Й. Предложил — давай!

Т Р Е Т И Й. «Скоропостижно умер».

В Т О Р О Й. «Скончался», шеф. Так звонче.

П Е Р В Ы Й. Можно!

В т о р о й печатает.

Т Р Е Т И Й. А все же жаль майора.

В Т О Р О Й. Был мудаком и помер как мудака: нарзан, таблетки... Режиссер великий...

Т Р Е Т И Й. Да, пулька лучше.

П Е Р В Ы Й. А ежели оружие отобрали? Нарком с дерьмом его смешал, чекиста нашего. Чуть в кабинете не пришил. Но хронить, сказал, со всеми причандалами — как пламенного ленинца.

В Т О Р О Й. И все же, шеф, за что его скосили?

Т р е т и й снова ставит бутылку водки.

П е р в ы й увидел, но отвернулся.

П Е Р В Ы Й. Он догадался рядом с дачей генерала построить туалет.

Т Р Е Т И Й. Подумать только — из-за говна погиб.

П Е Р В Ы Й. Пиши: «Души кристальной человек».

Т Р Е Т И Й. «Боец невидимого фронта».

П Е Р В Ы Й. Теперь концовка. «Память сохранится...»

В Т О Р О Й. Навечно, шеф?

П Е Р В Ы Й. «Навечно в наших сердцах».

В Т О Р О Й. И подпись, да? «Группа товарищей». (*Печатает*).

Т р е т и й уже откупорил бутылку, разлил водочку.

Трое со стаканами в руках торжественно встат.

Т Р Е Т И Й. И стопочку майору.

Наливает маленький стаканчик водки
и кладет на него ломтик хлеба.

П Е Р В Ы Й. Не цокаемся.

В Т О Р О Й. Земля пухом.

Т Р Е Т И Й. Царствие небесное.

Пьют. Т р е т и й снова наливает.

Т Р Е Т И Й. Допьем?

Поднимают стаканы.

П Е Р В Ы Й. Как ты сказал? Добьем?

Т Р Е Т И Й. Так точно, шеф. Он только целился, а мы — добьем!

Хохочут. Пьют. Свет гаснет.

16

Дощатая стена барака. Оконце с решеткой.
На койке сидит К у р б а с .
На нем фуфайка с лагерным номером и шапка-ушанка.
В руках — обрывок газеты.

К У Р Б А С (*читает*). «Премьера «Лира» потрясла Москву». Так, так... Охлопков: «С огромным мастерством раскрыл Михоэлс внутренний мир безумца-короля...» О, Соломон! Какой триумф! Фейхтвангер... Робсон... Качалов... Турчанинова... О Боже! Одни обрывки, жаль... А вот и Гордон Крэг. «Я шел в театр на спектакль с определенным недоверием — и не скрывал его. Предупредил Михоэлса, чтоб мне оставили такое место в театре, с которого я мог бы тихо подняться и уйти... Но вот раскрылся занавес, и вышел Лир...

Где-то слева, в глубине сцены, в мерцании неясных огней появился как видение М и х о э л с -Лир.

Идет, ни на кого не глядя, к трону, а там уже сидит с ухмылкой Шут. Король подходит, ласково берет шута за ухо...»

Вскакивает с койки.

Все так, как мы придумали!

Продолжает читать.

«Не зная языка, я понял, что сказать хотели пальцы, его трагические, мудрые глаза. Нет, Крэг, с таких спектаклей не уходят, — сказал я самому себе. — Раз в жизни выпадает счастье их видеть и запомнить на всю жизнь».

Вытянув перед собой руки,
ослепший Лир медленно подходит к бараку.

МИХОЭЛС - ЛИР. «Я сумасшедший, взбалмошный старик, мне восемьдесят лет, ни часу меньше. Сказать по правде, боюсь, не выжил ли я из ума. Но будто знаю вас...»

Подходит к Курбасу,
легко касается пальцами его лица.

Ты Шут?

КУРБАС. А кто ж еще? Конечно, шут.

МИХОЭЛС - ЛИР. А почему колпак без бубенцов?

КУРБАС. Пошьют... Не бойся, дяденька: пошили дело, и колпак пошьют.

МИХОЭЛС - ЛИР. Вот славно, расскажи хоть где мы.

КУРБАС. Далече, дяденька-король, на островах.

МИХОЭЛС - ЛИР. А на каких, скажи, любезный.

КУРБАС. На Соловецких... В холодном Белом море...

МИХОЭЛС - ЛИР. То-то мороз лютует... Аж кости стынут...

КУРБАС. Возьми-ка кипяточку для согрева.

Усаживает М и х о э л с а на койку. Наливает из закопченного старого чайника кипяток в алюминиевые кружки.
Разламывает пополам пайку хлеба.

МИХОЭЛС. Спасибо, братец... Ох, пошло по жилам!

Ест и запивает кипятком.

А то еще мне сон какой-то снился, вчера. Как будто я не Лир и вовсе не король.

Хихикает — самому смешно.

А шут, как ты. Комедиант. Артист, короче. И прыгаю, и рожи корчу в театре. И людям нравится. Им весело и мне. А кое-кто меня терпеть не может, заманивает в дальний край. Зима, метель метет, и я с дороги сбился. Кричу, зову!.. И вдруг — трах по башке! И я лежу, один, глазами в небо. А кровь по капле вытекает из виска, и вот уж в мантии багровой шепчу окаменевшими губами слова, которые от Лира слышал...

КУРБАС. «Я ранен так, что виден мозг.

МИХОЭЛС. Да, шут, ты прав... Я ранен так, что виден мозг».

КУРБАС. А что потом?

МИХОЭЛС. Нашли меня... Везут домой... Гроб на плечах людей плывет к театру... А театра – нет!

КУРБАС. Как – нет?

МИХОЭЛС. Так, выжженное поле, как будто молния спалила все вокруг.

Молчание.

КУРБАС. Я слышал, дяденька, поверье есть у древних. Коль молния ударит и все вокруг сожжет, то место это становится священным. И через много-много лет там будет храм.

МИХОЭЛС. Храм?

КУРБАС. Да.

МИХОЭЛС. А ты не врешь, приятель?

КУРБАС. Святая правда.

МИХОЭЛС. Слушай... Мне голос твой знаком. Нет, братец, ты не шути.

Голос из темноты: «Курбас Александр Степанович, на выход!»

МИХОЭЛС. Так ты... Ты – Курбас? Лесь?

Ощупывает, потом обнимает его.

Вот, значит, где увидеться пришлось...

Тихо плачут. Еле слышная музыка.

Курбас отрывает от газеты два квадратика, достает кисет. Оба скручивают самокрутки, затягиваются сладостным дымком. Медленно угасает свет.

Ты правду говоришь? И будет храм?

КУРБАС. Да.

МИХОЭЛС. И там, где «Глобус» был когда-то, тоже?

КУРБАС. Конечно!

МИХОЭЛС. И «Березиль»?

КУРБАС. И «Березиль»...

МИХОЭЛС. Какой же, слушай, славный сон я видел!

Они, блаженные, смеются..

Темнота уже полностью окутала сцену. Лишь две сигарки, два неугасающих огонька, еще долго будут гореть во мраке ночи. А тупое, грохочущее эхо не смолкает: «На выход... На выход... На выход!»
Вот и все. Это, наверное, конец.

Но может так случиться, что где-то далеко вдруг глухо ударит колокол:
раз, другой, третий. Все громче и ближе тяжелые раскаты певучей меди.
И в причудливом фееричном свете, как в сполохах зарниц, восстанет из
всего того, что было на сцене, фантастический, рвущийся к небу ХРАМ.

СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО О ПОКУШЕНИИ НА ТЕЛО

Раешник на темы III Рейха

Действующие лица

ЛЕО

ИРЕНА

СУДЬЯ

СЕКРЕТАРЬ

АДВОКАТ

ДАВИД

Г-Н ГЕТЕ

ДОКТОР

СВИДЕТЕЛЬ

Д-Р ГИЛЬОТЕН

ФРАУ ЭН

СОСЕДИ

Нюрнберг, март 1942 года

1

Судья и Секретарь.

С У Д Ъ Я. Слушается дело! Слушается дело! Слушается дело о покушении на тело. Над ним надругались, оно обещено – святое арийское тело женщины! Секретарь, доложите!

С Е К Р Е Т А Р Ь. Ваша честь, все, что желаете, у нас уже есть: веревка – такая, что не оборвется, пуля – такая, что не промахнется.

С У Д Ъ Я. Этого мало! Мне нужно, чтоб нация задрожала от справедливого гнева и ярости.

С Е К Р Е Т А Р Ь. Но ведь наш подсудимый в глубокой старости.

С У Д Ъ Я. Я что-то не пойму тебя, секретарь. Одну щеку набили, теперь другую ударь?

С Е К Р Е Т А Р Ь. Что вы, разве я пастор христоролюбивый? Я в партии пятый год!

С У Д Ъ Я. Тогда слушай меня и заткни свой рот! Эту скотину я хочу подвести под гильотину!

С Е К Р Е Т А Р Ь. Гиль... гиль... гиль... отину?

С У Д Ъ Я. Чего заплетается твой язычок? Мы войдем в историю, дурачок. Есть подписанный фюрером указ. Мы будем первыми. Нация смотрит на нас!

С Е К Р Е Т А Р Ь. Понял, ваша честь, сделаем, как скажете.

С У Д Ъ Я. Пусть наточат нож, все винтики смажут. А мы потихоньку с преступником разберемся. Немножко по-серьезному, немножко посмеемся.

2

Судья, Секретарь и Лео.

С У Д Ъ Я. Садись. Объявляю тебе для начала: дело слушается на заседании Особого трибунала. Нюрнберг, 10 марта 1942 года. 15 градусов выше нуля, солнце, легкие перистые облака, замечательная весенняя погода. Тебе все ясно?

Л Е О. Ясно.

С У Д Ъ Я. Ну и прекрасно. Тогда отвечай. Не ври. Не разма-

зывай. Точно и кратко. Кто ты такой и как дошел до блуда и разврата.

Л Е О. Какого разврата, ваша честь?

С У Д Ъ Я. Суд докажет тебе, извращенец, кто ты на самом деле есть. Отвечай.

Л Е О. Я Лео Каценбергер...

С У Д Ъ Я. Уже соврал. «Леман» – так в метрической книге тебя раввин записал. А ты христианское имя просто взял и украл.

С Е К Р Е Т А Р Ь. А за воровство в нашем законе параграфов сто.

Л Е О. Так зовут меня товарищи и друзья. Неужели на выбор имени прав не имею я? Я Лео Каценбергер, родился в Масбахе, 69 лет. Владелец обувной фирмы... Впрочем, когда-то была, теперь ее нет...

С У Д Ъ Я. Большой был гешефт, доходы жирны. Сколько магазинов было у фирмы?

Л Е О. Тридцать... Да что теперь вспоминать. Там теперь другие владельцы.

С У Д Ъ Я. Истинные немцы!

Л Е О. А за этим 30 лет безупречной работы.

С У Д Ъ Я. Безупречной? Читайте рекламу твою: французские туфли, итальянские боты... Вся обувь, выходит, у тебя заграничная? Скажи, это разве патриотично? Вот мои туфли. Их сделал немецкий рабочий в Берлине. Купил до войны, ношу и поныне. Хочешь – станцюю, хочешь – в лужу стану – железная обувь, никакого изъяну. А тебе было важно обогащение. Ладно, продолжаем. Семейное положение.

Л Е О. Женат. Отец двух взрослых дочерей.

С У Д Ъ Я. Ну... Чего о самом главном молчишь?

Л Е О. О чем, ваша честь?

С У Д Ъ Я. Ведь ты – иудей.

Л Е О. Я этого ни от кого не скрываю. Четвертый год, ваша честь, возглавляю в Нюрнберге еврейскую общину.

С У Д Ъ Я. Значит, и развратничал ты по чину! С большим аппетитом и еврейским размахом! Только не предполагал, что все закончится крахом. Ответь суду: фрау Шефлер Герта тебе знакома?

Л Е О. Конечно, она арендовала часть моего дома на Шпитлерграбенштрассе. Фотомастерская и квартира.

С Е К Р Е Т А Р Ь. Ты и к соседке подкатывался, старый кутила?

Л Е О. Да что вы!... На что разбирательство это похоже? Где мой адвокат?

С У Д Ь Я. Будет тебе адвокат, но немножко позже. Он, понимаешь ли, тоже еврейской нации. А посему не имеет права выступать в суде, он лишь может давать консультации. Сейчас тебя консультировать нечего. Явится он, но не раньше вечера... Итак, на чем ты остановился? От фрау Герты, значит, ничего не добился?

Л Е О. Не добился, потому что и не пытался...

С У Д Ь Я. Конечно, ты младшей сестренки ее дожидался? Старшая вскоре съехала... И вместо нее новый ангел явился?

Лицо Л е о преобразается.

Л Е О. Да, ваша честь, да! Будто в сумрачном небе загорелась звезда.

С У Д Ь Я. Ха-ха-ха! Вот как запел! И как звали ее, старый хрен?

Л Е О. Ирен!

3

Просцениум слева.

Появляется И р е н а . У ног ее огромный чемодан. Музыка.

И Р Е Н А. Как я рада, повезло мне крупно –

Это судьбы моей успех:

Я сегодня из маленького Губена

Переехала в Нюрнберг!

Ах, какие на улицах машины!

Ах, какие высокие дома!

Как нарядны дамы и мужчины –

Я сегодня сойду с ума!

Мне сестренка Герта оставила

И квартиру, и фотоателье.

И по всем законам и правилам

Я хозяйюшка здесь уже!

Так владелец дома сказал мне,

Даже помог занести чемодан.

Я, сдаётся, ему понравилась,

Прямо обалдел от меня старикан!

Что ж, я умею за две минутки
Каждому мужчине голову вскружить.
Только, конечно, ради шутки –
Чтобы веселее было жить!

4

Судья, Лео, Адвокат и Секретарь

С У Д Ъ Я. Итак, осквернение расы началось с чемодана...
Не находит ли суд, что это довольно странно: какой изощренный,
понимаете ли, еврейский ход придумал этот урод!

А Д В О К А Т. Протестую! Прошу моего подзащитного не
оскорблять.

С У Д Ъ Я. Блядь? Что сказал адвокат? Или мне слышалось?
Во Дворце правосудия? Такое бранное слово? Выйди, еврей, из
зала, остынь, потом пригласим тебя снова.

А д в о к а т выходит.

Продолжим разбор. Секретарь, покажите вещдоки.

С Е К Р Е Т А Р Ь. Вот чемодан. Тот самый. Тяжелый, глубокий.

С У Д Ъ Я. Как и владелец его – глубокий... но только старик.
Взялся за чемодан и забыл про свою непременную грыжу. Еврей-
скую грыжу. Она в паху, да-да, справа, я ее отсюда вижу. Ладно.
Введите Свидетеля номер один.

5

В зале суда.

Входит С в и д е т е л ь .

С У Д Ъ Я. Ты гражданин Германии?

С В И Д Е Т Е Л Ь. Ну да, гражданин.

С У Д Ъ Я. Ариец?

С В И Д Е Т Е Л Ь. Яволь. По папочке и по маточке.

С У Д Ъ Я. Клянись говорить только правду!

С В И Д Е Т Е Л Ь. Клянусь! Только я... Ой, отпустите, а то я от
страха ус...сусь.

С У Д Ъ Я. Затяни пояс, болван. Покрепче. Узнаешь чемодан-
нице этот?

С В И Д Е Т Е Л Ь. Чего уж тут легче?
С У Д Ь Я. Можешь подтвердить это?
С В И Д Е Т Е Л Ь. Беспременно. С ним приехала, помню, хоть
было давненько, фрау Ирена.
С У Д Ь Я. Фрау Ирена? О, как интересно! И как же встретил ее
дамский угодник? Наш греховодник?
С В И Д Е Т Е Л Ь. Сразу же схватился за ручку...
С У Д Ь Я. Великолепно! За чью? Уточни.
С В И Д Е Т Е Л Ь. Да за ручку того чемодана и попер его, зна-
чит, в комнату фрау Ирены, аж до дивана.
С У Д Ь Я. Стоп!
С В И Д Е Т Е Л Ь. Потом сказал «ух!» и вытер со лба пот.
С У Д Ь Я. Хватит!.. «Лоб» и «пот» изымите из протокола. Вот!!!
Таким-то образом и разгадали хитроумный ход этого бонвивана:
от чемодана прямиком до дивана!
С Е К Р Е Т А Р Ь. Неплохое начало романа!
С У Д Ь Я. А диван – это уже намек.
С Е К Р Е Т А Р Ь. И не только. Позвольте еще вещдок.
С У Д Ь Я. Книга?
С Е К Р Е Т А Р Ь. На диване лежала. В ней порок и разврат.
С У Д Ь Я. Разложил для девчонки невинной, вот гад!

6

Просцениум слева.

Появляется г-н Г е т е в старинном камзоле, рукава отделаны кружевом.
Звуки менуэта.

Г Е Т Е. Здесь судят кого-то? А где адвокат? Боже ты мой, и это
в двадцатом-то веке! У нас больше радели о человеке.

Г О Л О С С У Д Ь И. Кто вы такой? Немедленно вон! Охрана!

Г Е Т Е. Я пришел защитить честь читателя «Западно-восточ-
ного дивана», моего сочинения.

Вбегает Л е о .

Л Е О. Господин Гете, господин Гете! Я так и знал, что вы при-
дете! Я подсудимый. Меня обвиняют в том, что лежал на моем
диване или комодке стихов ваших избранных том, с закладкой на
той странице, где вы, обращаясь к девице, писали :

Она влекла...

Г Е Т Е.

Она влекла... И целуя, и лаская.
Ножки стройны, грудь бела,
Были упоеня рая.
Были? -Да. -В каком краю?
В том! Вошла, околдовала,
Отдалась -и жизнь мою
К сновиденью приковала.

Мне было столько, Лео, сколько и тебе. Но я был юн, встречая
с ней рассвет.

Л Е О. А я любовь свою таил в себе,
Я знал, что для нее я стар и сед.
Я любовался ею, как хрустальной птицей,
Боясь ее нечаянно разбить.
Я мог часами на нее молиться,
А без нее – стонать и выть.

7

Снова зал суда.

С У Д Ь Я. Как будто кто-то посторонний здесь шуршал?
С Е К Р Е Т А Р Ь. Нет, ваша честь, охрана стережет судебный
зал.

С У Д Ь Я. Свидетель, продолжайте ваш рассказ. О том, что
ухо слышало, о том, что видел глаз.

С В И Д Е Т Е Л Ь. Вот у меня тетрадка – для полного, значит,
порядка. Заметил случай разврата – тут ему час и дата. (*Листает
тетрадку*). Старик в рот ей совал конфеты... Оба до упаду смея-
лись. Дымили в окно сигаретами и никого не стеснялись.

С У Д Ь Я. Выпивали?

С В И Д Е Т Е Л Ь. Было... По-моему, кофе «мокко». Я это за-
метил.

С У Д Ь Я. С коньяком или с ромом? Говорите смелее.

С В И Д Е Т Е Л Ь. Как вы сказали... И с тем и с этим...

С У Д Ь Я. И она захмелела?

С В И Д Е Т Е Л Ь. Совсем обалдела!

Л Е О. Он лжет, ваша честь, лжет снова и снова.

С У Д Ъ Я. Подсудимый, я вам не давал еще слова!
Л Е О. Мне доктора запретили пить...
С Е К Р Е Т А Р Ь. А арийских девушек тебе не запретили любить?

С В И Д Е Т Е Л Ь. В «крайслер» он ее посадил. И покатил...
С У Д Ъ Я. Далеко? В лесочек? На озеро?
С В И Д Е Т Е Л Ь. Вот этого, ваша честь, врать не буду, не наблюдал. Во дворе, разинувши рот, я стоял. А шофер увидел, что я гляжу, развернулся и притиснул меня к гаражу. Нарочно притиснул, чуть ребро не сломал.

С У Д Ъ Я. Негодяй! Жидовский прислужник! А ты от врача справку взял?

С В И Д Е Т Е Л Ь. Никак нет, ваша честь, не догадался. Ой, отпустите скорей, кажется, я... уссался...

8

Просцениум справа. Коридор суда.
С е к р е т а р ь, А д в о к а т.

С Е К Р Е Т А Р Ь. Господин адвокат!
А Д В О К А Т. Макс! Мы же в коридоре, к чему формальности эти? Вспомни, мы же учились с тобой на одном факультете!..

С Е К Р Е Т А Р Ь. Господин адвокат, судья приказал: вы можете сейчас вернуться в зал.

А Д В О К А Т. Спасибо, старик... Помнишь, как в келлере... Где это было? ...Мы назюзюкались вместе с крутыми девицами, светскими львицами, до положения риз.

С Е К Р Е Т А Р Ь. Остановись! Под сводами этими не рекомендуется вспоминать о прежних годах.

А Д В О К А Т. Здесь царит только страх?

С Е К Р Е Т А Р Ь. Возможно. А для евреев, как ты, страх двойной.

А Д В О К А Т. Максик, ты что, издеваешься надо мной? В чем моя нация виновата? Мне же вот доверили диплом адвоката! А ты...

С Е К Р Е Т А Р Ь. Хочешь напомнить, что я недоучка? Да, диплом дорогая штучка для сына солдата, инвалида войны.

А Д В О К А Т. Несправедливо, согласен, но нет в этом нашей вины.

С Е К Р Е Т А Р Ь. Не будем копать, есть или нет. Могу, если хочешь, дать совет. Защищая еврея, думай прежде всего о себе. Не трать свои силы в неравной с нами борьбе. Не умничай, не усердствуй, не прекословь. Не раздражай господина судью, не порть ему кровь...

А Д В О К А Т. Послушай, но ведь я адвокат!

С Е К Р Е Т А Р Ь. Не поймешь – пожалеешь потом.

А Д В О К А Т. Как, скажи, защищать человека с завязанным ртом?

С Е К Р Е Т А Р Ь. Защищать! Это право изъято у лиц вашей нации. Судья ведь сказал: ты можешь давать лишь одни консультации. Твоему подзащитному все равно ничего не поможет. Этот судья его уничтожит. Мозг его написал приговор, палач уже точит свой топор.

Мы все играем одной командой,

Каждый делает то, что надо.

Как в футболе – чувство плеча.

Пас одному, передача другому

Мы все играем на палача.

С правилами игры все знакомы.

Только вместо мяча голова.

Так спасут ли слова, если прямо в ворота летит голова? А?

9

Просцениум слева.

Л е о в камере.

Лязг железных дверей. Входит Д о к т о р .

Д О К Т О Р. Прошу прощения, пиджак снимите.

Дышите... Не дышите... Дышите... Не дышите...

И легкие, и сердце, как у здорового мужчины.

Полностью годитесь, дорогой, для гильотины.

Пишет.

Л Е О. Что?!

Д О К Т О Р. Да, дорогой, для гильотины.

Я должен освидетельствовать вас,

Чтоб не упали в обморок вы сдуру,

Чтоб не изгадили свой смертный час,

Чтоб, в общем, выдержали эту процедуру.

Глаза закройте, а теперь откройте.
Как спите вы, как мочитесь? Нормально?
В области шеи ничего не беспокоит?
Ни ранок, ни порезов. Идеально.
Я на полставки здесь...
И смертников готовлю и больных лечу.
Забот и дел по горло. Завидую порою палачу.
За миг один 120 марок схватит.
А мне за месяц столько не заплатят!

10

Просцениум справа.

Л е о и И р е н а . Она в солнцезащитных очках, играет зонтиком.

Л Е О . Не правда ли, мило здесь, а?
И Р Е Н А . Удивительно !
Л Е О . Ты слышишь, как птички поют?
И Р Е Н А . Восхитительно!
Л Е О . Я вижу, не рада ты этому озеру, да? Ты не рада?
Гляди, как рождается радуга из брызг водопада.
Как ивы склонили над самой водой свои головы,
И старые вязы, смотри, по-весеннему молоды.
И Р Е Н А . Ой, добрый мой Лео, вы просто поэт.
Л Е О . Пописывал вирши с семнадцати лет.
И Р Е Н А . И туфлями успевал торговать?
Л Е О . Что делать, мой ангел, отцовское дело сын старший
обязан был продолжать.

Вступает музыка.

И Р Е Н А . А я вот из Губена, маленького города,
Там эта природа на каждом шагу.
Но стубить из-за этого молодость
Не пожелаю и врагу.
О Б А . Поворот направо, поворот налево –
Были мы захвачены веселой игрой!
– Ты была прекрасной, как королева,
– Потому что рядом был король
И Р Е Н А . Ах, как мы с вами на «крайслере» гнали –
45 лошадиных сил!
Нам людишки руками махали-

Это праздник мечты моей был.
О Б А. Поворот направо, поворот налево –
Были мы захвачены веселой игрой!
– Ты была прекрасной, как королева,
– Потому что рядом был король!

Они слегка подтанцовывают.

Музыка обрывается...

И Р Е Н А. Ой, дядюшка Лео, милый мой друг! Смотрите-ка... я только что оступилась... И вот... кажется... сломался каблук... Ах, беда, скажите на милость... Как же добраться мне до машины?

Л Е О. Могу предложить тебе руки мужчины.

И Р Е Н А. О, верный мой рыцарь! Я могу опереться?

Л Е О. Конечно, мое сокровище... Конечно, мое сердце...

11

Судья, Секретарь, Адвокат и Лео.

С У Д Ь Я. Ну, ну, продолжай...

Л Е О. На обратном пути нам пришлось в магазин моей фирмы зайти.

С У Д Ь Я. На Каролинентрассе, 24. Знаем, знаем.

Л Е О. И подобрали там туфли.

С Е К Р Е Т А Р Ь. Лакированные, высшего класса, с черно-синим отливом.

А Д В О К А Т. Ваша честь, обычные туфли...

С У Д Ь Я. Не надо быть лживым, господин адвокат. Немедленно возьмите эти слова назад.

А Д В О К А Т. Беру. Я ошибся. Мерили туфельки всевозможные и выбрали самые дорогие, самые роскошные. И мой подзащитный их самолично на ножке Ирены померил.

С У Д Ь Я. Ах, дамский угодник! Ах, старый мерин! И сколько ж за туфли заплачено марок?

Л Е О. Нисколько. Я сделал Ирене подарок.

С У Д Ь Я. Она рассчиталась с тобой поцелуем?

С Е К Р Е Т А Р Ь. Двойным или тройным? Ха-ха-ха!

Л Е О. Нет, ваша честь, за поцелуи мы не торгуем.

Просцениум справа.
Лео и Давид.

ДАВИД. Мой Лео дорогой, скажу тебе как брат: ты должен прекратить свиданья эти.

ЛЕО. Нет, ни за что на свете! Ты, может, скажешь, в чем я виноват? Подумаешь, конфеты, крем для рук, цветочки...

ДАВИД. Ухаживанья эти ни к чему: она по возрасту тебе годится в дочери.

ЛЕО. Ты прав, Давид...Быть может, понимаешь, потому ... С отъездом Лии, дочери, мне в доме стало тесно – нет песенок ее, все как-то кисло, пресно... И вот судьба послала мне Ирен... Господь, прости меня, что я попал к ней в плен. Чуть голосок ее услышу, чуть локон белокурой вижу... Лечу, как бабочка, на свет...

ДАВИД. Остановись!

ЛЕО. Ах, к черту годы! Луч от звезды далекой шел миллионы лет, чтоб дать мне в старости глоток свободы.

ДАВИД. Прости, но он и разума тебя лишил. О фирме, о семье ты позабыл ради девчонки этой.

ЛЕО. Не смей так говорить, не смей.

ДАВИД. Забыл, что ты не немец, ты – еврей. Газета «Штюрмер», вот...

ЛЕО. Листок вонючий!

ДАВИД. Призвала массы...

ЛЕО. Следить за чистотою расы?

ДАВИД. Лишить евреев фабрик и домов.

ЛЕО. Что ж, в мире много глупых, грязных слов.

ДАВИД. Слова становятся делами. Висит дамоклов меч над нами. Над нашими седыми головами висит. «Арийку соблазняет жид» – так, братец мой, соседки во дворе твердят...Хозяевами жизни стать хотят, а нас на свалку. Так не дразни, глупец, гусей.

ЛЕО. Прогнуться? Ни за что!

ДАВИД. Благоразумным должен быть сейчас еврей! Висит дамоклов меч над нами, над нашими седыми головами. Забудь о ней... Забудь о ней...

Просцениум слева.
 Лео и Ирена в театре. Ирена обмахивается веером.
 Музыка из третьего действия оперы Пуччини «Тоска».

И Р Е Н А. Дядюшка Лео, на ваших глазах слезы...
 Л Е О. Да, милая... Самая тяжелая сцена... Сейчас выведут из
 тюрьмы Каварадосси. Невинного, для казни, для расстрела.

Звучит ария Каварадосси.

«Горели звезды, благоухала ночь...»...

И р е н а кладет ладонь на его руку.

И Р Е Н А. Не плачьте, дядюшка Лео, не бойтесь. В театре все
 понарошку, он не умрет. Как только занавес за ним закроется, он
 встанет и пиво пить пойдет.

Л Е О. Глупенькая, артист, может быть, и пойдет, а Каварадос-
 си лежать останется.

И Р Е Н А. И даже Тоска его не спасет?

Л Е О. Она, безумная, за ним бросается с башни в реку забве-
 ния Лету...

И Р Е Н А. Чтоб утопиться? Нет, пуля лучше: хлоп и нету.

Л Е О. Хлоп и нету...

Судья, Адвокат, Секретарь, Ирена

С У Д Ъ Я. Слушается дело, слушается дело, слушается дело о
 покушении на тело!

С Е К Р Е Т А Р Ь. Вызывается лицо следующее, в нашем деле
 сведующее.

Входит Ф р а у Э н .

С У Д Ъ Я. Вы фрау Эн?

Ф Р А У Э Н. Да. Я соседка подсудимой Шефлер Ирен.

С У Д Ъ Я. Что можете сказать по данному делу?

Ф Р А У Э Н. Вы знаете, у всех нас прямо в душе кипело, когда
 мы видели, как этот старый еврей каждый день открыто захажи-
 вал к ней.

А Д В О К А Т. Позвольте, но ваше окно выходит на север, а окно фрау Шефлер – на юг.

Ф Р А У Э Н. Ты что, географии меня учишь, друг?

С У Д Ь Я. Действительно, господин адвокат, ваша реплика не относится к делу.

А Д В О К А Т. Извините, ваша честь...

Ф Р А У Э Н. Разъясняю ему: через зеркало я смотрела. Установила на подоконнике, убираюсь, а сама поглядываю, что делают наши любовники. Пару раз он сидел и как-будто что-то писал.

И Р Е Н А. Декларацию для налоговой составлял.

А Д В О К А Т. Ваша честь, он в молодости немножко работал бухгалтером.

Ф Р А У Э Н. Вот тут, за бюстгальтером, ласкал он ее жадным взглядом. А она, подсудимка, к нему притиснулась рядом. Никакой декларации я не видала.

С У Д Ь Я. Что дальше по делу?

Ф Р А У Э Н. Вам этого мало? Пишите: однажды она его поцеловала!

С У Д Ь Я. О! Вот это улика!

И Р Е Н А. Не отрицаю. Такое было. Я себе шелковое платье купила. Шик-электрик, глубокий здесь вырез, воланчики, приталенный покрой. Ну и стоило оно, конечно, ой-ой-ой! Все денежки вбахала, но платьишко это купила, пошла на танцульки – всех баб обломил! А вот счета оплатить денег нет. Тут и началось! Отключили газ, отключили свет. Сижу и вою над своей горемычной судьбою. Отнесла в ломбард фотоаппарат. Заплатила за газ, заплатила за свет. А аппарата-то нет. Как работать, как жить – не знаю. Сижу и опять рыдаю. А мимо дядюшка Лео как раз проходил. Услышал и все долги мои в тот же день оплатил. Даже поехал в ломбард и выкупил фотоаппарат! Конечно, я ликовала. Взяла и поцеловала!

15

Просцениум слева. Лео и Ирена с фотоаппаратом.
Музыка.

И Р Е Н А. Вернулся назад
Фотоаппарат!

Из плена вырвался друг.
Я его теперь,

Дядюшка, поверь
Никогда не выпущу из рук.
Щелкает затвором, кружась и приседая.
Л Е О. Почему ты раньше не сказала,
Что теперь клиентов стало мало?
И Р Е Н А. Разве вы мне можете помочь?
Л Е О. Сделай мне портрет.
И Р Е Н А. О, я не прочь!

Щелкает затвором фотоаппарата.

Л Е О. А теперь еще один, с очками.

Вспышка молнии, щелчок затвора.

А теперь я улыбаюсь даме.

Вспышка молнии, щелчок затвора.

В профиль сняться я теперь хочу.
А теперь я злюсь... Я хохочу...

Вспышки молний, щелчки затвора.
Л е о и И р е н а смеются.

Всю семью пришло к тебе сниматься.
Теток, дочерей и даже братца,
Чтобы перестал, глупец, бояться
Наших встреч с тобою во дворе.

Предков снимешь наново с картины ,
А мои кузены и кузины,
Даже все евреи из общины
Станут завтра в очередь к тебе.

Хохочут.

И Р Е Н А. Спасибо, дядюшка Лео! Выручили! Вы заботитесь
обо мне, как мой папка! Я люблю вас!

Бросается к нему на шею и целует. И вдруг отпрянула.
Навела на него фотоаппарат, опустила. Губы дрожат.

Л Е О. Что с тобой девочка?
И Р Е Н А. Тебе ...отрубят... голову.

Просцениум слева.

Брат Д а в и д с сумкой через плечо.

Появляется И р е н а . Она в плаще. Взволнована. Подбегает к Д а в и д у .

И Р Е Н А. Давид, скажите, почему его вчера арестовали?

Д А В И Д. Поймете, фройляйн, вы едва ли, за что ваш друг попал в тюрьму. Не вас касается проблема.

И Р Е Н А. Давид, я знаю, что вчерашней ночью громили хулиганы магазины. Я видела разбитые витрины. И озверевших молодых людей. С нацистской свастикой на рукавах.

Д А В И Д. Пять магазинов наших пострадали. А Лео в ту же ночь арестовали. Он за решеткой, фройляйн, как еврей.

И Р Е Н А. Давид, меня пронзает страх.

Д А В И Д. За нас?

И Р Е Н А. За всех... Призывы на домах немедленно изгнать евреев прочь.

Д А В И Д. «Хрустальной» – так уже называли эту ночь – за стекла битые и за разбитые сердца.

И Р Е Н А. Что с Лео?

Д А В И Д. Брата и еще трехсот евреев за город вывезли и били палками – больных и стариков. И заставляли их зубами рвать траву.

И Р Е Н А. Зубами?!

Д А В И Д. Да. Лизать собачий кал.

И Р Е Н А. О Боже, Лео! Бедный Лео!

Д А В И Д. Иду сейчас в тюрьму. Мне дали разрешение с ним повидаться.

И Р Е Н А. Я с вами!

Д А В И Д. Нет, нет. Вам пропуск не дадут.

И Р Е Н А. Тогда скажите... передайте: пусть возвращается быстрее. Его здесь ждут... Его здесь ждут...

Судья, Секретарь, Адвокат и Лео.

С У Д Ь Я. Тюрьма святого Михеля тебя не научила германские законы уважать. Срок отсидел и снова есть причина привлечь тебя к суду и строго наказать.

Л Е О. Меня законы ваши разорили!

А Д В О К А Т (*Лео*). Не надо, дорогой мой, клеветать. Вы магазин свой продали, его у вас купили.

Л Е О. Теперь мне надо свой же магазин арендовать? Я продал, но не получил ни гроша. Мне руки выкрутили, я и подписал.

А Д В О К А Т. Ваш аризатор человек хороший, надежный и порядочный, сказал, что как еврею объявили вам бойкот. И если покупатель вновь пойдет, получите вы свой процент. После войны, когда-нибудь.

С У Д Ь Я. Нет, адвокат, закон гласит иначе. Читайте, секретарь. Параграф восемнадцать точка зет.

С Е К Р Е Т А Р Ь. О сроках аризации ни слова нет. Все магазины, все торговые дома, земельные участки, яхты, дачи, складские и конторские строения, изделия из золота и серебра принадлежат арийцам навсегда.

Л Е О. Мой Бог, мне кажется, что я сошел с ума!

С У Д Ь Я. Помогут родственники в Штатах. Ты попроси у тех носатых и богатых, которые Германию бомбят. Ведь ты им помогаешь, гад, в тылу арийских женщин растлевая. Нет, кара ждет тебя такая!.. Всем соплеменникам твоим урок! И не поможет вам ни черт, ни бог!

18

Просцениум справа. Подвал дома.

Лео, Ирена и их соседи.

Доносятся взрывы бомб. Соседи пригибают головы.

П Е Р В Ы Й. Ого, рвануло!

В Т О Р О Й. Чуть не слетел со стула.

Ф Р А У Э Н. По вокзалу, что ли?

С О С Е Д К А. Нет, по школе...

П Е Р В Ы Й. Грозят всю Германию сделать адом.

С О С Е Д К А. Помалкивай, дурень.

П Е Р В Ы Й. Снова грохнуло рядом.

Ф Р А У Э Н (*показывает на Ирену и Лео*). Мерзавцам этим хоть бы хны: что есть война, что нет войны.

Ирена разворачивает пакет и дает Лео кусочек пирога.

Тот охотно ест – видно, что голоден.

И Р Е Н А. Кухен, пирог, я сама спекла.

В Т О Р О Й. Нас бы не было, тут бы и дала.

Хохот.

П Е Р В Ы Й. Только не пирог, а то, что промеж ног!

Взрыв хохота.

И Р Е Н А. Мне страшно, Лео, а если попадут?

П Е Р В Ы Й. Еврей-то выкрутится, а тебе капут.

С О С Е Д К А. Глянь, как друг другу они улыбаются...

В Т О Р О Й. Ага, и при этом прижаться стараются.

Ф Р А У Э Н. Хватит, лопнуло мое терпение. Буду в гестапо писать заявление.

С О С Е Д К А. Лучше давайте напишем в суд. Там по закону голову снесут.

С О С Е Д И. И я подпишу! И я! И я!

Ф р а у Э н вырывает листок из тетради.
Кто-то дает ей ручку, и она начинает писать.

Ф Р А У Э Н. «В нашем дворе живет особа легкого поведения... Мы, арийские женщины, возмущены... Шашни с развратным евреем во время войны...»

Грохот бомбежки.

19

Судья, Секретарь, Адвокат и Ирена.

С У Д Ь Я. Итак, целовались вы?

И Р Е Н А. Целовались.

С У Д Ь Я. Когда встречались и расставались?

И Р Е Н А. Нет, ваша честь, один или два раза

С У Д Ь Я. Он этим доводил тебя до экстаза?

И Р Е Н А. Никуда он меня не водил. Просто очень ласковым был.

С У Д Ь Я. Значит, было приятно?

И Р Е Н А. Ну да, а вам что, не понятно? Когда целуются люди, будь они даже судьи, на ихних губах, как от меда, сладко.

С У Д Ь Я. Ну ты и развратка!

С Е К Р Е Т А Р Ь. Написано тут, в заявлении, что сажал он тебя на колени.

А Д В О К А Т. Это было однажды, в день приезда ее отца.

С Е К Р Е Т А Р Ь. Внести в протокол! Секс в присутствии третьего лица!

С У Д Ь Я. А когда ты вставала с колен, он совал тебе в руки свой член?

И Р Е Н А. Да как вам не стыдно? Что вы такое пишете? Мой папка же рядом сидел, вы это слышите?

С У Д Ь Я. А без папки, на озере, ты ж подставляла ему свои аппетитные губки?

С Е К Р Е Т А Р Ь. А он в это время газетку читал? Или, может быть, лазил к тебе под юбки!

Судья и Секретарь хохочут.

И Р Е Н А. Да ну вас!

С У Д Ь Я. Не будешь отвечать? Заставим!

С Е К Р Е Т А Р Ь. Посидишь в холодной – быстро мозги тебе вправим.

А Д В О К А Т. За чистосердечное, фрау Шефлер, признание вам сократят срок наказания.

И Р Е Н А. Да в чем я должна еще признаться? Я уже все сказала.

С У Д Ь Я. Мы знаем, что своего любовника ты на пленку снимала.

И Р Е Н А. Снимала. И не раз. В профиль и анфас. И в разных позах. Во дворе и на озере...

С У Д Ь Я. На озере? Обнаженным? Без брюк?

И Р Е Н А (Секретарю). Послушайте, он случайно не болен, этот ваш друг? Я нашего фюрера тоже снимала. Так что, я его раздевала?

В С Е С У Д Е Й С К И Е. Фю-ре-ра?!

Судейские вскакивают.

И Р Е Н А. Ну да, в оперном театре, на «Клеопатре». Фюрер фото мое получил и письменно даже поблагодарил.

С У Д Ь Я. Подписал лично?

И р е н а вынимает из сумочки конверт, из него письмо.

И Р Е Н А. Лично!

Судьи передают его друг другу.
Совещаются.

В С Е С У Д Е Й С К И Е. Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! Хайль Гитлер!

А Д В О К А Т. Преследовать фрау Шефлер теперь не логично.

С У Д Ъ Я. В данном конкретном случае я соглашаюсь с мнением адвоката.

В С Е С У Д Е Й С К И Е. Фрау Шефлер Ирен не виновата. Не виновата!

С У Д Ъ Я. Подсудимый пытался растлить ее тело, но арийское тело защищалось умело. Ни за туфельки модные, ни за конфетки оно не продавалось.

В С Е С У Д Е Й С К И Е. Не продавалось!

С У Д Ъ Я. И от рук его потных, и от губ его жадных, как могло, отбивалось.

В С Е С У Д Е Й С К И Е. Как могло, отбивалось!

С У Д Ъ Я. Что ты хочешь сказать, оправданная, покидая тюрьму?

И Р Е Н А. Я хочу закричать. Так, чтоб слышно было только ему. Только ему одному! (*Судейским*). Отойдите! Я видеть вас не могу. Не мешайте! (*Кричит*). Дядюшка Лео! Я вас не забуду! Спасибо за все! Я люблю вас! Прощайте!

20

Просцениум справа. Одиночная камера.

Л е о лежит на койке, укрытый одеялом.

Возник веселый старичок из 18 века. Это д-р Г и л ь о т е н .

Он в парике и белых чулках. Музыка.

Г и л ь о т е н обходит спящего, легко касается пальцами его головы.

Г И Л Ь О Т Е Н. Не может быть, чтоб я тебе приснился.

Я жил когда-то, много лет назад.

Я тысячам помог расстаться с жизнью.

«Секунда – дело» – так все говорят.

Л е о просыпается, садится на койке.

Нож падает, и голова – в корзину –

Будь сам Дантон ты или Демулен.

Я изобрел прекрасную машину-

Я доктор Гильотен, я доктор Гильотен!

Л е о встает, ходит по камере не замечая Г и л ь о т е н а .

Л Е О. Да, миг один – и все вокруг померкнет.
Живым оставлю я весь шар земной.
И луч звезды, упавший в Нюрнберге,
Последний раз блеснет передо мной.

Зачем, кому нужна была, скажите
Еврейская седая голова?
Остановите нож, остановите!
Услышь, Господь, мои последние слова!

Одеяло падает с его плеч. Он остается в белой рубаше смертника.
Д-р Г и л ь о т е н исчезает.
Надрывный бой барабанов. Темнота.
В наступившей тишине возникает музыка – ария Каварадосси.

Горели звезды, благоухала ночь,
Дверь тихо отворилась...

Лучи света выхватывают фотографии. На них голова Л е о .
Л е о смеется, Л е о в очках, Л е о с сигарой.
Л е о счастлив.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Юрский. Там, в Аугсбурге... (О драматургии Зиновия Сагалова).....	3
Рашен ранчо «Ниагара». Фантасмагория в двух действиях.....	7
Заговор мертвецов (Маняша и маньяк) Трагикомедия в двух действиях.....	67
Любовные игры Сары и Элеоноры Лирическая комедия в двух действиях.....	109
Блонди и Адольф Невероятное происшествие в 2 частях.....	145
Полеты с Ангелом (Седьмая свеча) Драматическая притча в 2 частях.....	185
Три жизни Айседоры Дункан Монодрама в двух действиях.....	249
Яд для Петра Ильича Криминальная история в двух частях.....	293
Танго орангутанга Посмертные записки майора Т. в двух тетрадах.....	331
Слушается дело о покушении на тело Раешник на темы 3 Рейха.....	377

Зиновий САГАЛОВ

ТЕАТР ИКС
Драмы. Комедии. Трагифарсы

Редактор *И. Романов*
Компьютерная верстка *А. Шнайдер*
Дизайн обложки *Э. Тафель*

Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Palatino.
Усл.-печ. л. 12,5.

Родиться драматургом...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, СКОЛЬКО ПЬЕС НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПИШЕТСЯ В ГОД?

Примерно 500! Трижды я участвовал в жюри по драматургии, и каждый раз на нас сваливалась эта невероятная цифра - около пятисот. Что это было? На 95% - шлак, пустая порода. Были имена, слова, но за ними не было ничего - ни драмы, ни комедии, ни слезы, ни ужаса. Драматургия жанр особой сложности.

ЗИНОВИЙ САГАЛОВ РОДИЛСЯ ДРАМАТУРГОМ! Когда в руках у меня впервые оказалась пьеса незнакомого тогда автора, после прочтения десятка страниц, я сразу набрал номер телефона, обозначенный на последнем листе рукописи, и сказал:

- Да! Нравится! Это надо ставить!

Такого со мной не случилось никогда. Это была пьеса «Полёты с ангелом, или Седьмая свеча» - ШАГАЛ. Нет, не громкое имя героя меня завлекло (мало ли пишут пьес о великих людях!), и даже не смелость автора, пишущего свободным стихом, шекспировского размера (хотя стихи мне понравились), я доверился течению действительно СОБСТВЕННЫХ мыслей персонажей, поверил, что они действительно ЖИВУТ в «волшебной коробочке» театра. Уже живут! Независимо от того поставлю я этот спектакль, или не поставлю, даст мне Судьба сыграть Шагала и его прозрение в последнюю минуту жизни, или звёзды не сойдутся. Событие случилось - я узнал Драматурга!

Мне захотелось увидеть автора, поговорить с ним, послушать его. И я отправился в Германию, в Баварию, в сильно древний город Аугсбург.

ТАМ, В АУГСБУРГЕ, А ПОТОМ В МОСКВЕ Я ПРОЧЁЛ ПОДРЯД НЕСКОЛЬКО КНИГ ЗИНОВИЯ САГАЛОВА. Большею частью это были пьесы. Моё первое впечатление о мастерстве этого драматурга подтвердилось. Чтение было увлекательным. Многое из того, что я прочёл тогда, вошло в этот том избранного, который Вы, уважаемый читатель, держите в руках.

ТАМ, В АУГСБУРГЕ в скромной квартире приличного «социального жилья», вдали от Родины, продолжает трудиться и творить замечательный русский драматург Зиновий Сагалов. В эмиграции он совсем не похож на «чужого среди чужих». Ему повезло - он всё захватил с собой. А это «ВСЁ» - любовь к театру, талант театрального автора, ну ещё, добавим, - перо, бумагу и даже компьютер. Чего ещё желать!?

Сергей ЮРСКИЙ

ISBN 978-1-312-70547-0

9 781312 705470

90000

